I

Acta Slavica Estonica

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ

III

ACTA SLAVICA ESTONICA I

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

Тартуский университет
Отделение славянской филологии

ACTA SLAVICA ESTONICA I

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика XV

Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III

Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. 337 стр.

Настоящий том прошел предварительное рецензирование
Kogumik on eelretsenseeritud

Редколлегия тома: С. Б. Евстратова, Е. И. Костанди, Ю. С. Кудрявцев, И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликова, А. В. Штейнгольд, О. Г. Ровнова, В. П. Щаднева
Ответственный редактор: И. П. Кюльмоя
Переводчики: С. Волкова, К. Клемм, С. Купп-Сазонов, И. П. Кюльмоя, В. Тубин
Художник: П. Г. Варунин
Технический редактор: В. Тубин
Обработка фотографий: С. Волкова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы культуры Причудья, государственной программы «Эстонский язык и культурная память» и Министерства науки и образования ЭР

ISSN 2228–2335 (trükis)
ISSN 2228–3404 (pdf)

ISBN 978–9949–32–152–0 (trükis)
ISBN 978–9949–32–198–8 (pdf)

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Третий том «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии» открывает новую серию изданий отделения славянской филологии Тартуского университета, в которой объединены труды трех кафедр — русского языка, русской литературы и славянской филологии. Acta Slavica Estonica продолжает традицию издававшихся в 2006–2011 гг. трех отдельных серий: Humaniora: Lingua Russica, Humaniora: Litterae Russicae, Humaniora: Slavica Tartuensia. Тематические сборники и коллективные монографии будут и далее выходить в соответствующих подсериях. В частности, кафедра русского языка планирует продолжать издание традиционной серии «Трудов по русской и славянской филологии. Лингвистика» и «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии».

Научные статьи и публикации настоящего тома объединены темой исследования — остров Пийриссаар, его история, топонимика, храмы, жители острова и их язык, традиции и обычаи. В разделе «Рассказывают пийриссаарцы» помещены расшифровки бесед с жителями острова.

Издание посвящено 100-летию со дня рождения Татьяны Филаретовны Мурниковой — известного диалектолога, исследователя русских старожильческих говоров Эстонии, более тридцати лет проработавшей в Тартуском университете. Кроме диалектологии, она занималась также методикой преподавания русской литературы в эстонской школе.

В статье Г. М. Пономаревой и И. П. Кюльмоя, основанной на архивных источниках, приводятся неизвестные ранее сведения о биографии Татьяны Филаретовны, которая была вынуждена умалчивать или искажать факты своей жизни, чтобы не быть уволенной с работы в университете в сталинское и хрущевское время. Как выяснилось, дед Т. Ф. Мурниковой был учителем тайной старообрядческой школы, отец — Ф. Ф. Пруссаков — известным старообрядческим общественным деятелем, даже баллотировавшимся в эстонский парламент. Деятельность Т. Ф. Пруссаковой-Мурниковой как педагога началась в 1935 г. с преподавания Закона Божьего для детей староверов в тартуской начальной школе. В послевоенный период, работая в университете, она читала лекции для русских филологов по диалектологии, старославянскому языку, вела спецсеминар. Под ее руководством была защищена 41 дипломная работа, почти половина из них посвящена русским говорам. Она же руководила диалектологической, позже — фольклорной практикой студентов. Важным вкладом Т. Ф. Мурниковой в науку стал вышедший в 1963 г. в Риге словарь русских старожильческих говоров Прибалтики, составителем эстонской части которого она была. Именно Т. Ф. Мурникова впервые описала говор острова Пийриссаара. В настоящем сборнике вновь публикуются ставшие теперь уже малодоступными две ее статьи — об особенностях русского говора острова и его топонимике.

Московские диалектологи, сотрудники Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, О. Г. Ровнова и Д. М. Савинов комментируют статью Т. Ф. Мурниковой «Описание русского говора острова Пийрисаара[1]» (1962). Приведенные данные интерпретируются с позиций современного этапа развития диалектологии. Привлекается новый диалектный материал, собранный в совместных экспедициях Тартуского университета и ИРЯ РАН на остров Пийриссаар и в старообрядческие поселения Западного Причудья в 2003–2012 гг. В статье уточняется характер оканья на Пийриссааре, особенности распределения по родам имен существительных и спряжения глаголов. Используется терминология, принятая в современной диалектологии. Авторы подчеркивают, что работа Т. Ф. Мурниковой сохраняет свою актуальность и в наши дни. Собранный ею диалектный материал, а также современные исследования русских говоров Пийриссаара и западного берега Чудского

[1] Сохранено принятое в 1960-х годах написание названия острова. Далее в издании в основном используется принятое в Эстонии современное написание названия, кроме случаев, специально объясняемых автором соответствующей статьи.

озера убеждают в том, что говоры острова и материка обладают значительным единством диалектных черт. Отличительные черты некоторых носителей пийриссарского говора — неполное оканье гдовского (или полновского) типа, особенности образования личных форм глагола — обусловлены влиянием гдовских говоров Восточного Причудья.

Раздел, в котором рассматривается язык, культура и история Пийриссаара, открывается статьей Е. В. Пурицкой, в которой анализируется язык русского старообрядческого населения о. Пийрисаара на основе материалов диалектологической экспедиции филологического факультета Ленинградского государственного университета 1960 г. в район Причудья. Экспедиция собирала материалы для «Псковского областного словаря с историческими данными», поэтому в центре внимания — лексические особенности языка староверов. Экспедиционные записи пятидесятилетней давности позволили сделать ряд интересных наблюдений. Жителям острова — староверам — удалось сохранить древний диалект: экспедицией 1960 г. зафиксированы лексемы, которые к тому времени уже были утрачены псковскими говорами на территории Псковской области. Многие лексемы, записанные в 1960 г., употребляются и в наши дни. Экспедиционные записи отражают различные сферы жизни островитян-староверов: рыболовецкий промысел (названия лодок и их частей, снастей), бытовую, хозяйственную сферу, социальные отношения, в меньшей степени — традиционные представления, веру, мораль, особенности культа. Важнейшим традиционным представлением староверов является представление об изначальном существовании старообрядцев на острове (то есть не бежали от преследований, а просто не перешли в никонианскую веру). Это представление является объединяющей идеей, которая позволяет сообществу староверов воспроизводиться в течение длительного времени. Идея собственной древности, преемственности традиций нашла отражение в лексике и фразеологии жителей острова. Удаленность и изолированность острова, а также изолированность культуры староверов позволили языку его жителей сохранить многие древние языковые черты. В Приложении к статье приводится лексика, зафиксированная экспедицией в 1960 г.

Д. М. Савинов пишет о переходе от окающего предударного вокализма к акающему в идиолекте информанта с острова Пийриссаар. Как известно, старообрядческие говоры Эстонии характеризуются сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем. Для гдовских говоров, распространенных на восточном берегу, характерны переходные типы вокализма от оканья к аканью: гдовское и полновское оканье. По данным Т. Ф. Мурниковой, еще в начале 1960-х годов на Пийриссааре аканье сосуществовало с оканьи-

ем. Обследования говора старожильческого населения острова Пийриссаар 2004 и 2008 годов не выявили ни гдовского, ни полновского типов вокализма. Однако в 2009 г. экспедиция Тартуского университета обнаружила следы неполного оканья у одного из информантов — Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Каменная Стража Гдовского района в 1922 г. Идиолект А. П. Фокиной демонстрирует возможный механизм изменения неполного оканья полновского типа в сильное аканье. Собранные на Пийриссааре материалы имеют значение для понимания поздних процессов аканья в русских говорах. Оканье, отмечавшееся на Пийриссааре Т. Ф. Мурниковой, а также зафиксированное в речи А. П. Фокиной, связывает этот ареал с гдовской диалектной группой и долгое время поддерживалось близкими контактами между жителями острова и населением гдовского берега.

Л. Г. Лейсиё сравнивает русскую речь представителей двух поколений жителей Пийриссаара: мужчины, родившегося в 1913 г., и двух женщин, родившихся в 1932 г. Исследование проведено на основе дневниковых, видео- и аудиозаписей, сделанных автором на острове во время двух полевых сезонов, в 2000 г. и в 2008 г. Рассматриваются фонетические, морфонологические, а также семантические и грамматические черты. В целом в речи старейшего жителя острова диалектные черты сохранены достаточно последовательно, тогда как речь женщин младшего поколения значительно изменилась в направлении выравнивания диалектных черт. В рамках семантико-грамматических черт наиболее подробно анализируется так называемый северо-западный перфект. Его основные значения — результатив и экспериенциальный перфект. Рассматриваются конструкции с предикатом-причастием на -*(в)ши* и конструкции с причастиемпредикатом на *-но/-то*.

Е. И. Костанди продолжает начатый ранее и представленный в ряде ее публикаций анализ оценочного компонента речи русских старожилов Западного Причудья. Материалом для данного исследования стали записи бесед с жителями острова Пийриссаар, сделанные сотрудниками кафедры русского языка ТУ во время экспедиций на остров. Автор отмечает, что в целом имеющиеся записи характеризуются относительной нейтральностью, то есть либо полным отсутствием выраженной оценки, либо невысокой степенью ее проявления, что сопровождается однотипностью используемых оценочных языковых средств. С этой точки зрения по основным показателям речь жителей острова не отличается от материкового материала, однако некоторая специфика, а именно частотность иных, в сравнении с речью жителей побережья, видов оценки, была зафиксирована. Наблюдения над материалом показали, что для респондентов важно обосно-

вать или раскрыть свою оценку, которая поэтому часто становится исходной точкой для развертывания текста. Значимость этого для говорящих повлияла на то, что текстообразующая функция оценки стала в статье основным объектом внимания. Насколько специфичны описанные проявления данной функции в речи жителей о. Пийриссаар, покажет дальнейшее исследование, поскольку речь жителей материковой части с этой точки зрения пока не рассматривалась.

Статья В. П. Щадневой и О. Н. Паликовой посвящена отражению идеи труда в текстах, записанных на острове. В описании языкового материала учитывались типичные для островитян виды хозяйственной деятельности и постепенная их утрата, характеристика конкретного процесса труда, а также типы поведения людей в соответствии с их отношением к труду. Авторы рассматривают лингвистическое и культурологическое отражение типичных для Пийриссаара трудовых занятий (рыболовство, огородничество и др.) в говоре островитян. *Труд* в социально-религиозной концепции староверов реализуется не только в усердном служении Богу, но и в повседневной работе. Неразрывная связь *труда с* религиозными традициями является основой системы социально-религиозных представлений старообрядцев, что подтверждается языковыми фактами. Идея *труда* в говоре жителей Пийриссаара находит выражение в лексемах, фразеологизмах, паремиях, а также в языковом оформлении суеверий. Названные единицы реализуются в рамках разных тематических групп: рыболовство, огородничество, животноводство, рукоделие, жилище и др. Отражена и связь трудовой деятельности с топонимикой острова. Многие тексты свидетельствуют об ответственном отношении староверов к своим обязанностям. Утрата религиозных ценностей в совокупности с нежеланием трудиться, напротив, оцениваются как приметы вырождения, разрушения идентичности. Тем самым в жизни старообрядцев религиозная составляющая неразрывно связана и с культурой, и с бытом.

С. Б. Евстратова и А. В. Штейнгольд рассматривают гадания и святочные бесчинства, упоминаемые в рассказах староверов Эстонии. Авторы предполагают, что ношение масок осуждалось среди глубоко верующих староверов Эстонии, из-за чего ряженье здесь всегда существовало в скрытой форме. Сведения о ряженье почти не встречаются. Достаточно распространен был обычай колядовать, сопровождавшийся ряженьем, таким образом ряженье и колядование тесно связаны между собой. Очевидно христианское влияние на обряд колядования. В рассказах пожилых жительниц причудских деревень большое место занимает тема гаданий. Отношение идеологов старообрядчества к гаданиям, видимо, было менее негативным, чем к ряженью. Прегрешение против веры в этом случае не

представлялось очень серьезным. В Западном Причудье преобладающей разновидностью являются гадания о замужестве, не зафиксировано ни одного гадания на урожай. На острове Пийриссаар встретилось упоминание о гадании на растении Euphrasia officinalis L. (*богатка, богачка*), при котором распустившееся растение ассоциировалось с жизнью, замужеством, богатством, а нераспустившееся — со смертью, одиночеством, отсутствием достатка. Оно целиком повторяет псковскую и близкую ей эстонско-сетускую традицию. Людям старшего поколения до сих пор известны так называемые бесчинства: такие варианты зимних шалостей, как затаскивание саней на крышу сарая, обливание водой сеней, раскидывание поленниц и т. д. В статье приводятся фрагменты бесед со староверами о гаданиях, записанные в 2003–2012 гг. членами кафедры русского языка Тартуского университета.

Статья О. Н. Паликовой посвящена народной географической лексике острова Пийриссаар. Географические представления, отраженные в говоре жителей острова, интересны вдвойне: поскольку остров представляет собой изначально замкнутое и четко очерченное пространство, в сознании жителей он оказывается, с одной стороны, самодостаточным и детально освоенным, а с другой стороны, противопоставляется миру за пределами острова. Сбор географической лексики осуществлялся путем сплошной выборки всех соответствующих контекстов из аудиозаписей речи старожилов острова. На основании этих материалов был получен перечень лексем, словосочетаний, фразеологизмов (97 словарных статей) и фольклорных текстов (шесть тематических блоков), описывающих географию острова и окружающего его пространства. Собранный языковой материал группируется в три семантических блока: остров — материк, остров — озеро, остров «изнутри», — и описывается в первой части статьи. Вторая часть представляет собой лексикографическое описание собранного материала.

Т. К. Шор в статье об ономастике староверов острова Пийриссаар отмечает актуальность истории возникновения и функционирования русских фамилий в иноязычном окружении для изучения становления и мутации традиционной системы русского ономастикона в целом. Ревизские сказки и посемейные списки жителей острова Пийриссаар из Исторического архива Эстонии дают материал для анализа особенностей графического оформления имен собственных русских старообрядцев в изоляции и в условиях иноязычной среды. В исследовании на основании архивных источников в хронологическом порядке восстанавливается спектр русских старообрядческих фамилий острова Пийриссаар с 1811 г. по 1926 г. Рассматривается происхождение различных графических и фонетических вариан-

тов имен собственных и влияние эстонского и немецкого окружения на их оформление и становление.

Статья Я. Плаата представляет собой экскурс в историю Русской православной и старообрядческой церквей и их сакральных сооружений на острове Пийриссаар. Экскурс охватывает период с XIV по XXI век. Автор рассматривает отношения староверов острова Пийриссаар с православной церковью и государственной властью, а также уделяет внимание истории возведения на острове старообрядческих моленных и православных храмов. Религия до настоящего времени является одной из основ самоидентификации старообрядцев на острове Пийриссаар. Культура староверов в Западном Причудье и на острове Пийриссаар является одной из наиболее своеобразных культур в Эстонии, сохраняющей старинные традиции с более чем трехвековой историей. Однако роль религии начиная с советского времени значительно снизилась, поэтому наблюдаются большие различия между поколениями. Основным носителем старообрядчества в настоящее время, по мнению автора, является старшее поколение.

Г. М. Пономарева публикует в переводе на русский язык (перевод С. Волковой) два очерка из газеты «Eesti Sõna» 1942 г., рассказывающие о жизни острова в это время. Кроме ряда любопытных исторических фактов, описания быта острова и рыбной ловли, эти тексты интересны еще и тем, что написаны известным эстонским журналистом и писателем, позднее эмигрировавшим в Швецию, затем в США, Эвальдом Мяндом. Один из очерков опубликован под псевдонимом Kalur (Рыбак). Как писатель Э. Мянд известен под псевдонимом Айн Калмус (Ain Kalmus). Г. М. Пономарева сопровождает очерки биографической справкой писателя.

В разделе «Рассказывают пийриссаарцы» публикуются фрагменты бесед с жителями острова: это рассказы о войне и детстве, о работе и отдыхе, об озере и храме.

«Очерки» иллюстрируются фотографиями как профессионалов, так и участников диалектологических экспедиций. Работы сотрудников Тартуского университета выполнены на материале, собранном во время диалектологических экспедиций на остров в 2004–2012 гг. Экспедиция 2010 г. проведена в рамках совместного российско-эстонского проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах» (руководители О. Г. Ровнова, И. П. Кюльмоя), финансировавшимся Российским гуманитарным научным фондом (проект № 09-04-95402а/Э) и Эстонским научным фондом (договор № V-4). Пользуясь случаем, выражаем нашу благодарность профессору Л. Л. Касаткину, заведовавшему отделом диалектологии и лингвогеографии Института русского

языка им. В. В. Виноградова РАН, который всегда поддерживал наше сотрудничество.

Участники экспедиций выражают свою искреннюю благодарность всем жителям острова, рассказывавшим о своей жизни, о проблемах острова, его прошлом и настоящем, консультировавшим нас по самым разным вопросам, начиная с диалектной речи и кончая рыбной ловлей и выращиванием лука. Наша особая благодарность Марии Петровне Коротковой, Филимону Леонтьевичу Кузнецову и Зиновее Тимофеевне Венчиковой, помогавшим организовать экспедиции, встретиться со многими жителями острова, немало времени уделившим нам для успешного сбора материала. Ниже публикуются имена всех жителей острова, с которыми нам посчастливилось побеседовать во время наших экспедиций. К сожалению, некоторых из них уже нет с нами, но они живут в нашей памяти, их голоса звучат в наших записях.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы культуры Причудья, государственной программы «Эстонский язык и культурная память» (грант «Староверы как носители культурной памяти») и Министерства науки и образования ЭР.

И. П. Кюльмоя

Сердечная благодарность

всем жителям Пийриссаара, которые беседовали с тартускими и российскими диалектологами. Своими знаниями и жизненной мудростью в период с 2004 г. по 2012 г. с нами поделились:

Раиса Яковлевна Антропова

Надежда (Анастасия) Прокофьевна Афанасова

Акулина Ивановна Брянова

Зоя Васильевна Брянова

Зиновея Тимофеевна Венчикова

Марфа Фадеевна Гойдина

Любовь Фадеевна Гришакова

Андрей Кириллович Ершов

Аполлинария Артемьевна Ершова

Матрёна Григорьевна Ершова

Любовь Абрамовна Захарова

Леонтий Иванович Захаров

Порфирий Александрович Ильин

Нина Николаевна Ильина

Анастасия Григорьевна Каар

Мамелфа Абрамовна Карзубова

Василий Трофимович Кобылкин

Фёдор Карпович Кондратьев

Антонида Васильевна Кондратьева

Варвара Яковлевна Кондратьева

Мария Петровна Короткова

Филимон Леонтьевич Кузнецов

Анна Леонтьевна Кузнецова

Евфросинья Васильевна Кузнецова

Кира Григорьевна Кузнецова

Раиса Филипповна Кузнецова

Олимпиада Леонтьевна Лешкина

Иван Васильевич Мирушков

Федора (Эльпидия) Леонтьевна Мирушкова

Анна Владимировна Пооло

Георг Мартинович Романенков

Зиновея Сергеевна Романенкова

Наталья Васильевна Романенкова

Татьяна Ивановна Романенкова

Тимофей Антонович Селезнёв

Прасковья Ивановна Тейман

Эвальд Труутс

Ирина Меркульевна Феклистова

Леонид Васильевич Фокин

Мария Калиновна Фокина

Анна Павловна Фокина

Анна Титовна Хальяк

Хельги Хальяк

I

К 100-летию со дня рождения

Т. Ф. Мурниковой

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

К БИОГРАФИИ Т. Ф. МУРНИКОВОЙ (1913–1989)[1]

Г. М. ПОНОМАРЁВА, И. П. КЮЛЬМОЯ

Татьяна Филаретовна Мурникова — известный диалектолог, признанный методист, автор многих работ по преподаванию литературы в школе, более тридцати лет проработавший в Тартуском университете. Несмотря на то, что научные работы Т. Ф. Мурниковой по диалектологии и преподаванию литературы хорошо известны специалистам, о ее биографии известно немного. Между тем ее научные интересы (изучение старожильческих говоров Эстонии) тесно связаны со старообрядцами Причудья, где родились и она, и ее предки.

В анкете советского времени Т. Ф. Мурникова писала, что родилась в семье рыбака [См.: ТГУ. Оп. 134. Ед. хр. 168:5]. На самом же деле Татьяна Филаретовна — дочь конного урядника Филарета Федоровича Пруссакова. Ее отец родился в 1879 г. в посаде Черном в старообрядческой семье и получил только домашнее образование. В рапорте № 200 от 3 мая 1909 г. в Юрьевское уездное полицейское управление он писал: «Образования мною никакого не получено. Отец мой был учителем тайной старообрядческой школы в п. Черном, от коего и получил первое начальное понятие о письменности, дальнейшее же образование получено домашним образом» [ИАЭ Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 636]. После прохождения военной службы Ф. Пруссаков с мая 1906 г. начинает служить в полиции в Причудье, сначала в староверской деревне Малые Кольки, потом в преимущественно православной деревне Нос (Нина). Его женой была староверка из посада Черного Евдокия Феодоровна Пруссакова (урожд. Ландсберг). В деревне Нос 4 (16) января 1913 г. и родилась Т. Ф. Мурникова. Она была четвертым ребенком в семье. 21 февраля 1913 г. девочка была окрещена в Колец-

[1] Работа одного из авторов статьи — Г. М. Пономаревой — выполнена при финансовой поддержке гранта целевого финансирования SF 0130126s08 «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре».

кой старообрядческой общине наставником Аннушкиным. 20 сентября 1913 г. на семью обрушилось страшное несчастье. Ф. Пруссаков писал в рапорте Начальнику Юрьевского уезда: «Умерла моя жена — Евдокия Феодоровна, оставив четырех маленьких детей в возрасте 6, 4, 2 лет и одну восьмимесячную малютку. Смерть последовала <…> от удара сердца» [ИАЭ Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 636]. Так в восемь месяцев Т. Ф. Пруссакова осталась без матери. Раннее детство она провела в Причудье. В 1916 г. Ф. Пруссакова перевели околоточным надзирателем в Ревель [ИАЭ Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 636], и вся семья переехала в город. Но тут начались февральская и Октябрьская революции, приведшие к изменению правоохранительной системы. Несмотря на это, Ф. Пруссаков с семьей остался жить в Таллинне и устроился работать на Балтийскую мануфактуру. Позже он несколько раз пытался сделать политическую карьеру и баллотировался в парламент Эстонии по спискам Русского национального союза.

Ф. Пруссаков много лет активно занимался общественной деятельностью. В 1929 г. в письме в редакцию предвыборной газеты «Русский свет» он перечислял свои заслуги: «1. Председ<атель> Ревельск<ой> Старообр<ядческой> общины — около 10 лет. 2. Председат<ель> О<бщест>ва Потребит<елей> Рабоч<их> и Служащ<их> Балтийской М<ануфакту>ры — 7 лет. 3. Председат<ель> Культ<урно>-Просветит<ельного> О<бщест>ва там же — 3 года. 4. Член Центрального Совета Старообрядцев Эстонии. 5. Член Совета Русского Национального Совета — 9 лет» [Пруссаков 1929: 4]. Ф. Пруссаков много сделал для Таллиннской старообрядческой общины. Когда в середине 1920-х гг. сгорело здание общинной моленной, церковные службы проводились в его квартире на улице Техника 12. Он активно участвовал и в строительстве новой моленной.

В отличие от своего отца, Т. Пруссакова получила гимназическое, а не домашнее образование в Таллинне. В 1926 г. она закончила 19-ю начальную школу с обучением на русском языке, затем поступила учиться в Таллиннскую русскую городскую гимназию, которая давала хорошую основу гуманитарного образования. При гимназии был литературный кружок, издававший свои машинописные сборники, и студия выразительного слова. Летом гимназисты путешествовали по ряду европейских стран. Т. Пруссакова окончила в 1931 г. гуманитарное отделение Таллиннской русской городской гимназии.

Дети семейства Пруссаковых. Справа налево: Иван, Татьяна, Мария, Вера, Феодор (ок. 1927 г.). Фотография из личного архива Инны Феодоровны Ильясовой (в дев. Пруссаковой).

На философский факультет Тартуского университета она поступила в том же году без экзаменов. Училась шесть лет вместо обычных пяти, потому что не хватало денег на учебу. В ее зачетной книжке значится среди других предметов спецсеминар по фольклору проф. В. Андерсона, упражнения по методологии исследования диалектов (у П. Аристэ — будущего академика, известного финно-угроведа). Она получила хорошую подготовку по славянским языкам у П. Арумаа, Е. Каплинского, Б. Правдина [См. ИАЭ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 12012]. В 1936 г. П. Арумаа добился научной стипендии для группы студентов, занимавшихся изучением диалектов и топонимов, в их число входила и Т. Пруссакова [Шор 1998: 65].

Еще в студенческие годы Т. Мурникова начала педагогическую деятельность. В 1935–1937 гг. она преподавала Закон Божий для детей старообрядцев в XIII Тартуской начальной школе. В обращении совета Тартуской старообрядческой церкви говорилось, что Т. Пруссакова уже много лет работает в воскресной старообрядческой школе [ГАЭ. Ф. 1108. Оп. 19. Ед. хр. 389]. В 1937 г., окончив бакалавриат, Т. Пруссакова хотела продолжить учебу в Тартуском университете и просила оставить ее в списках студентов, но дальше учиться не удалось. В 1937 г. ей посчастливилось найти место в частной школе в Нымме, и она возвращается в Таллинн. Работа в разных русских школах города продолжается с 1937 г. по 1944 г., в том числе и при немецкой оккупации. С 1944 г. по 1947 г. она преподает прак-

тический русский язык в Таллиннском политехническом институте. В 1947 г. Т. Пруссакова переезжает в Тарту, что было связано с личными причинами. Татьяна Филаретовна стала сначала неофициально (развод ее будущего мужа с первой женой длился несколько лет), а потом, с января 1950 г., уже официально женой старовера А. Л. Мурникова. В середине 1950-х гг. он был председателем Тартуской старообрядческой общины, регентом, входил в так называемую двадцатку наиболее активных староверов общины, писал статьи для старообрядческого церковного календаря (Рига). Переезд в Тарту был благоприятен для Татьяны Филаретовны как филолога. В Таллиннском политехническом институте она вела только занятия по практическому русскому языку для студентов-эстонцев, а в Тартуском университете, в котором начала работать с 1947 г., читала лекции для русских филологов по диалектологии, старославянскому языку, вела семинар. В конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда в Эстонии велась борьба с буржуазными пережитками прошлого, Т. Ф. Пруссакову-Мурникову постоянно критиковали на факультетских собраниях как верующую, ее коллега, коммунист Й. Фельдбах, требовал ее уволить [Raid 1995: 74]. Но все же до вынужденного ухода с работы дело не дошло.

Число русских филологов в Тартуском университете в 1950-е гг. увеличивалось, поэтому у преподавателей были большие нагрузки. В 1950-е гг. у Т. Ф. Мурниковой была нагрузка 17 часов в неделю. Одновременно она занималась научной работой, собирала материал для кандидатской диссертации по особенностям русских говоров в Эстонии. В 1953 г. она сдала два кандидатских экзамена — по общему языкознанию и немецкому языку [ТГУ Оп. 134. Ед. хр. 168]. Экзамен по марксистско-ленинской философии так и не был сдан. Видимо, по принципиальным соображениям, а не из-за слабой подготовки по философии.

Сестры в Тарту, на квартире Татьяны Филаретовны (в центре). Справа Вера Ламберг (в дев. Пруссакова), слева Мария Домашкина (в дев. Пруссакова). Ок. 1965 г.

Фотография из личного архива Инны Феодоровны Ильясовой (в дев. Пруссаковой).

Т. Ф. Мурникову еще в середине 1950-х гг. заметил Ю. М. Лотман, который высоко ценил ее лекторские способности, знание эстонского языка и умение руководить педпрактикой. Позже, в 1963 г., когда в период атеистической пропаганды она оказалась на грани увольнения, он взял ее на кафедру русской литературы [Киселева 1998: 117]. Можно отметить и внимание второго крупного ученого, знавшего ее со студенческих лет и ценившего ее работы — академика П. Аристэ. В 1953 г. он был членом экзаменационной комиссии, когда она сдавала кандидатский экзамен по общему языкознанию [ТГУ Оп. 134. Ед. хр. 168: 29]. В 1957 г. Т. Ф. Мурникова проходила конкурс на замещение должности старшего преподавателя. На два вакантных места подали заявление 6 претендентов. Членами комиссии были даны характеристики научно-педагогической деятельности каждого из претендентов. О Т. Ф. Мурниковой как лекторе члены комиссии писали так: «Лекции Т. Ф. Мурниковой всегда тщательно подготовлены, изложение отличается последовательностью и доходчивостью. Среди студентов т. Мурникова пользуется большим уважением и авторитетом» [ТГУ Оп. 134. Ед. хр. 168: 69]. Одним из членов комиссии, оценивавших кандидатов на вакантное место, был профессор П. Аристэ [ТГУ Оп. 134. Ед. хр. 168]. В результате конкурса должности заняли два преподавателя: Т. Мурникова и В. Курвитс.

В 1950-х и первой половине 1960-х гг. Т. Ф. Мурникова была единственным диалектологом на кафедре русского языка ТГУ. К началу 1960-х гг. исследование диалектов на кафедре русского языка становится одним из основных направлений ее работы, входя в более широкую тему «Грамматический строй и история русского языка». Заведующий кафедрой А. Б. Правдин писал в «Хронике научной работы кафедры русского языка за 1960 г.»: «Летом 1960 г. кафедра русского языка организовала диалектологическую экспедицию на побережье Чудского озера. Экспедиция собрала обширный материал, отчасти уже подготовленный к печати» [Правдин 1961: 380]. В «Хронике научной работы кафедры русского языка ТГУ за 1961 год» он же отмечал расширение и углубление диалектологических исследований: «В области русской диалектологии следует отметить работу Т. Ф. Мурниковой “Бытовая лексика Причудья”. Проводимая на кафедре работа по русской диалектологии в минувшем году заметно расширилась. Этому способствовало и более широкое привлечение студентов к собиранию диалектологических материалов, допустимое новым учебным планом (обязательная диалектологическая практика)» [Правдин 1962: 494]. Диалектологической практикой студентов Татьяна Филаретовна руководила до 1975 г.

А. Б. Правдин писал о хороших научных связях между эстонскими учеными из разных научных учреждений: «Изучение русских говоров на территории Эстонии в настоящее время проводится в контакте с сотрудниками АН Эстонской ССР, разрабатывающими проблему этногенеза на территории Эстонии и соседних областей» [Правдин 1962: 404]. У диалектолога Т. Ф. Мурниковой были прочные научные контакты с лингвистами Прибалтики. В 1963 г. в Риге вышли «Материалы к словарю русских старожильческих говоров Прибалтики» [Материалы 1963]. Фактически это был словарь языка старообрядцев Прибалтики. Составителем литовской части был В. Н. Немченко, латвийской — А. И. Синица, эстонской — Т. Ф. Мурникова. Материалы собирались с 1956 по 1962 гг. Составители хотели подготовить системный словарь группы говоров, но, к сожалению, эти планы не осуществились. На словарь откликнулся доброжелательной рецензией акад. П. Аристэ. Он писал, что в Эстонии Т. Мурникова еще в начале 1950-х гг. начала исследовать диалекты старообрядцев и направлять на такие исследования студентов [Ariste 1963: 761]. На кафедре русского языка Тартуского университета хранится 41 дипломная работа, защищенная под руководством Т. Ф. Мурниковой, из которых 17 посвящены говорам. Из них первое дипломное сочинение по говорам было защищено в 1955 г., последнее — в 1971 г. У студентов, писавших работы под руководством Т. Ф. Мурниковой, были серьезные рецензенты, например, известный диалектолог М. Ф. Семенова из Риги. Среди талантливых учеников Т. Ф. Мурниковой надо отметить Х. Хейтер (Лаур), защитившую в 1956 г. дипломную работу «Безударный вокализм русского говора острова Пийрисаара». В 1970 г. Х. Хейтер защитила кандидатскую диссертацию «Фонетика и морфология островного русского говора на территории ЭССР». Она работала в Тартуском университете на кафедре русского языка с 1968 г. и руководила студенческими работами по диалектологии.

Татьяна Филаретовна начала публиковать свои научные работы довольно поздно. Первая научная работа Т. Ф. Мурниковой о программах по русскому языку для эстонской школы появляется в 1955 г., в дальнейшем ее статьи печатались в Прибалтике и в России на русском и эстонском языках. Одной из наиболее важных работ Т. Ф. Мурниковой, не утратившей своего значения до наших дней, является вновь публикуемая в настоящем сборнике статья «Описание русского говора острова Пийрисаара» [Мурникова 1962]. С Пийриссааром связана и вторая статья «Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар» [Мурникова 1988], которую в силу того, что она оказалась труднодоступной в Эстонии, также было решено опубликовать вновь.

Общество за самоваром (Эльва). Слева Татьяна Филаретовна Мурникова и ее муж, Александр Львович Мурников. Фотография из личного архива Светланы Ситниковой.

В 1968 г. Татьяна Филаретовна была организатором состоявшейся 23–25 сентября в Тарту Третьей диалектологической конференции, в которой приняли участие выдающиеся диалектологи СССР. Она стала и ответственным редактором сборника «Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г.», который вышел в Тарту в 1970 г. [Труды 1970].

Татьяна Филаретовна была автором нескольких учебников по русскому литературному чтению для эстонских школ, вышедших в первой половине 1970-х гг. В 1970 г. она выпустила «Сборник текстов по литературному чтению для IX класса» [Мурникова 1970], предназначенный для школ с углубленным изучением русского языка. В 1974 г. ею вместе с М. Вальме издан «Учебник-хрестоматия по литературному чтению для IX класса» [Вальме, Мурникова 1974а], несколько раз переиздававшийся до 1981 г. Отдельным приложением к нему вышли методические указания к учебнику-хрестоматии, написанные теми же авторами [Вальме, Мурникова 1974б]. В 1974 г. Татьяна Филаретовна вышла на пенсию. С 1976 г. по 1978 г. она работала на кафедре философии Тартуского университета на договорной основе, видимо, переводчиком.

У Т. Ф. Мурниковой сложились очень хорошие отношения с Ю. М. Лотманом. Ее фамилия мелькает в переписке Ю. М. Лотмана с Б. А. Успенским. Для Б. А. Успенского, занимавшегося историей, языком, иконописью староверов, она была носителем старообрядческого сознания, и иногда через посредника он задавал ей вопросы по интересующим его темам [Лотман 1997: 484]. В середине 1960-х гг. Лотман помог оставшейся без жилья Мурниковой получить квартиру [Киселева 1998: 117].

В конце жизни Т. Ф. Мурникова продолжает участвовать в церковных делах. В. Л. Гришаков пишет, что «4 июля 1988 года оргкомитет в составе Л. Е. Гришакова, М. И. Баранина, Т. Ф. Мурниковой, В. Д. Сельгитского, М. Каношина организовал торжественное празднование 1000-летия Крещения Руси в храме Муствеэ. В праздновании приняли участие представители всех старообрядческих приходов Эстонии, а также наставник Рижской Гребенщиковской общины Г. М. Подгурский» [Гришаков 2007: 208].

Т. Ф. Мурникова умерла 27 июля 1989 г. Отпевали ее в моленной Муствеэ и похоронили на Муствеэском кладбище. Л. Н. Киселева в статье о Т. Ф. Мурниковой вспоминает, что перед уходом на пенсию она передала Литературному музею весь огромный архив фольклорных экспедиций [Киселева 1998: 117]. Личный архив Мурниковых, по словам петербургского наставника В. Шамарина, был распределен между староверами.

Биография Т. Ф. Мурниковой — яркий пример того, как талантливый лингвист, несмотря на тяжелые условия советского времени: атеистическую пропаганду, советскую цензуру, исследует язык староверов Эстонии и одновременно, рискуя быть уволенной с работы, продолжает быть членом старообрядческой общины. Т. Ф. Мурникова была прирожденным педагогом, обучая не только студентов, но и молодых староверов еще с юности, с 1930-х гг., и до конца своего жизненного пути.

Источники

Тартуский государственный университет (ТГУ). Отдел кадров. Оп. 134. Ед. хр. 168. — Мурникова Татьяна Филаретовна. Личное дело.

Исторический архив Эстонии (ИАЭ). Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 636. — Пруссаков Филарет Федоров. Дело. Юрьевское уездное полицейское Управление.

Государственный архив Эстонии (ГАЭ). Ф. 1108. Оп. 19. Ед. хр. 389. — Tatjana Prussakovi teenistuskiri. Tartu Linnavalitsuse toimik (Послужной список Татьяны Пруссаковой. Дело Тартуского городского управления).

Исторический архив (ИАЭ). Ф. 2100.Оп. 1. Ед. Хр. 12012. — Prussakow Tatjana (Пруссакова Татьяна).

Литература

Вальме М. Э., Мурникова Т. Ф. 1974а — Учебник-хрестоматия по литературному чтению для IX класса. Таллин: Валгус.

Вальме М., Мурникова Т. 1974б — Методические указания к учебнику-хрестоматии по литературному чтению для IX класса. Таллин: Валгус.

Гришаков В. Л. 2007 — Старообрядчество в Эстонии и жизнь староверов Тартуского уезда в 1940–1991 гг. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. HUMANIORA: LINGUA RUSSICA. Труды по русской и славянской филологии. Новая серия. Лингвистика X.* Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 201–209.

Киселева Л. Н. 1998 — Парадоксы одной биографии. О Татьяне Филаретовне Мурниковой. *Вышгород.* № *3.* С. 115–117.

Лотман Ю. М. 1997 — *Письма.* Москва: «Языки русской культуры».

Материалы 1963 — Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы к словарю русских старожильческих говоров Прибалтики.* Рига, 1963.

Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийрисаара. *Учен. записки Тартуск. ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V.* Тарту. С. 345–363.

Мурникова Т. Ф. 1970 — *Сборник текстов по литературному чтению для IX класса (спецкласс).* Таллин.

Мурникова Т. Ф. 1988 — Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар. *Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Межвузовский сборник научных трудов.* Ленинград. 1988. С. 122–126.

Правдин А. Б. 1961 — Хроника научной работы кафедры русского языка ТГУ за 1960 год. *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. IV.* Тарту. Отв. редактор Б. Ф. Егоров. С. 380.

Правдин А. Б. 1962 — Хроника научной работы кафедры русского языка ТГУ за 1961 год. *Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. V.* Отв. редактор Б. Ф. Егоров. Тарту. С. 404.

Пруссаков Ф. 1929 — Письмо в редакцию. *Русский свет.* № *11.* 24 марта. С.4.

Труды 1970 — Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970.

Шор Т. 1998 —Профессор П. Арумаа и русская литература в Тартуском университете. *Радуга.* №*3.* С. 62–66.

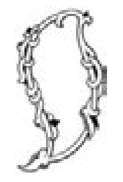
Ariste P. 1963 — Tähtis teos Läänemeremaade vene murrakute alalt. *Keel ja Kirjandus. Nr. 7.* Lk. 761–763.

Raid L. 1995 — *Vaevatee. Tartu Ülikool kommunistlikus parteipoliitikas aastail 1940–1952.* Tartu: TÜ Kirjastus.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ГОВОР ОСТРОВА ПИЙРИССААРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Т. Ф. МУРНИКОВОЙ

О. Г. РОВНОВА, Д. М. САВИНОВ

писание говора острова Пийриссаар, сделанное доцентом кафедры русского языка Тартуского университета, знатоком русских говоров Эстонии Татьяной Филаретовной Мурниковой в 1962 году, является первым в русской диалектологии описанием основных фонетических, морфологических и синтаксических черт русского говора, на котором говорили (и продолжают говорить) староверы трех пийриссаарских деревень — Желачека, Межи и Тоней.

Ее исследования отражают общий уровень развития русской диалектологии в середине XX века, когда шел активный сбор материалов для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) и вырабатывались основные принципы лингвистической географии. К этому времени уже было сформировано представление о том, что следует изучать «не произвольно вырванные из системы языка факты, а языковые явления как элементы системы языка» (Р. И. Аванесов). Вполне естественно, что сегодня, спустя пятьдесят лет после публикации статьи Т. Ф. Мурниковой [Мурникова 1962 / 2012], не все высказанные в ней положения можно признать бесспорными. Недостаточная разработанность в начале 1960-х гг. типологии диалектных различий русского языка, классификации территориально-диалектных объединений, терминологической базы, недоступность инструментально-фонетического анализа звучащей речи, а также расширение наших знаний о старообрядческих говорах Эстонии обусловливают необходимость краткого комментария к этой статье с точки зрения современного этапа развития русской диалектологии.

Комментарий основывается на исследовании материала, записанного в совместных экспедициях на остров ученых Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук и Тартуского универси-

тета в 2004 г. и 2010 г., а также в совместных экспедициях в старообрядческие поселения Западного Причудья в 2003–2012 гг.[1]

Статья Т. Ф. Мурниковой открывается подробной исторической справкой, которая посвящена истории заселения острова и сохраняет безусловную ценность для лингвистов, историков, этнографов, религиоведов.

На основании анализа диалектных особенностей в области фонетики, морфологии, синтаксиса Т. Ф. Мурникова выявляет сосуществование в говоре Пийриссара элементов двух диалектных ареалов — Западного и Восточного Причудья, говоры которых противопоставлены друг другу по ряду важных языковых особенностей. Это свидетельствует о двух волнах заселения острова и подтверждает гетерогенность местных этноконфессиональных групп населения (старообрядцы — православные).

Значительная часть фонетического описания Т. Ф. Мурниковой посвящена анализу системы предударного вокализма. Такое пристальное внимание автора к этой проблеме неслучайно. После работ Н. Н. Дурново [Дурново 1917а; 1917б] характер реализации гласных в 1-м предударном слоге рассматривается в русской диалектологии как одна из существенных черт при отнесении говора к той или иной группе, этот материал имеет большую значимость для истории становления русского языка, а также его диалектных объединений. По словам Р. И. Аванесова, установление различных типов вокализма имеет исключительно важное значение «для группировки и истории русских говоров, так как с различениями в типе вокализма 1-го предударного слога связывается большое количество различий в других языковых явлениях <…>, а также в материальной культуре носителей этих диалектных различий» [Аванесов 1949: 62].

По данным Т. Ф. Мурниковой, в местном говоре представлены элементы двух типологически разных систем вокализма: оканья и аканья. Различение /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге проводится непоследовательно, по типу оканья говор Пийриссаара «мало чем отличается от диалектных

---

[1] Начиная с 2003 г. диалектологические экспедиции Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в старообрядческие поселения Эстонии неизменно поддерживаются грантами Российского гуманитарного научного фонда, благодаря которым и стали возможны современные исследования русских говоров за пределами России (в частности, проекты под руководством Л. Л. Касаткина «Диалектологические экспедиции ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН» № 2004-04-18003, «Полевые исследования русских говоров России и зарубежья» № 12-04-18015). Экспедиция 2010 г. проведена в рамках совместного российско-эстонского проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах» (руководители О. Г. Ровнова, И. П. Кюльмоя), поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект № 09-04-95402а/Э) и Эстонским фондом науки (договор № V-4).

черт Гдовского уезда, данного проф. А. Соболевским», который «указывает, что оканье Гдовщины нельзя назвать полным (Аксинья, ден'ак)» [Мурникова 1962: 349 / 2012: 44].

Т. Ф. Мурникова не использует принятый сегодня термин «неполное оканье», а также не определяет его конкретную разновидность, что объясняется недостаточной разработанностью ко времени написания статьи типологии систем предударного вокализма в среднерусских и севернорусских говорах. Представление о различных типах неполного оканья как о целостных системах сформировалось в 1960–1970-х годах и прежде всего связано с работами Т. Г. Строгановой.

На основании материала Т. Ф. Мурниковой можно было бы констатировать, что в местном говоре отмечались следы неполного оканья владимирско-поволжского типа с различением в первом предударном слоге /о/ и /а/ после твердых согласных вне зависимости от гласного под ударением. Однако приведенные в статье примеры противоречат современным данным гдовского диалекта, много веков назад ставшего основой для окающих говоров Пийриссаара. Так, ДАРЯ фиксирует на восточном берегу Чудского озера, напротив острова Пийриссаар, исключительно неполное оканье гдовского или полновского типов, причем центр диалектного ареала с полновским типом вокализма отмечается как раз в районе устья реки Желчи [Чекмонас 1998], откуда и происходила первоначальная миграция населения на Пийриссаар, о чем пишет Т. Ф. Мурникова.

После мягких согласных в 1-м предударном слоге Т. Ф. Мурникова отмечает умеренное яканье. Это утверждение также противоречит современным диалектным данным: умеренное яканье не характерно ни для Гдовской, ни для Псковской, ни для Новгородской диалектных групп [ДАРЯ 1986: карта 3; Захарова, Орлова 1970]. Гдовским говорам свойственны гдовский и полновский типы предударного вокализма после мягких согласных, псковским — сильное яканье с отдельными элементами, свидетельствующими о былом распространении на указанной территории гдовской системы вокализма (так называемые бельский и тешевицкий типы [Чекмонас 1999: 113, 120]). В новгородских говорах, где в 1-м предударном слоге после твердых согласных различение /о/ и /а/ проводится наиболее последовательно, после мягких согласных также отмечены системы, различающие перед твердыми согласными фонемы /о/, /е/, /а/ в 1-м предударном слоге [Иваницкая 1962: 216–234; Пожарицкая 1961: 64–65; Захарова, Орлова 1970: 145–146]. Вопросы предударного вокализма в говоре Пийриссаара подробно рассматриваются в статье Д. М. Савинова, помещенной в настоящей книге.

Особого внимания заслуживает наблюдение Т. Ф. Мурниковой, что в исследуемом говоре звук [а] в 1-м предударном слоге «носит, несомненно, более закрытый характер, и потому иногда его трудно отличить от О» [Мурникова 1962: 348 / 2012: 44]. К сожалению, в статье не уточняется, в соответствии с какой фонемой (или фонемами), а также перед какими ударными гласными произносится этот «закрытый [а]». Действительно, в некоторых русских говорах на месте /о/ в 1-м предударном слоге произносится слаболабиализованный открытый гласный [ɔ] [Аванесов 1949: 64]. Наличие в этой позиции звукотипа [ɔ], артикуляционно близкого аллофонам фонемы /а/, способствует развитию нейтрализации /о/ и /а/. При этом сомнительно сохранение «более закрытого [а]» в качестве субстрата оканья в говорах с сильным аканьем; как показывают исследования В. Н. Чекмонаса, в этих диалектных системах предударный [а] обычно не подвергается ни качественной, ни количественной редукции [Чекмонас 2001: 67–73].

В позиции 2-го предударного слога на месте фонем /о/ и /а/ Т. Ф. Мурникова отмечает «очень неясное краткое а»: пăчталјон, мăлад'éц, мăгаз'и́н. Для говоров псковского ареала «а-вокализм» в этой позиции — значимая в лингвогеографическом аспекте черта. Согласно карте 9 [ДАРЯ 1986], наличие *а*-образных гласных во 2-м предударном слоге противопоставляет северную и северо-восточную окраины псковских говоров их остальной части (подробнее см. [Чекмонас 2001: 79]). Таким образом, данные Т. Ф. Мурниковой уточняют границу этой изоглоссы.

Нуждаются в уточнении некоторые формулировки, которые используются в комментируемой статье при описании диалектной морфологии.

Характеризуя морфологические особенности имени существительного в говоре острова Пийриссаар, Т. Ф. Мурникова обращает специальное внимание на диалектную специфику в распределении по родам некоторых групп существительных.

Так, она пишет, что «слова среднего рода на -**ие** … переходят в категорию слов женского рода на -**ия**» [Мурникова 1962: 356 / 2012: 51], приводя примеры словосочетаний *настроения плохая, безобразия известная, учения новая*. Точнее было бы говорить здесь не о переходе среднего рода в женский, а о с о г л а с о в а н и и зависимых прилагательных с существительными на *-ие* по женскому роду, чему, безусловно, способствует акающее произношение, а также позиция — безударный открытый конечный слог. О действительно морфологическом переходе подобных сущест-

вительных в женский род можно было бы говорить в том случае, если бы они имели соответствующие окончания во всей падежной парадигме. В современных русских говорах переход среднего рода в женский фиксируется лишь в отдельных падежах существительных и никогда не охватывает падежную парадигму полностью.

Морфологическим и синтаксическим явлениям, связанным с так называемой «утратой среднего рода» в русских говорах, посвящены три карты Морфологического выпуска ДАРЯ: карта 11 «Окончания I склонения у существительных среднего рода с ударением на основе»; карта 12 «Форма прилагательных в сочетании с существительными исконно среднего рода в именительном падеже единственного числа»; карта 13 «Форма женского рода прилагательных в сочетании с существительными исконно среднего рода в родительном и предложном падежах единственного числа». Важно отметить, что все эти явления имеют юго-восточную, а не северо-западную локализацию.

Как показали специальные наблюдения над категорией рода существительных в говоре прибрежных поселений Западного Причудья и острова Пийриссаар, они не относятся к говорам, в которых так называемую «утрату среднего рода» существительными (на морфологическом или синтаксическом уровне) можно назвать типичным явлением [Ровнова 2009]. Между тем в речи представителей самого старшего поколения, родившихся в 1910–1920-х гг., отмечены факты, действительно свидетельствующие о некоторой «слабости» среднего рода в системе родовых противопоставлений. Выявлена небольшая группа широкоупотребительных слов с морфологически оформленной устойчивой принадлежностью не к среднему роду. Переход из среднего рода в женский слова *кадило* обусловило акающее произношение: *кади́ла* (*батька* ***с кади́лой*** *выезжает в озеро*); к мужскому роду относятся существительные *коромы́сел* ‘коромысло’ (*этот* ***коромы́сел*** *старый, еще мой дед делал*), *крыле́ц* ‘крыльцо’ (*таллинский автобус ишёл, его прямо* ***на крыле́ц*** *сбило*), *нача́л* ‘начальная часть молитвы; начальные молитвы обряда’ (я *положила* ***начал,*** *пост отнясла, и тогда пошла в крылос*). Переход существительных среднего рода в мужской широко распространен в говорах к з а п а д у от Москвы и подробно описан С. С. Высотским с привлечением обширного диалектного материала [Высотский 1948]. Этим говорам свойственна тенденция к унификации склонений существительных мужского и среднего рода в именительном и родительном падежах множественного числа, «чем эти говоры отличаются от иных, расположенных, например, на юг

и восток от Москвы» [Высотский 1948: 89]. Имеются в виду формы типа *о́кн***ы** *–* *о́кн***ов***, брёвн***ы** *–* *брёвн***ов***, я́йц***ы** *–* *я́йц***ев** и под. По его мнению, такая унификация и создает базу «для широкого применения новых согласований» [Высотский 1948: 91], то есть согласований по мужскому роду. Она, согласно нашим наблюдениям, свойственна и современным говорам Западного Причудья и Пийриссаара; на унификацию склонений в форме родительного падежа множественного числа с не зависящим от грамматического рода и типа склонения окончанием *-ов/-ев* (*ба́бов, мальчы́шков; немцо́в, ко́нев; лошадёв, мы́шев*) обратила внимание и Т. Ф. Мурникова [Мурникова 1962: 357 / 2012: 52]. Можно думать, что старообрядческие говоры Эстонии представляют собой крайнюю западную периферию перехода существительных из среднего рода в мужской.

Отметим, что слова *стул* и *икра* в говоре Пийриссаара, также как Западного Причудья, относятся к среднему роду: *мне* ***сту́ло*** *дадут* (Желачек 2004); *в шчуке пупка нет, это уже* ***икро́*** (Межа 2010).

Принадлежность в говоре Пийриссаара существительных с основой на «согласный + *р*» к женскому роду (*литр – литра, метр – метра, километр – километра*), на которую обращает внимание Т. Ф. Мурникова, широко известна русским говорам. Она имеет фонетическую причину: появление гласного пазвука после сочетания согласных представляет собой средство избежать слоговости *р*, последующая морфологизация данного фонетического явления приводит к изменению родовой принадлежности подобных существительных.

К наблюдениям Т. Ф. Мурниковой можно добавить, что в старообрядческих говорах Эстонии отмечается колебание в родовой принадлежности существительных с нулевым окончанием и мягким конечным согласным основы. Оно отражает этап перестройки системы склонения в древнерусском языке, а именно сближение древних склонений на **i* и **o*. С грамматическим значением мужского рода отмечены существительные *болезнь, бутыль, грязь, купель, молодёжь, прорубь*: ***этот болезнь*** *не вылечишь* (Новая Казепель); *достань-ка* ***этот бутыль*** *вон* (Березье); *мне бы не помереть в такое время —* ***грязь такой*** (Тихеда); ***такой купель*** *есть в моленны, и там крестют* (Новая Казепель); *вот* ***какой молодёж*** *топерь растёт — страшное дело* (Новая Казепель); *делали* ***прорубь такой*** (Муствеэ); со значением женского рода — существительные *лось, огонь, портфель, ясень, день* в составе наречия *денью-день* ‘каждый день’: ***бегала лось*** (Калласте); *уйдите от меня* ***в огонь вечную*** (Новая Казепель); *стоит* ***с портфелью*** (Муствеэ); *сфотографировались здесь* ***под ясенью под своёй***

(Воронья); *ходила за клюквой две недели* ***денью-день*** (Старая Казепель); в говоре Пийриссаара О. Н. Паликова в 2009 г. зафиксировала пример: ***всю картофель*** *съели*. Кроме того, существительные, относящиеся в литературном русском языке к группе pluralia tantum, в русских говорах Эстонии обладают способностью иметь форму единственного числа и, следовательно, ту или иную родовую характеристику: *поминки – поминка*: *когда* ***поминку*** *делают, только своя посуда* (Муствеэ); в говоре Пийриссаара *нервы – нерв*: *он так свой* ***нерв*** *спортил* (Тони 2004); *будни – будень*: *каждый вечер танцы были,* ***в будень*** *и в праздники* (Желачек 2004). Существительные, обозначающие парные предметы и обладающие формой единственного числа, в речи староверов могут иметь отличающуюся от литературного языка родовую принадлежность: *калоши – калош*: *«Румынки» — это ботиночки на каблуке, а сверху калоши с каблуками. Да, на каблук —* ***калош****, такой специальный* (Кольки); *И через забор кидали* ***калош****, вот так.* <…> *Ну,* ***калош*** *снимешь с ноги да через забор кинешь* (Желачек 2004); *лыжи – лыж*: *обручи на́зень* ('на землю') *сваливши <остаются доски от бочки> — это* ***лыж наш*** (из записей О. Н. Паликовой на Пийриссааре в 2009 г).

Т. Ф. Мурникова совершенно справедливо подчеркивает устойчивость в говоре острова Пийриссаара (добавим: также и Западного Причудья) форм творительного падежа множественного числа существительных, прилагательных, числительных и местоимений с окончаниями дательного множественного, типа *со свои́м трём моло́дым дочка́м* 'со своими тремя молодыми дочками' [Мурникова 1962: 358 / 2012: 53]. Эту морфологическую особенность, которую она называет «заменой», «смешением» двух падежных форм, в современной диалектологии принято называть их совпадением, или омонимией.

Как показали исследования последних лет, в прибрежных говорах формы 3-го лица глаголов единственного и множественного числа независимо от спряжения и места ударения употребляются по преимуществу с конечным [т]. Более редкими, но все же достаточно распространенными являются формы без [т], но только в единственном числе глаголов обоих спряжений. Однако еще в середине XX в. говорам разных прибрежных населенных пунктов были свойственны разные системы 3-го лица; они реконструированы в работе [Ровнова 2007: 190–191]. В говоре Пийриссаара, и это отмечено Т. Ф. Мурниковой, параллельно с формами, имеющими конечный [т], употребляются формы без [т] — в ее терминологии «усеченные формы», в отличие от «полных форм» с конечным [т], — причем не только в единственном, но и во множествен-

ном числе, что особенно важно [Мурникова 1962: 358 / 2012: 54]. Например: *хто песни* ***поё́****, хто чо* (Тони 2004), *хозяин* ***прие́де*** (Тони 2004); *мотор* ***стои́****, машина* ***стои́*** (Желачек 2010), *туча, она скоро* ***прохо́ди*** (Межа); *родители* ***живу́*** (Желачек 2010), *они* ***зарабо́таю****, вот и* ***пью́*** (Желачек 2010); *гости по́сторонь* ***стоя́*** (Межа 2004), *они давно из комнаты вон не* ***выхо́дя*** (Желачек 2010). Таким образом, и в современном говоре Пийриссаара конечный [т] отсутствует во всех формах 3-го лица, независимо от спряжения, ударения и числа, что является яркой морфологической чертой, отличающей его от старообрядческих говоров западного побережья Чудского озера. Эта черта представляет собой «гдовский след» в системе личных форм глагола.

Следует добавить, что в спряжении глагола имеется еще одна особенность, подтверждающая связь пийриссаарского говора с гдовскими говорами восточного побережья. Глаголы нетематического спряжения *дать, есть* (и их приставочные производные) могут употребляться с основами *даст-, ест-* в формах 2-го и 3-го лица единственного числа: *рыбу* ***разда́стишь*** (Межа 2004), *ребятишкам были, так утром встанешь, да* ***пое́стишь****, да и на улицу, и бегаешь* (Желачек 2004); *дедушко* ***да́стит*** *мне* (Желачек 2004), *отец эту норму* ***сда́стит*** (Желачек 2004).

Описывая синтаксические черты пийриссаарского говора, Т. Ф. Мурникова уделяет специальное внимание конструкциям с кратким страдательным причастием и деепричастием в предикативной функции: ***в мышах уташшено*** *вси остатки,* ***в меня хожено*** *в школу два года*; *я здеся и* ***родивши*** *и* ***выросши****, он нядавно* ***освободивши****,* и под. [Мурникова 1962: 361–363 / 2012: 58]. Согласно современным диалектологическим исследованиям, причастные и деепричастные формы в таких конструкциях имеют чаще всего перфектное (состояние, актуальное для настоящего, являющееся результатом предшествующего действия) или экспериенциальное значение (не предполагает сохранения какого-либо конкретного результата, субъект действия наделяется в течение предшествующего периода опытом, знаниями или чертами, важными для его характеристики) [Кюльмоя 2009: 139] и образуют особую грамматическую категорию перфекта. Совершенно справедливо наблюдение Т. Ф. Мурниковой, что конструкции с предикативным деепричастием обладают в пийриссаарском говоре высокой устойчивостью. Действительно, в речи людей среднего поколения — современных жителей Западного Причудья и Пийриссаара, в значительной степени утративших комплекс диалектных черт и перешедших на литера-

турный русский язык, конструкции типа *дочь с внуками приехавши, сын в Тарту отучивши на электрика* являются вполне устойчивыми.

Первое описание говора острова Пийриссаар, принадлежащее Т. Ф. Мурниковой, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Приведенный ею диалектный материал, а также наши наблюдения над современными говорами Пийриссаара и «зарубежицы», как пийриссаарцы называют старообрядческие поселения на западном берегу Чудского озера, убеждают в том, что говоры острова и материка обладают значительным единством диалектных черт. Отличительные черты пийриссарского говора — неполное оканье гдовского (или полновского) типа, особенности образования личных форм глагола — обусловлены влиянием гдовских говоров Восточного Причудья.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. 1949 — *Очерки русской диалектологии*. Ч. 1. Москва.

Высотский С. С. 1948 — Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. *Доклады и сообщения Институтарусского языка. Вып. I*. Москва–Ленинград. С. 81–101.

ДАРЯ 1986 — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР / Под. ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. Москва.

Дурново Н. Н. 1917а — Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. Москва.

Дурново Н. Н. 1917б — Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 2. Шамордино.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. 1970 — *Диалектное членение русского языка*. Москва.

Иваницкая Е. Н. 1962 — Основные типы предударного вокализма в современных новгродских говорах (К вопросу о вокализме северных говоров). *Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та. №184* (*Статьи и исследования по русскому языку*). Москва. С. 207–234.

Кюльмоя И. П. 2009 — О семантике северо-западного перфекта в русских говорах Эстонии. *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества*. Москва. С. 137–139.

Мурникова Т. Ф. 1962 / 2012 — Описание русского говора острова Пийрисаара. *Учен. записки Тартуск. ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V*. Тарту. С. 345–363. / См. настоящее издание, стр. 40–59.

Пожарицкая С. К. 1961 — К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. *Материалы и исследования по русской диалектологии*: *Новая серия*. Отв. ред. В. Г. Орлова. Вып. 2. Москва.

Ровнова О. Г. 2007 — Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Тарту. С. 176–198.

Ровнова О. Г. 2009 — Особенности категории рода существительных в говоре староверов Западного Причудья (Эстония). Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов международной конференции 19–21 октября 2009 г. Москва. С. 188–190.

Чекмонас В. Н. 1998 — Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры). *Kalbotyra 47* (2). *Slavistica Vilnensis*.

Чекмонас В. Н. 1999 — Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории). *Kalbotyra 48* (2). *Slavistica Vilnensis*.

Чекмонас В. Н. 2001 — К изучению вокализма говоров Псковщины (ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района). *Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах*. Москва.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ОПИСАНИЕ РУССКОГО ГОВОРА ОСТРОВА ПИЙРИСААРА[1]

Т. Ф. МУРНИКОВА

Вопросом заселения русских окраин эстонской территории, их языковой спецификой до сих пор занимались лишь от случая к случаю — общей картины и цельного представления о русских на территории Эстонской ССР мы не имеем. Совсем особо следует рассматривать этногенез о. Пийрисаара, так как история этого небольшого участка тарритории ЭССР имеет свою, отличную от других русских поселений, судьбу. Это отличие сказывается также и в языке населения местного края. Так, например, русские деревни по западному побережью Чудского озера характеризуются сплошным аканьем, в то время как здесь, всего в двух с половиной километрах от этой полосы аканья, мы еще до сих пор сталкиваемся с носителями сильного оканья. Различия сказываются и в других языковых чертах, в результате чего русский говор о. Пийрисаара требует совсем особого рассмотрения.

Языковая специфика и в данном конкретном случае определяется историей его носителей, историей заселения Пийрисаара и историческими судьбами пийрисаарцев.

Остров расположен недалеко от устья реки Эмайыги, причем издалека кажется необитаемым, непривлекательным и бедным в природном отношении. Ничто не радует глаза: затонувшие в тростниках и болотной траве берега, кустарник, редкие сосенки и березки… Кажется, что к острову вообще не подъехать. Пийрисаар находится на самом узком участке озера Пейпси (в этом месте ширина его едва ли составляет 12–15 км.). С противополож-

[1] Статья Т. Ф. Мурниковой «Описание русского говора острова Пийрисаара» была опубликована в 1962 г. в «Ученых записках Тартуского университета» (Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. *V*. Тарту. С. 345–363).

ного, так называемого русского берега в водный бассейн Пейпси впадает река Желча. Все это создает весьма выгодные условия для рыбной ловли.

«Рыбу руками брать можно», так определяют обилие рыбы местные рыбаки. Вполне понятно, что уже много веков назад, начиная приблизительно с XI–XII веков, псковичи, а отчасти и новгородцы, облюбовали этот затерянный, неприглядный с виду кусочек земли. Сначала они появлялись здесь лишь на время рыболовных сезонов, образуя так наз. временные поселения. Позже на острове образовалось уже постоянное поселение — деревня под названием Желачек, что и позволяет думать, что первыми поселенцами были жители с реки Ж е л ч и. Судьба острова вообще тесно связана с историей древней Псковщины. В течение ряда веков приоритет псковичей оспаривался Ливонским орденом, который пытался ослабить русское влияние в бассейне Чудского озера.[1] Псковичи упорно отстаивали и защищали свои права, уступая лишь в случае крайней необходимости. Следует учитывать, что остров Пийрисаар был не только местом богатого рыбного промысла, но был важен и в торговом отношении, т. к. через него проходил торговый путь из Нарвы в Дерпт, а затем во Псков, которым шла оживленная торговля солью и зерном.

Совсем особо складывается судьба Пийрисаара начиная с XVIII века. Политически это время ознаменовано присоединением к Российской империи всей территории Эстонии (по Ништадскому миру 1721 г.): находившиеся до этого времени под властью Швеции Эстляндия и Лифляндия входят полностью в состав Русского государства, образуя Эстляндскую и Лифляндскую губернии. Граница Лифляндской губернии, отделяющая ее от соседней Петроградской губернии, по новому административному делению была проведена по территории острова Пийрисаара и разделила его на две части: одна часть отошла к Петроградской губернии, а другая — к Лифляндской губернии. Вот с этого времени и появляется название *М е ж а* или *P i i r i s a a r,* что значит в переводе ‘пограничный остров’. Русское название *М е ж а* употреблялось первоначально лишь по отношению к новой образовавшейся на этой губернской границе деревне. Эта вторая деревня острова вплотную примыкала к губернской границе, в то время как от границы до древнего поселения *Желачек* было около километра. На промежуточном пространстве между этими двумя селениями позже образовалась третья деревня — *Тони*. По-эстонски деревня *Межа* называлась *P i i r i k ü l a,* но затем, как и эстонское название *P i i r i k ü l a,* название деревни *Межа* было перенесено на весь остров.

[1] См. К. Ш т е р н, «Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte», Posen, 1944.

По русскому губернскому делению деревня Желачек отошла к Гдовскому уезду Петербургской губернии. По эту сторону границы был свой, особый уклад жизни, т. к. крестьяне здесь были государственные, состояли на оброке и в этом отношении находились в более выгодных условиях существования. В соседней деревне, отошедшей к Лифляндской губернии, крестьяне работали на барщине — им жилось труднее, как и всем барским крестьянам вообще. И в это время основным занятием пийрисаарцев продолжает оставаться рыбный промысел, но границы и возможности промысла заметно расширяются. Рыбаки уезжают в рыболовные сезоны на ловлю в Ладожское озеро и в Кронштадт. К этому времени относится и появление первых рыбосушительных печей. Сушили в основном снеток, который затем водным путем переправлялся во Псков и еще дальше.

Появление второй деревни, получившей название *Межа*, связано, по всей вероятности, с тем общим потоком заселения западного побережья Чудского озера, который датируется рубежом XVII–XVIII вв. и связан с гонением на старообрядцев.

Уединенный островок был для гонимых сторонников старой веры именно тем укромным уголком, где можно было чувствовать себя в полной безопасности. Таким образом, первая половина XVIII в. — это переломный этап в истории о. Пийрисаара как в политическом отношении (он отходит к России), так и с точки зрения этнической и языковой. С этого времени происходит окончательное заселение всего острова, причем уже носителями акающих говоров, т. к. основная волна этих более поздних поселенцев продвигалась со стороны псково-белорусской границы. На протяжении двух веков (XVIII и XIX) происходил живой процесс смешения двух стихий: *оканья* и *аканья*. В настоящее время подавляющее большинство молодежи и жители средних лет больше не окают, но в общей интонации речи, в самом типе аканья есть что-то особое, отличающее речь пийрисаарца от речи, например, жителя деревень Кольки, Воронья и др. Старики еще до сих пор окают довольно основательно, при этом больше окальщиков именно на его родине, т. е. в деревне Желачке. Следует отметить, что пийрисаарцы прекрасно отдают себе отчет в том, что такое оканье. В связи с поисками окальщиков нам говорили, что приехали мы поздновато, что окальщиков было много, но они или умерли, или погибли во время Великой Отечественной войны.

Третий этап в истории о. Пийрисаара связан с революцией 1917 года и событиями последующих лет, когда Эстония была вновь отторжена от Русского государства. Остров Пийрисаар отошел к Эстонии — за ним начиналась нейтральная зона, а затем советская граница. В ясный тихий летний день было слышно, как на том берегу поют русские песни, разговаривают,

но попасть на русскую сторону было невозможно. После установления в Эстонии советской власти и воссоединения с Советским Союзом остров Пийрисаар отошел к Ряпинаскому району.

На острове есть неполная русская средняя школа, неплохая школьная библиотека и другие необходимые просветительские учреждения. Жизнь бьет во всех отношениях ключом, но старожилов сильно беспокоит судьба родного острова. Дело в том, что побережье острова все время размывается водой. По словам одного из коренных жителей Желачка, только с одной стороны за последние двести лет водой постепенно затопило около 35 гектаров земли (говорил он на основании сравнения с древней картой екатерининских времен, которая, к сожалению, погибла во время последней войны). В свое время остров был значительно больше, и поэтому между континентом и островом был проливчик такой незначительной ширины, что, по словам старожилов, «бабы береговые по утрам бабам на остров помяло передавали». Постепенно вода превратила этот узкий проливчик в значительный бассейн шириной от 2 до 5 километров и раздробила остров в южной его части на отдельные необитаемые островки (около десятка островков), служащие сейчас лишь сенокосными угодьями. В борьбе с разрушающей водной стихией пийрисаарцы засадили берега своего острова тростником (троста́), что до известной степени приостановило наступательное движение воды.

Ниже дается описание характерных особенностей говора острова Пийрисаара.

ВОКАЛИЗМ

Поскольку в подударной позиции фонетический строй русского говора острова Пийрисаара ничем не отличается от литературного языка, остановлюсь на анализе

а) первого предударного слога после твердых и мягких согласных,

б) на других безударных слогах.

Эти две позиции будут рассмотрены лишь с точки зрения произношения гласных неверхнего подъема, так как гласные верхнего подъема (У, Ы, И), также как и в литературном языке, не претерпевают в исследуемом говоре сколько-либо заметных изменений.

Первый предударный слог

А. Судьба А и О (после твердых согласных)

Известно, что с точки зрения произношения гласных неверхнего подъема именно в этой фонетической позиции все говоры территории русского языка могут быть причислены к окающим и акающим. Говор острова Пийрисаара относится к окающим по своим первоначальным основам, но окающее произношение в настоящее время почти окончательно заменено вытеснившим его аканьем. Об исконном оканье свидетельствуют лишь встречающиеся параллельно с аканьем варианты оканья и особенности интонации, напоминающей «рубленую» речь русского Севера. Кроме того, звук А в первой предударной позиции носит, несомненно, более закрытый характер, и поэтому иногда его трудно отличить от О. Любопытно отметить, что общая характеристика типа оканья в говоре о. Пийрисаара мало чем отличается от описания диалектных черт Гдовского уезда, данного проф. А. Соболевским. В своем «Опыте русской диалектологии» Соболевский указывает, что оканье Гдовщины нельзя назвать полным (Аксинья, ден’ак). Еще менее полный характер имеет оканье на современном Пийрисааре. Настоящие окальщики наблюдаются лишь среди старшего поколения, причем этих окальщиков считанные единицы. В речи подавляющего большинства жителей оканье проявляется спорадически, от случая к случаю. У одного и того же объекта можно зафиксировать копа́л’и ~ капа́л’и, лов’и́т ~ лав’и́т, мог’и́лы ~ маг’и́лы и т. д. В речи сильных окальщиков количество окающих вариантов произношения в два раза больше, чем вариантов аканья: на 100 слов текста приходится приблизительно 20 случаев оканья и 10 аканья.

Как же протекает процесс перехода с позиции оканья к аканью? На основании полученного диалектного материала можно предполагать, что оканье в 1-м предударном слоге удерживается, сохраняется сильнее в двусложных словах,[1] причем очень часто именно в словах с приставкой на «о»: **по**шо́л, **по**н’о́с, **от**па́л, **от**ка́з, **от**в’ет… В многосложных словах ослабление, редукция охватывает, по-видимому, первоначально другие предударные слоги (не I предударный), более слабые позиционно. Затем ослабление, неразличение проникает и в 1-й предударный слог:

[1] от’е́ц, отцы́, гроба́, бол’шо́ј, ход’и́л, бол’е́л, пото́м, од’и́н.

1-й этап	2-й этап
пълов’и́к	пълав’и́к
гъвор’и́т’	гъвар’и́т’
съмова́р	съмава́р

Следует пожалеть о том, что закономерность перехода от древнего оканья к аканью на материале говора о. Пийрисаара не может быть установлена с достаточной точностью, т. к. на основании полученного языкового материала невозможно установить, происходил ли этот переход по принципу ассимиляции или диссимиляции. Обследование говора было произведено с большим запозданием, в результате чего влияние литературных норм (за последние 10–20 лет) сильно изменило характер предударного вокализма *переходного типа*. Сейчас мы имеем дело не с переходным типом вокализма, а с уже *завершившимся переключением* на произносительные акающие нормы литературного языка. Говор о. Пийрисаара может быть в настоящее время причислен к недиссимилятивно акающим диалектам, причем в отличие от недиссимилятивного аканья литературной речи *вариант* **а** *имеет в нем более закрытый характер* (близкий к «о»).

Б. Судьба Е, ’А (Я), ’О (Ё)

Произношение гласных неверхнего подъема (е, ’а (я), ’о) после мягких согласных в говорах острова Пийрисаара имеет, несомненно, *переходный характер*:

1) переход к нормам икающего (е-образного) произношения еще не завершился;

2) древнее, различающее все вышеуказанные звуки произношение утрачено, т. к. мы имеем дело с якающим произношением, причем именно *с умеренным типом яканья*, который нередко характеризует переход от оканья к аканью.

При умеренном яканье переход к икающему литературному варианту наблюдается первоначально *лишь перед мягким согласным*, в то время как перед твердой согласной фонемой е, ’а (я), ’о (ё) совпадают в варианте ’а (я):

перед мягкими согласными:

т’ип’е́р’, д’ит’е, р’им’е́н’, м’ин’а́,
м’ис’и́т’, с’им’ја́, истр’иб’и́т’ил’,
расстр’ил’ал’и и т. д.

Перед твердыми согласными:

на – б’ир’агу́, п’асо́к, м’ажа́: т’ану́т’,
л’ажа́нка, пр’ив’аза́т’, с’аво́чык (севочек) и т. д.

В известных случаях эта закономерность перехода к литературному иканью нарушается: смешение свидетельствует, по-видимому, или о влиянии аналогичных близких форм, или о переключении на один вариант совпадения. Чаще таким единым вариантом совпадения является именно вариант «и»:

стр’ил’а́т; пр’им’еj
стр’ила́; пр’имо́j

Реже единым, общим вариантом совпадения является ’а(я):

в’аду́ — в’ад’и́

Следует отметить, что особую судьбу имеет и в данном случае такой формант, как приставка, в частности приставка *пере-*. Так, в обследованном говоре при переходе к аканью многосложных слов утрачивается в произношении второй гласный элемент приставки: п’ир’[и]жыва́т’, п’ир’[и]бра́т’, п’ир’[и]нас’и́т’, п’ир’[и]в’аза́т’ и т. д.

Итак,

1) переход к нормам литературного произношения в I предударной позиции происходит прежде всего в положении после твердых согласных. Так, в говоре о. Пийрисаара в настоящее время мы уже можем говорить о завершившемся переходе от оканья к литературному аканью.

2) Переход к нормам литературного произношения после мягких согласных протекает «болезненнее», т. е. более замедленным темпом, о чем свидетельствуют также и диалектные материалы по о. Пийрисаару: здесь мы наблюдаем в настоящее время переходный тип вокализма, именно умеренное яканье. О переходе к литературному иканью пока не может быть и речи — вокализм в этой позиции носит пока еще ярко диалектный характер.

Другие безударные позиции

В других безударных позициях (не в 1-м предударном слоге) переход к неразличению **а** и **о**, а также е, ’а (я), ’о (ё) сказывается в говорах острова Пийрисаара в еще более сильной степени. Следует предполагать, что утрата различения гласных неверхнего подъема, т. е. утрата оканья, начинается, по-видимому, именно с этих наиболее слабых позиционно звеньев слова.

Вариантом совпадения **а** и **о** в других безударных позициях является очень неясное, краткое **а**, которое в заударном слоге нередко звучит как **ъ** или **ы**.
Например:

Перед ударением	**После ударения**
пăчталјон	н’е́вад**ъ**м (неводом)
мăлад’е́ц	грыбо́чк**ъ**ф (грибочков)
гăлубо́ј	са́х**ъ**рн**а** (сахарная)
мăгаз’и́н	б’ис – стр’е́л**ъ**к (без стрелок)

Вариантом совпадения ’е и ’а (я) в тех же позициях является ослабленный звук **и**, который иногда в заударной позиции звучит как «ь».
Например:

Перед ударением	**После ударения**
на – б’**и**р’агу́	о́з’ира (озеро)
в – р’**и**шат’и́	на́‿б’**и**р’**ь**к (на́ берег)
м’**и**сару́пка	су́пр’**и**тка

Наряду с неразличением гласных неверхнего подъема в других безударных позициях, приближающим вокализм исследуемого говора к произносительным нормам современного русского литературного языка, в речи старшего поколения, т. е. у носителей традиционного местного говора, наблюдается еще до сих пор окающее, **различающее произношение также и в этом безударном положении**. Особенно часто окающее произношение сохраняется в таких словах, как например,

п**о**каза́л, п**оо**тр’е́зал,
п**оо**б’ашша́л, п**о**мол’и́лс’а
п**о**тписа́ца, потсм’ија́лс’а и т. д.

В ряде случаев оканье в других предударных позициях было отмечено в словах с полногласием:

м**о**лоду́ха, г**о**лова́, х**о**рони́ть и т. д.

Следует отметить, что в говоре острова Пийрисаара древнее оканье в других безударных позициях наблюдается лишь при произношении **о** и **а** (после твердых согласных) — **е и ’а /я/**, как правило, уже окончательно утратили свое первоначальное различение — не различаются даже у носителей традиционного говора.

Итак, в результате обследования говора о. Пийрисаара можно отметить следующие закономерности в развитии безударного вокализма:

1. Смешение, или неразличение гласных неверхнего подъема при переходе от оканья к аканью **наблюдается первоначально в более слабой артикуляционно, так называемой 2-й позиции, т. е. не в 1-м предударном слоге**, причем в этой позиции меньшее сопротивление процессу неразличения оказывают гласные е, ’а (я), ’о (ё). Произношение **а** и **о**, их различие сохраняется более продолжительное время.

2. Смешение, неразличение, переход к аканью в 1-м предударном слоге является вторым этапом при утрате оканья, причем **нормы литературного аканья прививаются быстрее, чем нормы литературного иканья**: аканьем охвачены все слои населения (за исключением небольшой прослойки окальщиков), в то время как **литературное иканье не наблюдается в речи даже передовых представителей местной сельской интеллигенции**. Предударный вокализм после мягких согласных определяется **умеренным яканьем**, которое является, как правило, одной из переходных форм вокализма при переключении оканья на позиции аканья.

КОНСОНАНТИЗМ

Система согласных русского говора острова Пийрисаара также свидетельствует о северном происхождении носителей местного диалекта.

Так, фонетический строй северной русской речи отличается с точки зрения консонантизма наличием взрывного «**г**» и зубно-губного «**в**», которые, оглушаясь, дают **к** и **ф**. В говорах острова Пийрисаара мы имеем дело с взрывным «г», и только в словах церковнославянского происхождения (*γ*осподи, бо*γ*а), а также в известной фонетической среде (между двумя гласными), наблюдается замена исконного взрывного «г» длительным по своему характеру фрикативным *γ*: ру́*γ*ан’, ша*γ*’и́, jе*γ*о́р’иј и т. д.).

Все три задненебные согласные в исследуемом говоре подвергаются позиционному смягчению, образуя мягкие к’, г’, х’, наблюдающиеся также и в фонетической системе литературного языка. Вместе с тем в говоре отмечено несколько случаев предельного смягчения звука «*г*» с переходом его в звук «*j*», например:

герань	jара́н’
герма́нец	jерма́н’ец
гимназия	jимна́з’иjа
Германия	jарма́н’иjа и т. д.

О полном смещении зоны образования задненебных **к** и **г** свидетельствуют два случая замены исконных **т** и **д** звуками заднеязычного образования **к** и **г**:

почти	пачк'и́
для	г л'и́

Второй отличительной чертой консонантизма говора острова Пийрисаара является **зубно-губное** «в», переходящее при оглушении в **зубно-губное** «ф». В материалах не отмечено ни одного случая губно-губного «в» или неслогового ў. Глухая пара звука «в» — фонема «ф» — имеет несколько более расширенную сферу употребления, что свойственно также в основном с.-в.-р. говорам русского языка, напр.:

квартира — фат'е́ра ~ кварт'е́ра
квитанция — ф'ита́нцыја
хутор — фу́тар

Необходимо остановиться также на судьбе шипящих согласных в говорах острова Пийрисаара. Мы знаем, что наряду с шипящими **ж** и **ш** в русском языке существуют долгие ш' и ж', которые являются единственными долгими согласными в системе русского консонантизма. Шипящие согласные в литературном языке до самого последнего времени различались с точки зрения мягкости и твердости: **ж** и **ш** являются твердыми согласными, в то время как долгие **ж'** и **ш'** — мягкими.

На территории русского языка, в говорах и просторечии, это различение по мягкости и твердости на наших глазах утрачивается: все шипящие (**ж**, **ш**, **ж'**, **ш'**) становятся твердыми, причем отвердению подвергается прежде всего долгое ж: дрож'ж'и > дрожжы, во́ж'ж'и > во́жжы. В речи жителей острова Пийрисаара вся группа шипящих согласных — **ж**, **ш**, **ж'**, **ш'** — окончательно отвердела, причем отвердению подвергались также фонемы **ч** и **ц**; долгое ш' произносится здесь как ш-ш, а долгое ж' — жж (не шч!):

жана, о́чын', жы́т'ил', ца́рскаја, час; чаты́р'и, кашше́ј, шшу́ка, л'ешш; дажжа́ н'ет; пам'е́шшык и т. д.

Двойные шипящие звуки, образовавшиеся на стыке морфем, по произношению ничем не отличаются от долгих вариантов, например: жжыга́л'и (сжигали), изво́шшык (извозчик), б'иж жаны́ (без жены) и т. д.

В связи с группой шипящих звуков и звука «ц» необходимо коснуться вопроса цоканья, т. е. **неразличения ч** и **ц**. В настоящее время говор должен быть отнесен к нецокающим, но в прошлом это распространенное, в особенности на с.-в.-р. территории, диалектное явление имело место, видимо, также и в говоре острова Пийрисаара. Об этом свидетельствуют

очень употребительные и в наши дни формы деепричастий **ушо́цы**, **пришо́цы**, **нашо́цы** и т. д.

Итак, свойственный всему русскому языку процесс отвердения исконно мягких шипящих согласных в говоре острова Пийрисаара привел к окончательному и полному отвердению всей группы (включая ч, долгие ж’, ш’). Такой утрате древней мягкости способствовало, по всей вероятности, более позднее заселение острова с территории с сильным белорусским влиянием.

Тем же белорусским влиянием следует, по-видимому, объяснять и отвердение звука «р» в таких словах, как напр., гр**ы**бы, гр**ы**бо́чк’и, кр**ы**ча́ть, кр**ы**к, р**ы**ск, р**ы**сковать, скр**ы**п, скр**ы**петь и т. д.

Наряду с ускоренным (сравнительно с литературным языком) процессом утраты древней мягкости шипящих в говоре наблюдается, наоборот, **сохранение древней палатализации** в словах с суффиксом -ск:

чухо**н**’с’каја, јапо**н**’с’каја, зе**м**’скаја, ру́**с**’с’каја, јесто**н**’с’каја, ба**р**’с’каја и т. д.

Все это свидетельствует о том, что отвердение согласных, которым охвачены в настоящее время все русские говоры, а также литературный русский язык, в говорах протекает неравномерно и зависит от целого ряда причин и условий чисто языкового, а также местного характера.

В группах согласных наблюдаются те же закономерности оглушения и озвончения, что и в литературном языке, причем на конце слова звонкий согласный обычно оглушается.

Кроме того, в говорах острова Пийрисаара очень распространена ассимиляция в группах согласных **дн** и **бм**: дн > нн; бм > мм. Подобный переход наблюдается также преимущественно на севере в окающих говорах:

одна — анна́
родной — ро́нныј
холодный — хало́**нн**аја
обман — амма́н
обмерла — амм’ерла и т. д.

Следует отметить, что эти диалектные формы крайне устойчивы и наблюдаются в речи как старшего, так и младшего поколения.

В конце слова в группах согласных наблюдается утрата второго элемента и упрощение всей группы, что является также весьма устойчивой чертой речи местного населения:

рубль > руп
корабль > кара́п
журавль > жура́ф

Таким слабым, выпадающим звуком — как правило — является фонема «л», которая в качестве вставочного элемента утрачивается в системе русского консонантизма также и в других позициях, что, видимо, приводит к выпадению ее и в этом положении.

Общий анализ консонантизма русских говоров острова Пийрисаара свидетельствует о том, что на этом участке в настоящее время мы можем говорить уже о завершившейся нивелировке и переключении на произносительные нормы общенародного литературного языка. В говоре, как и в литературном языке, насчитывается 34 согласных звука, которые образуют ряды глухих ~ звонких, а также твердых ~ мягких согласных. Такие диалектные явления, как цоканье, не отмечены даже в речи носителей традиционного говора. Местную окраску системе консонантизма острова Пийрисаара придает лишь предельная твердость всей группы шипящих согласных звуков и некоторые частные и мелкие особенности в произношении отдельных слов. Все это свидетельствует о том, что переключение на позиции литературного произношения в области консонантизма встречает меньшее сопротивление сравнительно с вокализмом говора.

МОРФОЛОГИЯ

1. Имя существительное

Категория **рода** имени существительного в исследуемом говоре в целом ряде случаев дает любопытные диалектные сдвиги, свидетельствующие о неустойчивости, слабости определенных групп слов. Так, неустойчивы с этой точки зрения слова среднего рода на -**ие**, которые переходят в категорию слов женского рода на -**ия:**

безобразие — безобраз**ия** известная
настроение — настроен**ия** плахая
учение — учен**ия** новая

Неустойчивым с точки зрения рода является также слово-одиночка «путь» — в целом ряде случаев был отмечен его переход в категорию слов женского рода: моя путь

Заметные колебания наблюдаются в этом отношении в словах-неологизмах иностранного происхождения:

клиника — сумасшедший клиник (м. р.)
километр — одну́ километру (ж. р.)
метр — в ме́тру вышины (ж. р.)
архив — архива такая (ж. р.)
кило — дай две ки́лы́ (ж. р.)

литр — литра молока (ж. р.)
радио — наша радива (ж. р.)

Слова несклоняемые — кило, радио, пальто, депо — в говоре склоняются, образуя формы соответственно тому грамматическому роду, к которому они в говоре отнесены (ки́ла, архива; килы, архивы; килу, архиву и т. д.).

В категории **числа** имени существительного следует отметить

а) рудименты древних форм в выражениях два дни, три рубли;

б) употребление формы множественного числа от слов вещественного значения:

лу́к’и́ в-на́с но́нича харо́шыjи;
на-том по́л’и ашшо́ бо́л’шы лу́каф;
паjе́хал с-лу́ками на-ры́нък;

в) рудименты древних форм множественного числа в следующих словах: гла́зы, до́мы, дро́вы.

В **склонении** имен существительных наблюдается усиленный процесс разрушения и нарушения границ древних деклинационных групп, который сопровождается **унификацией окончаний** не только в пределах множественного числа, но также и **в единственном числе**. Такой первой ступенью унификации окончаний в единственном числе является **предложный падеж, в котором слова всех грамматических родов и склонений оканчиваются обычно на -и ~ -ы**:

1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение
на-сва́д’**бы**	на-окн’**и́**	на-ло́шад’и
ф-с’ам’j**и**	на-мато́р’**и**	в-гаван’и
в-ро́шш**ы**	на-кан’**и**	ап-со́л’и
в-брига́д**ы**	в-го́рад’**и**	
в-вад**ы́**	ф-по́л’**и**	
	в-о́з’ир’и	
	на-стал’**и́**	

Во множественном числе процесс унификации окончаний сильно сказывается в **родительном падеже**, где объединяющим все слова формантом является флексия -**ов** ~ -**ев**:

1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение
мал’чы́шкаф	жы́хар’еф	лошад’о́ф
сва́дбаф	род’ит’елеф	мы́шеф
ба́баф	ко́н’еф	
	немцо́ф	
	волосо́ф	

В результате, по-видимому, того же унифицирующего фактора в говоре наблюдается утрата особых форм склонения слов на -**мя**: основа этих слов выравнивается путем утраты наращения, и они переходят в склонение слов среднего рода:

И.	вр’ем’а ~ вр’е́м’е	В.	вр’е́м’а ~ вр’ем’е
Р.	вр’е́м’а	Т.	вр’е́м’ем
Д.	вр’е́м’у	П.	о-вр’е́м’е

(срв. просторечное «ма́ло вр’е́м’а», «много вр’ем’а»)

Таковы живые процессы, закономерности в развитии системы склонения имени существительного. Основная особенность связана с тенденцией унификации, выравнивания основ и окончаний вне зависимости от деления на традиционные деклинационные группы.

1. Имя прилагательное

В **склонении** имен прилагательных следует отметить прежде всего так наз. **стяжённые формы**, наблюдающиеся в именительном и винительном падежах слов женского рода:

И.	чы́ста гр’а́с;	моло́да утка
В.	чысту гр’а́с;	моло́ду утку

Аналогичные стяженные формы наблюдаются также и при склонении местоимений:

так**а́** высо́к**а** гора́
на таку́ высо́ку гору́

Кроме того, всем склоняемым словам (сущ., прилагат., числит., мест.) присуща замена форм **творительного падежа множественного числа формами дательного падежа мн. числа**:

са-сваи́м тр’о́м мало́дым дачка́м
(со своими тремя молодыми дочерьми).

Это смешение дательного и творительного падежей имеет, по-видимому, глубокие корни, т. к. оно охватывает очень значительную территорию русского языка и является весьма устойчивой диалектной особенностью, почти не поддающейся нивелировке. Что касается острова Пийрисаара, то на нем почти невозможно найти человека, который различал бы формы этих двух падежей и не путал сочетания:

к нам — с нами (с нам!)

по о́кнам — перед о́кнами (перед о́кнам!)
к родителям — с родителями (с родителям!)

2. Глагол

В категории глагола, также как и в прилагательном, в целом ряде случаев прослеживается **стяжение** при интервокальном j, причем иногда мы наблюдаем стадию с утратой этого согласного, но без последующего процесса стяжения двух гласных:

без стяжения (только утрата j)	со стяжением и утратой j
д’е́лаэт	ты думаш (думаешь)
усп’еэт	ты бросаш (бросаешь)
зна́эт	он знат (знает)

Наличие стяжения как в формах глагола, так и в категории имен (прилагат., местоим.) свидетельствует опять-таки о северной основе говора острова Пийрисаара.

Наряду со стяжением следует отметить весьма распространенные **усеченные формы III лица**, которые употребляются параллельно с полными формами:

цв’ат’о́т	цв’ат’о́
б’ар’от	б’ар’о́
думают	ду́мају
хо́д’ут	хо́д’у
папју́т	пап’ју́
папл’а́шут	папл’а́шу

Следует отметить, что в говорах острова безударное окончание в глаголах 2-го спряжения звучит обычно как **ут** ~ **ют** (хо́д’ут, ви́д’ут, слышут и т. д.), причем даже у носителей традиционного говора окончания 3-го лица всегда твердые, что является также одним из основных признаков с.-в.-р. основы говора.

3. Местоимение

Категория местоимения представляет в исследуемом говоре весьма пеструю диалектную картину.

В разряде личных местоимений мы наблюдаем следующие диалектные черты:

1. **йотованную форму** III л. ед. и мн. ч.: јон, јана́, јаны́ (аны), весьма распространенную на территории русского языка вообще.

2. **протетическое «н»** — при употреблении с предлогами — обычно вообще не наблюдается, иногда же (очень редко!) употребляется не только при предлогах, но и в беспредложной конструкции. Такая утрата вставочного «н» свидетельствует также о тенденции выравнивания основы при употреблении форм личных местоимений:

И. јон	В. јаво́, в-јаво́
Р. јаво, у-јаво;	Т. јим, с-јим
Д. јаму́, по-јаму;	П. в-јом, по-јом

3. В качестве формы III л. мн. числа употребляется, как правило, древняя форма «оны», которая при аканье и йотации звучит как «**јаны́**» (форма женского рода), причем если в единственном числе йотация общеупотребительна, то в форме мн. числа она зачастую опускается: **аны́**.

В склонении собственно личных местоимений 1-го и 2-го лица отметим употребление энклитической формы дательного падежа **т’и** в застывших фразеологических сочетаниях типа «помоги **ти** γаспо́д’, дай-**ти** бох» и т. д., а также аналогичной формы винительного падежа в тех же сочетаниях (спаси́ т’а Хр’исто́с).

Форма родительного — винительного падежа единственного числа **меня**, **тебя**, **себя** дает лишь диалектные фонетические отклонения от литературной нормы (м’ан’а́ ~ м’ин’а́, т’аб’а́ ~ т’иб’а́, с’аб’а́ ~ с’иб’а́). В склонении местоимений других разрядов наблюдается также целый ряд диалектных особенностей, свидетельствующих **или о сохранении рудиментов древних форм** склонений (например, форма множественного числа вс’и́, оны́ вместо все́, они́), **или о тех или иных специфически местных диалектных закономерностях** более позднего образования. Так, например, указательное местоимение тот, та, то дает в говоре ряд диалектных форм:

И.	тот, та́ја, то́је
Р.	то́ва, той, то́во
Д.	то́му, той, то́му
В.	то́ва, то́ю, то́ва
Т.	ты́м, той, тым
П.	том, той, том
	тым в тым

Ударение в склоняемых формах местоимений имеет в говорах много своих местных особенностей:

И.	мой, Р. маjóва
И.	твой, Р. тваjóва
И.	свой, Р. сваjóва
Р.	никóва, ничóва
Д.	никóму, ничóму и т. д.

В употреблении сложной формы указательного местоимения **этот**, **эта**, **это**, образовавшегося из местоимения **тот**, **та**, **то** и частицы **э**, прослеживается до сих пор промежуточный этап формирования этой сравнительно новой формы, когда частица **э** ~ **je** могла употребляться самостоятельно и **стояла перед предлогом:**

э́фта (е́фта)	[э-в-та]
э́нтат	[э-н-тот]
с-эстим	[с-э-с-тем] и т. д.

При анализе категории местоимения нельзя пройти мимо такого диалектного новообразования, как **jевонныj**, **jеjный**, **ихн'иj**. Эти формы окончательно вытеснили застывшие, мертвые формы притяжательных местоимений III лица **его**, **ее**, **их**, омонимичные с формами родительного падежа личных местоимений III лица. Этот факт свидетельствует о неустойчивости, несостоятельности грамматической омонимики, о тенденции расподобления, замены такого совпадающего варианта. Слабость форм **его**, **ее**, **их** обусловлена, по-видимому, не только их совпадением с формами личных местоимений, но также и неизменяемостью, безжизненностью этих форм.

СИНТАКСИС

С точки зрения общей характеристики синтаксического строя речи жителей острова Пийрисаара можно отметить следующее:

1. Преобладают простые распространенные предложения, причем в встречающихся сложных предложениях мы имеем дело чаще с **бессоюзными конструкциями**. Все это свидетельствует об отставании в темпах развития синтаксического строя, **о предельной устойчивости этой языковой стороны**.

2. Из союзных средств подчинения наиболее употребительны союзы **что**, **чтоб**, **потому как** (потому что), коли, ежели (если).

3. Особого, весьма серъезного исследования заслуживает интонация речи носителей говора острова Пийрисаара, т. к. в ней, по-видимому, сохраняются элементы древних интонационных закономерностей русского языка.

Что касается специфики отдельных синтаксических конструкций, то укажу на следующие обнаруженные в речи пийрисаарцев особенности:

1. **В отрицательных предложениях** в целом ряде случаев были зафиксированы обороты с одним отрицанием (при отрицательных местоимениях в наречиях), которые употреблялись в русском литературном языке вплоть до XVIII века:

жыс’т’ моја́ н’икуда́ год’а́шшаја;
друго́ј н’икако́ва го́р’а в’и́д’ит;
н’икто́ т’аб’а́-и- смо́тр’ит.

Вместе с тем, следует отметить, что родительный падеж употребляется в говоре не только при отрицании, но и в утвердительной конструкции:

всяких есть людей;
в-мана́ есть денег;
в-јаво је брат’јо́ф.

2. **В безличных конструкциях** типа «**сказано-сделано**», имеющих в говорах значительно большую сферу употребления, чем в литературном языке, а также в личном обороте со сказуемым, выраженным краткой формой страдательного причастия прошедшего времени (пассивный оборот типа «работа сделана мною»), наблюдается весьма характерная для с.-в.-р. говоров замена **беспредложного творительного падежа, обозначающего деятеля**, **предложной формой родительного падежа**, а именно родительным падежом с предлогом «у». В говорах острова Пийрисаара родительный падеж с предлогом «**у**» дает фонетический **переход и совпадение с предлогом «в»**:

у меня > в-м’ана́
у сестры > в-с’астры́

В результате такой диалектной специфики оборота литературному словосочетанию «сказано мною» соответствует диалектное пийрисаарское «**сказано в-м’ана́**».

Второй отличительной особенностью подобных оборотов, сравнительно с литературным языком, является сама сфера **образования форм страдательных причастий**. Если в литературном языке эти формы образуются лишь **от переходных глаголов** и преимущественно от глаголов совершенного вида, то в говорах фиксируются в равной мере формы как от переходных, так и непереходных глаголов, от совершенного и от несовершенного вида:

в - м’иня́ хо́жына ф - шко́лу два го́да;
там бы́та и с’и́жано.

Формы страдательных причастий образуются в одном случае даже от глагола с явным признаком переходности в лице возвратной частицы **-ся**:

там в оз’о́рку в м’ан’а́ **купа́нося;**
в – мыша́х ута́щшына фс’и́ астаткʼи;
в – д’ит’а́х куды́ – та засо́вана;
кл’о́ны в - прав’ит’и́л’ства сажо́на;
ме́л’н’ица постро́ина в – баро́на γе́сс’инава.

Подобные синтаксические обороты распространены на значительной территории с.-в.-р. говоров (центральная часть и крайний Север, в архангельских и вологодских говорах), а также в белорусском языке. На территории ю.-в.-р. они встречаются редко, но зафиксированы также и в этой части территории русского языка. Все это свидетельствует о чисто русском происхождении данной конструкции, о ее древности, жизненной силе и устойчивости.

Параллельно с этим распространенным оборотом речи в говорах острова Пийрисаара употребляется также близкая данному обороту синтаксическая конструкция **с деепричастием в роли сказуемого**, встречающаяся преимущественно в западной части с.-в.-р. говоров.

Такое деепричастие в функции сказуемого относится к разряду именного сказуемого, т. к. употребляется и со связкой. При наличии связки «был» (был ушо́цы) эта форма приобретает значение **древнего давнопрошедшего** времени (прошлое состояние, которое было результатом предшествующего законченного действия).

«Отец был пом’о́ршы, как ја рад’и́лс’а».

В исследуемом говоре зафиксировано очень много примеров именно этого оборота речи:

1) **Я зде́ся и род’ифшы и вы́рашшы** (я местная уроженка, это мой отличительный признак).

Я пап’и́фшы и поје́фшы (я попил и поел — неизвестно, сыт ли?)

2) «рошша дубова тапе́р’а фс’а **завал’и́фшы**» (ее больше нет, ее не существует).

3) «были мы ф - пирикр’о́снај аго́н’ **папа́фшы**» (были в опасном состоянии!)

4) «двацат’ гр’ат ни - паса́жына **астафшы**» (работа не доделана, грядки сейчас пустуют).

5) он н’ада́вна асвабад’и́фшы (недавно стал свободным).

В последнем примере мы наблюдаем типичную для таких оборотов утрату возвратной частицы -**ся** (корова телифшы, я разувшы, вернувшы и т. д.), т. к. она, собственно, излишня, поскольку подобные деепричастные формы не могут иметь при себе прямого объекта.

В говорах острова Пийрисаара, также как и в русских диалектах вообще, оборот типа «он ушоцы» изживается очень медленно, т. к. за ним закрепилось определенное значение, отличное от формы прошедшего времени. В литературном языке и в том и в другом случае употребляется прошедшее время на -л, -ла, -ло. В случае дифференциации значений процесс нивелировки обычно тормозится в значительно большей степени, чем при наличии грамматической синонимики, т. е. при наличии заменяющей тот или иной диалектный вариант литературной формы или синтаксической конструкции.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ НА ОСТРОВЕ ПИЙРИСААР[1]

Т. Ф. МУРНИКОВА

Остров Пийрисаар расположен в южной части Чудского озера. От русского берега его отделяет расстояние в 4–5 км, от эстонского — 2,5 км. Западная часть острова низменная, заболоченная и непригодная для заселения. Все три населенных пункта — Межа, Тони, Желачек — расположены в восточной, более высокой части острова.

Первое упоминание об острове мы встречаем в Псковской летописи под годом 6878 (1370): Бысть же сие розратие псковичемь с нЕмци по 5 лЕт про обидное мЕсто *Жалачко* [1]. Оно вводит нас в атмосферу столкновений между псковичами и немцами. Остров назван «обидным местом», т. е. территорией, из-за которой возникали ссоры — обиды.

В летописи упоминание об острове Желачко и в дальнейшем связано с описанием столкновений немецкого Ордена с псковичами. Так, под годом 6969 (1461) мы читаем: и отдавше нЕмци псковскыа иконы, что на *Жалачке* сожгоша церковь святого архангела Михаила [2]. Далее под годами 6968, 6971 и 6976 мы встречаем название того же острова, но в разных фонетических вариантах: *Жолоцек, Жолоцко, Жалачек* и *Жолчь*. По своему происхождению это древнейшее название острова связано, по всей вероятности, с рекой Желчой, которая впадает в Чудское озеро восточнее острова Пийрисаар.

Названия *Желча* и *Желачек* связаны со словом *желчь*, которое в древнерусском языке имело форму *жьлчь*, а в старославянском — *жльчь, зльчь, жлъчь*.

[1] Статья Т. Ф. Мурниковой «Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар» была опубликована в 1988 г. в сборнике «Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Межвузовский сборник научных трудов» (Ленинград. С. 122–126).

В русских говорах *желкнуть* употребляется в значении «желтеть» (Даль, I, 531). Возможно, слово *желчь* имело первоначально значение, связанное с понятием желтого цвета. Поэтому вполне вероятно, что река Желча получила свое название по желтому цвету дна и воды. Не случайно местные жители утверждают, что «вода в ней желтая, ржавая». Слово *желчь, жолчь* впоследствии приняло полногласную форму *жолочь*. В пийрисаарском говоре эта форма бытует и в наше время (в рыбы *жолочь*, в мяня *жолочи* многа).

Почему название реки Желчи стало наименованием острова? Известно, что водное пространство между устьем реки Желчи и островом Пийрисаар — это самое богатое рыбой место во всем Чудском озере, причем особенно богата рыбой та часть озера, которая непосредственно омывает остров. Это, по-видимому, вызвало переход известной части населения с материка на остров. В дальнейшем перебравшееся на постоянное жительство население и принесло с собой название *Желчь* или *Жолочь*. Название *Желачек* с уменьшительным суффиксом стало обозначать населенный пункт на острове, в отличие от более крупных поселений на материке. Название небольшого населенного пункта со временем стало наименованием острова — в летописи оно фигурирует уже как название острова.

Варианты названия со звуком /Ц/ (*Жолоцко, Жолоцек*), также встречающиеся в Псковской летописи, отражают цокающий говор древнего Пскова.

Участники диалектологической экспедиции Тартуского госуниверситета отметили еще одно интересное топонимическое название — *Порка*, причем житель деревни Межа, по происхождению эстонец, отмечает: «Porkal enne elasid eestlased» («Раньше на *Порке* эстонцы жили»). В настоящее время это название связывается с небольшим мыском, на котором нет никаких поселений. Русское население острова Пийрисаар называет этот мысок *Борком*. Один из русских жителей подтвердил, что эта часть острова в свое время была обитаема: На *Борке* семь жителев была, это истонцы были. Такое же название острова мы обнаруживаем на географической карте 1562 г. Если сравнить теперешнее очертание острова с картами 1796, 1798 гг., то мы увидим, что мыс, который в настоящее время называется *Борок* или *Порка*, имел совсем иную форму и по площади был гораздо больше. Кроме того, он образовывал в прошлом значительную узкую бухту. Большая часть мыса сейчас покрыта водой, но бухта до известной степени сохранилась и носит название *Курма* — с эстонского значит ‘бухта’, ‘залив’.

На старинных немецких картах XVII–XVIII веков остров называется *Борок* [3]. Появление параллельных наименований *Порка* и *Борок* вполне зако-

номерно, первое является эстонским вариантом произношения: звонкий /Б/, особенно в начале слова, эстонскому языку не свойствен.

Русское название мыса — *Борок* — можно связать или с немецким Borke 'кора' (в таком случае слово стало полногласным, и в нем отпало не свойственное русскому языку окончание), или со словом *бор* 'лес', если предположить, что эта часть острова в свое время была покрыта лесом. Местные жители и сейчас рассказывают, что около Борка в ясную погоду в воде видны затопленные деревья. В настоящее время правильность той или иной точки зрения доказать трудно.

По вопросу о происхождении названий *Борок* — *Порка* можно найти интересный материал в статье К. Штерна [4]. К. Штерн обращает внимание на то, что в Псковской летописи, кроме *Желачка*, встречается еще одно название острова, а именно *Озолица*. Оно встречается под годом 6967 (1459), причем из текста ясно, что речь идет о том же «обидном месте» Желачке. Немецкое название, о котором говорилось выше, и русское слово *Озолица* близки по своему значению, так как русское *озолица* связано со словами *озол* и *озолки*. Слово *озол* в значении 'пепел', 'зола' употребляется в пийрисаарском говоре и в настоящее время [5], с этим же значением оно употребляется и в севернорусских говорах.

Указывая, что глагол *озолеть* от этого же корня имел значение 'стиснуть', К. Штерн делает предположение, что оба названия острова связаны с промыслом обработки и дубления кожи. С этой точки зрения *Порка* и *Озолица* семантически близки, оба названия говорят о том, что на острове, по крайней мере в той части, где сейчас находится Борок, был когда-то лес, кора деревьев которого шла на обработку кож. Это тем более вероятно, что и в настоящее время люди старшего поколения помнят об этом ремесле, хотя сейчас им на острове никто не занимается. По воспоминаниям одного из жителей Желачка, еще совсем недавно из деревни Воронья, расположенной на материке, приезжали на остров за ивой (местное название *бредина* и *ракита* [6]), кора которой идет на обработку кожи. Можно предположить, что это ремесло в свое время имело широкое распространение, т. к. оно нашло отражение в названии всего острова.

Хронологически более поздним названием острова является современное — Пийрисаар. Уже на картах 1796 и 1798 гг. приводится два наименования: более старое и более новое. Этимология этого последнего названия свидетельствует о том, что Пийрисаар стал пограничным островом (piir — по-эстонски 'граница'). Мы знаем, что в первой половине XIV столетия весь остров принадлежал Пскову. Позже граница русского государства передвинулась на восток и стала проходить по правому побережью Чудского озера,

причем Пийрисаар в это время был на захваченной территории. В результате Северной войны Прибалтика вошла в состав России, причем через остров Порка стала проходить граница между Петербургской и Лифляндской губерниями. К тому времени на острове появился новый поселок, который назвали *Межа*; эстонцы называли его *Пийрикюла*, что означает ‘пограничная деревня’. Позднее это наименование нового поселка перешло на весь остров, а за полузатонувшей частью острова сохранилось его прежнее название — *Порка*.

Интересно с лингвистической точки зрения название третьей деревни *Тони*. Это самая молодая деревня, т.к. и сейчас еще живы люди, которые помнят, как она начала строиться. В основном в ней живут выселки из Желачка и Межи, но никто из жителей не смог объяснить происхождение ее названия. В связи с этим названием (*Тони*) отметим, что в работе Н. Аристова «Промышленность древней Руси» встречается следующее указание: «Владения водами и рыбными ловлями соединялись с поземельными владениями…». Из Новгородских и Двинских актов XIV столетия видно, что земля продавалась вместе с *тонями* и рыбными ловлями. В купчей 1350 г. упоминаются при продаже земли *тони*, ловица [7]. В словаре А. Подвысоцкого мы находим такое объяснение этого слова: «Тоня — место лова. Участок, часть моря, который принадлежит одному владельцу» [8]. В материалах АРО Тартуского университета за 1936 г. слово *тоня* встречается в значении «площадь, охваченная опущенным в воду неводом».

У В. И. Даля слово *тоня* обозначает ‘рыбачий стан, притон, становище’ (IV, 415). Вполне вероятно, что когда-то участок земли, на котором в настоящее время находится деревня Тони, был местом, сдававшимся в аренду вместе с определенным участком водного пространства; позднее эту землю заселили, и таким образом нарицательное имя существительное стало именем собственным.

Наблюдения над названиями острова Пийрисаар позволяет сделать некоторые выводы:

1. Население острова не было монолитным в этническом отношении, т. к. на острове бытуют различные по происхождению топонимические названия: русские (*Межа, Желачек, Тони*), эстонские (*Пийрисаар, Курма*) и немецкое (*Борок — Порка*).

2. Эстонское население с давних времен жило на мысе, который в настоящее время размыт и необитаем, но сохраняет эстонское название.

3. Русское население острова по своему происхождению связано с северными областями российской территории, т. к. русская топонимика острова — северного происхождения.

4. Самыми древними названиями острова являются *Желачек* и *Озолица*, позднее появились названия *Борок — Порка*, причем последнее является, по-видимому, немецким переводом русского слова *Озолица*.

5. Позднейшими названиями являются *Межа* и затем *Пийрисаар*, последнее сохранилось и до наших дней.

Примечания

1. Псковские летописи / Изд. А. Насонов. М., 1955. С. 149.
2. Там же.
3. Ш т е р н К. Борьба Дерпта и Пскова за рыболовство на Чудском озере // Исследования к истории Балтики. Тетрадь 5. Рига, 1944. С. 75.
4. Там же. С. 81.
5. Архив русского отделения Тартуского ГУ. Материалы 1960 г. (в дальнейшем: АРО).
6. Там же.
7. А р и с т о в Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 27, 29.
8. П о д в ы с о ц к и й А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

II

Язык, культура и история Пийриссаара

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

СТАРОВЕРЫ ОСТРОВА ПИЙРИССААР ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД (по материалам диалектологических экспедиций филологического факультета ЛГУ)[1]

Е. В. ПУРИЦКАЯ

В основу статьи легли материалы экспедиции ЛГУ на о. Пирисаре (соврем. название Пийриссаар), в дер. Межа, Желачек в июле 1960 г., записи сделаны студентами 3 курса филологического факультета ЛГУ и представляют собой две тетради 48 л. (архив хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ, шифр АКП–058). Материалы собирались для «Псковского областного словаря с историческими данными» (Вып. 1–22, Л.–СПб., 1967–2011) и в большинстве своем вошли в него.

Записи велись в форме свободной беседы по вопроснику, разработанному с участием Б. А. Ларина для записи материалов для «Псковского областного словаря с историческими данными» — областного словаря полного типа, отражающего все особенности разговорной речи жителей деревни. Анкета включала вопросы, касающиеся традиционной материальной и духовной культуры, быта, жизненного уклада, хозяйства, занятий, промыслов, верований и представлений. Информанты отбирались с учетом социолингвистических параметров: обязательно местные, коренные жители, предпочтительно неграмотные, чтобы нейтрализовать влияние литературного языка, мужчины и женщины. В результате были получены записи, служащие источником как диалектных, так и этнографических данных. Недостатком их является некоторая фрагментарность, отсутствие

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Псковский областной словарь с историческими данными», проект № 08-04-00135а.

связных текстов, что объясняется методикой ручной записи и целью записи — материалы словаря. Затем тетради расписывались на карточки, составившие картотеку «Псковского областного словаря с историческими данными».

В 1960-е гг. диалектологические материалы уже являлись зачастую единственным источником по реконструкции элементов материальной и духовной культуры русского крестьянства, и здесь староверы Пийрис-саара являются редким исключением: они сохранили старый уклад (больше всего проявлявшийся в быту, семейных отношениях, распорядке дня), традиционную религиозность и мораль, традиционные, буквально средневековые методы промысла. Экспедиционные записи отражают различные сферы жизни островитян-староверов: рыболовецкий промысел (названия лодок и их частей, снастей); бытовую, хозяйственную сферу; социальные отношения; традиционные представления, веру, мораль.

В начале тетрадей содержится обязательное для полевого дневника описание деревни, сделанное со слов информантов:

«*На острове находится три деревни — Желачек, Тони, Межа* (*Пири*) — *население смешанное — русское и эстонское. В настоящее время о. Пирисаре входит в состав ЭССР весь* (вошел с 1940 г.). *В деревнях свой радиоузел, кино, библиотека, почта, сельсовет. Почти все население говорит на двух языках*: *русском и эстонском. По рассказам жителей, заселяться остров стал в конце 17 – начале 18 века, во времена Петра I. Первыми поселенцами были эстонцы — барские крестьяне, 2 семьи, чьи дома* (2) *стояли на том месте, где немного позднее возникла деревня Борок, в настоящее время эта деревня затоплена и ее именем названа мель, находящаяся на месте этой деревни*» (АКП–058, тетрадь 1–2, июль 1960 г., см. рис. 1.). Это описание проливает свет на загадочные сведения об истории острова, которые можно найти в Интернете: «Островитяне хранят предание о том, что Пийрисаар не всегда был островом. Раньше он был соединен с материком, и предки нынешних жителей добирались сюда… пешком. Рыбаки рассказывают, что в воде они находили срубы и большие деревья»[1]. Эти срубы — следы затопленной деревни Борок.

Читаем далее: «*Русское население составили в основном беглые солдаты и крестьяне, которые селились на месте дер. Желачек* (*название этой деревни, вероятно, происходит от названия реки Желчи, устье которой находится как раз напротив деревни*). *Деревня Тони населена русскими. Название от*

[1] См. «Староверы». Веб-ресурс: http://www.starover.religare.ru/article6420.html

“тоня́”, место, куда забрасывали невод, где ловили рыбу. Это место, около деревни Тони, самое глубокое на всем побережье острова.

Деревня Межа́ была пограничной, от этого и получила свое название. Население прибрежных деревень (Самолва) называет остров — Межа, а в псковской летописи он встречается под названием Желачек.

Население исповедует старообрядческую веру. ***Старообрядцы на острове после реформы Никона просто сохранили свою веру, в то время как русские деревни на эстонском берегу, получившие название «зарубе́ж»*** *(«находящиеся за рубежом»: Воронья, Казопель, Кольки...)* ***населены русскими, бежавшими от преследований никонианцев****. В дер. Желачек находится молельня старообрядцев, около дер. Межа — православная церковь. На Пирисаре хлеб не сеют. “От начала веков” островяне выращивают лук и ловят рыбу»* (АКП–058, тетрадь 1–2, июль 1960 г.).

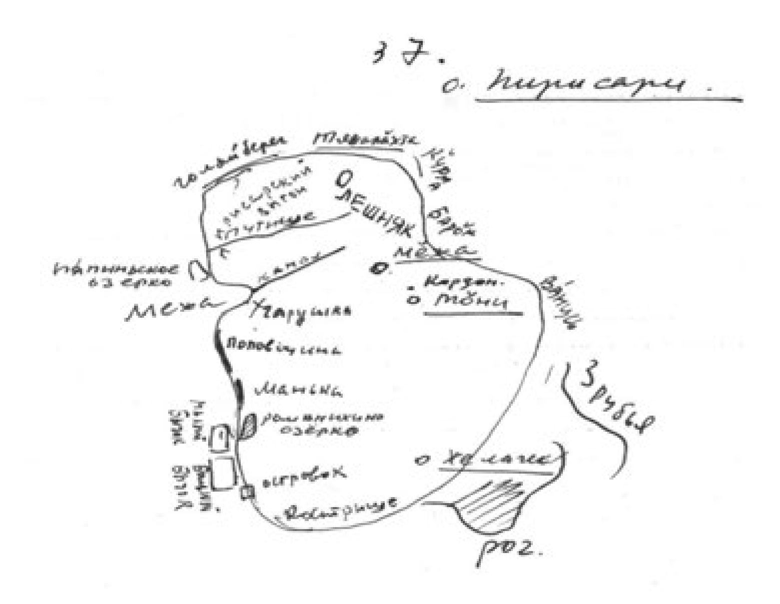

Рис. 1. Карта-схема о. Пийриссаар, сделанная участниками экспедиции 1960 г. (АКП–058, с. 37).

Уже в этом предварительном описании хорошо прослеживаются два концептуальных момента: во-первых, представление о происхождении староверов — об изначальном существовании старообрядцев на острове, и, во-вторых, идея пограничного существования — на границе России и Эстонии, на территории проживания русского и эстонского населения; на границе

двух конфессий — старообрядчества и официального православия, двух культур — старообрядческой (замкнутой) и русской / советской крестьянской; третья граница определяется ландшафтом, это граница земли и воды.

Относительно изначального существования старообрядцев на острове можно сказать, что это может быть как мифом, так и примером коллективной памяти о происхождении, которая имеет множество вариантов. Одним из вариантов: *В Межу́ перебе́йшчики бы́ли стараабря́цы, а в Жела́чке фсегда́ бы́ли стараабря́цы.* (АКП–058, Желачек). Можно сказать, что истина не в исторической правде, которую очень сложно и даже невозможно реконструировать, а в том, что у сообщества — в данном случае у сообщества староверов — есть некая объединяющая идея, которая в том числе позволяет ему воспроизводиться в течение длительного времени. Эта идея собственной древности, преемственности традиций нашла отражение в лексике и фразеологии: **от начи́на ве́ка** 'издревле, с давних пор' *У нас ат начи́на ве́ка то́льки лук и се́ют.* (АКП–058, Межа); **испре́жнасти** 'то же' *Там межо́фска кана́ва, там тепе́рича парахо́т ходи. Испре́жнасти Горде́ева кана́ва, тепе́рь заро́шшы, поми́мо по́в за Жэла́жни и городо́чек туды́* (АКП–058, Межа).

Что же касается идеи границы, пограничного существования, то это наиболее яркая черта идентичности жителей острова, которые в 1960 г. помнят старое, до 1918 г. административное деление, когда по острову проходила граница:

Пириса́р зна́чит па-эсто́нски грани́ца (АКП–058, Межа).

О́строф име́л грани́цу, Пи́ри – грани́ца, бальша́я часть была́ ***пята́*** *Петраградска́й губе́рнии* (АКП–058, Желачек) (**пята́** 'часть территории').

Там где цэ́ркоф, там губе́рния лифля́нская, земля́ эсто́нская, Межа́ дере́вня потому́ што грани́ца там была́ [между лифляндской и петербургской губерниями]. *Ро́шша и цэ́рква была́ на́ша, а другая́ пи́терская. Межа́ была́ ба́рская, ба́рина Э́ссина* (АКП–058, Межа).

Жители острова хоть и говорят по-русски, но отделяют себя от русских и на российском, и на эстонском берегу Чудского озера: *В Расе́и руcма́нский разгаво́р, а у нас иногоро́цкой, зарубе́жный* (АКП–058, Межа), **русма́нский** 'русский', **за́рубеж** 'граница государства и прилегающая к ней чужая территория' *Воронья́, Ка́зопель, мно́го дереве́нь, по-просто́му называ́ецца зарубе́ш, туда́ старообря́цы убега́ли* [ПОС, вып. 12, 1996, Желачек]. Надо сказать, что в этом отношении они совершенно правы: древность, традиционность сельского сообщества, существующего в относительной изоляции, является не только элементом коллективной идентичности, но и объективным фактором, определяющим особенности языка рус-

скоязычного населения острова. Так, диалект местных жителей, с одной стороны, сохранил многие архаичные черты, а с другой, не избежал заимствований в силу ситуации языкового контакта и двуязычия.

Ярким примером архаичности языка может служить наречие **вотвери́** ‘в здоровом, хорошем состоянии’: *Ватвяри́ — э́та зна́чит твёрды: ба́бушка, ты не гара́с саста́рилась, ты ешшо́ ватвяри́* [ср. др.-рус. **въ тверди**]. Эст., Пийрисар [ПОС, вып. 3, 1976].

Только на острове зафиксированы лексемы, не встретившиеся на территории Псковской области:

ра́венна ‘поперечная перекладина мачты’ *Ра́венна па́рус распира́ет* (АКП–058, Желачек; в Пск. обл. зафиксировано только **ра́венный** ‘одинаковый’); **стыравúца** ‘место, куда вставляется мачта’ (АКП–058, Желачек, в Пск. обл. распространено слово **стыр** ‘мачта’); **о́шва** ‘веревка, которая держит парус’ *Верёфка па́рус де́ржыт – о́шва называ́ецца, к ней пришыва́ецца, штоп послабоня́ть, кагда́ ве́тер си́льный* (АКП–058, Желачек); **па́ствище** ‘пастбище’, название выгона *На Па́ствище на́шы деды вади́ли теля́т* (АКП–058, Межа); **соболёк** ‘мелкий окунь’ *Ма́ленький о́кунь называ́ецца сабалёк, сабалёк набра́лся на тря́сте́* (АКП–058, Желачек); **муро́к** ‘порог, сделанный из травы, мха, дерна’ *Муро́к называ́ецца, паро́к* (ПОС, вып. 19, 2007, Желачек); **набо́рный** ‘сделанный из досок, уложенных по диагонали’ *Варата́ набо́рные, а мо́жна и прямы́е зде́лать* [ПОС, вып. 19, 2007, Желачек]; **намо́сток** ‘сиденье в санях’ *Намо́сток там, где сидя́т ф саня́х* [ПОС, вып. 20, 2008, Желачек]; **ко́ча** ‘бугорок в лесу или на болоте, кочка’ *Ко́чы на бало́те* (АКП–058, Желачек) и др.

Достаточно древними являются и фонетические явления, в частности, полногласие: **сопря́тать** ‘спрятать’ *Ключ был сопря́тан* (АКП–058, Межа); **че́ревь** ‘собир. черви’ *Как нада сабира́ть, журави́ну че́рефь съе́ла* (АКП–058, Желачек); **го́роб** ‘гроб’ *Пако́йнику руба́шка пе́рво-на́перво одева́ецца, тагды́ са́ван шйо́цца, в го́роп кладу́т, са́ван с ми́ткаля, накро́ют йим* (АКП–058, Межа); **жесто́кий** ‘с большим количеством извести (о воде), жёсткий’ *Ф коло́тцэ жэсто́ка вода́, го́лову не промо́иш* (АКП–058, Межа); **вереш́ок** ‘верх’ *Сто́га вереш́ок накла́л — примнёш, сти́скаеш, называ́ется се́на гру́зна, тро́йней — ви́лами таки́ми* (АКП–058, Желачек); **столо́б** ‘столб’ *Ту́ча пришла́ с вихро́м, на о́зере стало́п быва́ет, кагда́ ве́тер и ту́ча бальша́я* (АКП–058, Желачек).

Подчеркну, что единичность записей показывает не уникальность данных лексем, а сохранность диалекта на момент записи: на материке даже в то время эта лексика уже не употреблялась.

Уникальность ряда лексем определяется спецификой жизни на острове. Прежде всего, это названия различных ветров (напр.: **поперече́нь** ‘ветер’ *Паперяче́нь, ве́тер называ́ецца, паперёк о́зера ду́ет.* АКП–058, Желачек; **стаче́нь** ‘восточный ветер’ *Стаче́нь восто́чный ве́тер, прямо́й восто́чный.* АКП–058, Желачек) и других природных явлений, от которых зависит навигация. Кроме того, на острове мало хороших сенокосных угодий, что определило образование значения у существительного **пластуши́на** ‘участок покоса определенного размера’ *Пластушы́на бальша́я не ко́шына, нам давали на 19 челаве́к 3 пластушы́ны. Пластушы́на, плашша́тка така́я, травы́ нет, каси́ть нече́ва, шмати́на до́брая пластушы́ны* (АКП–058, Желачек). В других районах Псковской области у этого существительного зафиксированы другие значения: ‘деревянная доска — основа сохи’ (Остр.), ‘пласт, кусок’ *Ана́ бальшу́ю пластушы́ну свини́ны мне палажы́ла* (Порх., Н-Рж.).

Ситуация языкового и культурного контакта с эстонским населением определила бытование заимствований в диалекте жителей острова. Заимствуются культурные реалии, напр., из области кулинарии: **сла́дкий суп** *Супы́ сла́ткие, я́блакаф накрошу́, изю́му накрашу́, канпо́т ишшо́ называ́ецца* (АКП–058, Желачек). Супом это блюдо называют и в других районах Псковщины: *Зимо́й из я́блак кампо́т вари́ли, и́ли, па-дереве́нски сказа́ть, суп я́блашный* (Пуст.); *Суп сла́ткий па пра́зникам то́лька, кампо́там иво́ завуть* (Пуст.); **цико́рий (цигo̍рий)** *А то́льки бо́льшую часть цыго́рий се́яли, ко́фий с нево́ харо́шый, тепе́рь не се́ем* (АКП–058, Желачек). Ср.: *А ко́фий я са сваей́ цыко́рии де́лаю* (Гд., Чудская Рудница); *Цыко́рия в агароде растёт* (Гд., Ремда); *Э́то как ко́фе, цыко́рию та́кжэ мало́ли* (Стр.).

Относительно заимствованной лексики в диалекте зачастую бывает трудно определить, какой язык у какого заимствует. Напр.:

хлысь ‘снятое молоко’ *Пойду́ молоко́ пропушшу́, э́ва, сипара́тор, густо́е адде́льно, а хлысь адде́льно, стри́га называ́ецца, там жыро́ф нет, таг быку́ аддаём* (АКП–058, Межа) (ср.: **лыссь**, **лысся**, от эст lõss ‘обрат’ [СГСЭ: 84]). Заимствованием является существительное **стыр** ‘мачта’ (возм., от эст. tõir, однако более вероятным представляется обратное направление заимствования — из русского в эстонский, подтверждением чему может служить переход *st* > *t* в начале слова, типичный для старых заимствований из русского в эстонский; в русский заимствовано из германских языков (ср. «штырь “руль”. Возм., из ср.-нж.-нем. stûr(e) — то же, откуда лтш.

stũre “штурвал”» [Фасмер IV: 482]; а также «стырь “кормило, рулевое весло, руль”, “приспособление для поворота ветряной мельницы” (Даль)... По-видимому, заимств. из др.-исл. stýri ср. р. “руль, весло”, ср.-нж.-нем. stûre — то же» [Фасмер III: 790]). Прилагательное **пирнева́стый** ‘о земле: плодородный’ *Пирнева́стая земля́, чёрная земля́, мя́ккая* (АКП–058, Желачек) также, вероятно, иноязычного происхождения.

Очень употребительно как на территории о. Пийриссаар, так и в прилежащих районах Псковской области существительное **грунт** ‘участок земли, на котором находится дом с хозяйственными постройками и огород; усадьба’ (зафиксировано в Печ., Гд., а также в Полн. р-нах). Зафиксировано употребление в другом значении: ‘в дореволюционной России: земельный надел’ *Брат отвезёт за грунт, за зе́млю* (в качестве налога), *адну́ пя́тую часть хле́ба* (Сер.), а также производное существительное **грунто́к** ‘небольшой участок земли’: *Ма́ленький грунто́к земли́ име́еш, лучо́к пасе́еш.* (АКП–058, Желачек). В СГСЭ указано на заимствование из эстонского, в который скорее всего слово пришло из немецкого языка.

Многие заимствования прямо восходят к немецкому: **фры́штык** ‘завтрак’ *Упря́шка до фры́штыка, по́сле абеда счита́ецца упря́шка* (АКП–058, Желачек), а тж.: *Фры́штык, абе́т, па́ужын* (Эст., Кикита); *Называ́ли за́фтрак или фры́штык* (Кр.); **фры́штыкать** ‘завтракать’ *Дава́йте фры́штыкать* (Эст., Нина) (от нем. Frühstück).

Иногда заимствования осознаются носителями языка, так, напр., в Псковской области можно встретить высказывания о том, что «*Баркан — эта в Ыстонии, там гаварят паркант* (**барка́н** ‘морковь’)» [Пецкая 1995: 10]. Но чаще мы сталкиваемся со случаями народной этимологии, особенно это касается микротопонимики, объяснения географических названий (см. рис. 1):

«*Строф подмыло, деревня была с тово края острова, так они унесены водой, потонула деревня, а жыхари перешли туда* (в Тони), *потому, видать Тони и названа, потому што оттуда переходили сюда*». (АКП–058, Тони).

«*Первыми поселенцами были эстонцы — барские крестьяне, 2 семьи, чьи дома* (2) *стояли на том месте, где немного позднее возникла деревня Борок, в настоящее время эта деревня затоплена и ее именем названа мель, находящаяся на месте этой деревни*» (АКП–058, Тони). На современном сайте острова читаем: «На острове имеется три деревни: Piiri, Tooni и Saare. Раньше существовала большая деревня — **Порка**, но война и волны Чуд-

ского Озера уничтожили её полностью»[1]. Добавим, что для данного региона характерны двойные — эстонские и русские — названия деревень (напр. Sipelga — Муравейка).

Объясняются и названия расположенных вблизи острова маленьких островков (см. рис. 2):

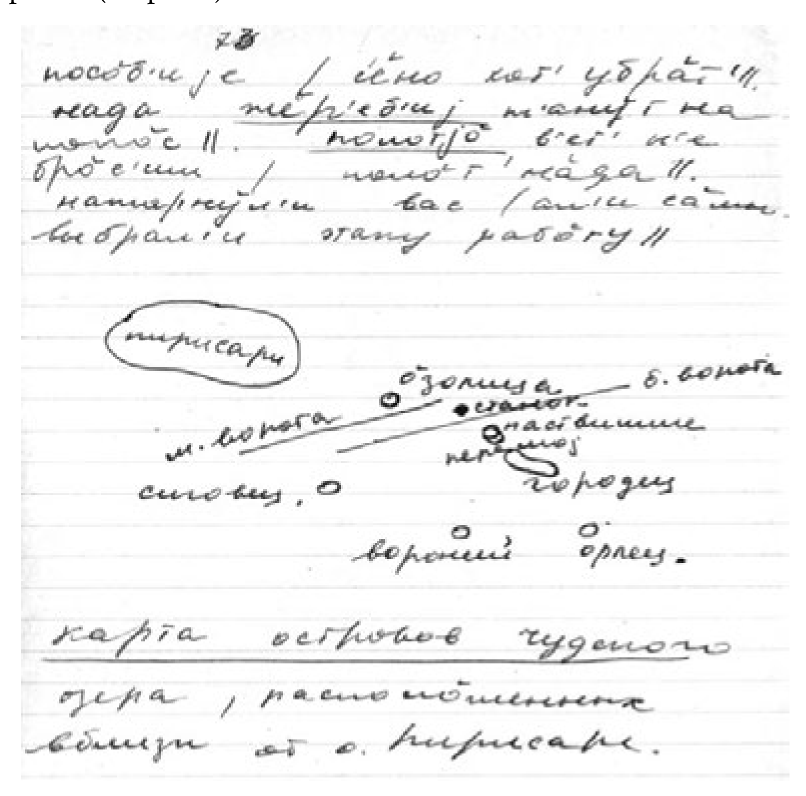

Рис. 2. Карта островов Чудского озера, расположенных вблизи от о. Пийриссаар, сделанная участниками экспедиции 1960 г. (АКП–058, с. 73)

По се́верной стороны́ пе́рвый о́стров ***Озо́лица****. Э́ти острова́ бы́ли номасты́рски, Печо́рского номастыря́, озёрко там Лежни́ха* (АКП–058, Желачек).

Сигове́ц*, сиго́в там лови́ли, по рыбной ло́вле назва́ние* (АКП–058, Желачек).

Воро́ний *о́стров, там никто не жывё, кро́ме воро́н, там по пять гне́здий воро́ньих на де́реве* (АКП–058, Желачек).

На ***Городцэ́*** *ре́чка была́ промы́фшы, так заросла́,* ***Перемо́ем*** *зовут* (АКП–058, Желачек).

1 Независимый сайт острова Пийрисаара. Веб-ресурс: http://piirissaar.planet.ee/

На ***Па́ствище*** *на́шы деды вади́ли телят, на фсё ле́то, пока́ ладе́йшики вырова́ть не ста́ли* (АКП–058, Желачек).

О́стров ***Орлене́ц****, орли́ное гнездо́ там было, орёл не на ка́ждом месте гнездо вьё, а там, где крофь* (АКП–058, Желачек).

О́стров ***Ста́нок****, большы́е па́русные ло́тки хади́ли, так от бу́ри пря́тались, не́ было параходов, па́русники бы́ли, как зайдёш за* ***Стано́к****, так и споко́йно* (АКП–058, тетрадь 1-2, Межа).

Меньше всего в экспедиционных записях встретилось высказываний, отражающих моральные нормы, представления староверов, особенности их культа. Объяснить это можно опять же закрытостью, замкнутостью деревенских собеседников, не только тайно хранящих запретные в советской действительности религиозные традиции, но и совсем недавних (для 1960 г.) жителей буржуазной Эстонской республики. Все это побуждало информантов к осторожности в разговорах с «городскими русскими», там не менее, некоторые примеры привести можно:

Кто име́ет гра́моту, тот ведёт слу́жбу. (АКП–058, Желачек) *Три дня чита́ли, три дня памина́ли.* (АКП–058, Желачек) *Челове́к жывёт для будущей жы́зни. Полу́чит ца́рьство бо́жые тот, кто жывёт для людей, а фсе стара́ютца, што́бы к себе́ рука́ гну́лась.* (АКП–058, Желачек).

поса́дский ‘хулиган, бездельник’ *Е́сли роди́тели плохи́е, то де́ти и́ли пья́ницы, или паса́цкие, ето халюга́н, стара́юцца укра́сть.* (АКП–058, Желачек)

туру́са ‘неправда, ложь’ *Туру́су стари́к заведё, дура́к зна́чит, не ве́ри ничему́.* (АКП–058, Межа)[1].

Выводы

1. Хотя диалекты в силу отсутствия лексической нормы являются наиболее восприимчивой к заимствованиям формой языкового существования, заимствований зафиксировано мало.

2. Большинство лексем, зафиксированных в Словаре староверов Эстонии, зафиксировано и в 1960 г.

3. Экспедицией ЛГУ была также записана речь русскоязычных жителей Пийриссаара — **не-староверов** (православных и/или неверующих, людей, чей конфессиональный статус не определен: *Старообря́тцы без венца́*

[1] От **туру́сы на колёсах** — передвижные осадные башни, неоднократно упоминаемые в летописях. Рассказы о них сопровождались невероятными подробностями и воспринимались как выдумка; или: улусы, передвижные войлочные домики татар, которые тоже воспринимались с большим недоумением [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 577].

жэ́нюцца. АКП–058, Межа). По архивным данным, «Во времена Эстонской Республики на острове проживало до 1200 человек, из них около одной четверти — эстонцы, остальные русские, преимущественно старообрядцы»[1]. Это ставит вопрос о статусе языка староверов Эстонии: на каком языке говорят русскоязычные жители Эстонии – не-староверы? (Необходимо учесть случаи миграции на остров после Второй мировой войны: *Му́жу по́жню не да́ли, чужо́й ён был, так я была́ безземе́льная и бессеноко́сная.* АКП–058, Межа.) Целесообразней говорить о языке русского старожильческого населения Эстонии, а не о языке староверов Эстонии.

4. Материалы ПОС и его картотеки позволяют проследить лингвогеографический аспект употребления диалектной лексики. Часть лексем, зафиксированных на территории Эстонии, употребляется и в других районах Псковской области, однако в основном это районы Причудья и смежные с ними — Гдовский, реже — граничащие с ними. Фиксация лексемы на территории Эстонии и в Гдовском районе позволяет говорить о лексической специфике данного региона, а ограниченность употребления — о замкнутом характере лексической системы языка староверов. Если учесть, что наблюдения сделаны на массиве более чем двухмиллионной картотеки, собираемой более 60 лет, можно сделать вывод о том, что удаленность и изолированность острова, а также изолированность культуры староверов позволили языку его жителей сохранить многие древние языковые черты, которые утрачены диалектами в других районах Псковской области.

Литература

Независимый сайт о. Пийриссаара. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 09.10.2012): http://piirissaar.planet.ee/

СГСЭ — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. *Словарь говора староверов Эстонии.* Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2008.

Пецкая Т. А. 1995 — Употребление синонимов в оценке носителей диалекта. *Псковские говоры и их носители* (*лингво-географический аспект*). Межвузовский сборник научных трудов. Псков: ПГПИ.

Причудье. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 09.10.2012): http://www.staroverie.ru /prichudie.shtml

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными.* Вып. 1–22, Ленинград–Санкт-Петербург, 1967–2011.

[1] См. сайт «Русские староверы в Эстонии». Веб-ресурс: http://www.starover.ee/ru/index.html

Русские староверы в Эстонии. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 29.10.2012): http://www. starover .ee/ru/index.html

Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург, 1998.

Староверы. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 09.10.2012): http://www .starover.religare.ru/article6420.html

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3, 4. Москва, 1987.

Приложение. Лексика, зафиксированная на территории о. Пийриссаар в 1960 г.

боро́дка ‘пучкообразные корни лука’ Баро́тка у лу́ка, мы́чка. Желачек.

бре́вчатый ‘построенный из бревен’ *Лубки́, на льду их ста́вят, даща́тые и́ли бре́фчатые*. Желачек.

бычки́ ‘мучные клёцки с картофелем’ *Бычки́ с талакна́, у Феофа́нихи квасни́к есть, э́та карто́шку талкли́ и сы́пали талакна́, руко́й сажмёш, а там фсё э́такие рубешки́, бычо́к и называ́ецца*. Межа.

ввали́ться ‘упав, оказаться внутри чего-н.’ *На кало́дец идти́ — жева́ть нельзя́*: *кры́са ввали́цца*. Желачек.

вершо́к (**верешо́к**) ‘верх’ *Сто́га верешо́к накла́л — примнёш, сти́скаеш, называ́ется се́на гру́зна, тро́йней — ви́лами таки́ми*. Желачек.

весе́нник ‘молодое животное, родившееся весной’ *Е́сли с вясны́ жывё, зна́чит вясе́нник — бараво́к*. Желачек.

взбу́читься ‘вздуться, стать выше’ *Взбу́чифшы о́зеро пад вясну́ — ано́ прапада́е снача́ла здесь на мяли́*. Желачек.

волгари́, мн. ‘большие волны’ *Волгари́ старики́ говори́ли, кагда́ во́лны бальшы́е бы́ли, а тепе́рь вал*. Межа.

воробе́юшка ‘воробей’ *Варабе́юшки есть, а так птиц ма́ла*. Межа.

га́жий ‘змеиный’ *Змеёф мно́га, а́хти γо́спади, там га́жье ме́ста, там сапаги́ на́да адева́ть*. Межа.

гвы́лина ‘утолщение, выпуклость’ *Сажа́ли ф печ, а нам хлеп падаво́й бо́льшы нра́вицца, ево́ сра́зу жа́рам ахва́тывает, гвы́лина быва́ет така́я вы́йдет, раскало́фшы зна́чит хлеп*. Желачек.

глуши́лка ‘приспособление для тушения и хранения углей’ *Глушы́лка для у́гольеф, там у́гли для самава́ра де́ржым*. Межа.

горька́вка ‘горец шероховатый’ *Гарька́фка как лебеда́ трава́*. Желачек.

грани́ца: стоя́чая грани́ца ‘жердь, поддерживающая круглую поленницу – костер’ *Па́лка, кастёр де́ржыт, называ́ецца стая́чая грани́ца*. Желачек.

гра́бли ‘сельскохозяйственное орудие в виде колодки с зубьями на длинной рукоятке’ *Дай ты ба́бушка грабёль, гра́бить на́да идти́ть*. Желачек.

греби́на ‘мелкое место в озере’ *Греби́ны ме́лкие места́, гребня́к*. Желачек.

гребня́к ‘мелкое место в озере’ *Греби́ны ме́лкие места́, гребня́к*. Желачек.

гребо́к ‘весло’ *Не на гребка́х е́хали, на мато́ре*. Желачек.

домовня́ ‘хозяйка в доме’ *Эта домовня́, э́та дама́шняя зна́чит, доч мая́*. Межа.

до́нный: до́нная у́дочка ‘удочка для ловли рыбы у дна водоема’ *У́дачки на дно пуска́ют, для о́куня, браса́ют, э́та счита́ецца до́нная у́дачка*. Желачек.

жесто́кий ‘с большим количеством извести (о воде), жёсткий’ *Ф коло́тцэ жэсто́ка вода́, го́лову не промо́иш*. Межа.

загнети́ть ‘огнем разжечь, растопить’ *Дверь-та аткры́та, не загнети́ш самава́р*. Желачек.

зале́ски ‘прозвище жителей, живущих за лесом’ *Тех жы́телей зале́ски называ́ют, ани́ за ле́сам жыву́т*. Межа.

Запа́ха ‘название участка берега острова Пийрисаар между деревнями Желачек и Тони’ *Ад дире́вни к Таня́м камышы́, называ́ется Запа́ха, камышы́ там расту́т, с се́вера*. Желачек.

заро́к ‘обещание‘ *Я пастро́ил дом сру́бленный, аста́лась то́льки кры́жу, у меня́ да́нный был заро́к, дом бу́дет как стеко́лышко стая́ть*. Желачек.

заста́вка ‘полог из мешковины или брезента, натянутый на двух жердях (для защиты от ветра при подледном лове рыбы)’ *Лубки́, на льду их ста́вят, даща́тые или бре́фчатые, лашаде́й г заста́фкам паста́вят, на пе́чке нава́рят, на на́рах спа́ли, а други́е на се́не под на́рами на льду, ади́н к аднаму́ бли́ска, не паверну́цца, те́сна*. Желачек.

захва́т ‘разница в расстоянии от ручки косы до пятки и носка, определяющая длину полосы срезаемой травы при взмахе’ *Е́та ничево́ што захва́т у касы́ ма́ленький, лиж бы каси́ла*. Желачек.

за́ливень ‘сильный дождь’ *А там за́ливень в го́раде был, дошть зна́чит, хламата́ла па стёклам, дождь был*. Желачек.

за́лпом ‘без пропуска, беспрерывно’ *Пйут и пйут неде́лю за́лпам*. Желачек.

казава́ечка ‘то же, что кацавеечка: теплая женская одежда наподобие стеганого жакета на вате’ *Казава́ечки с бари́нкам на заду́*. Желачек.

кана́ва ‘канал’ *Там межо́вска кана́ва, там тепе́рича парахо́т хо́ди. Испре́жнасти Горде́ева кана́ва, тепе́рь заро́шшы, поми́мо по́жни и городо́в за Жэла́чек туды́*. Межа.

кара́ть ‘неразборчиво писать, марать’ *Ён негра́мотный, как письмо́ написа́ть, так кара́ет, кара́ет, цара́пае, пака́ напи́ше*. Межа.

ка́лья (ка́ля) ‘брюква’ *Хря́па — ли́стья ат ка́ли — ка́лифки*. Желачек.

кла́дкий ‘о курице: несущая много яиц’ *Кла́дкая ку́ра у нас льёцца фсё*. Желачек.

кле́щица ‘инструмент для вязания сетей’ *Вязли́ кле́шшыцэй, виш, паламала́сь, ошшели́фшы мале́нечко. А на ей – пря́жай называ́ецца.* Межа.

кора́мщик (**ко́рмщик**) ‘рулевой в лодке’ *Я за кара́мшшыка станави́лась, когда́ с атцо́м е́здила.* Желачек.

корче́вье ‘вывороченный с корнями пень; поваленное дерево’ *Карче́вья — лес вы́мыфшы, ко́рни аста́лись.* Желачек.

костёр ‘круглая поленница’ *Кастёр дроф две сажэ́ни, дере́вня пакупа́ла.* Желачек.

Костри́ще ‘название части берега острова Пийрисаар за д. Желачек’ *Кастри́шше, там был сухо́й край, на́волок, там ста́вил дро́вы, купцы́ дро́вы станави́ли.* Желачек.

косы́нка: на косы́нку ‘об одежде: с несимметрично расположенным воротником’ *Руба́шки таки́е ат начи́на ве́ка бы́ли, бы́ли руба́шки на касы́нку, с касы́м во́ратам.* Желачек.

коше́ль ‘мешок для хранения’ *Лук су́шат ф кошэля́х, йих де́лаю с ча́стай тянети́ны. Мое́й ма́мы со́тый год был, а вя́зла то́нкую тянети́ну.* Межа.

крёла ‘крыша’ *Говори́т мне: «Тя́тенька, найди́ мне крёлу».* Желачек.

крюк, о́цеп, жура́в ‘длинная жердь с загнутым наконечником для поднятия воды из колодца’ *Крю́к, о́цэп, кало́дец, во́ду че́рпать, а па́лка – крюк называ́ецца.* Желачек. *Што о́цеп, што жура́ф, ту́тача, в дере́вни, крюко́м во́ду дастаём.* Межа.

кустня́к ‘кусты’ *Тут ра́ньше кустня́к вересо́вый был.* Желачек.

ку́рица ‘одна из поперечны жердей, прибиваемых к стропилам’ *Ку́рица ме́жду шпа́рами.* Желачек.

ла́пти *Ани́* (русские, жители побережья) *наси́ли ла́пти, а у нас никагда́ не наси́ли.* Желачек.

ло́мы ‘торосы, ледяные глыбы’ *Ламы́ – бальшы́е льды́, сти́скиет кро́мка за кро́мкай и ево́ накладёт бальшы́е го́ры.* Желачек.

лопа́тка ‘инструмент для вязания сетей’ *Лопа́тка – то́жэ се́ти вясти́.* Межа.

луч ‘брус поверх бортов лодки для их укрепления’ *Луцы́ иду́т вдоль барто́ф для скрепле́ния ло́тки.* Желачек.

матери́к ‘земля, суша, в отличие от водного пространства’ *Э́та адина́кавый матери́к, везде́ ро́вна.* Желачек.

ма́точина ‘балка’ *Ма́точина называ́ецца, на неё пала́ти кладу́т, туда́ лук подыма́ют.* Межа.

мир ‘деревенское, сельское сообщество’ *Вот на пра́зник ми́ру-то сье́децца, вот и уви́дити, как бу́дет.* Межа.

му́тный ‘чудной, странный; беспокойный (о человеке)’. *Бы́ли му́тныи мушчи́ны.* Желачек.

му́фта ‘меховой мешочек, открытый с двух сторон, для согревания рук; нарядная деталь женской зимней одежды’ *Му́хты наси́ли с ки́сткъм на пра́зник.* Желачек.

нела́дное ‘ненужное, не то, что нужно’ *Нела́дное наболта́ю што, так и потя́нут.* Желачек.

обежева́тый ‘бежевого цвета’ *У сястры́ або́и абижава́ты, бе́жэвы зна́чит.* Межа.

обря́дня ‘уход за скотом’ *Там веть не кака́я абря́дня — скати́ну накарми́ть — абряди́ть.* Желачек.

ода́нья ‘настил из веток, прутьев, жердей, на который ставят стог’ *Ада́нья, павы́ше де́лаецца сток, ис пру́тьеф ана́, штоп се́на не мо́кла.* Желачек.

оме́лина ‘отходы при молотьбе, трепании льна’ *Каму́-та аста́фшы прашлаго́дняя аме́лина.* Желачек.

ора́льщик ‘кто занимается обработкой земли’ *Ара́льшшики с Падбаро́вья приежжа́ли, межугря́дак ры́ли не желе́зными, а деревя́нными лапа́тками.* Желачек.

ост ‘разновидность водорослей: телорез, Stratiotes aloides.’ *Трава́ ост там растёт, бо́раваф ко́рмят.* Желачек.

оставля́ться (осталя́ться) ‘оставаться’ *Гребня́к там, гли́на там куска́м асталя́ется.* Желачек.

осташи́, мн. ‘сапоги из грубой, обычно некрашеной кожи’ *Ра́ньшы нам таки́е сапоги́ привади́ли с Аста́шкава из Новгоро́тскай губе́рнии, асташы́ называ́ли, из ко́жы шы́ли для о́зера.* Желачек.

острека́вить ‘обжечь крапивой’ *Я фсе но́ги астрика́вила, стрики́ва там растё.* Желачек.

остре́чье ‘ставная сеть с частой ячеей для лова мелкой рыбы’. *Астре́чье, тенето́, ме́лкую ры́пку, яршэ́й лави́ть, фсё сте́нкай ста́вя.* Желачек.

отворо́житься ‘отделить сыворотку при нагревании (о простокваше)’ *Палуча́ецца прастаки́ша, е́сли малако́ ски́снет, прастаки́ша мя́хкая, а ана́ атваро́жытсяа и тваро́к палуча́ется.* Желачек.

отро́стить ‘вырастить (животное)’ *Е́сли бу́дут катки́ (у кошки), так мо́жно отро́стить, пусть жыву́.* Межа.

ошо́сток ‘основа, фундамент плиты, печи’ *Припе́чек или ашо́стак у плиты́, пе́чку на апе́чке сла́дю, пока́ пе́чка ня сла́жына, так зде́лаю деревя́нный апе́чек.* Межа.

о́ранина ‘вспаханный участок земли’ *О́ранина, лук фспа́ханный. Про́шка коси́л за нас, у нево́ по́жня да́льшэ, там о́ранина должна́ быть.* Желачек.

печа́тный: печа́тная саже́нь ‘мера длины’ *Фунда́мент дли́нный, палтары́ печа́тных саже́ни.* Межа.

пешкарём ‘пешком, пешим ходом’ *Пешкарём туда́ не пайдёш, ло́тки спихну́ть на́ воду, ано́ и паваздушыстей бу́дет.* Желачек.

пле́мя: ро́ды нет пле́мени ‘об отсутствии родни’ *Там веть у тебя ро́ды нет пле́мени.* Желачек.

по(а)жо́р ‘намерзшие пластины льда, торос’ *Пажо́р — кагда́ на льды́ снег примерза́ет.* Желачек.

погребе́нье ‘похороны’ *В го́роде памёршы, так на́да на погребе́нье пое́хать.* Межа.

поду́шчина ‘подушная подать’ *Межа́, ба́рские жы́ли там, рыбаки́, земли́ у них не́ бы́ла, паду́шчина в губе́рнию, па де́сять рубле́й*. Желачек.

полудённый: **полудённый ветер** ‘название ветра’ *Паладённый ве́тер, как по́лдень, со́нцэ стаи́т в двена́ццать часо́ф, э́та ве́тир ра́зных направле́ний*. Желачек.

поми́мо ‘мимо’ *Вон неве́стка идё, не зайдё, вида́ть, поми́мо пошла́*. Межа.

помы́ть ‘выстирать’ *А я ста́рая, так ко́фтачку да́жэ помы́ть не могу́, гря́зная ужэ́, отнесу́, пусть неве́стка помо́ет*. Межа.

поперече́нь ‘ветер’ *Паперяче́нь, ве́тер называ́ецца, паперёк о́зера ду́ет*. Желачек.

поро́га ‘расщелина, трещина во льду’ *Паро́га называ́ют тре́шшыны, кагда́ лёт разашо́ццы, взбу́чится лёт*. Желачек.

поро́жный ‘пустой, незаполненный’ *Намата́еш пря́жу – по́лная кле́шшица, а смота́еш – так поро́жная*. Межа.

по́ветер ‘попутный ветер’ *Ве́тер попу́тный — по́ветер*. Межа.

по́лоз ‘след от полозьев саней’ *Кагда́ са́ни е́дут, слет по́лас называ́ецца, па по́лазу даро́га идёт*. Желачек.

прибо́йка ‘лавка, прибитая к стене’ *Ла́фка-прибо́йка ва фсю сте́нку*. Межа.

приимыш ‘приемный ребенок’ *Прии́мыш, он веть зако́нный, усынавя́т ево́, на свою́ фами́лию припи́шут*. Межа.

проко́с ‘примерная ширина полосы травы, срезаемой за один взмах косы’ *Прако́с шшыта́ецца, кагда́ ади́н челове́к идёт, каг бальшо́й мужы́к размахнёт, так три прако́са вазьмёт*. Желачек.

пьяню́га ‘пьяница’ *Э́та жа пьяню́га горемы́чная*. Желачек.

пья́нничать ‘пьянствовать’ *Фсё пья́нничал, праси́л тенёты чини́ть*. Желачек.

раско́с ‘покос’ *Пад раско́сы немно́га, а се́на хва́тит*. Желачек.

расстяга́ться ‘растёгиваться’ *Как си́ську дава́ть, так расстяга́ться*. Желачек.

резено́к ‘кусок, отрезанный от чего-н.’ *Ади́н резено́к хле́ба, ма́ленький кусо́чек, атре́ш мне*. Желачек.

ро́хлый ‘ноздреватый, подтаявший (о снеге)’ *Снек быва́ет ро́хлый, дыря́вый, а кагда́ маро́с так от сугру́бам*. Желачек.

ро́ды ‘родственники, родня’ *Я не на пагребе́нийэ е́здила, а па сваи́м дела́м, ани́ мне не ро́ды*. Желачек.

ры́бка ‘характерное для всех жителей Причудья ласковое наименование рыбы’. *Как по глы́би пое́деш, так зло́виш ры́пку, на ма́леньком челноке́ мы е́здили ры́пку лови́ть*. Межа.

ря́га ‘рамка из жердей для увеличения площади повозки, саней’ *Ря́ги на паво́ску ста́вяцца, я́щик тако́й, фся́кий тава́р в них кладёцца*. Желачек.

ря́са ‘погребальное одеяние без рукавов’ *Ря́са, ря́ска называ́ецца пла́тье без рукаво́ф на мертвеца́*. Желачек.

сарафа́н ‘вид женской одежды: платье без рукавов’ *Сарафа́ны с про́ймам де́лают, на груди́ огру́дье, ю́пку ф шэсть шыри́н носи́ли, а внизу потшафи́рка*. Межа.

са́ван ‘покрывало, в которое заворачивают покойника’ *Пако́йнику руба́шка пе́рвонаперво одева́ецца, тагды́ са́ван шьёцца, в го́роб кладу́т, са́ван с ми́ткаля, накро́ют йим.* Межа.

сбро́сить ‘о животном: принести потомство’ *Не вида́л катко́ф, ко́шка фчера́ сбро́сила, найти́ не магу́, пайду́ па дере́вне иска́ть.* Желачек.

секу́ша ‘литая металлическая пластинка в виде рыбки, блесна’ *Секу́шай па ка́мушкам акуне́й ло́вят.* Желачек.

ски́нуться ‘раздеться’ *Е́сли бу́ди в сре́ду тяпле́е паго́да, ски́нусь и вы́купаюсь.* Желачек.

смело́й ‘смелый’ *Я така́я смяла́я была́, никогда́ анна́я не боя́лась остава́цца.* Межа.

соболёк ‘мелкий окунь’ *Са́мые ме́лкие окуньки́ – сабальки́, а сре́дний барка́нник, а кру́пный – вы́головок.* Межа.

стаче́нь ‘восточный ветер’ *Стаче́нь восто́чный ве́тер, прямо́й восто́чный.* Желачек.

ство́р ‘вход из озера в канал’ *Створ эта прахо́т азнача́ет, фана́рь све́тит, штоп парахо́т прахади́л.* Желачек.

стреле́ц ‘мотылек’ *Есть и мотялки́ с кры́льям, а кры́лышки как стякло́, поря́дошные таки́е, так стрялцы́ называ́юцца.* Межа.

стужо́нка ‘холодец из рыбы’ *Хало́днае из ры́бы — стужо́нка.* Желачек.

стыр ‘длинная крепкая палка, устанавливаемая в центре лодки и служащая для крепления паруса, мачта’ *Стыр для па́руса.* Желачек.

сува́л ‘ряд скошенной травы’ *Не́скалька сува́лаф зде́лали, сува́л — таки́е пало́сачки травы́ з двух старо́н.* Желачек.

съе́хать ‘уехать, уплыть’ *Мато́р был взя́тый, но́чйу сйэ́хафшы бы́ли.* Желачек.

тепли́к ‘юго-восточный ветер’ *Тепли́к, ве́тер с Самалвы́, с астраво́ф.* Желачек.

това́ришка ‘о женщине. член артели, сотоварищ’ *«Бу́деш това́ришка на межо́вскую по́жню?» «Чаво́ ж ня бу́ду!». Так с мужыка́ми и на́-зеро ходи́ла, и коси́ть на межо́вскую по́жню.* Межа.

тягу́хи, мн. ‘рабочие кожаные рукавицы’ *Тягу́хи, бальшы́е рукави́цы ис ко́жы, тяну́ть что, так вады́ не прапу́стят, яны́ с адни́м па́льцэм.* Желачек.

уде́ц ‘кто удит рыбу, рыбак’ *Удцы́ вы́ехали ры́бку лави́ть.* Желачек.

упря́жка ‘часть рабочего дня от трапезы до трапезы’ *Упря́шка до фры́штыка, по́сле абеда счита́еццa упря́шка.* Желачек.

У́хтинская мель ‘название мели в Чудском озере’ *У́хтинская мель, У́хтинка — той старано́й у Эсто́нии.* Желачек.

фуфа́йка ‘теплая стеганая верхняя одежда’ *Адёжда и тапе́рь така́я, то́льки фуфа́ек не́ была.* Желачек.

хвистуно́к ‘название травы’ *Там па куста́м фсё хвистуно́к бу́дет, трава́ плаха́я.* Желачек.

хломота́ть ‘сильно стучать, барабанить’ *А там за́ливень в го́раде был, дошть зна́чит, хламата́ла па стёклам, дождь был.* Желачек.

хря́па ‘ботва овощей’ *Хря́па — ли́стья ат ка́ли — ка́лифки, и́ли свеко́льные, и́ли капу́стные*. Желачек.

ширина́ ‘поперечный размер полотна’ *Сарафа́ны с прайма́м наси́ли, ра́ньшэ в шэсть шыри́н наси́ли, а тепе́рь в три хва́тит*. Желачек.

шшы́бер ‘часть печи: задвижка’ *Плита́ то́пицца, дым от печи́ идё, ён пуска́е*. Тони.

я́щик ‘отверстие в полу чердака’ *Кто трубо́й называ́ет, кто я́шшыком называ́ет решо́тку, че́рес като́рую се́на с паталка́ ф хлеф ски́дывают*. Межа.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

О ПЕРЕХОДЕ ОТ ОКАЮЩЕГО ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА К АКАЮЩЕМУ В ИДИОЛЕКТЕ ИНФОРМАНТА С ОСТРОВА ПИЙРИССААР

Д. М. САВИНОВ

Русские говоры, распространенные вокруг Чудского озера, отличаются значительным языковым своеобразием. Эта естественная граница способствовала формированию двух диалектных ареалов — Западного и Восточного Причудья, говоры которых противопоставлены друг другу по ряду важных фонетических и грамматических особенностей, подробнее см. [Ровнова 2007]. Наиболее интересен в этом отношении говор острова Пийриссаар, имевшего в прошлом тесные связи как с Западным, так и с Восточным Причудьем.

Сегодня старообрядческие говоры Эстонии характеризуются сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем, при этом отмечаются варианты произношения в 1-м предударном слоге после мягких согласных гласного [и] на месте фонем неверхнего подъема [Ровнова 2007: 182]. Для гдовских говоров, распространенных на восточном берегу, характерны переходные типы вокализма от оканья к аканью: гдовское и полновское оканье [ДАРЯ 1986: карты 1, 3].

По данным Т. Ф. Мурниковой (см. статью «Описание русского говора острова Пийрисаара» в настоящем сборнике), еще в начале 1960-х годов на Пийриссааре аканье сосуществовало с оканьем, которое проявлялось в речи жителей острова «спорадически, от случая к случаю <…>: копа́л’и ~ капа́л’и, лов’и́т’ ~ лав’и́т’, мог’и́лы ~ маг’и́лы», причем наиболее последовательно оканье сохраняется в двухсложных словах: «от’е́ц, отцы́, гроба́, бол’шо́й, ход’и́л, бол’е́л, пото́м, од’и́н» [Мурникова 1962 : 349 / 2012: 44]. На основании приведенного материала можно было бы констатировать, что в местном говоре отмеча-

лись следы неполного оканья владимирско-поволжского типа с различением в первом предударном слоге /о/ и /а/ после твердых согласных вне зависимости от гласного под ударением.

Однако приведенные Т. Ф. Мурниковой примеры оканья противоречат современным данным гдовского диалекта, много веков назад ставшего основой для окающих говоров Пийриссаара. Так, Диалектологический атлас русского языка фиксирует на восточном берегу Чудского озера, напротив острова Пийриссаар, исключительно неполное оканье гдовского или полновского типов, причем центр диалектного ареала с полновским типом вокализма отмечается как раз в районе устья реки Желча, откуда, по всей видимости, и происходила миграция населения на Пийриссаар.

Гдовская и полновская модели после твердых и после мягких согласных зафиксированы в говорах прибрежных деревень Чудские Заходы, Чудская Рудница, Подборовье, Каменная Стража, Самолва, Аксентьево, Низовцы, Остро́вцы, Подолешье, Кобылье Городище, Ореховцы, Раскопель, Драготина, Мда, Подлипье, Сосно, Залахтовье, Спицино, Лунёвщина [Степанова 1997: 174–178; Строганова 1962; Хонселаар 2001: 8; Чекмонас 1998]. В остальных населенных пунктах на территории Восточного Причудья распространено сильное аканье, говоры с неполным оканьем владимирско-поволжского типа характерны для Новгородской группы говоров и охватывают только восточную часть Псковской области (Стругокрасненский и Плюсский р-ны).

Обследования говора старожильческого населения острова Пийриссаар, выполненные в 2004 и 2008 годах совместными экспедициями Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Тартуского университета, не выявили ни гдовского, ни полновского типов вокализма. Однако в 2009 году экспедиция Тартуского университета обнаружила следы неполного оканья у одного из информантов — Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Каменная Стража Гдовского района в 1922 году и более 50 лет живет на Пийриссааре в деревне Желачек. В 2010 г. мы вместе с О. Г. Ровновой, И. П. Кюльмоя и О. Н. Паликовой побывали на острове и сделали дополнительные записи беседы с А. П. Фокиной. Общая продолжительность записей ее речи, легших в основу настоящего исследования, составляет около 5 часов.[1]

---

[1] В 2010 г. обследование говора о. Пийриссаар проводилось в рамках совместного российско-

В ее речи отмечены следующие примеры. **После твердых согласных**:

пол[а]*ви́ть, зв*[а]*ни́ть, позв*[а]*ни́л, н*[а]*пи́лся, не х*[а]*ди́, пр*[а]*би́л, угов*[а]*ри́л,* [а]*ди́н,* [о]*ни́, п*[а]*шли́, нен*[а]*ви́жу, р*[а]*ди́вши, т*[а]*ки́е, дор*[а]*ги́е, во дв*[а]*ри́, б*[а]*льши́м,* [а]*тжи́ла, п*[а]*жи́ла, со вт*[а]*ры́м, п*[а]*бы́л, з*[а]*бы́ла, в*[а]*йны́, ут*[а]*ну́л, вт*[а]*ру́ю, г*[а]*ду́, в м*[а]*скву́, н*[а] *у́лице, п*[а]*йду́, раскр*[а]*ду́* (раскрадут)*, п*[а]*ду́май, п*[а]*дру́ги, в*[а]*зьму́, пок*[а]*жу́, не х*[а]*чу́, б*[а]*ю́ся, с*[а]*ю́зу*;

х[о]*ро́шая, на б*[о]*льшо́й, вт*[о]*ро́м, вт*[о]*ро́й, в*[о]*сьмо́й, мол*[о]*до́й, вых*[о]*дно́й, в*[о]*сьмо́м, пл*[о]*хо́го, д*[о]*бро́, д*[о]*мо́й,* [о]*бо́рты, к*[о]*то́рый, п*[о]*ко́йница, п*[о]*зво́лила, п*[о]*во́семьдесят, пом*[о]*ло́же, гол*[о]*до́вка, д*[о]*во́льно, св*[о]*бо́нно* (свободно)*, с*[о] *Пско́ва, с*[о] *шко́лы, р*[о]*сстро́енный, с т*[у]*бо́й; в*[ə^{o}]*сьмо́й, д*[ə]*ро́ге, д*[ə]*во́льно, п*[ə]*дро́стки, в*[ə]*сьмо́го, м*[а̣]*ло́денька, зд*[а̣]*ро́вый, п*[а̣]*стро́ивши, п*[а]*стро́или, хор*[а]*шо́, ост*[а]*ро́жно, д*[а]*ро́га, д*[а]*мо́й, д*[а]*мо́в,* б[а]*льшо́й, сп*[а]*ко́йно, п*[а]*ло́жит, х*[а]*ро́ший, зд*[а]*ро́вый, гор*[а]*дско́й, н*[а] *Гдо́в, д*[а]*вно́, незн*[а]*ко́мый, т*[а̣]*ко́й, на п*[а]*ро́ме, в к*[а]*нто́ры, в*[а]*го́н, з*[а]*во́т, к*[а]*рдо́н, н*[а]*ро́т; в*[о]*йдёшь, в*[о]*зьмё, м*[о]*ё, п*[о]*ётся; раз*[ə]*шёлся, раз*[ə]*бьёте, п*[ə]*шёл, поп*[а]*дё, п*[а]*мёрши, мол*[а]*дёжь*;

п[о]*е́хали, х*[о]*те́ла, х*[о]*те́л,* [о]*те́ц, чел*[о]*ве́к, р*[о]*зме́р, к*[о]*не́чно, к*[о] *мне́, п*[о] *де́сят, в*[о] *вре́мя,* [о]*т же́нщины, пос*[у]*ве́товала,* [у]*сле́пла, к*[ə]*не́шно, п*[ə]*е́дем, п*[ə]*е́ду, с*[ə]*гре́ла, с*[ə]*ве́тских, в*[ə]*е́ный, в р*[ə]*ссе́ю, стар*[ə]*ве́ры, чел*[а]*ве́к, в* [а]*пре́ле,* х[а]те́ла, *посм*[а]*тре́ла, сг*[а]*ре́ли, ст*[а]*е́* (стоит)*, п*[а̣]*е́ду, поч*[а]*сте́ньку, к*[а] *мне́, сын*[а]*ве́й*;

дор[о]*га́я, вт*[о]*ра́я, мол*[о]*да́я, р*[о]*сска́зывала, уг*[о]*ва́ривала, м*[о]*я́,* [о]*нна́* (одна)*, т*[о]*гда́, к*[о]*гда́,* [о]*на́, пр*[о]*да́ть, к*[о]*па́ть, п*[о]*шла́, раз*[о]*шла́сь, п*[о]*зна́лся, п*[о]*ста́вить,* [о]*ста́лися, без*[о]*бра́зие, д*[о]*ма́м, к*[о]*та́,* [о]*пя́ть, х*[о]*зя́евья, самост*[о]*я́тельный, г*[о]*ря́* (горести)*,* [у]*тпра́вила;* [ʌ]*ста́вить,* [ʌ]ста́вши*, в*[ʌ]*йна́-то, в*[ʌ]*да́, д*[ʌ]*чка́, мол*[ə^{o}]*да́я, дор*[ə]*га́я, зар*[ə]*ба́тывали, м*[ə]*я́, т*[ə]*ска́ть,* з[ə]*шла́, на кр*[ə]*ва́ть, прав*[ə]*сла́вная, д*[ə]*ма́м, в*[ə]*да́, ск*[ə]*за́ла, п*[ə]*ка́зывае,*

эстонского проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах» (руководители О. Г. Ровнова, И. П. Кюльмоя) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-04-95402а/Э) и Эстонского фонда науки (договор № V-4). Приношу искреннюю благодарность И. П. Кюльмоя и О. Н. Паликовой за возможность использовать сделанные ими в 2009 г. аудиозаписи.

б[ə]*га́тые, б*[ə]*льша́я, п*[ə]*да́рки, с*[ə]*ба́ка, н*[а]*жра́лся, н*[а]*шла́, обр*[а]*ща́лись, ост*[а]*ла́ся, т*[а]*ка́я, з*[а]*па́сы, кр*[а]*са́вица, с*[а]*ра́й, г*[а]*ра́ж,* [а]*на́, в*[а̯]*йна́, т*[а]*ва́рищу, м*[а]*я́, в*[а̯]*дя́нкой, б*[а]*льна́.*

После мягких согласных:

зав[’а]*ли́, перев*[’а]*ли́, в*[’а]*ди́те, перем*[’а]*ни́ли, кр*[’а]*сти́ла, бер*[’а]*гли́, с*[’а]*рди́лся, л*[’а]*сни́к, м*[’а]*шки́, пер*[’а]*жи́ла, пер*[’а]*жи́ть, пер*[’а]*пи́сывалися, л*[’а]*жи́т, приб*[’а]*жи́т, на в*[’а]*сну́, гл*[’а]*жу́, н*[’а] *бу́дешь, с*[’е]*ржу́ся, н*[’и] *бу́ду;*

в[’е]*сно́й, кузн*[’е]*цо́в, разв*[’е]*ло́ся,* [йе]*го́, мо*[йе]*го́, в н*[’е]*го́* (у него), *с* [йо]*во́нной, л*[’е]*до́чек, п*[’е]*шо́м, н*[’е] *в то́м, н*[’и] *мо́г, п*[’и]*тро́в день, пр*[’и]*сто́льный; нап*[’а]*кё, прин*[’а]*сё; д*[е]*вчонка, ч*[’е]*твёртый, р*[’е]*бёнок, с с*[’е]*мьёй; погл*[’а]*де́ла, с*[’е]*бе́, н*[’е]*де́ль, м*[’е]*две́дев, гл*[’е]*де́ла, б*[’е]*ле́т* (билет), *н*[’е] *е́дь, т*[’е]*пе́ря, д*[’е]*ре́ктор, д*[’е]*те́й, д*[’е]*ре́вню, к т*[’е^{и}]*бе́, т*[’е^{и}]*пе́рь, пер*[’е^{и}]*ме́шка, в д*[’и]*ре́вне, пер*[’и]*е́хали, н*[’и] *ве́чер;*

бер[’æ]*гла́, вос*[’æ]*мна́тцати, пер*[’æ]*пра́ва-то, м*[’е]*ша́ть, у*[йе]*зжа́ть, уб*[’е]*га́ли, поб*[’е]*жа́л, см*[’е]*я́ться, прин*[’е]*сла́, дев*[’е]*тна́дцатого, вос*[’е]*мна́дцать, с*[’е]*мна́цат’, м*[’е]*ня́, л*[’е]*сна́я, с*[’е]*стра́, вс*[’е]*гда́, с*[’е]*ржа́нтом, п*[’е]*ка́рни, предс*[’е]*да́тель, н*[’е] *пла́кать, н*[’е] *ста́ла, н*[’е] *зна́ла, н*[’е] *ла́д’у, пл*[’е]*мя́нник, н*[’е]*льзя́, пл*[’е]*мя́нникова, дер*[’е]*вня́, н*[’и]*да́вно, м*[’и]*ня́, т*[’и]*бя́, н*[’и] *зна́ю,*

На основании приведенных примеров можно сделать вывод, что в речи А. П. Фокиной отчетливо прослеживается позиционная зависимость различения / неразличения гласных первого предударного слога от подъема ударного гласного. Гласный [а] независимо от этимологии произносится перед гласными *и, ы, у,* перед всеми остальными ударными гласными противопоставление [о] и [а] сохраняется. Иная закономерность отмечается после мягких согласных: перед верхними гласными последовательно проведена система сильного яканья, а для всех остальных позиций характерно сильное еканье с единичными случаями произношения [’о] в соответствии с этимологическим *е* перед ударным [о] (*с* [йо]*во́нной*), [а] в соответствии с этимологическим *’а* (*погл*[’а]*де́ла,* но также *гл*[’е]*де́ла, дев*[’е]*тна́дцатого*) и [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов: *в д*[’и]*ре́вне, пер*[’и]*е́хали, н*[’и]*да́вно, м*[’и]*ня́.*

Т. Г. Строганова отмечала, что для полновского типа вокализма после твердых согласных характерна параллельная модель после мягких: перед *и, ы, у* — [а]; в остальных позициях на месте *е* и ѣ произносится [е], на месте *’а* — [а]: *н’ел’з’а́, п’ьт’д’ес’а́т, т’ер’а́фшы, сп’ек’о́, л’еп’о́шкъй, д’ер’е́вн’а,*

но *н'игл'ад''ела, пъв'аз''ел'и* (по вязкому месту), *св'аз'ом* (свяжем) [Строганова 1962: 107]. Строго говоря, полного параллелизма развития аканья и яканья в говорах с полновским типом оканья нет, поскольку позиции различения и совпадения предударных гласных после твердых и мягких согласных не идентичны. После мягких согласных процессы унификации развиваются быстрее и в звукотипе [е] независимо от позиции совпадают *е* и ѣ. Качество гласного, употребляющегося на месте *е* и ѣ, имеет принципиальное значение для определения путей дальнейшей модификации системы вокализма после мягких согласных. Последовательное развитие системы обусловливает появление в первом предударном слоге [е] и на месте *'а*, о чем свидетельствуют примеры *дев*['е]*тна́дцатого, гл*['е]*де́ла*, отмечающиеся в речи А. П. Фокиной.

Совпадение гласных в звуке [е], а не [а], отмеченное в идиолекте А. П. Фокиной, очевидно, связано со значительным преобладанием в этой позиции гласного [е] (на месте *е* и ѣ). С. С. Высотский указывал на низкую частоту употребления в спонтанной речи словоформ с этимологическим *'а* — около 0,3% на тысячу слов [Высотский 2009 (1972): 95]. Кроме того, для подавляющего большинства русских говоров характерно ослабление функциональной нагрузки гласных, упрощение вокальной системы. В результате действия этой тенденции уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /'а/, /'о/, /е/ (/ѣ/).

После твердых согласных в речи А. П. Фокиной отмечается множество примеров, свидетельствующих о постепенном переходе к неразличению гласных в первом предударном слоге. Как известно, сохранению оканья способствует повышение подъема гласного [о], его переход в [у], что в диалектологической литературе иногда называют «уканьем» [Царева 1962: 60; Чекмонас 1998: 62, 68]. Однако подобные примеры в речи А. Фокиной единичны: *с т*[у]*бо́й; пос*[у]*ве́товала,* [у]*сле́пла;* [у]*тпра́вила.* Спорадически звук [у] произносится также во втором предударном слоге: в абсолютном начале слова, реже — после губных: [у]*сторо́жно,* [у]*ткрыва́я,* [у]*бращ́ались,* [у]*стала́ся, п*[у]*сове́товала, п*[у]*часте́ньку.*

Т. Г. Строганова, исследовавшая полновское оканье, сделала предположение, что этот тип вокализма образовался благодаря развитию в говорах качественной диссимиляции. В говоре д. Лядинки Изборского района Псковской области она отметила систему полновского оканья, при которой различение /о/ и /а/ в позиции перед ударным [а] реализует-

ся противопоставлением [о] и [ə] соответственно: *мол*[о]*да́я, т*[о]*гда́, в*[о]*да́,* но *к*[ə]*ка́я, ск*[ə]*за́ла, п*[ə]*ха́ть* и т.д. Т. Г. Строганова делает вывод: произношение [а] перед ударным *а* невозможно, то есть в этой системе обнаруживаются закономерности, характерные для диссимилятивного вокализма жиздринского типа.

В положении перед ударными гласными среднего подъема также наблюдается сохранение различения [о] и [а]. По мнению исследователя, это свидетельствует о том, что ударный [о] в момент образования полновского типа был «пониженно среднего подъема», соответственно предударный [о] в этой позиции мог сохраниться только в том случае, если был более высокого подъема, чем «обычное *о*». Однако новая диссимилятивная тенденция сделала невозможным сохранение [о] «более высокого подъема» перед ударными гласными верхнего подъема и обусловила его замену более низким звуком [а]. Т. Г. Строганова делает вывод, что тип, отмеченный в д. Лядинки, можно назвать наиболее архаической формой полновской модели [Строганова 1962: 108–110].

В материале, записанном на острове Пийриссаар, наблюдается иная картина. В частности, вызывает сомнение, что ударный [о] в момент образования полновского типа был средне-нижнего подъема. Так, в речи А. П. Фокиной фонема /о/ под ударением обычно реализуется целым спектром звуков: [о̝], [о], [ɔ], которые находятся в отношении свободного варьирования. Следует заметить, что закрытый гласный верхне-среднего подъема встречается значительно чаще, чем соответствующий открытый гласный средне-нижнего подъема: *мал*[ɔ́]*диньк’а, помол*[ɔ́]*же, больш*[ɔ́]*й* (м.р.), *в восьм*[ɔ́]*м,* но *выс*[о̝́]*кая, б*[о̝́]*льше, друг*[о̝́]*го, дом*[о̝́]*в, на Гд*[о̝́]*в, в кард*[о̝́]*не, ваг*[о̝́]*н,* зав[о̝́]т, телеф[о̝́]нка, *мо*[jо̝́], *хорош*[о̝́], *гр*[о̝]*б, г*[о̝́]*да, пятис*[о̝́]*тки, городск*[о̝́]*й* (м.р.), *друг*[о̝́]*й д*[о̝́]*м, как*[о̝́]*й г*[о̝]*сть*. Таким образом, фонему /о/ репрезентуют гласные (в порядке частотности): среднего, верхне-среднего и средне-нижнего подъемов, и нет никаких оснований предполагать, что ранее в этой позиции произносился исключительно гласный средне-нижнего подъема [ɔ], как предполагала Т. Г. Строганова.

Гласный [ə] в речи А. П. Фокиной возможен перед всеми гласными неверхнего подъема и обычно отмечается на месте /о/, в единичных случаях — на месте /а/ (только перед ударным [а]). Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении противопоставления [о] и [а], а с другой — о постепенном смещении звукотипа, реализующего в 1-м предударном слоге фонему /о/, в зону среднего ряда. Обращает на себя внимание варьирование долготных характеристик гласных

1-го предударного слога в зависимости от ударного гласного: перед ударными гласными верхнего подъема звук [а] более длительный и интенсивный, чем перед гласными среднего и нижнего подъемов. Даже в том случае, когда в 1-м предударном слоге перед /а/ произносится гласный [о], он значительно уступает по интенсивности и длительности ударному гласному и приближается по своим характеристикам к предударному [ә].

Сохранение качества гласного в первом предударном слоге перед гласным неверхнего подъема зависит и от просодических условий: последовательное произношение гласного [о] чаще всего характерно для сильной фразовой позиции. Это положение можно проиллюстрировать следующей цитатой А. П. Фокиной, в которой она имитирует свой разговор с дочерью: «*Какой ты размер носишь? — Сорок в*[о]*сьмо́й. — И я сорок в*[ә°]*сьмо́й*».

Соотношение ударных и предударных гласных можно видеть на рис. 1–4, где представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности словоформ *х*[а]*ди́*, *п*[о]*шла́*, *в*[ә]*да́*, *з*[а]*па́сы*. На рисунках отчетливо прослеживается позиционная зависимость ряда характеристик гласных 1-го предударного слога от ударных гласных верхнего и нижнего подъемов.

Т. Г. Строганова писала, что диссимилятивный принцип, определяющий развитие говоров с полновским типом вокализма, существует «не в абстрактном виде», а в форме диссимилятивного аканья жиздринского типа. При этом типе вокализма перед ударными гласными верхнего и среднего подъемов произносится [а], перед ударным [а] — гласный среднего подъема [ә] [Строганова 1962: 109]. Однако встает вопрос о причинах появления новой зависимости в говорах, изначально характеризовавшихся различением предударных гласных.

Причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных гдовскому и полновскому, не может быть диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Диссимиляция — это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Как известно, гдовские говоры имеют севернорусскую основу, что, в частности, проявляется в частичном сохранении этимологических гласных в первом предударном слоге. Однако в этих говорах сформировано просодическое ядро слова, то есть ярко выражен контраст между гласным первого предударного слога и другими безударными гласными, что свойственно южнорусским, а также некоторым среднерусским говорам.

То есть «наблюдается некоторое противоречие между характером сегментной и суперсегментной фонетической системы» [Касаткина 1997: 82].

Есть основания считать, что развитие новых отношений между ударным гласным и гласным первого предударного слога — прямое следствие изменения ритмической структуры слова, формирования новой динамической модели. Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим гласным слова привело к изменению всей вокалической системы, которая отходит от старой зависимости, связанной с этимологией гласного, и начинает поиск новых оснований для своего существования. В новых условиях оптимальным вариантом становятся компенсаторные отношения между гласными в просодическом ядре. Перед ударными гласными верхнего подъема, самыми узкими и краткими, предударные гласные становятся наиболее длительными и интенсивными, а перед широким гласным нижнего подъема *а*, напротив, редуцируются.

Компенсационное удлинение и усиление гласного первого предударного слога перед гласными верхнего подъема приводили к его качественному изменению: появлению на месте /о/ и /а/ широкого долгого [а], характеристики которого наиболее близки требованиям новой системы. В остальных позициях различение /о/ и /а/ сохраняется: предударные гласные немного уступают по длительности и интенсивности ударным гласным среднего подъема, при этом довольно значительная количественная редукция перед ударным гласным нижнего подъема [а] не приводит к качественной: краткие и менее интенсивные [о] и [а] в позиции перед ударным [а] продолжают различаться. Развитие нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге способствует ослаблению вариативности их количественных и качественных показателей, что приводит к становлению новой вокалической модели — сильного аканья, которое широко распространено на Псковщине.

Таким образом, речь А. П. Фокиной демонстрирует возможный механизм изменения неполного оканья полновского типа в сильное аканье, возможно, таким же образом происходил переход к сильному аканью в говорах центральной и южной Псковщины. Собранные на Пийриссааре материалы уточняют историю появления и развития неразличения предударных гласных в старообрядческих говорах Эстонии. Очевидно, что оканье, отмечавшееся на Пийриссааре Т. Ф. Мурниковой, а также зафиксированное в речи А. П. Фокиной, связывает этот ареал с Гдовской диалектной группой и долгое время поддерживалось близкими контактами между жителями острова и населением гдовского берега.

Литература

Высотский С. С. 2009 (1972) — Фонотека как источник знаний о языке. Доклад на ученом совете Института русского языка АН СССР (Запись 1972 года). *Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1*. Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М. С. 90–103.

ДАРЯ 1986 – *Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР*. Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Касаткин Л. Л. 2010 — Из истории аканья – яканья в русском языке. *Русский язык в научном освещении*. № 2 (20). С. 77–102.

Касаткина Р. Ф. 1997 — Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области. *Псковские говоры. История и диалектология русского языка*. Под ред. Я. И. Бьёрнфлатена. Oslo. С. 82–94.

Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийрисаара. *Учен. записки Тартуск. ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V.* Тарту. С. 345–363. / См. настоящее издание, стр. 40–59.

Ровнова О. Г. 2007 — Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 176–198.

Степанова С. Б. 1997 — Говор д. Раскопель Гдовского района: транскрипция, анализ, комментарии. *Псковские говоры. История и диалектология русского языка*. Под ред. Я. И. Бьёрнфлатена. Oslo. С. 172–181.

Строганова Т. Г. 1962 — О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области. *Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III*. Отв. ред. В. Г. Орлова. М. С. 101–111.

Хонселаар З. 2001 — *Говор деревни Островцы Псковской области. Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 29*. Amsterdam – Atlanta.

Царева Л. И. 1962 — Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. *Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года*. Отв. ред. Б. А. Ларин. Псков. С. 58–76.

Чекмонас В. 1998 — Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры). *Kalbotyra 47* (2). *Slavistica Vilnensis*. С. 57–132.

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма формы х[а]ди́

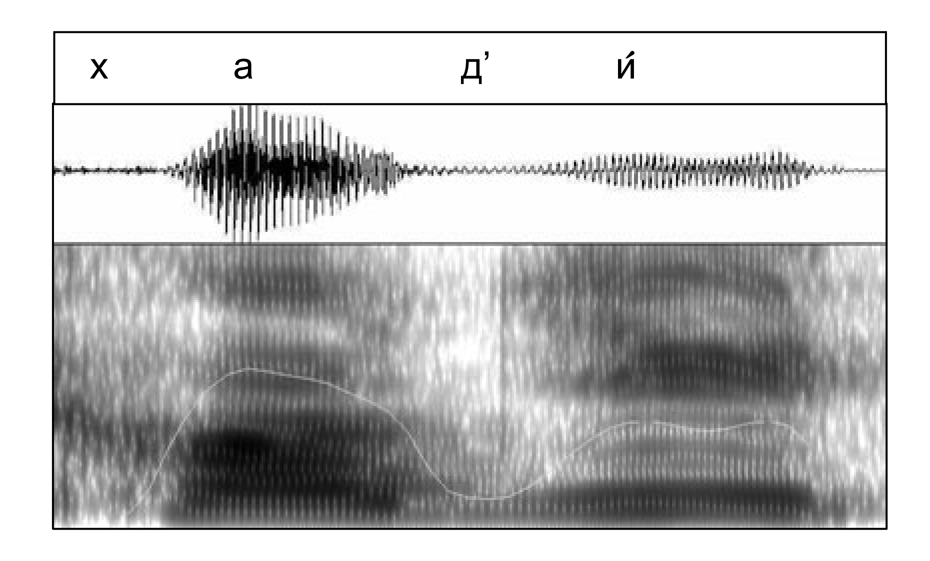

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма формы п[о]шла́

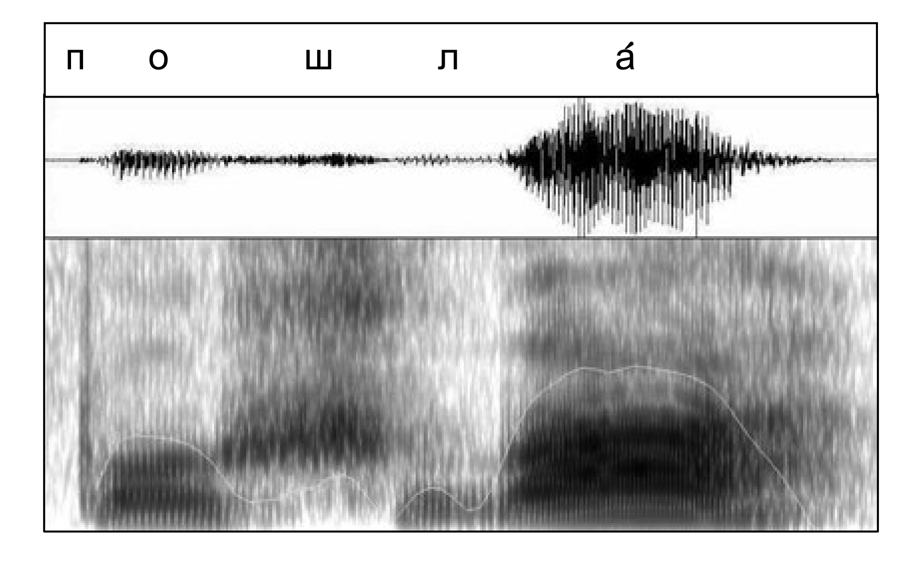

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма формы в[ə]да́

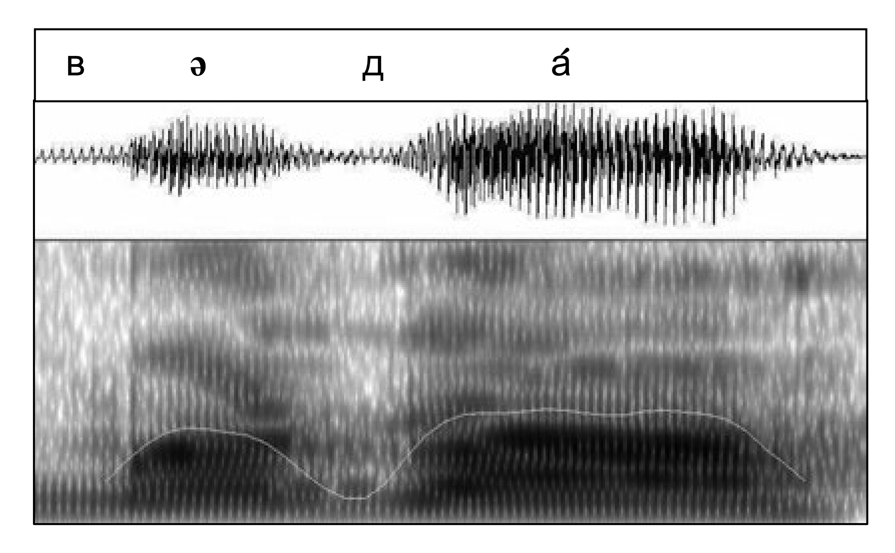
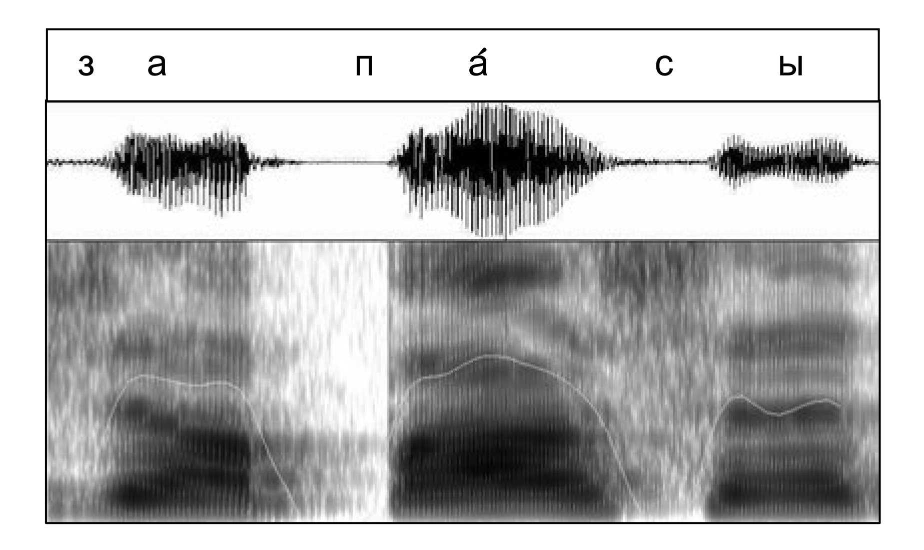

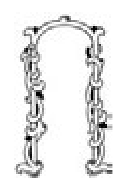
Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма формы з[а]па́сы

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ПИРИСАРСКИЙ[1] ГОВОР В ДВУХ ПОКОЛЕНИЯХ

Л. ЛЕЙСИЁ

ирисар относится к уголкам Эстонии, в которых издавна поселились русские старожилы. «Граница» слышится уже в названии острова, Piirissaare. Наряду с эстонским названием острова существует и русское — Межа, то есть граница. Но местные жители называют свой остров *Пирисар*.

(1) И. *Скажите, а у этого острова есть русское название?*
М. *Есть. Пири- … ну Пирисар так он и звался …* (Ф.)

Таким образом, у острова эстонское название, которое считают своим и русские старожилы, ср. заминку говорящего, осознавшего, что привычное название — эстонское. Эта мелкая деталь — одно из свидетельств того, что говорящий знает и эстонский язык, для него двуязычная компетенция привычна и естественна, он вспоминает о ней только в разговоре с посторонним.

В XI–XII веках побережье Чудского, Теплого и Псковского озер было северной границей поселения кривичей. *Кривичи псковские* — самая северная группа этого племени. Балтийский и финно-угорский субстрат сыграл решающую роль в формировании этническо-племенной общности кривичей. Самые ранние памятники кривичей восходят к VI–IX векам. Это длинные, до 80–100 метров длиной, погребальные курганы [Gimbutas 1971: 95–97]. Захоронения совершены путем трупосожжения. Курганы

---

[1] В статье название будет писаться именно так, как его произносят жители, с краткими гласными, а не в виде транслитерации с эстонского. Транскрипция упрощена для удобства чтения. В конце примеров в скобках М. означает, что отрывок из интервью с мужчиной 1913 г. р. (в момент интервью ему 87 лет). Ф. и Т. — женщины 1932 г. р. (в момент интервью им 76 лет). Знаки препинания в транскрипции отражают интонацию. И. = интервьюер. Запятая означает интонацию незаконченной фразы. Подчеркнутый слог означает фразовое ударение. Заглавными буквами иногда обозначено словесное ударение. Я глубоко благодарна рецензенту, благодаря поправкам и замечаниям которого появилась данная версия статьи.

насыпались на зольно-угольную основу: земля, предназначенная под курган, сначала ритуально очищалась огнем. Следы подобного ритуала не найдены в местах поселения других славянских племен, но зато хорошо известны у племен прибалтийско-финских [Седов 2005].

Заселение Пирисара и распространение на острове староверчества шло, очевидно, теми же путями, что и в Западном Причудье [Савихин, Касиков, Васильченко 2011], а именно: до прихода староверов на острове жили русские рыбаки из псковских кривичей, а после раскола церкви в начале XVIII века на острове стали появляться староверы, и староверчество стало укрепляться за счет местных русских старожилов.

Псковские диалекты содержат в себе прибалтийско-финский субстрат, поэтому при дальнейших интенсивных контактах с эстонским языком, с одной стороны, и при отсутствии интенсивного давления со стороны нормативного русского, с другой стороны, определенные диалектные черты могут сохраниться у западно-причудских русских лучше, чем в российских псковских диалектах.

Чудское озеро столетиями было естественной водной границей между этносами и государствами. Как и на любой границе, движение населения никогда не прекращалось, усиливаясь и ослабляясь в зависимости от социально-политической ситуации. Веками существовавшую языковую ситуацию следует считать *адстратом*. Для адстрата характерно то, что этносы долгое время контактируют друг с другом, один не сливаясь с культурой другого, но вбирая определенные культурные, в том числе и языковые, черты. Адстрат предполагает исторически длительные контакты, основанные на взаимной экономической выгоде, поэтому один этнос не стремится к угнетению другого. В ситуации адстрата и в том, и в другом этносе обычно есть прослойка населения, представители которой одинаково хорошо владеют обоими языками. Наиболее часто адстрат возникает на границе двух государств [Veenker 1967: 11, 16][1].

Староверчество сыграло свою консолидирующую роль в сохранении русской культуры, в том числе и языка, особенно благодаря тому, что препятствовало смешанным, эстонско-русским бракам. Среди православных русских Западного Причудья браки с эстонцами заключались гораздо более свободно, чем среди староверов. Смешанные браки интенсифицируют

---

[1] Термин *адстрат* ввел в лингвистику Фалькофф [Valkhoff 1932: 17, 22] и несколько позже в комплексе с субстратом и суперстратом разрабатывал Бартоли [Bartoli 1939]. В своем исследовании о финно-угорском субстрате в русском языке Фенкер [Veenker 1967: 3–17] уточнил типологию языковых контактов и предложил ввести 4-й тип контактов, *перстрат*.

Мария Петровна Короткова (дер. Тони). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Матрена Григорьевна Ершова и Зоя Васильевна Брянова (дер. Тони). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Федора Леонтьевна и Иван Васильевич Мирушковы (дер. Межа). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Хельги Хальяк
(дер. Межа).
Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Эвальд Труутс
показывает орудия
труда рыбака
(дер. Межа).
Август 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Участники
московско-тартуской
экспедиции,
О. Г. Ровнова
и И. П. Кюльмоя
с Анной Павловной
Фокиной (в центре).
Дер. Желачек.
Июль 2010 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Антонида Васильевна Кондратьева (дер. Желачек). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Слева:

Ирина Меркульевна Феклистова (дер. Межа). Июль 2009 г.

Внизу:

Матрена Григорьевна Ершова режет лук-севок (дер. Желачек). Июль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Зиновея Тимофеевна Венчикова с Любовью Абрамовной Захаровой (вверху) и Натальей Васильевной Романенковой (справа). Дер. Желачек. Август 2009 г. / февраль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Зиновея Тимофеевна Венчикова готовит рыбу для копчения. Дер. Желачек. Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Прасковья Ивановна Тейман (дер. Межа). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Ирина Кюльмоя с Анной Леонтьевной Кузнецовой (дер. Межа). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Варвара Яковлевна Кондратьева (дер. Межа). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

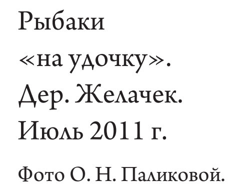
Тимофей
Антонович
Селезнев
(дер. Желачек).
Июль 2009 г.

Фото
О. Н. Паликовой.

Филимон
Леонтьевич
Кузнецов
(дер. Межа).
Июль 2012 г.

Фото
Кайдо Хаагена.

Рыбаки
«на удочку».
Дер. Желачек.
Июль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Раиса
Филипповна
Кузнецова.
Дер. Межа.
Июль 2010 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Олимпиада
Леонтьевна Лешкина
(дер. Межа).
Июль 2010 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Марфа Фадеевна
Гойдина
(дер. Межа).
Июль 2009 г.

Фото А. В. Штейнгольд.

Вверху: Участники экспедиции А. В. Штейнгольд, И. П. Кюльмоя и С. Б. Евстратова с М. П. Коротковой (в центре) и детьми (дер. Тони). Июль 2009 г.

Внизу: Набегался… Представитель младшего поколения староверов (дер. Межа). Июль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой

языковые контакты, на территории Эстонии, несомненно, в сторону влияния эстонского языка на русский. Тем не менее, на границе с Россией угрозы исчезновения русского языка не было. И в русско-православных деревнях в Западном Причудье сохранились русская культура и русский говор, родственный пирисарскому и уходящий своими корнями в западные псковские диалекты. О языковом единстве староверов и православных русских Западного Причудья свидетельствуют и наблюдения К. Кару и О. Паликовой в православных деревнях Нина и Ротчина в 2007 году [Кару 2007: 355]. В 1960–70-х годах Вера Мюркхейн изучала русский говор деревни Мехикоорма, располагающейся на берегу озера Тёплое, население которой — в основном православные русские. Она описала эстонское влияние на говор в области фонетики, фонологии и морфологии [Mürkhein 1971, 1973]. В языке староверов также встретились черты, говорящие о влиянии эстонского языка, сходные с ранее отмеченными в православных русских деревнях особенностями [Кюльмоя 2004].

Можно предположить, что на острове мирно и дружно жили эсты и кривичи в стародавние времена и до объединения Руси. После раскола церкви на острове сложилась староверческая община, что не изменило межнациональных отношений, однако более строго стали выбирать жен и мужей — из одноверцев. Всю русско-староверческую историю острова он был открыт и на восток, и на запад. Жен брали и из Западного Причудья, и из Псковской губернии, чаще всего Печерского уезда.

До Второй мировой войны мужчины острова служили в эстонской армии. До войны были эстонская и русская школа, после войны только русская, с уроками эстонского языка. Пятеро эстонских детей тоже пошли туда учиться. Школа на Пирисаре закрылась в 1986 году, когда осталось три учителя и три ученика.

Язык реагирует на социально-политические перемены, и естественно, пирисарский диалект тоже меняется. Время советской власти очевидно повлияло на диалектные черты в сторону выравнивания. Нынешнее эстонское время подняло престиж эстонского языка, а престиж русского упал, поэтому молодежь стремится переходить на эстонский язык общения.

Наибольшее лингвистическое отличие Пирисара от других мест Западного Причудья в том, что на острове все говорят по-русски, в том числе и люди среднего возраста, и молодежь, владеющая одинаково хорошо и русским, и эстонским языками. На западном побережье Чудского озера, или, как говорят на Пирисаре, на материке, русскоязычные говорят по-русски, эстонцы по-эстонски, русские и эстонцы между собой по-эстонски. На острове же и местные эстонцы говорят с русскими по-русски. Этот как

будто неписаный закон. Самое интересное и важное для сохранения русского говора — то, что дети, приехавшие на остров на лето с материковой Эстонии, говорят между собой по-русски. На материковой части Западного Причудья дети русских родителей, по моим наблюдениям, общаются друг с другом зачастую по-эстонски.

В качестве базы данных я использую видео- и аудиозаписи, а также дневниковые записи, сделанные мной во время двух полевых сезонов на Пирисаре, в 2000 и 2008 годах. Основные задачи исследования сопоставить речь старейшего жителя Пирисара М. (1913 г. р.) с речью двух женщин следующего поколения, Ф. и Т. (1932 г. р.), и в рамках грамматичекого сопоставления подробно рассмотреть употребление причастно-предикатных конструкций. М. всю жизнь прожил на острове, за исключением службы в эстонской армии. Женщины покинули остров во время Второй мировой войны и после ее окончания жили некоторое время на материке, в том числе в Тарту. Из двух женщин Ф. была основной рассказчицей, поэтому примеры даны главным образом из ее речи.

1. Фонетика, морфонология, морфология

Сильное яканье сохранилось в речи М., однако есть и отклонения, например, название деревни он произносит то Желачек, то Жалачек. Яканье в редких случаях встречается в речи Ф.

(2) *вас в Польшу павязут*
если хочете бягитя (*Ф.*)

В большинстве случаев яканья у Ф. нет.

У М. слышно полутвердое *р* в позициях, где *р* палатализованное в лит. русском *тапер, парэнь, на якарах*. Твердо произносятся и некоторые другие согласные в ряде слов.

Мягкие в СЛЯ[1] *щ* и *ч* в речи М. твердые и произносятся как <шш> и <тш>. Он также последовательно произносит сочетание *дн* (в СЛЯ) как <нн>: *бенные* (то есть *бедные*). В речи Ф. и Т. оба эти явления слышны иногда, но больше они придерживаются произношения СЛЯ.

В глаголе *идти* и производных от него глаголах в инфинитиве появляется конечный *-ть*. Эта черта у всех информантов сохранилась. Взаимное местоимение (в СЛЯ *друг друга*) в пирисарском русском *один онного*, с уда-

---

1 СЛЯ — современный [русский] литературный язык.

рением на втором слоге: *один онного пригласишь* (М.); *в гости один к одному ходили* (Ф.) У Ф. слово *один* склоняется и получает ударение по модели СЛЯ. В речи М. числительное *один* склоняется по типу прилагательных *онна на онную; онного; онные.*

В речи М. слышно отпадение последней согласной *-т* в окончании глагола 3-го лица единственного числа *-ет, -ёт, -ит* и можественного числа *-ут, -ют.* У М. эта особенность не проводится последовательно, варьируясь даже в одном и том же глаголе, хотя в данном интервью более 70 % глаголов 3-го лица наст. вр. — без конечного *-т.* В примерах (3а–ж) случаи без конечного *-т,* в примерах (3з–л) случаи с конечным *-т.*

(3) *а* — не ходю; в йих своя была кирка
б — тогда выбирае другую
в — другой приходе
г — и проводю, расцалуются, и до следуюштива вечера
д — [рыба] уже тагды начинае путаться
е — а патом назначю какой день свадьбы
ж — тагды ж не так богато держа, што е
з — а тапер и ходют и не ходют
и — этот парень идёт
к — сперва сасватают
л — а тапера вот не пускают

Местоимение *весь* в речи М. встречается в форме *всий* и в форме *весь* даже в одном и том же контексте, *народ всий* и *народ весь.* Во множественном числе в речи М. довольно последовательна форма *вси,* однако встречается и форма *все.* Ф. употребляет форму *все,* хотя один раз и встретилась форма *вси.* В среднем и женском роде у всех говорящих форма совпадает с формами СЛЯ *всё, вся.*

М. употребляет формы *туды, сюды, когды* наряду с формами *тогда, сюда, когда*. В речи Ф. и Т. встретились только формы СЛЯ.

Указательные местоимения на гласный получают дополнительный гласный в именительном падеже и при склонении, то есть получают окончание прилагательных, в речи М. систематически, в речи Ф. и Т. встречаются наряду с нормативными формами. М. употребляет указательные местоимения в форме прилагательных: *тыи* (те), *в тую сторону.* Словосочетание *в тоё время* встретилось у всех говорящих. Указательное местоимение *это* в речи М. встретилось в форме прилагательного, *этоё,* в роли определения, а в роли заполнителя паузы в форме *это.* В речи Ф. встречается форма аккузатива женского рода *этую* наряду с несравнимо более продуктивной формой *эту* и форма аккузатива-номинатива среднего рода *этоё* наряду с формой *это.* В речи М. это местоимение во мн. ч. последовательно упот-

ребляется в форме *эты*. В речи Ф. варьируются *эти* и *эты*. М. произносит, в основном, *вси* и *всий*, но встречается и *все* и *весь*.

Личные местоимения третьего лица в речи М. последовательно произносятся с йотированной начальной гласной *ён, яна, яны* с сохранением начального *-й* (вместо *-н* в СЛЯ) в косвенных падежах. В речи Ф. эти местоимения в стандартной форме *он, она, они*, однако встретилось несколько раз *яна* и *яну*, и *ён*. Похоже, что диалектные формы появляются в контекстах с драматической или саркастической эмфазой.

(4) И он сказал Я историк (Ф.)
<саркастически> а ён историк!.. говорит, я вам ответы дам! (Ф.)

Форма творительного падежа мн. ч. существительных и, соответственно, прилагательных и местоимений в речи М. последовательно употребляется без конечного *-и, деньгам платили, с йим иттить* (по контексту *с ними*). В речи Ф. это явление нерегулярно: *с женщинам*, но *с этими талонами*.

Существительные на *-а* в предложном и дательном падеже оканчиваются на *-ы*. *к нявесты* (М.) *в усадьбы жили* (Ф.). В речи М. эти формы последовательно используются, а в речи Ф. встретилось только две формы на *-ы*, остальные с окончанием СЛЯ, типа *на той сторонЕ … были*.

Таблица 1[1]. Некоторые фонетические, морфонологические и морфологические особенности пирисарского говора в речи М. (р. 1913) и Ф. (р. 1932).

N	**диалектная черта**	**М.** (1913 г. р.)	**Ф.** (1932 г. р.)
1.	яканье	+	- (+)
2.	*тая, тоё, тыи*	*тая, тоё, тыи*	*та (тую), то (тоё)*
3.	*всий, вси(и)*	*всий (весь), вси(и) (все)*	*весь, все (вси)*
4.	*тогды, когды*	*тогды, когды*	*тогда, когда*
5.	*дн- > нн*	+	- (+)
6.	*щ- > шш*	+	-
7.	*ч- > тш*	+	-
8.	ненормативно тверд. согл. в некоторых словах	*тапер, рабина, на якорах, самы, эты*	*эты, старынны, самы*
9.	*-а* дат. предл. *-ы*	*-ы*	*-е (-ы)*
10.	тв. п. мн. ч. *-м*	+	- (+)
11.	*яны, яна, ён* (личн. местоим.)	*яны, яна, ён*	*они, она, он (яны, яна, ён)*
12.	взаимное местоимение *один онного*	+	+

[1] Пояснения к таблице: условное обозначение «- (+)» — явление встречается редко; «–» — не встречается; «*все* (*вси*)» — наиболее часто встречается первый вариант, вариант в скобках встречается реже.

2. Семантико-грамматические черты

2.1. Предикативное употребление причастий

Перфект — специфическая форма аспекта, который передает актуальность прошлой ситуации [Comrie 1976: 52]. Комри выделяет 4 типа перфекта [Comrie 1976: 56–60].

1. Результативно-стативный перфект, результатив, выражает состояние как результат ситуации в прошлом *Bill has gone to America / Билл уехавши в Америку*.

2. Экспериенциальный перфект выражает ситуацию, которая имела место по крайней мере раз в определенный период прошлого и имеет отношение к настоящему. *Bill has been to America / Билл бывавши в Америке*.

3. Перфект постоянной ситуации. Ситуация началась в какой-то момент прошлого и продолжается в настоящем. *I've shopped there for years / Я в этот магазин много лет ходивши*.

4. Перфект недавнего прошлого. *BIll has just arrived / Билл только что приехавши*.

Причастия-предикаты в северных и западных русских диалектах признаны результативами-стативами по своему значению [Trubinskij 1988]. Семантику перфекта в русских говорах Эстонии описала Ирина Кюльмоя [Кюльмоя 2006]. Она также проиллюстрировала все четыре значения перфекта примерами из речи западно-причудских русских [Кюльмоя 2009]. В речи М. причастия-предикаты употребляются регулярно и могут считаться западно-причудской нормой.

Чаще всего и последовательно М. пользуется причастно-предикатными конструкциями в значении результатива и экспериенциального перфекта. Непереходные глаголы употребляются в форме на -(*в*)*ши* с семантическим субъектом в именительном падеже. Конструкции от переходных глаголов выступают в виде пассивного краткого причастия неизменно среднего рода. В плюсквамперфекте используется глагол-связка, который согласуется с подлежащим в числе и роде. Конструкция на *-но* / *-то* часто включает и т. н. посессивный оборот, предлог *в* с родительным падежом агенса. В речи Ф. и Т. тоже встречается предикативное употребление причастий, однако оно не так последовательно, как в речи М.

2.1.1. Причастие на -(*в*)*ши*

Форма на -(*в*)*ши*, по своему происхождению активное краткое причастие женского рода, выступает предикатом активной непереходной конструк-

ции. Форма на -(*в*)*ши* не изменяется и поэтому, естественно, никаких признаков согласования с подлежащим не имеет. В плюсквамперфектных конструкциях глагол-связка согласуется с субъектом действия в числе и роде. Глагол может быть как совершенного, так и несовершенного вида.

Типичные синтаксические контексты этой конструкции — обстоятельственное (6) или определительное (5, 7, 8) придаточное. Конструкция употребляется в значении результатива.

(5) только кто на поле, или выпивши (М.)
(6) ну конечно, так не ходю, а когда выпивши, так это, тогда смелости больше (М.)
(7) скажем школьник, три–чатыри класса кончивши, могет работать, нА-поле, с лошадям (М.)
(8) у нас которые были в Швецию убежавши, их жены-то были … (Ф.)

В (9) Ф. сама не видела боя, но предполагает, что он был, так как вернувшиеся жители нашли много погибших. Из реплики Т. ясно, что сами женщины боя не видели, но судят о нем по свидетельству — большой братской могиле. Таким образом, перфект от глагола *быть* участвует в передаче эвиденциального значения.

(9) 01Фнебольшой бой бывши у них всё-таки,
02много погибло
03Т вон сколько! братская могила

Типичные значения активных причастно-предикативных конструкций — это результатив и экспериенциальный перфект. Именно в последнем значении чаще всего употребляются причастия от глаголов несовершенного вида. Назначение этого перфекта — выразить ситуацию, пережитую, испытанную референтом субъекта. Если (10) прочитать, не учитывая интонации, то причастную конструкцию можно посчитать плюсквамперфектной со связкой *были*. Однако на *были* падает фразовое ударение. Говорящая перефразирует сказанное, используя активное причастие, отмечая и его фразовым ударением. Фразу *в Витебск съездивши* следует считать самостоятельным предложением, перифразой предложения *были мы тоже*.

(10) 01в России большие пенсии получают
02а в Витебске нет, ани не получают таких пенсий.
03да, были мы тоже, в Витебск съездивши.
04это уже границы начАлися (Ф.)

Экспериенциальный перфект иллюстрируют также (11) и (12).

(11) но сколько я с женщинами которы были детьми выведены,
в больнице лежавши, … (Ф.)

(12) туды дальше не знаю, но до Тшорной я ездивши.
в Тшорной тоже, в храме был. (М.)

При предикате на *-вши* в стативно-результативном значении субъект часто в фокусе. В (13) в контрастном фокусе субъект *три женщины* — по контрасту с предыдущим мужчины, в (14) *я* по контрасту с *ты*, в (15) *остальные вси* — *я*.

(13) мужчины все вымерли;
три женщины там всего-то оставши (Ф.)
(14) да ты-то ещё можешь, а я-та уже совсем задохши (Ф.)
(15) так нас ходило!
остальные помёрши вси
я только оставши эта утшаник, от этого батьки. (М.)

Конструкции типа (16) *я тринадцатого года радивши* также являются результативными. Конструкция в строке (03) *вся была дяревня сгоревши* имеет значение плюсквамперфекта — предшествует ситуации в прошлом, когда погорельцы уезжали и потом деревня была отстроена заново.

(16) 01 я 13-го года радивши, я тринацатава радивши, так это вот так,
02 в семнадцать — двацать в 21-м году пожар, был;
03 это фся бЫла дяревня сгоревши. (М.)

(*строки 4–11 — рассказ о пожаре, эвакуации и строительстве заново*)

12 там только туда — эстонский край, тот не был, сгоревши,
13 а этот, фси были, там фси дома новые поставлено. (М.)

Строки 04-11 содержат динамический рассказ об эвакуации погорельцев и строительстве деревни заново. В качестве предикатов используются исключительно финитные глаголы. Подытоживая рассказ, М. употребляет плюсквамперфектную (строка 12) и результативную (строка 13) конструкции. Подлежащее может и отсутствовать.

(17) я не могу потому што в меня закрывши,
я и так-то — дыханье закрывает (Ф.)
(18) в нас был горевши во всех. (Т.)

В (19) *улицы* — семантический объект. Предложение (строка 03) безличное. Синонимичное предложение — безличное *улицы сбило*.

(19) 01 ... три деревни да.
02 ну Тони тут поменьше Жалатшек там больше.
03 а там тоже улицы збивши (М.)

Употребление в (19) краткого пассивного причастия вместо активного в роли предиката, очевидно, невозможно: ?*улицы збито*, так как отсутству-

ет агенс — деятель, целенаправленно осуществляющий свою деятельность. Существование агенса при необязательности его выражения — характерный признак конструкций с пассивным причастием.

2.1.2. Причастие на *-но / -то*

В речи М. пассивное причастие-предикат представлен неизменно в форме единственного числа среднего рода независимо от числа и лица агенса и пациенса. Агенс выступает в форме родительного падежа с предлогом *в* (СЛЯ *у*). Отличительная черта предиката с пассивным причастием, в отличие от СЛЯ и от многих псковских диалектов, ср. [Морозова 2004], состоит в том, что глагол-связка согласуется с пациенсом в роде и числе, а краткое пассивное причастие неизменно выступает в форме среднего рода единственного числа. Таким образом, конструкция в своем наиболее полном виде имеет следующую схему:

в AG_{GEN} OBJ_{NOM}-AGR COP-AGR PP_{NEUT}

Схема 1. Конструкция с пассивным причастием-предикатом.[1]

В речи М. схема соблюдается последовательно без единого исключения. Обязательным в этой схеме является только причастие. Агенс и пациенс могут отсутствовать. Связка есть только в плюсквамперфектных конструкциях. В схеме показан немаркированный порядок слов. Преобладание конструкций с таким порядком слов было констатировано Петровой [Петрова 1968: 123] для псковских диалектов. В (20) агенсная фраза произнесена как припоминание, и поэтому она следует за глаголом.

(20а) ну было дозволено; в родителех,
ну так сказать проводить свою барышню, до дома (М.)

(20б) ну было дозволено --- REC[нам, молодым парням]$_{i}$ ну так
сказать проводить свою$_{i}$ барышню, до дома

В (20а) позицию пациенса занимает инфинитивная конструкция *проводить свою барышню*, агенсная фраза *в родителех*. Эллиптированный реципиент (REC в 20б) является агенсом конструкции *проводить свою барышню* и связывает рефлексивное местоимение *свою*. Глагол-связка *было* в среднем роде. По своему значению конструкция является стативным плюсквамперфектом.

---

[1] Пояснения к схеме: AG агенс, OBJ семантический объект (пациенс), NOM именительный падеж, COP глагол-связка, AGR согласование (в роде и числе), PP краткое пассивное причастие прошедшего времени, NEUT средний род. Семантический объект может быть и в родительном падеже, и тогда глагол-связка будет в форме среднего рода.

В (21) пациенс в родительном падеже с партитивным значением — под влиянием отрицания, показанного в главном предложении *ня* [*не*] *вижу*. Агенс не выражен, но он определенно существует. Как справедлово отмечает Кюльмоя [Кюльмоя 2006: 180–181], предложения с пассивным причастием соответствуют неопределенно-личным.

(21) тапер сколько год живу так и ня вижу
штоб было бы свадьбы штоб кого посватано;
<u>как</u> женются не знаю (М.)

В примере (22) агенс опущен. Это местоимение множественного числа 1-го лица, которое связывает возвратное местоимение *с собой*. М. рассказывает, как рыбачили в старое время, имея в виду себя и других мужчин-односельчан.

(22) с собой мяш<u>ки</u> были, ну, … платья были взято, и там и нотшавали (М.)

Как и предыдущем примере, в (23) пациенс в фокусе. Конструкция по значению — результативный статив. Ситуация, описанная в строке (02) является причиной ситуации, описанной в строке (01).

(23) 01 ой сийтшас не могу! <спеть духовные песни>
02 так в меня и словА все забыто (М.)

Диатеза глагольных конструкций в конечном итоге зависит от семантики глагола. Как и в примере (20), в примере (24) диатезу нельзя определить однозначно как пассивную. В (24) нет привычной пары агенс-пациенс. Это скорее реципрок, конструкция со значением взаимного действия. Синонимичной предложению в строке 01 (24а) на можно считать конструкцию с финитным глаголом (24б), но не (24в).

(24а) 01ну мама уже была разведенО с папой
02мы жили только с мамой,
03мама с нам жилА (Ф.)
(24б) Мама уже развелась с папой.
(24в) ?Маму уже развели с папой

Встретились конструкции с согласованным полным пассивным причастием, которые Князев [Knjazev 1988: 355] называет перфектным пассивом. В (25) нет связки, обстоятельство времени *двадцать второго года* указывает на момент совершения действия, результат которого — состояние, длящееся до настоящего момента. В конструкциях с согласованным причастием агенс не выражен, пациенс является темой, а ремой, или фокусом, является причастие или зависимое от него обстоятельство. Согласованное причастие близко к прилагательному, оно становится признаком пациенса-подлежащего и вре-

менные характеристики теряют свою актуальность. Такие пассивные конструкции можно считать адъективированными пассивами.

(25) двадцать второго года наш дом построеный. После пожара (Т.)
(26) и ребёнок патом, он тут и похороненый
он жил только один день, умер сразу (Ф.)
(27) В Тарту еще мы остановилися, дома-то наши разОренные были!
дома-то разорили! (Ф.)
(28) и этот и клуб! стрОены привадили; лес аттудава (М.)

Если Ф. и Т. произносят полную форму причастий, то у М. эти формы краткие.

Наряду с диалектными посессивно-перфектными в речи Ф. встречаются стандартные литературные пассивные конструкции с кратким пассивным причастием, согласованным с пациенсом, и агенсом в творительном падеже.

(29) по этой улице я сколько домов знала,
они все были проданы, этим, домуправом (Ф.)

2.2. Предлоги, возвратная частица, словосочетания

Предлог *от* употребляется вместо *из* (СЛЯ), когда речь идет о происхождении, родине, а не просто о географическим перемещении.

(30) Папа был оттуда от Варнья (Ф.)

Вместо предлога *из* употребляется *с*: *с Лохосы, с Вороньи*(М.); *с России, с Риги, с подвала, с моленной* (Ф.)

(31) и с моленной они и убежали (Ф.)

В сравнительном обороте, включающем эталон сравнения, последний выражается сочетанием с числительным без предлога.

(32) а. сестренка младше меня три года была (Ф.)
б. два года после меня служил (на два года позже меня) (М.)

В посессивных конструкциях предлог *у* (СЛЯ) заменяется на *в*, а иногда опускается.

(33) уже (в) мамы-то сил не было (Ф.)

Возвратная частица опускается в глаголах без явной возвратной семантики, типа *начинает*(*ся*), но не систематически, даже у М. Возвратная частица всегда присутствует в реципроке, в возвратных и пассивных глаголах: *задярутся заспорятся*; *звался* (назывался) (М.)

2.3. Родительный падеж в партитивном значении

Подлежащее может быть в родительном падеже с партитивным значением. В (34б) *нас* — семантический субъект. Генитив имеет квантитативное значение, означая неопределенное множество. В таком значении употребляется партитив в прибалтийско-финских языках. Однако партитивное употребление родительного падежа характерно и для общерусского языка еще в начале XX века (см. [Leisiö 2001]).

(34а) — и лошадей было (М.)
(34б) — так нас ходило! (М.)

Употребление родительного падежа субъекта в значении частичности охвата референта действием, неопределенного множества референтов, а также в отрицании характерно как для старой русской нормы, так и для русских диалектов. Такое употребление имеет четкий аналог в прибалтийско-финских языках, в частности, в эстонском [Erelt 1993: 39, 42–45, 52, 158–160]. Эстонский партитив, возможно, является поддерживающим фактором в использовании партитивного родительного в пирисарском и, шире, западно-причудском русском.

Пирисарский русский — это в прямом и в переносном смысле островной говор. В переносном смысле — то есть говор в иноязычном окружении [БЭС: 111]. В силу своего географического — островного — положения он отделен и от эстонского языка, и от соседнего русского. Староверчество препятствовало смешанным бракам, которые являются сильнейшим фактором, углубляющим языковые связи. Экономические связи как с русскими, так и с эстонцами были временами затруднены в силу географического положения. Понятие русской литературной нормы и пиетет по отношению к ней вызывали расшатывание говора в значительно меньшей степени, чем говоров и диалектов на территории России. Поэтому пирисарский говор можно считать сохранившимся в более архаичном виде, чем говоры Западного и Восточного Причудья.

Пирисарский говор в его наиболее полной форме сохранился в речи М., родившегося в 1913 году, отучившегося в начальной русской школе, отслужившего в эстонской армии до 2-ой мировой войны, старовера, активно участвовавшего в церковных обрядах, всю жизнь прожившего на острове, занимавшегося традиционным промыслом — рыболовством. Язык родившихся в 1932 году жительниц острова сильно изменился по сравнению с языком Ф. в сторону выравнивания диалектных черт. Это произошло под

влиянием радио, телевидения и общения с носителями русского литературного языка, когда говорящие жили в Тарту. Некоторые черты, особенно фонетические и морфофонетические, варьируются: например, *все* и *вси*, даже в речи М. Это можно объяснить тем, что свойства языка, не требующие сложного когнитивного конструирования, говорящему легко менять, приспосабливая (аккомодируя) свою речь к речи собеседника. Конечно, наиболее плодотворными для изучения диалекта могли бы стать записи разговора носителей диалекта между собой, а не с исследователем-лингвистом.

Ряд диалектных черт, связанных с финно-угорским субстратом, может поддерживаться наличием аналогий в языке окружения, эстонском. Субстратной чертой Фенкер считал яканье [Veenker 1967: 37–38]. Родительный семантического субъекта имеет аналогию с эстонским партитивом, причастно-предикативные конструкции — аналогию с эстонским перфектом. Основные значения этих конструкций в пирисарском говоре — это результатив и экспериенциал. Хотя севернорусский перфект и в эстонском окружении семантически ограничен, в речи М. конструкции с пассивным причастием имеют последовательную морфосинтаксическую структуру.

Предложное словосочетание предлога *у* с посессором в родительном падеже, поссессивный оборот, в севернорусских диалектах приобрел вторичное значение — агенса, совершающего действие в отношении объекта в форме именительного падежа [Петрова 1968], [Трубинский 1984: 137, 139]. Тимберлейк показал, что в севернорусских диалектах посессивно-агентивный оборот имеет семантические и синтаксические свойства подлежащего [Timberlake 1976]. Пациенс же имеет морфосинтаксические свойства подлежащего — именительный падеж и согласование с глаголом-связкой. Таким образом, свойства подлежащего распределяются между агенсом и пациенсом. В частности по этой причине Лавин [Lavine 1999], вслед за Орром [Orr 1989], рассматривает конструкцию на -н(о) / -т(о) как эргативную, и считает севернорусские диалекты, имеющие такую конструкцию, морфологически-эргативными (в отличие от синтаксически-эргативных языков). В качестве агенса выступает структура, исконное значение которой — посессивность. Развитие посессивной структуры в агенс свойственно и другим языкам с частичной морфологической эргативностью, в частности хинди. В хинди эргативную конструкцию могут образовывать только перфективные глаголы, как переходные, так и непереходные. Таким образом, аналогия эргативности и пассивности неверна для хинди [Mohanan 1994: 71–72], как и для многих севернорусских говоров, и для пирисарского говора, ср. (24). Краткое пассивное причастие Лавин

[Lavine 1999: 309] предлагает считать непроизводной неизменяемой активной формой, такой же, как и форма на *-в(ши)*, изначально краткое активное причастие женского рода. В пирисарском говоре такой же неизменяемой формой в роли предиката является причастие на *-но / -то*.

Литература

БЭС — *Большой Энциклопедический словарь. Языкознание.* Ярцева, В. Н. (гл. ред.) Москва: Большая Российская Энциклопедия, 1998.

Кару К. 2007 — О некоторых особенностях говора жительниц деревни Нина. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Книга вторая.* И. Кюльмоя (отв. ред.). Тарту. С. 345–362.

Кюльмоя И. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии.* И. Кюльмоя (отв. ред.). Тарту. С. 155–159.

Кюльмоя И. 2006 — О «русском перфекте» в говорах Западного Причудья. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. IX. Тарту. С.173–183.

Кюльмоя И. 2009 — О семантике северо-западного перфекта в русских говорах Эстонии. *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества.* Москва. С. 137–139.

Морозова Н. А. 2004 — Несогласованные пассивные конструкции в говорах под Опочкой на Псковщине. *Материалы и исследования по русской диалектологии* II (VIII). Москва: «Наука». С. 185–207.

Петрова З. М. 1968 — Посессивный перфект в псковских говорах. *Псковские говоры II.* Псков. С. 118–126.

Савихин Ф., Касиков А., Васильченко Е. 2011— Эволюция взгляда на заселение русскими западного берега Чудского озера (Эстония) и на возникновение беспоповского старообрядчества в Причудье. *Антропологический форум.* № 15. С.112–162. Веб-ресурс: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/savikhin_kasikov_vasilchenko2.pdf

Седов В. В. 2005 — *Славяне. Историко-археологическое исследование.* Раздел *Кривичи.* Москва.

Трубинский В. И. 1984 — Очерки русского диалектного синтаксиса. Ленинград: ЛГУ.

Bartoli M. 1939 — Substrato, superstrato, adstrato. Rapport au 5ème Congrès international des linguistes. Bruges.

Comrie B. 1976 — *Aspect.* Cambridge: Cambridge University Press.

Erelt M. (гл. ред.) 1993 — *Eesti keele grammatika. II. Süntaks.* Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.

Gimbutas M. 1971 — *The Slavs.* London: Thames and Hudson.

Johns A. 1992 — Deriving ergativity. *Linguistic Inquiry.* 23:1. C. 57–87.

Knjazev J. P. 1988 — Resultative, passive, and perfect in Russian. См.: Trubinskij, 343–368.

Lavine J. 1999 — Subject Properties and Ergativity in North Russian and Lithuanian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics* 7, ed. K. Dziwirek, H. Coats, and C. Vakareliyska. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 307–328. Веб-ресурс: http://www.facstaff.bucknell.edu /jlavine/fasl7.pdf

Leisiö L. 2001 — *Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian* (Acta Universitatis Tamperensis; 795). Tampereen yliopisto, Tampere. Глава 4. С. 115–196.

Mohanan T. 1994 — Argument Structure in Hindi. *CSLI Publications*. Stanford.

Mürkhein V. 1973 — Эстонские заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР. *Советское финноугроведение IX*. С. 1–9.

Mürkhein V. 1971 — *Фонетико-фонологическое и морфологическое описание русского старожильческого говора Мехикоорма Эстонской ССР*. Автореферат канд. диссертации. Москва.

Orr R. 1989 — A Russo-Goidelic syntactic parallel: u nego svoja izba postavlena / Tá sé déanta agam. *General Linguistics* 29. С. 1–21.

Timberlake A. 1976 — Subject properties in the North Russian passive. *Subject and topic*, Ch. Li (ред.), NewYork. С. 545–570.

Trubinskij V. I. 1988 — Resultative, passive and perfect in Russian dialects. *Typology of resultative constructions*. (Typological Studies in Language, vol. 12. Перевод с русского *Типология результативных конструкций* 1983), Nedjalkov & B. Comrie (ред.), Amsterdam: Benjamins. С. 389–410.

Valkhoff M. 1932 — *Latijn, Romaans, Roemeens*. Amersfoort.

Veenker W. 1967 — *Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Uralic and Altaic Series, Vol. 82*. The Hague: Mouton & Co.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОЦЕНКИ
(речь жителей острова Пийриссаар)

Е. И. КОСТАНДИ

Настоящая статья является продолжением работ автора, посвященных анализу аксиологичекого компонента речи на материале записей бесед с жителями Западного Причудья, преимущественно староверами [Костанди 2007, 2008а]. Главной целью указанных работ были выявление языковых средств выражения оценки, анализ отдельных лексических средств, установление видов оценок, значимых для респондентов, и общая характеристика специфики аксиологического компонента речи староверов на фоне рассматривавшегося ранее иного материала, например, текстов СМИ, мемуарной литературы, представляющих язык русской диаспоры Эстонии [Костанди 2004, 2005, 2006]. Выявленные особенности учитывались также при анализе характера оценочности в спонтанной разговорной речи городских жителей [Костанди 2008б]. Статья, таким образом, является фрагментом более широкого исследования оценочного компонента в разных видах текста и в разных коммуникативных условиях, языковых средств выражения оценки и взаимодействия языковых и внеязыковых факторов в аксиологической сфере.

Анализ нового материала — записей бесед с жителями острова Пийриссаар, сделанных сотрудниками кафедры русского языка Тартуского университета (в статье использованы записи, опубликованные в [Очерки 2004], а также не публиковавшиеся ранее расшифровки записей, предоставленные нам О. Н. Паликовой, А. В. Штейнгольд и С. Б. Евстратовой[1]) — подтверждает некоторые предыдущие наблюдения и позволяет остановиться на не рассматривавшихся ранее аспектах.

---

[1] Автор выражает благодарность коллегам за предоставленный материал и помощь, оказанную при уточнении деталей расшифровок.

Речь, записанная в ходе экспедиций, разумеется, не отражает всей полноты картины, в том числе и с точки зрения оценочности, тем не менее некоторые параметры она позволяют выявить. Как показал анализ, характер оценочности в анализируемом материале в целом существенно не отличается от того, который наблюдался в аналогичных записях староверов Западного Причудья. Общими признаками являются относительная нейтральность речи, отсутствие ярко выраженной оценки, сравнительно небольшое количество и «однообразие» используемых для этого средств. Говоря о языковых средствах, следует иметь в виду, что оценка непосредственно в тексте может и не выражаться. По словам Е. М. Вольф, «особое место среди оценочных высказываний занимают сообщения, которые не содержат эксплицитных оценочных элементов ни в виде слов, ни в виде сем в отдельных словах, и тем не менее могут приобретать оценочное значение на основе стереотипов, существующих в общей для данного социума «картине мира» («квазиоценочные»)» [Вольф 2006: 164]. Так, рассказы о жизни, о разных событиях, даже трагических, могут часто вовсе не сопровождаться выраженной оценкой или это оценка, судя по набору используемых языковых средств, сдержанная, что можно видеть в следующих примерах:

(1) *Немцы падают. Мы бяжим, все бяжим. Вот по мху бяжим за торфяные кучи. Солдат сказал, что «Вы не бягите, сядьте за кучи и сидите, пока пробягут, а то вас не тронут, а нечаянно пуля может дырку продрать». Вот мы сели за кучу, покамест, хозяйка-то была эстонка, и говорит, что «Вы поднимите руки, прощения просите». Ну вот, там пришли эстонцы, говорят: «Вы идите обратно в дом таперича и сядьте в подвал и сидите в подвале». Мать говори, мы пошли в подвал, сели в подвал и сидим. Ну что ж, фронт прошел* [Очерки 2004: 213].

(2) *А куда было итить? Зима наступает. И ушли по крестьянам вот так. Ну что? Есть-то хочется. Ну, мама стала работать, но а мы-то ещё были по одинадцать лет, а сестры вообще было ещё девять лет. Ну и так вот у эстонцех этих и жили. А вернулись мы в 46-м. Ну а ведь русские уже пришли в 45-м, а ведь ехать-то… дом разóренный был. Ехать было некуда. Мама устроилась в Тарту. Не то, что работы не было, карточная система была. Это после войны же тоже не было… никогда. Мама как-то заболела, отправили её на тяжёлую работу. Мама заболела, её в больницу положили и тогда… ну она с больницы вышла, а сестрёнка пошла с талонами, купить хлеб и от неё украли эти талоны… Ну что маленькая? Еще девять… десять лет уже ей вот было. Ну и вот мама вышла и говорит: «А что, поедем домой?», хотя мы-то… картошку посадим или что там — своё будет.*

Ну вот так и приехали обратно. И дом наш был разо́ренный, и жить было негде (Межа 2008).

(3) *Я много работала в колхозе, я еще на пункте таки мяшки, вздымали ящики с рыбой по 100 килограмм. Ну, такой был шофёр хороший, что говорил: «Ты ни с кым не вздымай ящики, только со мной. Со мной так легче тебе.» Ну, а что поделаешь, жить надо было. Руки зато какие некрасивые* (Межа 2009).

Приведенные фрагменты рассказов о военном и послевоенном времени, о тяжелой работе в колхозе передают общую тональность речи респондентов, характеризующуюся отсутствием ярко выраженной оценки, тем, что часто она передается не отдельными оценочными лексемами, а описательными оборотами, выводится из контекста или фоновых знаний. Тем не менее оценка, разумеется, может выражаться и более явно, о чем свидетельствуют, например, следующие лексические (самые частотные среди них, как и в материале, представленном в [Костанди 2007, 2008а], — слова *хорошо, хороший/ая/ое/ие* и модальные слова) и синтаксические единицы:

(4) *не лёгкая жисть; труд это рыбацкий — очень тяжёлый; с работами стало трудно; жисть прожита нелегко; кака она вкусна; пошло всё безобразие; пища уже богатая была; полезный для здоровья; как в Бога за двярям; плохая работа; собачья жизнь; хорошо, трудно, неграмотные, зажиточно, немудрено, мазурики* (Межа 2008, 2009, Желачек 2004, 2009, 2011).

Имплицитность оценки, отсутствие явных средств ее выражения согласуются с «размытостью» видов оценки и частных оценочных значений [Арутюнова 1998: 198–199], что часто отличает устную речь в целом, в том числе и рассмотренные нами ранее с этой точки зрения записи разговорной речи [Костанди 2008б]. Неоднозначность и пересечение оценочных значений не позволяет установить строгие критерии их выделения, следует говорить лишь о доминировании в контексте какого-либо из значений. С учетом этого можно сказать, что в проанализированных записях присутствуют разные виды оценок и оценочных значений, о чем свидетельствуют примеры:

(5) Общая оценка: *Тогда крястьяны на материке были… жили* ***зажиточно***, ***хорошо***; *Так хозяева были очень* ***хорошие*** (Желачек 2004); *А в крестьянах мы жили* ***хорошо*** (Желачек 2011); *В меня пензия* ***хорошая*** (Желачек 2004).

Частная оценка: а) сенсорно-вкусовая: <…> ***до чего она вкусна*** *вот. Часто всё вспоминается, так хочется такой колбаски.* ***До того она вкусная****… не надо этакой… никакой бы колбасы; Вот я и говорю, вот холодец многие варят с чесноком, а я* ***не переношу*** (Межа 2008);

б) интеллектуальная: *И видите, у них* ***как сделано хитро***: *они документы... По-видимому, когда в архивы обращалися, видимо, что мы не высланные, а мы как бежали* (Межа 2008); в) эмоциональная: *А мы-то* ***страдали, и не знаешь, как страдали*** [Очерки 2004: 212]; г) эстетическая: *И служба* ***очень красиво***; *Ай, в меня и волоса* ***никудышние***... *Баба* ***притряпавши*** (Желачек 2009); д) этическая: *Он привозил горох, крупу — раздавал бедным.* ***О, были богатые какие***! *Это представляете*? (Межа 2008); е) утилитарная: *Ну это вот* ***старое всё, сношенное*** *было ... и вот,* ***видишь, какие*** *нитки* (Межа 2008); ж) нормативная: *Мы учили-то тоже* ***неправильный*** *эстонский язык* [Очерки 2004: 192]; з) телеологическая: *Ну, говорят, он и* ***полезный*** *для здоровья, когда вот заболеваешь* (Межа 2008).

Как и в аналогичных записях речи староверов Западного Причудья, регулярно появляется общая оценка (хорошо/плохо), однако из частнооценочных значений наиболее частотными оказались не нормативные и этические оценки, а утилитарные и сенсорно-вкусовые (гедонистические). Очевидно, последнее обусловлено тематически: вера, религиозные нормы, разговор о которых приводит к выражению нормативных и этических оценок, реже становились темой разговора, однако можно предположить и то, что более суровые условия жизни на острове вынуждают обращать больше внимания на утилитарную значимость вещей, действий, поступков и т. д. В то же время это остается лишь предположением, требующим для своего подтверждения или опровержения дальнейшего анализа материала. Близки «материковые» и «островные» тексты по тому, какие виды частных оценок единичны — это интеллектуальные и телеологические оценки — и по признаку регулярного пересечения оценочного и модального компонентов: нужное, должное, являющееся нормой естественным образом оценивается, необязательно эксплицитно, как правильное и потому положительное, например:

(6) *Ничего нельзя было есть. Молока нельзя было есть. Масло, сметанку, творо́г. Ну, мясо. От это всё считалось непостное. Это считался грех. Бедность была всеим одинакова. Надо было всех приголубить* (Желачек 2004).

Итак, по наиболее общим признакам — имплицитность и сдержанность, оценок, характер использования маркированных языковых средств, неоднозначность и частотность определенных оценочных значений — речь жителей острова Пийриссаар существенно не отличается от речи жителей материкового Западного Причудья. Так как эти характеристики были уже предметом анализа ранее [Костанди 2007, 2008а], в настоящей статье они детально рассматриваться не будут, далее же остановимся на аспекте, ко-

торый обращает на себя внимание при первом же знакомстве с материалом, тем не менее ранее не только не анализировался, но и не затрагивался, — на роли оценки в текстообразовании.

Как известно, системный анализ текстового уровня языка и текста как его основной единицы начался несколько десятилетий назад и первоначально относился лишь к письменным текстам. Однако очень скоро встал вопрос о том, насколько правомерно говорить о тексте применительно к устной, особенно спонтанной разговорной речи. Сейчас большинством исследователей признается существование разговорного текста, имеющего свою специфику. В настоящей статье нет необходимости останавливаться на характеристике его многочисленных признаков, напомним лишь о тех, которые важны для анализа нашего материала. Уже на начальном этапе изучения разговорного текста были выявлены такие его особенности, как: тематическая многоплановость, переходящая в «<…> если можно так сказать, чересполосицу, когда, перебивая друг друга, развиваются несколько хотя и взаимосвязанных, но все же достаточно самостоятельных тем» [Ширяев 1982: 110], регулярное развитие в тексте побочных тем, или тематических ответвлений, тесное взаимодействие языковых и неязыковых средств в смысловой организации текста, асимметричность формы и содержания, при которой информативная и содержательная сторона текста развиваются неравномерно [Кожевникова 1985]. Как показывают многочисленные исследования, одним из основных факторов, определяющих эти свойства устного текста, является непосредственная или моделируемая говорящим позиция автора и адресата, имеющая разные реализации, из которых наиболее описана позиция во времени и пространстве.

В дальнейшем текстовые свойства разговорной речи исследовались более детально, для чего привлекался разнообразный материал, в том числе и диалектный. Так, анализируя диалектный монологический текст, Ю. В. Косицина выделяет такой показатель, как «локализация в языковом сознании», или «точка наблюдения за объектом повествования, которая определяет особенности тематического развития текста» [Косицина 2011: 78]. Для нашего анализа значимо то, что автор уделяет особое внимание категории субъекта — именно она реализуется в «точке наблюдения», во многом определяющей характер развития текста. Проявлением категории субъекта является, как известно, и оценка.

К числу многочисленных и разнообразных свойств оценки относится ее потенциальная текстовость. По мнению Н. Д. Арутюновой, можно «утверждать, что оценка задает определенные параметры дискурса» [Арутюнова 1998: 213], так как, по природе своей обладая информативной недос-

таточностью, предполагает компенсацию последней в тексте. «Самым простым приемом является дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей» [там же: 213–214]. Наряду с этим приемом существует и ряд других, имеющих место и в нашем материале, о чем пойдет речь ниже.

Хочется еще раз подчеркнуть, что уже при первом знакомстве с рассматриваемыми записями привлекает внимание тесная взаимосвязь оценки и текстовых показателей. Проявляется это прежде всего в том, что, оценивая что-либо, респонденты регулярно с той или иной степенью выраженности мотивируют или иным образом раскрывают свою оценку, что ведет к развертыванию текста. Соответствующие мини-тексты, нацеленные на раскрытие оценки, есть во всех проанализированных записях. Это позволяет говорить о значимости текстообразующей функции оценки в нашем материале и требует детального анализа. Поскольку этот аспект на анализируемом материале ранее не описывался, рассмотрим сейчас наиболее общие проявления данной функции.

Как отмечалось выше, для речи наших респондентов характерна имплицитная оценка, не выраженная словами или выраженная слабо. Такие «квазиоценочные», по определению Е. М. Вольф [Вольф 2006: 164], фрагменты, в которых «средством» выражения оценки становятся единицы текстового уровня, лучше сказать — дискурсивные единицы, типичны для анализируемого материала. Под номерами 1–3 выше были приведены примеры такого рода оценочности. Первый из них представляет фрагмент развернутого рассказа о военных событиях на острове [Очерки 2004: 212–215], в начале которого высказыванием, также уже приводившимся выше под номером 5в (*А мы-то страдали, и не знаешь, как страдали*), передается эмоциональная оценка, однако все последующее повествование формально почти безоценочно, но начальная фраза и содержание рассказа (военные действия, обстрелы и расстрелы, неоднократный переход острова от одной воюющей стороны к другой, жизнь гражданского населения в военное время) естественным образом характеризуют то, о чем говорится, как негативное. Подобное наблюдается и в примере под номером 2 — фрагменте большого рассказа о жизни, постоянно прерываемого переключениями на другие темы. В некоторых частях рассказа встречаются оценочные единицы, распространяющие свое действие на все повествование, однако большие и относительно самостоятельные фрагменты никаких оценочных средств не содержат. В этом случае также оценка выводится из более широкого контекста и стандартного восприятия событий, подобных

описываемым, в повседневной жизни. Наконец, в примере 3 негативная оценка в конце фрагмента относится к рукам (*Руки зато какие некрасивые*), однако она прямо обусловлена рассказом о тяжелой работе, что и формально выражено (*зато*), и распространяется таким образом на более широкий контекст. Можно, сказать, что во всех приведенных и аналогичных примерах оценка отсылает к контексту и тем самым «цементирует» текст, выступая как общий элемент его отдельных частей и становясь таким образом средством связности, то есть выполняет текстообразующую функцию.

Типичным для речи респондентов оказалось «дескриптивное развертывание» оценочного компонента, о котором, как о простейшем приеме раскрытия оценки, пишет Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1998: 213–214]. В этом случае вначале говорящий оценивает что-либо, а далее описывает положение дел, причины, такую оценку вызвавшие, то есть можно говорить о явной или не очевидной последующей мотивации оценки. Мотивирующий контекст может ограничиваться высказыванием, стать сравнительно небольшим фрагментом текста (2–3 предложения) или перейти в развернутое повествование со своими микротемами и тематическими ответвлениями. По мере развития такого мотивирующего текста могут время от времени появляться оценочные единицы (слова, словосочетания, высказывания), за которыми снова следует дескриптивный контекст. Разные по объему варианты такого развертывания представлены ниже:

(7) *Ну тут зямля в нас нехорошая очень,* ***сухая зямля, один пясок****; А нам-то горя не будет,* ***потому что мы пензию получаем*** *<…> В меня пензия хорошая. Мне хватает пензии.* ***Потому что у меня муж был рыбаком. И был ён всё время передовым. Зарабатывал хорошо. Так мне насчитывались яво́ны про́центы****. Там тое место, так это Попов колодец. И са́ма хорошая вода, са́ма хорошая вода.* ***Чистая как спирт и очень вкусная*** (Желачек 2004); *У нас только у староверов зубы рано повылетают, все говорят,* ***что вода плохая или мы самы зубы портили. Вот с холода приедем и чая горячего, може чем и портили зубы*** (Межа 2009); *Тяжёлая работа, а что делать!* ***Учиться не захотели в своё время, и возможность бы́ла при советской власти. И отец был жив, и мы могли их, ну, помогать йим и всё, ну не захотели*** (Желачек 2009); *А вот в прошлый год картошка была в нас такая высокая и такая сильная,* ***а нынче от ветром всё переломало. Всё переломало. Яна́ така́ жиденькая, что там под низом совсем урожай буде слабенький. Вятры́ стояли. Вятры́. Потом пошли дожди и ветром это****… А тут видать стоявши хорошо мяти́на. От такие дела-то, да. <…> Картош-*

ку поломало, с ей толку уже не будет. ***Сначала не было дожжа, мяти́нка вот такая слабенькая. В прошлый год мяти́на была такая крепкая. Слабенька мяти́нка, а нынче всё поломало*** (Желачек 2011).

Ограниченный объем статьи не позволяет привести более крупные фрагменты, которые в расшифрованном виде могут занимать несколько страниц, поэтому сошлемся на опубликованные ранее записи речи жителей или уроженцев острова. Представление о таких крупных фрагментах дает приведенный под номером 1 частично рассмотренный выше пример, содержащий в начале оценку (*А мы-то страдали, и не знаешь, как страдали*), а далее — рассказ о событиях, эту оценку вызвавших [Очерки 2004: 212–215]. В других встретившихся в записях аналогичным образом структурированных развернутых рассказах говорится о жизни на острове (магазин, транспорт, природа, рыбная ловля и др.), о событиях прошлого (детство, батрачество, война и др.), о поступках людей (забота о родителях, помощь бедным, беженцам, высланным) и т. д. Рассмотрим сравнительно небольшой по объему пример из неопубликованных записей:

(8) ***А в крестьянах мы жили хорошо.*** *Хозяйка берягла́. Напякёт хле́бов и говорит: «От вам от такой хлеб. Ешьте». Булок напякёт: «Ешьте». Мама доила коров. Сколько хотите молока пейте. От хозяева берягли́. И этых хозяев выслали в Сибирь. Ну, тогда, при советской-то власти высяля́ли в Сибирь-то. Засчитали их как за врагов и выслали их в Сибирь. У них трое было мальчиков. От. И хозяина с хозяйкой выслали в Сибирь. Когда с Сибири-то они пришли, они уже в Сибири-то там спе́рва, говори* <= говорили>, *жили трудно, а потом-то они там уже привыкли, и дети все выучилися. И приехали, дети все — которы инженер, которы с высшим образованием, все с Сибири приехали оттуда. И когда они приехали с Сибири, моя сястра́ узнала, разнашла́ их там в Тарту по знакомым. И как мы были как одная семья́, как родная семья́ одная. Мы их признали, яны́ нас. И так они нас и по сей час берягу́т. Родители ихные умерли, а сыновья с нам знаются. Да. От так. Сыновья знаются. И в гости сюда приязжа́ли. И старшая сястра́ в меня в Тарту. И туда она и в гости к йим ездит. Увяду́т на машины и привяду́т. И помогали, когда трудности были — то картошки привяду́т, то от дров привяду́т старухе. От так жили* (Желачек 2004).

Как видно из приведенных здесь и многочисленных аналогичных примеров, оценочные компоненты участвуют в структурировании текста, образуя его вводную часть, нередко задающую не только оценку, но и микротемы повествования и тематические ответвления. В последнем примере микротемами, «подсказанными» заданной оценкой, являются жизнь семьи

рассказчицы у крестьян-хозяев, высылка хозяев в Сибирь, их жизнь в Сибири, возвращение, отношения с сыновьями прежних хозяев. При этом данный мини-текст оценочно структурирован. Исходная оценка наиболее очевидна (*А в крестьянах мы жили хорошо*), по мере развития текста она поддерживается высказыванием, в котором нет оценочной лексики, однако оценка в нем содержится, так как вытекает из общих представлений о жизненных ценностях (*И как мы были как одная сямья, как родная сямья одная*). Завершается мини-текст итоговым высказыванием, вне контекста абсолютно безоценочным, однако на фоне предыдущего рассказа оценка становится его основным наполнением (*От так жили*). Таким образом, подтверждается приведенное выше утверждение о том, что оценка задает определенные параметры дискурса.

Достаточно регулярно в записях встречается и такое развитие текста, при котором дескриптивный компонент предшествует оценочному, то есть рассказ о некотором положении дел завершается итоговой оценкой, например:

(9) *— А Вас тоже эвакуировали в войну? — Да-да-да-да. Тут всё было пусто. Тут всё было пусто. Ну мы-то попали… большинство-то, пришла баржа и на баржу, на баржу грузилися и отправляли туда. В эту в Выпсу, да в ту сторону. А мы, от, в нас бы́ла больша лодка в папы. И мы, когда пришли от это на канал туда-ка, що там поедут в лодках и там стоял большой пароход — на пароход грузить… А в нас-то большая лодка, как раз были откуда приехадчи — высяляли эстонцы; эстонец знакомый, що моя родна тётка там у них в батраках жила, и я туда ездила, так тот эстонец позвал меня там на причале-то где пароход-то стоял. И говорит: «Ой, я не пущу вас туда. Ко мне поедем». От он нас увёл. Там это по ряки — Кастрово, Выпса да Вынну вот туда, и мы там жили. Войну. Войну отжили…* ***Эстонцы были и очень хорошо относилися к нам*** (Желачек 2011).

(10) *Это спальня, это как раньше называли горница, а это передняя, ну, горница, тяперь нету, всё везде спальна, приедут, там все разложутся это не пройти. Это спящие и здесь всё разложут, ну, в мою спальню никто спать не идет.* ***Так это я одна, как барыня*** (Межа 2009).

Аналогичный пример был приведен и выше под номером 3. Наконец, оценочный компонент может создавать своего рода «кольцевую композицию», то есть начинать и завершать рассказ. Здесь также регулярно встречаются большие по объему фрагменты, которые по формальным требованиям к размеру статьи не могут быть включены в нее, поэтому снова сошлемся на опубликованные ранее записи. В [Очерки 2004: 265–267] на указанных страницах трое рассказчиков, уроженцев о. Пийриссаар, вспо-

минают о том, как в детстве им приходилось работать у зажиточных крестьян-эстонцев. Начинается рассказ с оценочного высказывания (*Ну так себе, тоже тяжело было жить*) одного из говорящих и завершается очень экспрессивной, что в целом не характерно для речи наших респондентов, оценкой другого говорящего, которую он относит к своей жизни (*Это жизнь была собачья*!). «Кольцевая» оценка, однако не столь очевидно выраженная, наблюдается и в примере 8.

От рассмотренных выше отличаются контексты, оценка в которых может не выражаться оценочной лексикой, а вытекает из модальных значений долженствования, необходимости, возможности. Наиболее типично следующее: приводится некоторая позитивно воспринимаемая обязательная или возможная норма (должно, надо, можно), но далее она не мотивируется, а детализируется, то есть описывается положение дел, соответствующее этой норме. Чаще всего такие мини-тексты связаны с конфессиональной тематикой, например:

(11) ***И тогда каждому должна святить****. Так от на погребенье каждому образу свяща́. Свяща́. Свещи знаете? Каждому, каждому образу ставят свящу́. И тогда вокруг гроба. Хто приходют на погребенье, вокруг гроба. Каждый даёт, сколько там могет, ну, как ко́ гробу свящу́. Дают деньги — ко́ гробу свящу́. Кто там сколько даёт. И тогда гроб ставится на скамейку длинную, и вокруг такие, ну, сделаны, що куда свещи ставить. Как подстановочки такие. И вокруг гроба от так ставют, и свещи горят во время этого. Свещи горят всё время. От такие дяла́* (Желачек 2004).

Представления говорящих о норме, о должном, необходимом могут относиться не только к конфессиональной, но и к любой сфере. Так, одна из рассказчиц говорит о том, что в деревне закрывают магазин, что плохо для жителей, и рассуждает о том, как нужно было сделать (что можно считать положительным «эталоном»). Приведем лишь некоторые фрагменты этого довольно длинного текста, который время от времени прерывается тематическими ответвлениями, то есть характеризуется тематической «чересполосицей» и одновременно асимметричностью формы и содержания, поскольку автор, повторяясь, возвращается к уже сказанному, актуальному в то время для нее и всех жителей деревни:

(12) ***Вот то, что магазин закроется тут — вот это будет проблема****. А что? Они хозяева.* ***Как не должны?*** *Они что хотят, то и делают. Это как раньше кооператив был… Закроют… Волость сама виновата.* ***Надо было*** *в своё время. Всё-таки, Лена — молодая девушка.* ***Надо было*** *как-то йону всё-таки пощерять бы. Но что девчонка — этакой товар водить с канавы? Ну представьте себе, разве это девчонкино дело? Ну, возит то-*

> *вар-то из Тарту, но приведут на барже, а вот суда приведут, так тут-то надо с канала перевозить всё.* <…> *А ведь всё время у нас было так, что волость обеспечивала магазин. От канавы до магазина были люди от волости, и они товар приводили. Я думаю, она бы не ушла бы, может, так. А уж ей надоело, я думаю, это. Ей, девчонке, надоело. А я думаю, что она б всё-таки поработала бы ещё.* <…> *Всё-таки,* ***надо было*** *девчонку как-то пощерять бы. Имеется волостной трактор. Этих же алкашей заставили бы, они получают по тысяче в месяц. Вот: товарный день, пожалуйста, идите — разгрузите, привезите до магазина. Это свободно могли бы сделать, и этого не сделали даже. Девчонке ящики… Посмотри, с молоком ящик эта поднимает, гляжу — и пивной ящик, а он тяжёлый же, ну?* <…> *Всё-таки* ***надо было… Вот моё мнение такое*** <…> (Межа 2008).

Как видим, оценка, соотносящаяся с модальностью, предопределяет развитие текста, структурирует его, так как говорящий не просто «устанавливает» норму, но и, считая нужным раскрыть ее, продолжает повествование.

Таким образом, в рассмотренных записях оценочный компонент регулярно становится текстообразующим фактором. Эта функция оценки имеет ряд наиболее общих проявлений. Во-первых, оценка может обнаружиться только на текстовом уровне, тем самым она становится своеобразным средством связности. Во-вторых, оценка побуждает говорящего пояснить ее, соответственно, оценочный компонент является основой для дескриптивного развертывания текста, которое может содержать мотивацию оценки или описание некоторого положения дел, отвечающего заданной оценке. По мере развертывания текста в нем могут появляться оценочные единицы, отсылающие к начальной оценке, наконец, оценка может заключать некоторый рассказ, рассуждение. Тем самым оценка выступает как средство отсылки к последующему или предыдущему контексту, то есть как средство прямо- и обратнонаправленной связи, и одновременно как структурообразующий компонент. Так как рассматриваемый материал является устной речью, то для него характерны тематическая разноплановость, ответвления, самоперебивы, непропорциональность плана содержания и плана выражения. Все это влияет и на реализацию текстовых свойств оценки, в результате не подчиняющуюся строгим правилам и систематизации. Все сказанное относится к наиболее общей характеристике аксиологического компонента речи, требующей дальнейшего наблюдения над разнообразным материалом и анализа частных проявлений текстового потенциала оценки.

Литература

Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. М.

Вольф Е. М. 2006 — *Функциональная семантика оценки*. М.

Кожевникова Кв. — О смысловом строении спонтанной устной речи. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV*. М. С. 512–523.

Косицина Ю. В. 2011 — Тематическое развитие диалектного монологического текста в контексте языкового сознания говорящего. *Вестник Челябинского гос. ун-та. №3. Филология. Искусствоведение. Вып. 50*. С. 78–83. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 14.05.2012): www.lib.csu.ru/vch/218/017.pdf

Костанди Е. И. 2004 — Оценка как отражение социальных факторов. *Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIV*. Daugavpils. С. 219–224.

Костанди Е. И. 2005 — Прагматика новостного дискурса. *Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы*. Рига. С. 191–199.

Костанди Е. И. 2006 — Характер оценочности как отражение личностного мировосприятия. *Кирилло-Мефодиевские чтения. 1*. Даугавпилс. С. 68–78.

Костанди Е. И. 2007 — Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Тарту. С. 149–156.

Костанди Е. И. 2008а — Оценочная лексика в устных рассказах староверов Западного Причудья: слово — текст — культура. *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 2*. Вологда. С. 78–84.

Костанди Е. И. 2008б — Аксиологический компонент разговорной речи. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*. Тарту. С. 108–124.

Ширяев Е. Н. 1982 — Структура разговорного повествования. *Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI*. М. С. 106–121.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ТРУДОВЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРОЖИЛОВ ОСТРОВА ПИЙРИССААР: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. П. ЩАДНЕВА, О. Н. ПАЛИКОВА

В публикации продолжается разработка темы, начатой в совместной статье, которая была посвящена идее труда в системе социально-религиозных представлений староверов и особенностям вербализации концепта ТРУД в речи староверов Западного Причудья [Щаднева, Паликова 2011]. Цель данной статьи — развитие заявленной темы на материале текстов, записанных на самом большом острове Чудского озера — Пийриссааре, большинство жителей которого — староверы. В первую очередь в статье учитывается диалектный материал, содержащийся в записях последних десятилетий[1]. В описании языкового материала учитывались 1) типичные для островитян виды хозяйственной деятельности и постепенная их утрата, 2) характеристика конкретного процесса труда, 3) типы поведения людей в соответствии с их отношением к труду.

Трудовая деятельность является органичным элементом жизни человека, поэтому «церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, если таковая соответствует христианским нравствен-

[1] Используются следующие материалы: 1) примеры из [ФСЭ 2007] и [СГСЭ 2008], которые сопровождаются указанием на то, что запись сделана на острове в определенном году (напр.: ПРСР, 2004), и отсылкой к странице данных книг; 2) примеры из записей речи старожилов острова 2004–2011 гг. (расшифровки выполнены в 2012 г. Л. Авво, И. Кюльмоя, Я. Нылванд, О. Паликовой, А. Потапченко, В. Тубин, А. Штейнгольд, А. Самариным), которые сопровождаются указанием на деревню и год записи (напр.: ЖЛЧК, 2009); 3) примеры из тетрадки с фразеологизмами и паремиями, записанными Агафьей Яковлевной Венчиковой, которые сопровождаются пометой [Рукопись].

ным нормам» [Основы социальной концепции… 2000]. В социально-религиозной концепции староверов христианские нормы воплотились в полной мере [см. подробнее: Щаднева, Паликова 2011]. При этом религиозная составляющая в старообрядчестве неразрывно связана и с культурой, и с бытом. В данном исследовании основное внимание уделяется последнему компоненту триады *церковь – культура – быт*: повседневному труду и трудовым обязанностям и, соответственно, выявлению языковых способов фиксации концепта ТРУД в содержании текстов и в лексике, собранной на острове Пийриссаар.

Религиозные ценности определяют у староверов и быт, и мировоззрение, которое, в целом, зиждется на а) консерватизме, б) трудолюбии и в) бережливости [см. об этом: Расков 2002]. Старообрядческую этику повседневного кропотливого труда следует отметить особо, ибо для старообрядцев характерно отношение к труду как к важному способу спасения веры и души, как к явлению и физической, и духовной жизни человека, что определяется религиозными ценностями, основанными на древней вере. Иными словами, ТРУД в социально-религиозной концепции староверов реализуется и в усердном служении Богу, и в повседневной работе.

В этническом плане население острова неоднородно. На Пийриссааре издавна проживает три этноконфессиональные группы: численно преобладают староверы, есть православные (русские) и есть эстонцы (лютеране по вероисповеданию). Поскольку население острова живет бок о бок уже много поколений, трудно говорить о специфическом отношении к труду у той или иной группы. Все сделанные на острове записи речи свидетельствуют о том, что представители всех трех групп старожилов относятся к труду с одинаковым уважением, все они занимаются одними и теми же видами трудовой деятельности, поэтому даже эстонцы пользуются общим для русских жителей лексическим запасом слов, связанных с трудом[1]. Типичной для островитян, особенно староверов, можно считать и связь повседневного труда с религией, божеским промыслом:

(1) *— А как, доча, урожай-то был? — Я довольна, тётя Люба. — Довольна? — Я всегда довольна!* ***Что Бог дал, то и до́бро***. ЖЛЧК, 2009.

Значимым для староверской этики оказывается стремление поделиться с теми, кто беднее. Недаром у староверов популярно выражение *рука дающего не оскудеет*, которое рыбак из следующего примера доказывает на собственном опыте:

[1] Во многом, конечно, это тот же лексический пласт, что и в Западном Причудье, то же отношение к труду, что и у «по́бережи», то есть у жителей причудских деревень.

(2) <Женщина, с которой он поделился рыбой,> *сразу крестится: «Ой, пришли тебе, Господи, с морюшка, с озера». Ну и поедешь, так и ребятам я говорю: «Вот видишь, просто дающему рука не оскудеет». Вот дастишь, и яна́ крест там бросает, Бога просит, чтоб тебе пришёл* <улов>. *И мы как поедем, так рыбы, сколько хошь!* ЖЛЧК, 2004.

1. Факторы, влияющие на трудовую деятельность островитян

1.1. Социологическая характеристика населения острова

О православном русском населении Пийриссаара документально известно с XIII века [Мурникова 1988: 123 / 2012: 60], хотя предположительно православие пришло на территорию Эстонии еще в XI веке [Плаат 2012: 211].

По данным Т. Ф. Мурниковой, в древности переход части населения на постоянное жительство с материка на остров был обусловлен рыбными богатствами водного пространства между устьем реки Желчи и островом, что и послужило основой переноса названия реки сначала на населенный пункт на острове, а затем и на весь остров [Мурникова 1988: 123 / 2012: 60]. Тем самым свое древнейшее название *Желачек* остров получил в результате хозяйственной деятельности людей. Предположительно, с таким трудовым занятием, как выделка кож, связаны и другие известные в прежние времена названия острова: *Озолица*[1] и *Порка* [Мурникова 1988: 124–125 / 2012: 61–62]. Русское и немецкое названия, свидетельствующие о широком распространении этого ремесла в прежние времена, явно близки по смыслу, так как семантически основаны на общем значении: ‘пепел’, ‘зола’ [подробнее см. там же]. В настоящее время слово *озол* в пийриссаарском говоре не встречается, и обработкой кож на острове никто не занимается.[2]

Нынешние островитяне-староверы, как и их далекие предки, сохраняют свою веру. У действующей старообрядческой общины есть свой храм, однако соблюдать традиции с каждым годом становится все сложнее, ибо местные демографические показатели негативны как с точки зрения количества жителей, так и с точки зрения возраста современных островитян.

[1] Так же называется затопленный водой остров в трех километрах от Пийриссаара [Плаат 2012: 217].

[2] Приведенные историко-языковые данные входят в определенное противоречие с достаточно распространенным мнением о том, что остров был заселен старообрядцами только во время Северной войны (1700–1721). Но в любом случае, для многих поколений приверженцев древлеправославной церковной традиции отрезанный водой Желачек-Пийриссаар стал островком старообрядческой веры: *И деды, и прадеды здесь — жи́хари* <= жители> *пийриссаарские.* ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 53]

В настоящее время на острове зарегистрировано 104 человека[1] (зимой почти вдвое меньше), в то время как в 1920 году на Пийриссааре насчитывалось 700 человек[2], и еще во второй половине XX века у жителей острова было принято иметь много детей — от трех и более:

(3) *Отец рыбак, а мать — как восемь детей, куда ей! Нас восемь было. <…> Мало того, шо отец, мать и нас восемь, — две бабушки были. Отец прокармливал всех…* ЖЛЧК, 2009.

Многие пийриссаарцы переселились в города еще в прошлом веке. Значительный отток молодежи из родных мест наблюдался, по словам старожилов, и в 1970–80-е годы. Сейчас постоянно живущих на острове детей и молодых людей в возрасте до двадцати пяти лет нет вообще, хотя проживающее в городах молодое поколение через своих родственников еще сохраняет связь с землей. Однако средний возраст жителей Пийриссаара приближается к семидесяти годам, то есть в основном остались пенсионеры, ибо на острове молодежь уже не может найти работу и возможность применить полученные на материке знания:

(4) *Остров пустой, только старики осталя́лись.* ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 107]

(5) *…а после уже людей-то стало всё меньше, меньше. Эстонску школу закрыли, осталась одна русская школа. Сколько ни прошло, и русскую школу закрыли. Всё, теперь всё тут закрывают.* <…> *И молодёжь-то стала по городам уезжать. А на острове-то и некому жить стало.* ЖЛЧК, 2011.

Остров оживает во время больших праздников, отпусков и школьных каникул, когда потомки островитян приезжают в родные места:

(6) *Как приезжие, если служба идёт, открыто двери в моленную, так там полная нати́скается* <= набьется>, *что не войти*: *полная народа*! ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 99]

(7) <Летом приезжают?> *Летом приязжают свои, которые пирисарские в Тарту работают. Так, когда свободные, так приязжают.* <Приходят в моленную?> *Да, да, приходют, приходют. Тогда уже народа много, а сейчас мало народу в нас в деревне.* ЖЛЧК, 2011.

Упоминание о демографической ситуации не случайно: негативные демографические показатели непосредственно отражаются на сохранении говора и тем самым оказываются значимыми как для сбора диалектного материала в целом, так и для получения языковых сведений о трудовых занятиях жителей острова в частности. Социально-экономически обусловлен-

---

1 Данные Департамента статистики (www.stat.ee).

2 Информация с официального сайта волости Пийриссааре (http://www.piirissaare.ee/).

ное старение острова, а также цивилизационные сдвиги приводят к утрате отдельных видов трудовой деятельности, существенно влияют на использование трудовой лексики отдельных семантических пластов. Тем не менее, наиболее привычные для островитян виды труда сохраняются, поскольку отказаться от своих традиционных занятий сложно и, порой, невозможно.

1.2. Географические и геологические особенности острова

Для жилья и хозяйственного использования пригодны лишь 55 га в северо-восточной части острова Пийриссаар, остальная его часть сильно заболочена[1], поэтому плодородной земли на острове не так много, как может показаться поначалу постороннему человеку. Ландшафт острова низменный, высота его составляет всего 1–2 метра над уровнем озера, что способствует размыванию низкого берега. Остров покрыт ольховыми рощицами, низкой болотной березой и густыми зарослями камыша, хотя местами имеются и луга, которые сейчас в основном заросли кустарником.

Эти геологические особенности издавна обусловливают и ограничивают виды трудовой деятельности островитян. На болотистых почвах Пийриссаара невозможно полеводство, поэтому с давних пор островитяне были заняты рыболовством и огородничеством. На острове отсутствуют и условия для пчеловодства и собирательства[2]:

(8) *Ягоды, конечно, покупали, без ягод не жили, всё покупали. <…> За черникой, помню, родители ездили через озеро, ходили куда-то пешком — ездили за черникой. За клюквой ездили — и тоже через озеро в лодках.* МЖ, 2008.

2. Виды трудовой деятельности

2.1. Рыболовство

Как и в былые времена, основным занятием жителей Пийриссаара, окруженного водами Чудского озера, остается рыбный промысел, хотя сейчас для него и возникают все новые и новые препятствия как объективного, так и субъективного характера: и стоимость разрешения на ловлю, и сезонные запреты, и, конечно же, состав населения острова. Но старожилы вспоминают, что когда-то рыбаков на острове было много:

---

1 Данные с официального сайта волости Пийриссааре (http://www.piirissaare.ee/).

2 См. об этом также в переводе статьи 1942 г. «С пийриссаарцами на лов» (стр. 236 настоящего сборника).

(9) <Колхоз> *«Пейпси калур» пе́рво время был на острове, потому что на острове было так много людей, что рыбаков было сто человек только.* ЖЛЧК, 2009.

На Пийриссааре используется широкий рыболовецкий лексикон, но особенно поражает богатая метеорологическая лексика, что можно объяснить влиянием погоды на успех рыбной ловли:

(10) *Когда **расстрада́лась*** <погода>, *ветер сильный идёт. И день, и два, и три. Это говорят: «О, **расстрада́лася погода!**»* ЖЛЧК, 2009.

Детальное именование ветров, от которых зависели и сама человеческая жизнь, и успех рыбной ловли, обусловлено островным положением, хотя такие слова встречаются и на береговой части материка. Эти названия отражают значимые для рыболовства метеорологические характеристики — направление, температурные и темпоральные качества ветра: *зимня́к, мокри́к, полу́денник, стаче́нь, се́вер, се́верик, тепли́к* и др. (подробнее см. [СГСЭ 2008]), например:

(11) *Север — он так и был **се́вер**; от с этой стороны — **стаче́нь**, прибойный, прямо в берег идёт; если же идёт вдоль берега ветер — это **долево́й**; на юг — южный, **тяпли́к** и **мокри́к**. **Мокри́к** — это юго-западный направления ветер, это ветер с моря, и он приносит дождь. Вот его мокрым-то* <называют> — ***мокри́к** потому. А южный — это **тяпли́к**, это тёплый ветер приходит, воздух приносит тёплый.* <На рыбу> *это тоже влияет.* ЖЛЧК, 2009.

Для северного ветра в говоре имеются и поэтические наименования:

(12) *«**Дед зашёл**», «**дед в чёлне катается**» — так о северном ветре говорят.* ПРСР, 2008. [СГСЭ 2008: 45]

Ветры играют настолько важную роль в жизни рыбака, что это находит отражение в понимании и использовании варианта широко известного в русском языке фразеологизма *ждать у моря погоды*. В говоре используется его вариант с диалектным словом *пове́терье* 'попутный ветер': *жди у моря пове́терья*. И если в литературном языке это выражение имеет абстрактное значение 'ожидать милости от судьбы, ничего не делая, чтобы добиться успеха', то в говоре оно реализует свое прямое значение и применяется по отношению к такому рыбаку, который постоянно ищет отговорку, чтобы не выходить на промысел, ср.:

(13) ***Жди у моря пове́терья**. Это* <жди> *хорошей-хорошей погоды. А рыбаки, например, сидят и ждут: северный ветер пойдёт, будет нава́лье* <= большой улов>. *А если другой, то нет. Так вот говорят: «Сиди-сиди,*

*не лови рыбу, **жди у моря ветра**». А ведь можно просидеть всё лето и весну — когда какой год.* <И так говорят про рыбаков-лентяев,> *которые сидят: то сегодня ветер сильный, то погода хорошая, ветра нет. Сидят себе на суго́рочке* <= пригорке>, *а где ж план-то выполнишь? Не выполнишь.* ЖЛЧК, 2010.

Для старожилов Пийриссаара, естественно, характерны и народные приметы, соблюдение которых было призвано обеспечить удачный лов рыбы:

(14) *Рыбак на озере никогда зайца не вспоминает — неудача. Если перебежит заяц дорогу — лучше сразу домой возвращаться.* ПРСР, 1969. [ФСЭ 2007: 106]

(15) *Если встречу баба идёт с пустым вёдрам — улова не будет. В вёдрах вода — хороший улов.* ПРСР, 1969. [ФСЭ 2007: 104]

Отметим, что некоторые суеверные представления, опять-таки, нацелены на предотвращение ветра, который может помешать рыбаку:

(16) *Рыбак на озере не должен свистеть — будет ветер, если свистнешь.* ПРСР, 1969. [ФСЭ 2007: 101]

Кроме того, в народных приметах отражена и своеобразная трудовая этика:

(17) *В озеро надо идти спокойно, нельзя перед отходом ругаться и нервничать. Рыбка скандала не любит.* ПРСР, 1969. [ФСЭ 2007: 88]

(18) *Рыбак в первый раз идёт в озеро и никому ничего не даёт — оставляет своё счастье (удачу) себе.* ПРСР, 1969. [ФСЭ 2007: 88]

Бытующая в говоре Пийриссаара лексика рыбного промысла представлена названиями различных предметов, процессов и их результатов, названиями рыбаков по выполняемым ими трудовым функциям. Рыболовецкий лексикон в русских говорах всего эстонского Причудья изучала Н. Бурдакова в своей магистерской диссертации [Бурдакова 1999], включающей в себя фрагмент словаря (с. 33–100), в котором содержатся и диалектные названия разных видов рыб, а также частные названия этих же видов, связанные с размером, например: *лязга́вка* ‘мелкий лещ’, *шабёра* ‘лещ’, *шебёрка* ‘подлещик’ [там же: 57, 96, 97], ср. также *ли́пса* ‘подлещик’ (ЖЛЧК, 2009). В своей статье этот пласт лексики мы не затрагиваем, а ограничимся лишь некоторыми текстами, записанными на Пийриссааре позднее и касающимися в первую очередь рыбацких лодок, специализированных для лова разного типа, частей и оснащения лодок, а также орудий и приспособлений для рыбной ловли:

(19) *У нас были* <лодки>, *называлася **троёнка**, это где четверо, — ездишь рыбу ловить, на заколы* <...> *и сетки бросать. **Четверёнка** — это уже*

ездило пять человек. Чаты́ре человека в вёслах сидело, и кора́бшшик <= кормчий, рулевой>. ЖЛЧК, 2004.

(20) *В лодке поперечные палки называли **гря́дки*** <= жерди, укрепленные поперек лодки>. ПРСР, 2008. [СГСЭ 2008: 41]

(21) *Это называется **за́става*** <= приспособление из ткани и кольев, которое спасает рыбаков от ветра>. *Зимой* <используется>. *Это когда рыбу поймают, приезжают на лунку (мы называем тю́шка), холодно, здесь она ставится, а мы как бы в заве́терье* <= заветрие>. МЖ, 2011.

(22) *О́сты*[1] *водили, рубили и солили даже в ящики. О́сты — которые как медузы. Вот доставали **строго́й**, которой щук кololи, — такая как вилка, три зубчика*. ЖЛЧК, 2010.

Сейчас на острове много как старых, так и новых лодок, но для рыбной ловли в основном используются привычные деревянные, которые являются не только орудием труда, но иногда могут служить и транспортным средством.

Для говора характерны наименования как рыболовных снастей, так и этапов их установки и выемки:

(23) *Сперва делали сами: ниток купляли и сами вязали этыи **се́тки**, а потом правительство стало готовить в заводах **се́тки**, тогда колхоз стал приводить этой **се́тки***. ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 134]

(24) *Ставили **зако́льчики** маленькие — **по́псики** сделано. Это **ри́сичек** — **зако́л** называется большой, а **по́псики** маленькие — там ребёнку щуки попадут, или что, под силу чтоб ребёнку было. Растягивали так же само: и **запи́ночки**, и всё. Вот отцы уедут на озеро. А дети скорей до школы **поха́живать*** <то есть утром, до начала уроков, проверять сети>: *кака́ у них там прибыль будет*. ЖЛЧК, 2010.

(25) *Тянешь* <сети> *на лёд, кладёшь, ну там по шесть человек на **вы́тяжке*** <= вытаскивание сетей> *на каждой стороны, и уже в последней этой крячи́т — тогда приходит **ма́тка*** <= сетный мешок>[2] *уже с рыбой*. ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 33]

(26) ***Ма́тка** — это когда невод тащит, вот в конце невода (это крылья по краям), а в конце, вся рыба туда уходит, это **ма́тка**. Где скапливалась вся рыба*. МЖ, 2012.

---

[1] Ост — телорез обыкновенный. «Растение телорез идет на корм скоту, преимущественно свиньям, — в рубленом виде с присыпкою иногда мукою». Пск., Кузнецов, 1912–1914 [СРНГ 24: 51].

[2] Ср. в [Бурдакова 1999: 60] приводится иное значение слова *матка* — часть гужа пяти саженей длиною, где *гуж* — веревка, часть невода.

В словарном составе говора представлены и названия вспомогательных приспособлений для подготовки к подледному лову, а также результатов действий с этими предметами:

(27) ***Пе́шень*** <= лом для прорубания проруби> — *это лёд рубить*. ПРСР, 2008. [СГСЭ 2008: 113]

(28) ***Тю́шка*** — *лунка. Большая* ***тю́шка*** *— это у нас* ***коры́то*** *называли — большой кол затолкать*. ПРСР, 2008. [СГСЭ 2008: 146]

Особенности озерного дна, связанные с рыбными запасами, а также рельеф ледяного покрова озера также имеют свои обозначения[1]:

(29) ***Гри́ва*** *— это каменистая гряда идёт, камни на дне. А по-нашему это* ***гри́ва****. Там глубокие места — пять-шесть сажень, рыба там год кругом*. ЖЛЧК, 2009. *По* ***гри́вам*** *рыба ловилася*. ЖЛЧК, 2009.

(30) ***Суво́и*** *— «волны» намерзают во льду, это очень крепкие, хы́льюком*[2] *наскочишь — мало не покажется*. ТН, 2011.

(31) ***Рубе́ц*** *— это полынья,* <когда> *разорвёт лёд*. МЖ, 2009.

Наблюдения показывают, что значительный массив рыболовецкой лексики обладает дифференцирующими значениями, например, названия рыб (см. пример выше) или названия, указывающие на специализацию рыбаков по выполняемым ими в процессе лова функциям и др. Однако в говоре имеются и многозначные лексемы с диффузной семантикой, например, упоминавшееся ранее слово *ма́тка*, а также весьма значимая для острова лексема *тоня́*, обладающая широким спектром частных значений.

В БТС эта лексема приводится с ударением *то́ня* и следующими значениями: 1) участок водоема, предназначенный для лова рыбы закидным неводом; 2) одна закидка невода; улов, получаемый после одной закидки невода [БТС 2001: 1331]. На Пийриссааре этим словом называют и один заезд на место лова, и процесс рыбной ловли на каком-то водном участке, и заброшенный в воду невод на рыбном месте, и сам улов:

(32) *Рыбака* ***тоня*** *красит (один заезд* ***тоня****)*. [Рукопись]

(33) *А у нас уже рыба поймана, мы едем на́ берег.* <А рыбаки,> *которые не уезжают, так говорят, а что вы там сидели-то, на* ***тони́****,* ***тоня́*** *называлось эта круг,* ***тоня́****.* ЖЛЧК, 2004.

(34) *Где ты кончил, при́мету сделаешь, приедешь опять на это место, так это при́мету подгонишь, так сразу кладёшь* ***тоню́*** *и рыбу полна*. ЖЛЧК, 2004.

---

1 Подробнее см. в статье О. Н. Паликовой «Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре» (стр. 171–190 настоящего сборника).

2 Эст. *hõljuk* — катер на воздушной подушке.

(35) *Это не по счёту ты сдаёшь, а иной раз мы две* ***тони́****, а другой раз и обеи лодки наберёшь — от одной* ***тони́*** *две полные лодки, и к дому.* ЖЛЧК, 2004.

Нельзя не заметить этимологической связи слова *тоня́* со свойственным всем говорам Причудья словом *то́нька* — «тонкая веревочка», которая используется в разных рыбацких целях [Бурдакова 1999: 148], в частности, к *верхней* и *нижней тоньке* крепится сама сеть (*ядро* или *дель*) (Кольки, 2011). Кроме того, отмечено и специфически островное значение этого слова как «отдельная прядь, из которой свивается веревочка» [там же].

Любопытно, что для слова *то́ня* С. И. Ожегов указывает и его толкование как части берега, прилегающего к участку лова [Ожегов 1984: 696], чем, думается, обусловлено русское название деревни *Тони*, связанное с рыбным промыслом уже не косвенно, как *Желачек* (см. выше), а достаточно явно. Происхождение топонима *Тони* подробнее рассмотрено в статье Т. Ф. Мурниковой [Мурникова 1988: 125–126 / 2012: 63]. Тем самым *тоня́* — яркий пример случаев метонимических переносов, направление которых не всегда очевидно.

2.2. Сельское хозяйство: огородничество, животноводство

Земледелие для старообрядцев «освящено глубинным пониманием сакральной связи земли и человека» [Ровнова 2010: 141]. Кроме рыбной ловли, жители Пийриссаара всегда были заняты и в сельском хозяйстве, но не столько в животноводстве, сколько в земледелии: в основном островитяне занимались и занимаются огородничеством, что обусловлено природными условиями острова. На острове выращивали и сейчас выращивают такие огородные культуры, как картофель, морковь, горох, тыкву и другие овощи. С огородничеством связана самая разная диалектная лексика, которая называет огородные культуры, части растений и их состояние, отражает технологию выращивания овощей и семян, особенности подготовки грядок и т. п. Часть такой лексики используется наравне с литературной, например:

(36) *В то время назывался* ***борка́н****. Это морковка потом уже стала,* а *в то время мы и не знали, что морковка*: *«За* ***борка́ном****, сходи за* ***борка́ном****…»* МЖ, 2008.

(37) *Картошку поломало, с ей толку уже не будет. Сначала не было дожжа,* ***мяти́нка*** <= ботва> *вот такая слабенькая.* <…> *А от там цвятёт — это морковное семя.* ***Морко́вину*** *крепкую посадим в землю и поливаем,*

и яна́ отпустит сперва листья, потом стебель, щас от это вызреет, весной сажаем, морковка вот своя… Стручки — это горох-то, птицы, птицы всё склявали. Там и натянута ***тенятúна*** <= кусок сети>, *так от него́жа кака́-то — всё склявали.* ЖЛЧК, 2011.

(38) *Это от как огороды идут, так около эты краи́ называются* ***заме́жки****. От огороды-то, грядки идут, а о́кол грядок, на другой стороны —* ***заме́жки*** *называю. На* ***заме́жках****.* ЖЛЧК, 2009.

Орудия сельского труда также могут называться и диалектными, и общелитературными языковыми единицами:

(39) *Всё вручную копали. Таки́* ***лопаты****,* ***лопаточки*** *были. <…> Прямо вот этой* ***лопатой*** *межу́грядки* <= междугрядье> *копали, грядки делали и на грядки сажали.* ЖЛЧК, 2011.

(40) *Это* ***тро́йни*** <= разновидность вил>, *они три зуба. И два зуба идут от так прямо, а третий зуб от так идёт. Кривой такой. От это называли* ***тро́йни****, это помню, как* ***стоги́*** *метали да всё. Так этаким* ***тро́йням*** *тада хорошо поднимать туда сено было́.* ЖЛЧК, 2009.

Природные условия Пийриссаара и Причудья породили свою агротехнологию: традиционно здесь делают очень высокие грядки с глубокими промежутками между ними. Такая технология возделывания овощей связана с особенностями почвы и применяется прежде всего при выращивании лука.

(41) *Да я не сажаю. Я не могу в* ***межу́грядки*** *войти. У нас от грядки-то, так в* ***межу́грядки*** *войти. Ну, нету больше силы. Сажала, конечно, раньше, то сейчас уже всё.* ЖЛЧК, 2011.

По словам жителей острова, помидоры стали выращивать здесь относительно недавно — лет тридцать назад, когда начали строить парники. Огурцы выращивали всегда (в открытом грунте), но основной сельскохозяйственной культурой Пийриссаара исторически является лук, который отличается хорошими вкусовыми качествами, долго хранится и потому занимает в хозяйстве особое место. В советское время многие жили тем, что выращивали лук, который продавали в основном в Ленинграде. Сейчас — по независящим от островитян причинам — производство лука несколько сократилось, хотя на Пийриссааре его до сих пор выращивается довольно много. В целом же сельскохозяйственные занятия нынешних островитян свидетельствуют о цивилизационных изменениях в жизненном укладе острова, на котором когда-то было немало лошадей, а в каждом дворе держали корову:

(42) *Коров было — почти у кажого в доме бы́ла корова. Это редко, которы не было, а так вообще бы́ла корова.* ЖЛЧК, 2011.

При этом дворов было достаточно, чтобы работал сепаратор, а пастухи пасли два стада по сорок-пятьдесят коров. Обычно на лето в пастухи нанимались дети, когда же им осенью надо было идти в школу, жители пасли коров по очереди:

(43) *У нас когда уже пастухи в школу пойдут, тогда с каждого дома шёл хозяин, или с двух домов. Тут кормят тебя — следующий дом, который завтра будет. Покушали — передали как бы эстафету. Завтра вы выходите. И пока до морозов выходили вот так каждый дом. А домов-то было много. Два раза по кругу выходило, и там уже морозы начинаются.* ЖЛЧК, 2010.

Сейчас этот вид деятельности утрачен — коров никто не держит, но специфическую лексику, связанную с обработкой молока, помнят многие хозяйки:

(44) ***Усто́ек** — это когда корову подоишь, молоко процедишь, выльешь, и она* <sic!> ***усто́ится**. Там сметана **усто́ится**, ну называли это **усто́ек**. <…> Раньше свои-то коровы были, так таки́ **кри́нки** были. Такие кувшины, которые глиняные, и туды наливали молоко, и от оно **устоя́лось**, и сверьху снимали сметану, а внизу кислое молоко. А с кислого молока делали тво́рог. Уж это настояшший тво́рог.* ЖЛЧК, 2009.

Вспоминая в своих рассказах о заготовке сена для скота, староверы приводят и примеры лексики сенокошения:

(45) *Тут от теперь всё заросло лесом, а то тут было всё вычишшено. И сенокосы, были таки́ сенокосы — дяли́ли каждому по участку, чтобы набрать на корову. Косой косили, тут же мох* <= болото>, *не вберёсся* <= не попадешь иначе, как пешком>. *Так это раньше не было этой техники, всё **коса́м** косили.* ЖЛЧК, 2009.

(46) *Караулить надо* <коров>: *то в деревню идут, то куда на **поко́сы** уйдут. Мы вдвоём, стадо вдвоём* <пасли> *— может, сорок коров, пятьдесят.* МЖ, 2009.

(47) ***По́жня** — это там, где сено косют. Скажем, на мху. На лугу — нет, а на мху. Это называется **по́жня**. На лугу — это **лугово́е сено**.* ЖЛЧК, 2009.

2.3. Бытовая лексика: рукоделие, жилище

Материальная культура в любом говоре отражается и в занятиях рукоделием. К сожалению, в проанализированных пийриссаарских текстах не отражена лексика ткачества, хотя во многих домах, как правило, и сейчас имеется по несколько смен домотканых половиков.

(48) <Половики сами делали, или покупали?> *В деревне ткали. Вот лежит в кухне. В деревне у нас ткали. <…> Соседка у нас тка́ла.* МЖ, 2008.

В то же время женщины вспоминают о своем рукоделии, рассказывая о вязании крючком и на спицах, вышивании. Островитянки — настоящие мастерицы. Об их умелых руках и аккуратности свидетельствуют связанные — обычно самими хозяйками — белоснежные кружевные скатерти и салфетки на столах, комодах, платяных шкафах. Рукоделием обычно занимались зимой на вечерних посиделках:

(49) *На* ***су́прядки*** <= зимние вечерние посиделки, на которых собирались для занятий рукоделием> *скопля́лися* <= собирались> *всё время у нас часто.* ПРСР, 2004. [СГСЭ 2008: 140]

(50) *В меня эстонка невестка, и вот она все тож интересуется, ей интересно: они не вышивали так, не вязали. А мы вот на острове таки́… рукодельницы-отшельницы. Это я тож вязала сама. <…> Но куда ж это я* <дела>, *в меня вышива́но гнездо с аистом. И не найтить. Вот таки́ салфеточки — всё вышивано.* МЖ, 2009.

(51) ***Дя́нки**, **дени́цы**. Ну, варежки вязаные. **Дя́нки**. Ну, это дереве́нское слово, оно не фигурирует* <нигде>. *А у добрых людей, у нас тут, в деревне, так.* ЖЛЧК, 2009.

(52) *Вечера были, ну яны́, знаешь, как собирались, рукодельем больше: хто вязал там кружева, хто вот рубашки вышивали, раньше носили. У меня и сейчас вышива́на рубашка.* ЖЛЧК, 2004.

Есть и рассказы о прядении пряжи из овечьей шерсти, а также о вязании сетей, которым раньше занимались и мужчины, и женщины:

(53) *Стригли́ шерсть* <овечью> *для себя. В меня бабка так всегда́ сама* ***ка́рзила*** <= расчесывала шерсть чесалками>. *Таки́* ***ка́рзилки***[1] *были — и себе, и людя́м пря́ла, и вязали. <…> Я и сама после бабки — бабушка у́мерла — я и сама часто… Сама овец стригла, сама и* ***ка́рзила***, *и пряла сама и.* МЖ, 2009.

(54) *И же́ншины, и муши́ны со льна пряли. <…> Как в эстонцах дети живут* <работают>, *так там льна выговорют на жалованье. <…> Прядёшь сам это, и вязли́* <= вязали> *сетки, делали с этой, с пряжи.* ЖЛЧК, 2004.

---

1 Ср. эст. *kraas*(*id*) — карда ‘инструмент для чесания шерсти. В Западной Европе используется с XII в., эстонские крестьяне освоили их в XVII в. Две четырехугольные дощечки с ручками, одна сторона покрыта кожей, которая часто проткнута проволочными крючочками. После неоднократной протяжки шерсти между карзилами получали продолговатый валик кудели, который затем пряли’ [ERL 2007: 99–100]. Ср. также: **Карзилка** [удар.?]. Машина для битья шерсти. Новос.<ильский уезд> Тул.<ьской губернии> [СРНГ 13: 90].

Дети всегда участвовали в трудовой жизни семьи[1], а также сами мастерили игрушки:

(55) *Мы как* <детьми> *зарабатывали? Бабка там попросит: дети, придите, надо обсади́ть* <= посадить> *ей огород. Ну, свекло́й там. Мы придём. Проро́щены такие свеко́лки, довольно много — ведь это по двенадцать соток было. Но нас мама всегда приучила: там не вздумай сфальшивить! Мы это корпи́м, по одной, по две. Целый день обса́живаем эти грядки.* ЖЛЧК, 2010.

(56) *Раньше же не было* <игрушек>, *куклы сами шили. Всё это мы мастерили.* <Голова у куклы из чего тогда делалась?> *А с тряпок, всё с тряпок. И мячи делали…* МЖ, 2009.

Островитяне всегда старались жить обособленно и на протяжении веков соблюдать, насколько это возможно, традиции своей самобытной культуры и быта. С другой стороны, жизнь на острове отличается от жизни на материке в первую очередь тем, что каждое хозяйство должно быть полностью самостоятельным, готовым к длительным периодам отрезанности от внешнего мира: когда лед на озере еще не встал или не сошел, остров остается почти без снабжения на две недели — месяц. Именно поэтому на Пийриссааре еще во многом сохраняется своеобразный архаичный жизненный уклад. Во многих домах топят русские печи и пользуются привычной домашней утварью, до сих пор пьют чай из самовара:

(57) *Да, вода — поставили* <= водопровод провели>, *а и умывальник* <есть>. *Мне не надо горячей воды, в меня каждый день топится печка, в меня всё время горячая вода.* <…> *Самовар согрелся, ну вот, чай будем пить.* МЖ, 2009.

(58) *Это русская печка. Это* ***под*** <внутреннее основание печи>, *ввярьху́* ***бо́ров*** <горизонтальный дымоход>. *Ну как ешо…* ***чало́*** <верхняя часть печи над устьем>, *вот это всё* ***чало́****. А это* ***вы́тяжка*** *идёт, это как печку топлю, это открываю.* <…> *Это мои инструменты. Это побольше горшок берёшь, туда суёшь — вот мне это для углей уже, это самовар греть. Так таки́ берёшь, а там поменьше.* <…> *Это ухват. Кочерга, аль* ***клю́ка****, мы* ***клю́кой*** *называем.* <…> *Это* ***горшок****, чугунок правильно, наверно, а мы — горшок.* МЖ, 2009.

В домах и во дворах используются *пола́тьи* — специальные приспособления для сушки и хранения лука:

(59) *— А это для лука. Здесь мы ложим таки́ палочки.* ***Пола́тьи****. —* <А это?> *— Ну, это тож* ***пола́тьи****. — Это поперечина, они так стелятся. —*

[1] Об этом см. подробнее в разделе настоящего сборника «Говорят пийриссаарцы» (стр. 313–317).

Это много всяких, и подпоры стоят, всего вот так, так всё лежит сплошно́ <колья кладутся подряд>, *и наложен туда лука всё.* МЖ, 2009.

У пожилых хозяек до сих пор сохранились воспоминания о деревянных стиральницах и о процессе варки мыла:

(60) ***Стира́льница*** *— это раньше, когда машин не было, были таки́* ***стира́льницы****. У них было три ноги высоких, что можно было стоять и от так жмыха́ть, стирать. Так от такие были деревянные. От такие были краи́ у них, а ноги были длинные, що тебе не надо было наклоняться, стоя можно было стирать.* <…> *Без доски, руками* <стирали>. *От так это, на дне, по дну. Или там со шо́ткой как.* <А мыло своё было?> *Мыло было своё, конечно, варили мыло раньше. Как борова убьют, так от это жир, ки́шки, всё это выбирали, и купляли такой мыльный камень назывался, который варили, он переедал это всё и делал он мыло. Но это уже давно было, а при мне было ешо́.* МЖ, 2009.

В завершение анализа хотелось бы отметить одну существенную особенность рассказов островитян: языковой материал записей речи староверов свидетельствует о том, что они не рассуждают о труде вообще, а просто рассказывают о том, *что* и *как* конкретно делают, отношение же к *трудолюбию / лени* проявляется, как правило, косвенно, прямых оценок очень мало:

(61) *А так… всё работали-работали, всё работали, всё работали. Без отпусков. Тогда и не было йих, отпусков-то таких деревеньским. В деревне работали с утра до вечера. Конечно, сейчас-то работают меньше, а раньше, так только было* <одних> *огородов, земли! Лук, жили с лука, ну и рыбак был, так и, конечно, и с рыбной ловли жили, но а бо́льшу-то часть всё с лука. Так ить надо было землю-то скопа́ть, и посадить и, и всё выполоть, и лук обрезать, и продать и, всего-то было. И тогда ешо были у нас и коровы, и свинья была, и корова бы́ла держали. Так всё работы-то было невпроворот, это сейчас — кусочек, шчо картошечки посажено, да две гряды лука, только чтоб для себя.* ЖЛЧК, 2009.

(62) *Кы́ршевина* <= шея и верхняя часть спины, загривок или макушка, затылок>*! От «ты* ***сел мне на кы́ршевину****» — есьли человек не хоче работать, всё свалил на другого, так от говорит: «ты* ***сел мне на кы́ршевину****!»* ЖЛЧК, 2009.

Своевременность и постоянство в выполнении работы — один из основных постулатов в системе ценностей староверов. В рукописных записях, которые делала для себя и своих потомков Агафья Яковлевна Венчикова (1928–2001), находим следующую паремию, снабженную пояснением автора записей (в круглых скобках):

(63) ***В одно время лыки дерутся*** (*успевай всюду*). ПРСР. [Рукопись]

Следует напомнить, что драть липовое лыко надо весной, пока еще не распустились листья (оно тогда легко снимается с деревьев), поэтому надо успеть запастись необходимым материалом именно в соответствующий период: отложить «на потом» эту работу нельзя. И хотя в записях речи староверов Эстонии упоминаний о плетении лаптей из лыка пока не встретилось, именно особенности *конкретного* процесса заготовки лыка используются в качестве символа для *абстрактной* аргументации необходимости своевременного и постоянного труда. Данная иллюстрация важна и для описания видов трудовой деятельности, о которых еще помнят островитяне.

Суть приведенного выше выражения проявляется и в общем для всей этноконфессиональной группы отрицательном отношении к лени, о чем говорит также и поговорка, приведенная в упомянутой пийриссаарской тетради:

(64) *Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят.* ПРСР. [Рукопись]

В качестве контрастного примера можно привести поговорку, в которой с точки зрения отсутствия трудовых усилий отрицательно оценивается человек, исключенный из обычной трудовой сферы:

(65) *От чего солдат гладок? Поел да на бок.* ПРСР. [Рукопись]

Любопытно, что сокрушаясь о не желающих работать внуках, старые женщины-труженицы вспоминают об основной пийриссаарской огородной культуре — луке:

(66) *Вот таки́ грядки-то всё сажали! Копали и сажали. Это сейчас никто не хо́че ничего делать. Теперь эти внуки у кого, так они палец о палец не ударят, **они не знают, как и лук растёт**. А мы ж это всё такие, шо без работы не знаешь, как <быть>. Дак от я тоже — часа полтора поляжа́ла да вышла, думаю, надо маленько, в парнике там маленько прибра́ла я.* ЖЛЧК, 2009.

Этот пример еще раз подтверждает особую значимость «луковой культуры» для старожилов острова.

Заключение

Разумеется, предлагаемый авторами данной публикации анализ трудовой деятельности и языковой реализации концепта ТРУД не охватывает всей трудовой лексики старожилов Пийриссаара и далеко не в полной мере отражает языковые богатства говора островитян, однако и этот скромный

материал наглядно свидетельствует 1) о разнообразии лексики, связанной с разной трудовой деятельностью мужчин, женщин и даже детей, 2) о тесной связи топонимических названий этого сравнительно небольшого участка суши на Чудском озере с природными условиями острова, с его геологическими особенностями и, что особенно важно, с обычными трудовыми занятиями островитян. Тем самым анализ трудовой лексики подтверждает социально-культурную детерминированность словарного состава говора пийриссаарцев.

Земля, на которой испокон веков работали их деды и прадеды, пока сохраняет свою самобытность, и в молитвенном доме — *моле́нной*, как называют ее местные жители, еще проводятся службы. Поэтому, несмотря на «старение» жителей, на сегодняшнюю экономическую ситуацию, хочется надеяться, что Пийриссаар все-таки сохранит за собой звание острова староверов.

Использованные сокращения

ЖЛЧК — дер. Желачек

МЖ — дер. Межа

ПРСР — Пийриссаар

ТН — дер. Тони

Источники диалектных примеров

ФСЭ 2007 — Н. Морозова, Ю. Новиков. *Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии.* Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии. 336 с.

СГСЭ 2008 — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. *Словарь говора староверов Эстонии.* Тарту, 2008. 160 стр.

Литература

Бурдакова Н. 1999 — *Рыболовецкая лексика в русских говорах эстонского Причудья.* Магистерская диссертация на соискание ученой степени magister atrium по русскому языку. Тарту.

Мурникова Т. Ф. 1988 / 2012 — Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар. *Псковские говоры в их прошлом и настоящем.* Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград. С. 122–126. / *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.* Тарту. С. 60–64.

Ожегов С. И. 1984 — *Толковый словарь русского языка.* Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва.

БТС 2001 — *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург.

Основы социальной концепции 2000 — *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви*. Москва, 13–16 августа 2000 г. Глава VI. Труд и его плоды. Веб-ресурс (дата последнего просмотра: 23.07.2012): http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/basics/7.html

Паликова О. Н. 2012 — Географическая лексика острова Пийриссаар: оценка окружающего пространства в говоре. *Сборник по материалам конференции «Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве»*. Псков. (*В печати*)

Плаат Я. 2012 — Православные и старообрядцы на острове Пийриссаар. *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Тарту. С. 211–225.

Расков Д. Е. 2002 — Старообрядчество: картина мира и хозяйственный стиль. *Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал*. № 3/4, 2002. Веб-ресурс (дата последнего просмотра: 23.07.2012): http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=134

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. Москва-Ленинград: «Наука». 1965–.

Щаднева В. П., Паликова О. Н. 2011 — *Труд* в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков*. К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Тарту, 2011. С. 376–389.

ERL 2007 — *Eesti rahvakultuuri leksikon*. 3., täiendatud ja parandatud trükk. Tallinn: „Eesti Entsüklopeediakirjastus". 446 lk.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ГАДАНИЯ И СВЯТОЧНЫЕ БЕСЧИНСТВА В РАССКАЗАХ СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ

А. В. ШТЕЙНГОЛЬД, С. Б. ЕВСТРАТОВА

Как известно, гадания, игрища с участием ряженых персонажей, колядование, шутливое вредительство отличали традиционное поведение русской сельской молодежи в переломные календарные периоды еще в конце XIX– начале XX в. Все эти обрядово-ритуальные формы к настоящему времени повсеместно являются пережиточными. Несмотря на то, что в современной массовой культуре они спорадически возникают, их былая магическая прагматика, направленная на установление контакта с потусторонними силами для получения плодородия, материальных благ, профетической информации, безнадежно утрачена. Вторжение этих элементов в современный праздничный быт носит искусственный характер, а их целью является попытка разнообразить устоявшийся досуг путем привнесения шутливого, комического эффекта. Исключение можно сделать лишь для такого устойчивого жанра, как гадания, которые, потеряв свою календарную приуроченность и возрастную закрепленность, целиком утвердились в качестве элемента городской феминной культуры. Прежде чем перейти к вопросу о месте обсуждаемых обрядово-ритуальных форм в духовной жизни староверов Эстонии в 40–50-е гг. XX в., дадим общее описание разных форм игрового поведения русской молодежи.

***

1.1. Гадание как ритуал, направленный на установление контакта с потусторонними силами с целью получения знаний о будущем, по русским народным представлениям осмыслялось «как дело нечистое, грешное и опасное» [Виноградова 1995, I: 483], поскольку для предсказаний было

необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших. В северно-русских ритуалах гадания широко распространены специальные словесные формулы, которые призывали нечистую силу явиться и открыть будущее. Однако, несмотря на греховность гаданий, они были в большей или меньшей степени распространены повсеместно, для них избирали «нечистые места» и считавшееся наиболее опасным время: основная масса гаданий была приурочена к зимнему (Святки) и летнему (Иванов день) солнцеворотам, когда «всякая нечисть чувствует свой близкий конец и собирается на последние ночные потехи» [Аникин 1987: 136]. В меньшей степени гадания характерны для весенне-летнего периода.

В русской народной традиции широко известны святочные гадания по жребию, в иносказательной форме предвещавшие будущее каждому гадающему. Одной из разновидностей такого типа гаданий было т. н. подблюдное гадание.

Гадания с курицей распространены у всех индоевропейских народов. У славян они приурочены к осенне-зимним посиделкам и рождественско-крещенскому циклу и совершаются ночью, когда куры спят [Бушкевич 2004, III: 66]. Не менее популярен в качестве вещей птицы был и петух. Как следует из этнографических работ, петух — вещая птица, наделенная солнечной, огненной и одновременно мужской сексуально-брачной символикой [Гура, Узенева 2009: 28]. Мужская символика петуха в различных обрядах коррелирует с женской символикой курицы. Брачную символику петуха демонстрируют распространенные у восточных и западных славян девичьи гадания с петухом о замужестве. В рамках оппозиции «свет» — «тьма» петух является противником темных сил, ему приписывается способность прогонять нечистую силу, болезни, устранять влияние смерти. На русском Севере, в Полесье и в Польше петух был также одним из персонажей святочного ряженья.

Еще одним домашним животным, с помощью которого осуществлялись зимние гадания, был конь. Следует напомнить, что конь (кобыла, лошадь) — это одно из наиболее мифологизированных животных, связанных одновременно с культом плодородия и смертью и погребальным культом «Отсюда — роль коня (и связанных с ним обрядовых персонажей при ряжении и т. п.) в календарных и семейных обрядах (прежде всего — в свадьбе), гаданиях и др» [Петрухин 1999, II: 590].

1.2. Помимо гаданий, для святочной и ивановской обрядности на Руси очень характерно также **ряженье** как «обрядовое перевоплощение с по-

мощью масок, одежды и других атрибутов внешнего облика» [Виноградова, Плотникова 2009, IV: 519]. Среди многообразных способов ряженья важнейшим является надевание маски, которая служила для создания конкретного образа, а также помогала остаться неузнанным, если того желал участник обряда. В русских памятниках XVI–XVII веков игры с переряживанием осуждаются: «грех е приложивши нос или бороду или голову чью смеху и сраму подобно»; а кто личину наденет на себя — «7 лет да запретится, поклонов 100 на день и 200 млтвъ»[1]. У всех славян широко представлены зооморфные персонажи: *коза, козел, кобыла, бык, баран, тур, медведь, волк, петух* и др.

Для святочного ряженья характерны также маски, представляющие собой персонажей библейской истории: *Мария с Иосифом, пастухи, звездари* и т. п. — что является свидетельством христианского влияния. Для системы персонажей ряженья существенно противопоставление «страшных» и «красивых» масок. Сами ряженые не всегда соглашались на роль «страшных», «бесовских» персонажей, ведь «В рогожку одеться — от Бога отречься». По окончании обряда ряженые и все участники старались «смыть грех»: они купались в проточной воде, окунались в проруби после освящения воды, замаливали грех в церкви.

Как книжные, так и этнографические данные свидетельствуют, что ряженые вели себя буйно, агрессивно, задирали прохожих, били по заборам и воротам, их шествия сопровождал невообразимый шум. Войдя в дом, ряженые позволяли себе недопустимые в обычной жизни вольности: переворачивали горшки и кадушки, разбрасывали по избе мусор, крали вещи и пр. Агрессивное поведение характерно прежде всего для «страшных» ряженых. Более благопристойно вели себя «чистые» маски: они танцевали с домочадцами, поздравляли с праздником, забавляли и смешили их. При этом отдельные персонажи играли свои особые роли: *коза* бодала девок, *конь* запрыгивал на лавки, топал ногами. Подобное поведение допускало и вольности эротического свойства.

Особый тип действа — приход ряженого в дом с определенной ритуально-магической целью: *коляда, шишимора, варвара* и др. делали вид, что проверяют качество пряжи или количество напряденного, наказывают нерадивых хозяек, сами прядут. Некоторые маски святочного ряжения выступали одновременно и в роли устрашителей, наказывающих непо-

---

1 См. Гальковский Н. М. «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси», М., Харьков, 1913, Т. I, стр. 318. Цит. по [Виноградова, Плотникова 2009, IV: 519].

слушных детей, и в роли дарителей, разносящих детям подарки. Такое вариативное поведение порождало и соответствующее отношение к ряженым, сочетавшее в себе чувство страха и радости ожидания, стремление угодить ряженым. В восточнославянской традиции было принято потанцевать с пришедшими масками, чтобы обеспечить себе хороший урожай.

Отчасти и в наши дни в отдельных социальных и возрастных группах интерес к ряженью может быть вызван неоязыческими настроениями. В этом случае ряженье может пониматься как попытка регенерирования утраченных мифологических представлений с целью установления ритуального контакта с потусторонними силами.

1.3. Колядование — «приуроченный преимущественно к святкам ритуал посещения домов группой участников, которые исполняли благопожелательные приговоры и песни в адрес хозяев дома, за что получали ритуальное угощение» [Виноградова 1999, II: 570]. Достаточно распространен был обычай колядовать, приняв вид ряженых, таким образом ряженье и колядование тесно связаны между собой. Существовало поверье, что обходы «божьих посланцев» колядников изгоняют из села нечистую силу и защищают от болезней, однако со временем все большее значение стали приобретать зрелищно-развлекательные элементы обряда. С течением времени, как многие другие обряды, обряд колядования приобрел христианскую направленность: хождение со звездой по домам (вырезанная из бумаги звезда являлась образом светящейся в небе звезды в ночь рождения Иисуса Христа), исполнение *тропарей* и *христославлений*, благословение домов священнослужителями [Воинова 2000]. Христианское влияние на обряд колядования описывается и Е. Миненок [Энциклопедия суеверий 1997: 386].

1.4. Святочные бесчинства как форма негативного поведения молодежи были таким же неотъемлемым элементом Святок, как гадания и ряженье. Временем, в которое они были разрешены, являлись кануны Нового года или Крещения. Внешние проявления бесчинств во многом совпадают с поведением ряженых, а в зависимости от обрядового контекста в них преобладают либо охранительные, либо матримониальные мотивы; характер совершаемых действий символизирует уничтожение нечистой силы [Толстая 1995, I: 171–175]. Также достаточно отчетливо прослеживается матримониальный характер святочных бесчинств: молодежь протягивала

пряжу между домами кавалера и девушки, ворота снимали со двора девушки и относили их во двор к парню. Адресатами поочередно выступали то юноша, то девушка.

В некоторых местных традициях бесчинства могли являться как реакцией колядовщиков на недостаточную щедрость хозяев, так и желанием позабавиться, пошутить, благодаря чему для обозначения этого явления в народной традиции используется лексика со значением ‘забавы, шутки, проказы’. Бесчинства творили исключительно молодежные группы, и маски при этом не надевались.

Святочные бесчинства, в целом будучи общеславянскими, далеко не на всех восточнославянских территориях представлены одинаково. У русских бесчинства как форма негативного обрядового поведения больше всего были распространены на севере (в частности, в Вологодской губ., в Пинежье) [Чичеров 1957: 130–131; Петров; Кулев, Кулева 2004].

От района к району существенно меняется и их «репертуар». Как пишет Н. В. Петров [Петров 2012], для локальной традиции Пинежья характерны следующие модификации *кудесенья*[1]: 1) тайный вынос со двора и перемещение, перенос различных предметов в пространстве (например, заталкивание саней на крышу хозяйственной постройки); 2) деструктивные действия с предметами: раскатывание поленницы, выливание воды в печную трубу; 3) замыкание дверей/ворот: подпирание дверей санями, заливание воды в притвор с целью его заморозить; 4) пуганье шумом, когда участники бесчинств колотили в дверь или выли под окном; 5) возведение преград из ниток, дров и так далее; 6) кража, угон скота; 7) замарывание ворот нечистотами. Последнее явление не обязательно принадлежит к рассматриваемой автором этнокультурной традиции, т. к. в Пинежье зафиксировано единственное подтверждение этого действия.

А. В. Кулев, С. Р. Кулева отмечают, что в Устюженском р-не Вологодской обл. виды и характер молодежных бесчинств и шалостей были регламентированы традицией достаточно жестко, и за отведенные пределы молодежь, как правило, не выходила [Кулев, Кулева 2004]. Обычаем дозволялось подпирать или примораживать двери, воровать сани и скатывать их в одно место, чаще под гору, докучать хозяевам стуком в дверь — например, привязав полено к скобе. Замечание о строгой регламентиро-

---

[1] Местное наименование шутливого вредительства молодежи в означенный календарный период.

ванности определенных видов бесчинств справедливо и для западнопричудской культурной традиции, о чем речь пойдет в разделе 2.2.

Не редкостью были шутки молодежи и друг над другом. Так, если на проходящих в Святки светлых вечерах девушка давала парню «отказ», то к скобе его двери могли привязать связку головешек. А скрытые от взрослых отношения парней и девушек молодежь выражала соединением их домов дорожкой — либо выложенной поленьями из разваленной тут же поленницы, либо пропаханной плугом, либо высыпанной песком, золой и даже зерном [там же].

***

Из всех перечисленных типов обрядового поведения у староверов Эстонии к 40–50-м гг. XX в. сохранились только **гадания и бесчинства**.

Можно предположить, что ношение личин, масок осуждалось среди глубоко верующих староверов Эстонии (прямых высказываний на эту тему нами не обнаружено), благодаря чему ряженье здесь всегда существовало подспудно. В своей книге «Русское население западного Причудья» Е. В. Рихтер отмечает, что в первый день нового года «деревенские мальчишки рядились в чужую одежду, надевали маски или раскрашивали лицо и бегали с колокольчиком по улицам, плясали, пели, но в дом не заходили» [Рихтер 1976: 254]. Поскольку в другие календарные периоды ряженье было индуцировано эстонским культурным влиянием (*мардисандид* 10 ноября, *кадрисандид* 29 ноября) [там же], трудно сказать, является ли местная традиция святочного ряженья общеславянским наследием, или же довольно поздней новацией, возникшей в финно-угорском окружении. Вторая возможность позволила бы объяснить достаточно быстрое исчезновение этой слабо укоренившейся обрядности в причудских деревнях.

Сведений о ряженье нами почти не встречено. Информантка с о-ва Пийриссаар со слов покойной матери сообщила, как в прежние времена *проку́тила*[1] молодежь: «*Когда нас ешшо не было, а, може, уже и были, родители рассказывали*: *молодёжи было очень много, и тоже ходили и проку́тили всего и всё. Были такие, шчо вот накрасят всё лицо в чёрную <краску>, а язык вы́красют красный. Вот ходят под окно, как черти. А когда люди…* — *ведь*

[1] *Проку́тить* — вредить, шалить. Этимологически в слове выделяется корень *куд-*, семантически связанный с идеей магии и колдовства. Ср. в других диалектах *проку́дить* ‘вредить’, *кудеса́* ‘чудеса’, а также литер. *кудесник, чудо, чудить*.

это только теперь стали ночные там за́навески да всякие, а в то́е-то время не было занаве́сок; може, и вообще за́навесок не было коротких, или коротеньки беленьки вешали, — и вот тогда хто увидит вот этакий: чёрно лицо и язык высунуто красный, — это, конечно, крик и гам, спугаются» [В].

От жительницы материковой дер. Старая Казепель записан эпизод, в котором упоминается, что в 1941 г. на Крещение молодежь играла в домах в прятки и *ходил конь* [И]. К сожалению, содержание этого выражения не было раскрыто в процессе беседы. Однако мы предполагаем, что за этим речевым оборотом кроется не святочная игра, обычно именуемая *вождение коня*, а разновидность гадания *куда пойдет лошадь*[1].

Относительно обряда *петь коля́ду* Е. В. Рихтер в упомянутой монографии замечает, что он исчез приблизительно в 1880-е гг., а вместо него клирошане во главе с наставником прихода обходили дома и славили Христа, одновременно желая каждой семье благополучия [там же: 254]. Поскольку в более позднем обычае *ходить со звездой* в значительной степени проявилось христианское влияние и проявления этого обряда лишены региональной специфики, мы не считаем необходимым на нем останавливаться отдельно.

2.1. Гадания. Тема гаданий иногда становится центральной в рассказах-меморатах пожилых жительниц причудских деревень. Староверки в возрасте 70–80 лет красочно описывают запомнившиеся им с юности сцены гаданий, иногда подчеркивая, что уже тогда несерьезно относились к полученным предсказаниям. Одновременно с этим при ссылке на опыт женщин старших поколений (например, своих матерей, бабушек), веривших в силу гаданий, они замечают: «*Говорят, что даже и правильно угадывали. У нас-то так ничего такого особенного, ничего не получалось, не сбылось ничего*» [А]. Делая скидку на возможность транспонирования информантками своих современных оценок в прошлое, предполагаем, что к началу 40-х гг. XX в. происходит угасание практики гаданий как календарно-приуроченной процедуры, некогда имевшей важное социокультурное и магическое значение.

Отношение идеологов старообрядчества к гаданиям, видимо, было менее акцентированным или менее однозначным, чем, например, к ряже-

---

1 Данный тип гадания был записан Е. Е. Королёвой у староверов дер. Нидеркуны Даугавпилсского р-на: «Завязывают глаза лошади и девке. Надо сесть на лошадь, и если пойдет за ворота, то быть замужем» [Королёва 2009: 95].

нью. Об этом можно судить на основании того факта, что молодежные гадания не осуждались в том числе и местными батюшками: «*А отец, е́йный дядя, был священником. Как раз это с моле́нны пришёл* <во время гадания> *и так*: “*Сидят*!” *Не заругался, только*: “*Сидят*!” *Ну, сидят. — “Ну, что ты видела*?” — "*Ничо́го не видела*!"» [З]. Рядовые прихожане, безусловно, понимали антихристианский характер гадательных процедур, но прегрешение против веры в этом случае не представлялось им очень серьезным: «*Конечно, это было против религии. Религия это всё запрещает, но это было*» [А].

В ряде случаев мы столкнулись с тем, что именно представители старшего поколения побуждали молодых девушек к осуществлению гаданий. Нередко можно встретить высказывания о том, что в темное время суток все молодое поколение было занято узнаванием судьбы: «*Это бывало, вот как только на старый Новый год, мы тогда вот компаниями* <ходим>, *и все только стучат, только стучат в окно*» [А]; «*На Новый год всё бегали. Под окном*: “*Как суженого-ряженого зовут*?”» [И].

Время гаданий приходилось на рождественско-крещенский период и в ночь на Иванов день. Некоторые гадания осуществлялись преимущественно в Сочельник или на старый Новый год (слушание под окнами имени суженого).

Не поощрялись только «страшные» гадания в бане и на перекрестках дорог, где контакт с потусторонними силами и отречение от веры (снимали крест, призывали черта) были очевидны. Ср.: «*А такого большого гаданья не было, чтоб там куда ходить, что́ — это упаси Бог*! *— мы боя́лися*» [В]; «*Там ещё у них какие-то были* <гадания>. *Мать говорила, что вот они там зеркало ставили, зеркала какие-то там, свечки, ко́льцы там вот это всё. Но этих я уже подробностей не помню, и мы такими делами уже не занима́лися, это было что-то в тёмной комнате*...» [А].

На типологическом фоне вырисовывается более низкая сохранность разных форм узнавания судьбы у староверов Эстонии, чем, например, у староверов сопредельной Латгалии [Королёва 2009]. Сопоставив результаты исследования Е. Е. Королёвой и наши нынешние наблюдения, хотим отметить, что репертуар гаданий латгальских староверов, набор их приемов и атрибутов характеризуется значительно бо́льшим разнообразием, чем у староверов Эстонии. С другой стороны, уже на данной стадии освоения материала, мы можем констатировать ряд совпадений в гадательных практиках указанных регионов. Это заметно как на уровне целостной структуры гаданий, так и на уровне отдельных ритуальных действий

и фольклорных текстов, сопровождающих ритуал. В целом это свидетельствует о том, что некогда единая «материнская» традиция (условно назовем ее пока псковской) представлена на данных географических территориях в двух вариантах. Единственное существенное отличие — это отсутствие у наших информантов сведений о том, что молодые люди иногда гадали отдельно от девушек [там же: 86]. По нашим сведениям, в некоторых гаданиях (гадание на богатках и с помощью петуха) одновременно могли участвовать подростки обоего пола, что также может говорить в пользу разрушения традиции.

В западном Причудье преобладающей разновидностью являются гадания о замужестве. Е. В. Рихтер в свое время отмечала отсутствие в данном регионе традиции гадать на урожай и наличие исключительно брачных гаданий в рождественско-крещенский период [там же]. Уточним все же, что гадания, традиционно относимые к брачным (напр., подблюдные, на богатках, с помощью воска и жженой бумаги), направлены на получение предсказаний не только матримониального характера. Однако собственно гаданий на урожай, действительно, не зафиксировано ни одного.

Чаще всего в рассказах-меморатах упоминается святочное гадание с помощью петуха, перебрасывание обуви через крышу дома или забор, узнавание имени суженого-ряженого под окном. В одном случае жительница о-ва Пийриссаар подробно рассказала о гадании в бане на кольцах и обычае *полоть снег*, другая упомянула подблюдное гадание (кстати сказать, очень непопулярное в Латгалии). Имеется и единичное свидетельство о гадании с помощью жженой бумаги.

Часть гаданий были приурочены к дню Св. Ивана Крестителя (*Иван-день*). Как и канун Крещения, Иван-день считался тем опасным периодом, когда граница между миром живых и мертвых, «тем светом» и «этим» стиралась. Несмотря на то, что в целом на этот день приходится значительно меньше гаданий о судьбе, замужестве, богатстве, нами зафиксировано три типа ивановских гаданий. В том числе, имеется единичное сообщение о гадании на ромашке, приуроченном к Иванову дню. Сами действия и обстоятельства гадания информантка оценивает в шутливой форме, поэтому трудно заключить, насколько реально такое гадание могло быть приурочено именно к дню летнего солнцеворота.

На острове Пийриссаар зафиксировано гадание на растении Euphrasia officinalis L. (*богатка, богачка*), при осуществлении которого «распушающееся» растение ассоциировалось с жизнью, замужеством, богатством, а «нераспушающееся» — со смертью, одиночеством, отсутствием достатка. Оно целиком повторяет псковскую традицию, близкую ей эстонско-

сетускую [Штейнгольд 2007: 277–279], а также в свете современных данных Е. Е. Королёвой, и старообрядческую латгальскую [Королёва 2009: 91]. Существование такого же обычая в деревнях на левом берегу Чудского озера подтверждается современными свидетельствами, отраженными в книге Н. Морозовой, Ю. Новикова «Чудное Причудье»: *«Буду жить — так распушись, а умру — так и быть, засохни»* [Морозова, Новиков 2007: 114, 116]. Эти же исследователи смогли записать в г. Калласте сообщения о заклинании двенадцати трав и травы *попутник* (подорожник) с целью увидеть во сне будущего жениха, содержательно перекликающиеся с записями О. Гильдебрандт, М. Феклистова и И. Венчиковой, сделанными в 1949 и 1969 гг. в г. Калласте и на о-ве Пийриссаар:

> *«Суженый-ряженый, приди ко мне, принеси мне цветы!»;*
> *«Подорожнок-трава, ты стоишь на перекрёстке двух дорог, видишь всех. Покажи мне суженого-ряженого!»* [там же: 114].

К сожалению, перечисленные типы гаданий, как и давний обычай заплетать в поле косу из колосьев ржи с обращением к суженому-ряженому прийти и расплести ее [там же: 116], нами также не были отмечены.

Важно упомянуть о гадании *на девяти девятинах трав*, сохранившемся в памяти жительницы о-ва Пийриссаар [Б]. Видимо, приемы этого гадания почти те же, что и при завивании венка из двенадцати трав с целью увидеть во сне своего суженого. Пока достоверно не установлено, имели ли эти гадания сходное словесное оформление.

Ниже приводятся фрагменты бесед со староверами западного Причудья, ограниченные темой гадания (вначале следуют описания зимних, а затем летних гаданий). Здесь и в разделе 2.2 в качестве иллюстративного материала использованы аудиоматериалы, записанные в 2003–2012 гг. членами кафедры русского языка Тартуского университета[1] как на западном побережье Чудского озера, так и на о-ве Пийриссаар (значительное число записей произведено в период 2008–2009 гг.).

***

[И]: На Новый год всё бегали. Под окном: «Как суженого-ряженого зовут?» Шчо с комнаты скажут. Двое идя́ и говоря́: «Вот я шчас вас подхвачу!». Собравши-то кто там? Взрослый-то не пойдёт…

---

[1] Авторы статьи благодарят О. Н. Паликову за представленные аудиоматериалы и их расшифровки, а также А. Самарина, Т. Тарасову, Л. Авво, К. Кару за большую помощь при расшифровке аудиозаписей.

***

[А]: Гаданье было у нас вот на старый Новый год. Вот это я помню, это и мы ходили. Ну и вот и мать наша говорила, что и они <…> бегали по деревне. Обычно прибяжи́шь к окошку, постучишь и кричишь: «Как моего суженого-ряженого будут звать?» Там тебе должны ответить, как его будут звать. Имя назвать какое-нибудь. Ну обычно такое назовут, что мы там покатимся со смеху. Вот это было. И так гадали, и другие гадания были.

Там и петуха кормили, там вот и бумагу жгли. Это у нас всё в молодости, всё было. Насыпа́ли кучки. Каждой вот девчонке… Собирались девушки, например, насыпа́ли зерна кучки — так вот разные. И петуха крутили и бросали. К чьёй кучке он первый подойдет, значит, та первая замуж выйдет. Калошу тоже бросали. Вот на дорогу выходили, бросали калошу: в какую сторону замуж выйду? Я не знаю, как парни, гадали или нет. Но вот это всё в Сочельник. Между Рождеством и Крещением вот тут такие гадания шли. Гадали, гадали. Бумагу жгли <…>. Там скомкаешь её, сомнёшь и на тарелочку <положишь> и подожгёшь. И тогда вот смотришь, что там получилось, когда эта бумажка сгоре́лась, — какая фигура, получилась, что тебя ждёт. Кто там что разгляди́т. Кто разгляди́т гроб, кто разгляди́т ещё что-то. Вот это такое было. А вот такие более сложные <гадания> мы уже не делали: там с зеркалами, с кольцами, да это. Не знаю. Мать это говорила, что они гадали.

***

А гадали? Были какие-нибудь гадания?

[Б]: Да. Вот раньше в старый Новый год мы петуха кормили. В одной стару́шки был пяту́х. Ну, и вот мы <неразб.> в кого какое зёрнышко е. Ой, и ребя́ты, и девчонки — все вот так. Ой, а кому и кучу наделает <смеется>! Как это? Так, ку́чкам таким — вот это моя, это ваша там. Каждый знал своё. И тогда петуха на середину, и вот так закрутят <показывает>: чью он клевать-то станет, тот и выиграет уже. И, говори, замуж выйдет. Такие гадания были. Этого петуха я помню хорошо.

***

[В]: Дявчо́нки собиралися. То петуха принясу́т, то там под тарелки как-то что-то ложили гадали. Вот так, такой чепухой <занимались>.

Не помните, что́ под тарелки клали?

[В]: А куда хлеб, куды́ там хто кольцо, кто что куда положит.

А потом что надо было делать?

[В]: Если хлеб выиграешь, то хле́бно жить хорошо будешь — вот так богато! И было е́такое. Кольцо — так замуж выйдешь. Хто — что.

А как надо было выбирать?

[В]: Кто подойдё: хто первый, хто второй — хто как вот так.

***

[Г]: Идут <девчонки> на Крещение петуха кормить, в чьей-то дом. А мы сзади них. Если они нас не пускают в хату, а мы под окнами висим. И всё одно смотрим.

А как это — «петуха кормить»? Расскажите, пожалуйста.

[Д]: Петухов кормить. Вот молодёжь идёт петухов кормить. Что у них там — зерно или что? И стоит,.. и у каждого кучка.

[Г]: И по кучкам рассыпает.

[Д]: В круг стоят молодёжь. И у каждого кучка насыпана. Пускают петуха. Этот петух, кому быстрее клюнет, тот выходит замуж.

Сбывалось?

[Г, Д]: Сбыва́лося!

Только на Крещение так делали?

[Г, Д]: Только на Крещение.

[Д]: И выбегали ещё на мороз, бросали сапог.

[Г]: Через крышу бросали.

[Д]: Куда сапог попадёт, туда замуж выйдешь. Или кало́ш.

[Е]: А твой сапог в Таллин улетал? <все смеются>

[Д]: Наверно, я тогда ещё не бросала, а просто подсматривала. Тогда я ещё маленькая была. Потом же уже не было этого.

***

Скажите, а Святки тут как-то отмечали?

[К]: Святки отмяча́лись, да. И гадать ходили. Да. Петуна́ кормили. Да. И через забор кидали кало́ш. От так.

Расскажите, как петуна́ кормили.

[К]: Ну, как петуна́... Знаем, в кого пяту́н. Там старуха поймает петуна́. А молодёжь собярётся во кружок от так. И каждый что-то посыпет: зярна́, круп там или чаго́-то. Зярна́. И стоишь, и в тебя́ куча — от так от, во кружок. И тогда пускают петуна́. Он как сумасшедший замечется-замечется: не

знает, кото́ру кучу <клюнуть>. Кото́ру кучу… А ты замуж выйдешь в этот год! Твою, говори́, кучу пяту́н клюнул.

А как калошу кидали?

[К]: А кало́ш кидали: ну, кало́ш снимёшь с ноги да через забор кинешь, куда ты попадёшь замуж, куда ён ля́гет. От было. Много было, только я уже не помню. Не помню. От это Святки были.

***

[З]: Я гадала, на кольцах. Там в Жалачке жи́ла одна́ приезжая, смешная: «Пойдём гадать». А ко́льцы надо такие, которые венчальные.

А у вас же не было?

[З]: Ко́лец не было никаких. Мы принясли́ — это венчался мой сдвою́родный брат — его ко́льцы: е́йное и ево́ное. Дал всё-таки. Положили э́ты кольцы под стака́нам. Ну, шчо там покрыли. Я така́ смешная была — мне сме́шно е́то. Сижу гляжу там, ничо́го не вижу. А она говорит: «А я-то вижу своёго жениха». А я говорю: «А я не вижу никакого жениха». А отец, вот ейный дядя, был священник. Как раз это с моле́нны пришёл <во время гадания> и так: «Сидят!» Не заругался, только «Сидят!» Ну сидят. — «Ну что ты видела?» — «Ничо́го не видела!»

А надо было как — под стакан или в стакан?

[З]: В стакан. Воду <налить> и в стакан.

Оба кольца вы положили?

[З]: Е́йное — в свой стакан, моё — в свой. А там бумага. И там под бумагой вроде как зола или шчо-то было, или пясо́к. Шчо-то сыпали под бумагу. И тогда вот это стаканы ставили. И изображение должно было в воде <появиться>. И я рассмеялась, изображение потеря́лося[1].

А бывало такое, что кто-то узнаваемый потом попадался?

[З]: Ну, оны́ такие были, шчо: «Иди, пополи снег, куды замуж выйдешь». Ну, пошла. На крясты́ дороги[2] пошла полоть снег. Собака залаяла. Где собака залает — туды́ и пойдёшь замуж. Ну, я говорю: «А я… в той стороны́ залаяла». Не в той стороны́, куды́ я замуж вышла, в другой <…>.

А скажите, пожалуйста, что такое «полоть снег»?

---

1 *Потеряться* — пропасть, исчезнуть.

2 *Крясты́ дороги* — перекресток.

[З]: Это, как говорили: «Приснись жани́х нявéсты!» А это: «Залай, залай, собачка, на свёкровом дворе!» Вот это трогаешь там это снег-то. Вот и залаяла собачка, только в другом месте. Вот просто так погра́бишь: «Залай, залай, собачка, на свёкровом дворе!»

А в подол не клали этот снег?

[З]: Нет, не клали.

***

[И]: У нас на Иван-день не гадали. Ромашку сорвём: «Пойду я туда-то туда-то?» В подвале ставши, отшчипа́ешь. А так других <гаданий> не было на Иван-день.

***

[З]: Бегали, бога́тки собирали гадать: выйдешь ли замуж — не выйдешь.

Расскажите, пожалуйста, как гадали на бога́тках?

[З]: «Ступайте за бога́ткам и загадайте», — это <посылали> пока еще маленькие были. Помрёшь ты — не помрёшь. Это распустится бога́тка, так выйдешь замуж, не распустится — не выйдешь замуж <смеется>. Вот и сти́скали между окон.

Между рамами или куда?

[З]: Ну, на крючки, кто как приспособится.

А сколько их нужно было взять и откуда их брали?

[З]: По одному брали. Раньше росли у нас тут, сейчас я не вижу бога́ток. Нету, наверное, бросили[1] рость <…>.

А родители тоже загадывали или только дети?

[З]: Ну, это уже как игра…

И все этим занимались или только в вашей семье это было известно?

[З]: Не, не, все! Толпо́м и бегали: и мальчишки, и девчонки. Мальчишки гоняли девчонок.

---

1 *Бросить* — перестать.

***

[Б]: На Иван-день русский, седьмого, плетётся венок. Венок «девять девятин» называется — это гаданье. Вот берёшь девять таких трав, такого сорта, теперь девять другие какие, теперь другие листочки или цвято́чки или что-то — опять девять. И так сплятёшь венок, и ложись спать. И загадывай, кто х тебе приснится. Ну и вот мама и говорит: «Утром встаю», — папу моёго видит, — «а он с бородой!» И тётка-то спрашивает: «Может, Анна…», — Анной маму звали. — «Как тебе? Шчо тебе приснилось?» — «А эта опять борода», — приснился отец. А она и говорит, шчо: «Значит, быть тебе за ним, Анна». А мать: «Не быть тому греху наверху!» И так и пожани́лися, и нас было четверо у отца с матерью.

<…> Тепе́ря я хочу сказать, что и я так же са́мо. Григория я не знала и не видела здесь. И вот сделала я венок, утром встаю — только одни солдаты <снились>! Всё в шинелях, но личности не вижу. А он в армии служил — и шинели видела только я. А его не видела. Не были знакомы, так я не знаю… Солдат-то много, да личности я не видела. Только шинели, только… . Смея́лася. И вот, видишь, с армии пришёл, а в меня родня там бы́ла в Кольках. И когда родня-то приехали сюда, и спрашивают… Парней так мало было, всё девчонки. Мы так и танцева́ли — девчонка с девчонкой в клубе. И теперь, когда это спрашивает — его Петькой звать, а они друзья были с Григорием: «Где твой кавалер?» — «Качается в лю́льки ещё мой кавалер. Видишь, в нас всё девчонки!». А он говори: «А в нас всё мальчишки!» Ну вот. Мальчики там говорят: «Так давайте меняться!» — «Давайте!» Так мы и пошутили. Тепе́ря в марте месяце приезжает вот тот парень и мой супруг. Приезжает на лыжах — знакомиться. А я в это время в город уехала. Пришли к матери с отцом в гости, а меня нету. Ну что ж. Тепе́ря вот Григорий… А в меня-то был лук — надо было продавать на базаре. Я утром на базар <уехала>, ничего не знаю, шчо женихи придут, торговать начинаю. Одна женшчина выбегает и говорит: «Маша, заканчивай, сейчас к тебе придёт жених!» — «Ой, какой жених? Ну что ты?» И вот как повярну́лася и вижу: как поток-то народу заходит… — от в Тарту это крытый рынок, га́рня[1] ещё называют, — и вот вижу: он такой высокий… Господи, я как по́том вся пронизáла! Я не знала, что это он. И вот как будто… Ну, раз пришёл, познакомились. И вот тяпе́ря <вместе>.

2.2. Бесчинства. Еще в старину у местных староверов, как сообщает Е. В. Рихтер, комедовали люди молодого возраста: «Подростки Калласте,

---

[1] Ср. эст. устар. *karn — мясная лавка.*

например, раскидывали поленницы дров, аккуратно сложенные хозяином еще с осени, угоняли со двора сани, сбрасывали их с откоса в озеро, затыкали трубы соломой, подпирали входную дверь колом, разливали воду в сенях» [Рихтер 1976: 254].

Почти все перечисленные варианты зимних шалостей до сих пор известны людям старшего поколения. Среди забав преобладали следующие: затаскивание дровней на крышу сарая, обливание водой сеней (чтобы при выходе из жилого помещения люди поскальзывались и падали), раскидывание поленниц дров, забрасывание в дом дохлых кур, порченых овощей, поленьев, «подсекание» прохожих с помощью натянутого через дорогу шпагата.[1]

Если вспомнить приведенную выше классификацию бесчинств по Н. В. Петрову, можно сказать, что далеко не все типы «увеселений», характерные для северных районов, фиксируются в Западном Причудье. В наибольшей степени здесь представлены действия, связанные с перемещением предметов в пространстве и их порчей. Подобная деструктивная деятельность лучше всего отвечает архетипической идее, лежащей в основе бесчинств как календарно обусловленного типа негативного поведения, — идее нарушения мирового порядка, продуцирования хаоса.

Матримониальный оттенок бесчинств проявлялся в том, что молодежь подшучивала над парами («подсекание» веревкой), парни шалили в тех домах, где были девушки на выданье: *«Ведь девки у тебя! Зато они сделали»* [В].

Сами информанты не приписывают своим прежним действиям никакого ритуально-обрядового характера. Мотивируют их своим дурным характером, бездельем: *«Молодые были, делать нечего было»* [Г], *«Вот такие вы вряди́тели были»* [Е]. На ритуальный характер святочных бесчинств косвенно указывают два момента: попустительское отношение родителей к шалостям детей именно в данный календарный период, а также то, что условиями осуществления бесчинств был их анонимный характер и приуроченность к темному времени суток. Даже при почти полной утрате традиционных мифологических представлений в 40–50-е гг. XX в. среди староверов бытовало представление о том, что молодежи в Святки позволены любые проказы. Жительница дер. Межа, рассказывая о бесчинствах молодых людей, происходивших приблизительно в конце 1960-х гг., уже высказывает негативную оценку этих действий, уточняя при этом, что она сама

---

[1] Об этих и других зимних «шалостях» молодежи повествует респондент из дер. Желачек (см. расшифровки аудиоматериалов в разделе «Рассказывают пиийриссарцы», стр. 281).

«Ни х ко́му не ходила, нико́го не ругала. Ну, конечно, нехорошо было, что к празднику так. < … > Ну что ж? Что ж ты будешь делать?» [В].

Молодежные ритуально-обрядовые действия живы исключительно в памяти людей уходящего поколения, именно поэтому изучение языкового и культурного наследия староверов Эстонии вызывает большой научный интерес и является крайне своевременным.

***

[Д]: Дрова еще дразнить[1] к кому ходили.

[Г]: И шуто́го ходили дразнить.

[Д]: Веревку через дорогу оттянем — Зоя ушла с Николаем.

[Г]: А мы веревку через дорогу. Бац! — и опять там: «Ку́рат[2], опять привязали вярёвку!» И над старым людя́м вот так.

[Е]: Вот такие вы врядители были. < … >

[Г]: Молодые были, делать нечего было. Или дров вот так — в кого костёр[3] дров, — набярём охапочку, кому-то дверь откроем — бац туда! Ну не руга́лися — никто не ругался. Ешче дро́вы принясу́т <смеется>! Дров и нет! Или тыква уже подгнила — ну куда дява́ть? Дверь откроем — бац вон! < … > Курица сдохла. Курицу эту так же. Так уде́лали. Ой-ой-ой поделавши. Ну не ругал никто. В один дом только закинули курицу, не отдали нам. Так выкидывали. А мы кричим: «Отдайте курицу, вы съе́дите!».

***

[В]: Было всякое, было всё раньше, творили тоже молодёжь. Не бойся, не только-то это. Э-э-э, творили всё молодёжь.

А что ещё творили?

[В]: Раньше в нас мама рассказывала тоже, были… ну, скот-то тоже держали. Были таки́ стояли кадушки, как бочечки деревянные, как ушатики. Стояли. Ето яны́ всё туда лили яду́, кото́ра осталась. Которы помо́и какие-то, яны́ лили скоту аль что. И тоже, пока в церкву идут, ребята придут — опрокинуто. Не боя́лися, что даже это всё будет мо́кро, опрокидывали. Где особенно девки <смеется>. Всего проку́тили. И ра́нне[4] всего было. Молодёжи было много, а теперь… У нас… — не надо далёко ходить —

---

[1] *Дразнить дрова* — зд. раскидывать поленницы

[2] Ругательство, эст. *kurat* 'черт'.

[3] *Костёр* — поленница.

[4] *Ра́нне* — раньше, в старину.

в нас было, вот не помню, в каком году: пришла девчонка к нашим девчонкам. Ну, сидели в комнате. И потом они… Вот Митя в нас сын был мальчи́шком ещё — по-моему, это тогда было. И мы даже сидели в комнате, не слышали, когда эти мальчишки открыли дверь уличную в колидо́р, а х празднику, к Рожеству же всё прибира́есся. Я всё прибра́ла, половички в колидо́ре постяли́ла, помыла. Всё хорошо очень, тёплой водичкой всё сделала чинно-благородно к празднику. И вдруг э́така девчонка пошла домой, собралась, говори́: «Я пойду домой». На́чала идти провожать, а мальчишка-то, Митя, ставши сзади йих. И он это так попочкой как раз <ударился]. А они <мальчишки] как ведро воды-то плюхнули сюды́ на половик-то етот, мороз-то был, вот этаким-то всё сосу́лечкам и замёрзло! Он, бедненький, вышел и проскользну́лся[1], и попой-то на е́то лёд. Как он потом плакал, бедный! Ну и что? Ну, родители-то что в йих? Одная, конечно, мать умная сына поругала, что «Что это вы делаете?!» Люди, гри, к празднику прибираются и прибра́лися. Но одна была такая женщина «умная», кото́ра мне и говорит: «Ну надо же, ведь девки у тебя! Зато они сделали». Но вот было бы тебе это, ты, наверно, всю деревню по́дняла б на́ ноги! А я ни х ко́му не ходила, нико́го не ругала. Ну, конечно, нехорошо было, что к празднику так. <…> Ну что ж? Что ж ты будешь делать?

Список информантов[2]

1. А — ж., 1933 г. р., г. Калласте, запись 2003 г.
2. Б — ж., 1934 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2009 г.
3. В — ж., 1936 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2009 гг.
4. Г — ж., 1933 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2008 г.
5. Д — ж., 1933 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2008 г.
6. Е — ж., 1932 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2008 г.
8. З — ж., 1932 г. р., дер. Межа, о-в Пийриссаар, запись 2009 г.
9. И — ж., 1921 г. р., дер. Старая Казепель, запись 2006 г.
7. К — ж., 1926 г. р., дер. Желачек, о-в Пийриссаар, запись 2004 г.

---

[1] *Проскользну́ться* — поскользнуться.

[2] Имена респондентов закодированы литерами кириллического алфавита. Против каждой литеры указан пол и год рождения, а также место и время аудиозаписи. Все личные имена в текстах расшифровок изменены. В список респондентов не вошли имена Анастасии Ивановны Печёнкиной (Калласте) и Евстолии Андреевны Амелькиной (дер. Старая Казепель), которым также, пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность.

Литература

Аникин В. П. 1987 — *Русский фольклор*. Москва.

Бушкевич С. П. 2004 — Курица. *Славянские древности*. С. 60–68.

Виноградова Л. Н. 1995 — Гадание. *Славянские древности*. С. 482–486.

Виноградова Л. Н. 1999 — Колядование. *Славянские древности*. С. 570–575.

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А. 1995 — Водить. *Славянские древности*. С. 390–392.

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А. 2009 — Ряжение. *Славянские древности*. С. 519–525.

Воинова Э. Л. 2000 — Старинные народные обряды. *Сайт*: *Арт – Орёл. Культура и искусство Орловской области*. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 10.06.2012): http://www.art.oryol.ru/rites_main.htm.

Гура А. В., Узенева Е. С. 2009 — Петух. *Славянские древности*. С. 28–35.

Календарные праздники… 2004 — Святочные обряды. Часть I. Календарные праздники и обряды. *Календарные обряды и фольклор Устюженского района*. Сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда. Веб-ресурс (дата последнего просмотра 23.04.2012): http://www.cultinfo.ru /arts/folk/demo/books/ustujna/

Королёва Е. Е. 2009 — Гадания молодежи Латгалии (этнолингвистический аспект). *Regional and Social Dialectology*. *Almanac of the Institute of Comparative Studies*. Vol. 18. Language and World. Issue 1. Daugavpils. P. 81–102.

Морозова Н., Новиков Ю. 2007 — *Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии*. Тарту.

Петров Н. В. — Святочная обрядность Верхней Пинеги: структура и семантика обрядовых действий. Публикации. В открытом доступе. *Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера. Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова.* Веб-ресурс (дата последнего просмотра 16.06.2012): http://folk.pomorsu.ru/index.php ?page=opensource/5_3_7

Петрухин В. Я. 1999 — Конь. *Славянские древности*. С. 590–594.

Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население Западного Причудья*. (*Очерки истории, материальной и духовной культуры*). Таллин.

Толстая С. М. 1995 — Бесчинства. *Славянские древности*. С. 171–175.

Энциклопедия суеверий 1997 — *Энциклопедия суеверий*. Сост. Э. Рэдфорд, М. А. Рэдфорд, Е. Миненок. Москва.

Чичеров В. И. 1957 — Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. (Очерки по истории народных верований.) *Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*. Нов. серия. Т. XL.

Штейнгольд А. В. 2007 — Об одном псковском фитониме в аспекте происхождения (*богатка*). *Псковские говоры* (*в свете актуальных проблем диалектологии*). Межвузовский сборник научных трудов. Псков. С. 272–283.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ОТРАЖЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА ПИЙРИССААР В ИХ ЛЕКСИКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

О. Н. ПАЛИКОВА

Как старики называли, так и мы.
В. Я. Кондратьева. Межа, 2009.

Народная географическая лексика той или иной местности всегда представляет особый интерес, так как в ней сосредоточены представления жителей об окружающем их пространстве, причем представления исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение. Этот языковой пласт отражает историю существования человека на определенной территории, его трудовую деятельность, обусловленную спецификой природных условий, приспособленность к ландшафту. Кроме того, географическая, в том числе топонимическая, лексика активно участвует в формировании противопоставления *свой – чужой*. Географические представления, отраженные в говоре жителей о с т р о в а, интересны вдвойне: поскольку остров представляет собой изначально замкнутое и четко очерченное пространство, в сознании жителей он оказывается, с одной стороны, самодостаточным и детально освоенным, а с другой стороны, противопоставляется миру за пределами острова. Типичная позиция номинатора при ориентации в пространстве, как пишет Е. Л. Березович, — в центре осваиваемого пространства [Березович 2007: 73]. В нашем случае центром оказывается либо о с т р о в в ц е л о м, и с этой точки зрения осмысляется окружающее пространство: материковая часть суши и озеро; либо в центре пространства номинации оказывается с в о я д е р е в н я, которая противопоставляется другой деревне острова.

Остров — материк

Замкнутость островного пространства отделяет его жителей от остального мира, что проявляется в говоре жителей острова на лексическом уровне и отражается в фольклоре. Так, говор Пийриссаара имеет диалектные синонимы для называния материковой части — *суходо́л* и *суша́*: *На* ***суходо́ле*** *ещё естя люди, там молются* (Межа, 2011); *Первые поселенцы эстонцы были <…>, земли там не было, на* ***суши́****-то, вот они <…> там уголочек* <заняли> (Межа, 2010). Отстраненность от материковой части выражается в том, что жители острова используют название государства не только для обозначения соседней страны (*Мы были высланы — на лошадях нас уводили в* ***Россию***; Межа, 2009), но и для называния собственного государства: *Дети ходили в* ***Эстонию*** *к чухнам туды-ка работать* (Пийриссаар, 1964). Причем в этом случае также присутствуют синонимы: материковая Эстония может называться *Чухо́нщина* (*Я ведь по* ***Чухо́ншины*** *шата́вши много*; Межа, 2010), а западное побережье Чудского озера — *зарубе́ж, зарубе́жица*[1]: *Мы не спросили никогда, откуда наш дедка? Бабка оттуда, с* ***зарубежа́*** *— с Ка́зепели* (Межа, 2009). Интересно, что слово *по́бережь*, известное и говорам материковых прибрежных деревень[2], может использоваться на Пийриссааре в сочетании с уточняющим его определением — прилагательным, образованным от существительного *зарубе́ж*: ***По́бережь зарубе́сская*** *вся приезжала на моторах* (Межа, 2011).

Определенная невозможность покинуть остров иронически обыгрывается, например, в фразеологизме *дальше острова не убежит* (Межа, 2009), который был при нас использован в качестве ответной реплики на вопрос, куда подевался кто-то из домочадцев. При этом стремление вырваться за пределы острова нашло отражение в фольклоре, в частности в частушках, записанных Агафьей Яковлевной Венчиковой, например: *Дайте лодочку-моторочку // Моторочку, мотор, // Перееду на ту сторону, // Где милый ухажер* [Рукопись 2].

---

[1] По-видимому, появление названий *зарубе́ж, зарубе́жица* связано с тем, что в свое время остров делился между двумя губерниями: Санкт-Петербургской (дер. Желачек и дер. Тони) и Лифляндской (дер. Межа). Таким образом, для жителей деревень Желачек и Тони западный берег Чудского озера и стоящие на нем деревни оказывались *за рубежом*, то есть в другой (Лифляндской) губернии. Ср.: *От там* <дер. Тони, Желачек> *был — Расе́я, Ре́ндовская губерния, а от церьквы (это бела церьква) и сюда* <дер. Межа> *— это уже Чухля́ндия была. А там Расе́я. И ходили в Расе́ю жители туда, в волость. Волости были в Ре́нды, а здесь в Вы́нну было, Ка́стри-Вы́нну*. Межа, 2009.

[2] При этом в прибрежных деревнях *по́бережь* имеет два значения: 'побережье' и 'жители побережья'; в говоре же Пийриссаара автор статьи встретил его только во втором значении ('жители').

Один из постоянных фольклорных сюжетов, который присутствует в устных рассказах островитян, — это легенда о том, что расстояние до российского берега когда-то было столь незначительным, что скорее напоминало проток, чем озеро[1]: *Старуха рассказывала, ей* <тогда> *было сто лет,* <когда> *мы были мальчишки: был прото́к между озером во времена Александра Невского, наши женщины пряли нитки со льна, и с той деревни — Подборовье — женщины прялки передавали через ручей* (Желачек, 2009). Этот сюжет известен и за пределами Пийриссаара: «Обычно в народных сказаниях лицами, передающими какой-либо бытовой предмет (молот, хлебную лопату, валек для выколачивания белья) через большие расстояния, могут быть великаны; здесь же, в Причудье, предметы через озеро передают деревенские женщины» [Хийемяэ 2012: 452]. «Живучесть» этой легенды подтверждается и таким ее вариантом, в котором через озеро происходит знакомство: *А бабушка моя, Марья Павловна, была с русской стороны. <…> Раньше же здесь озера не было — была речка только. И вот они ходили там, полоскались, а дед ходил снасти свои справлял, присмотрел* <ее> (Желачек, 2010).

Остров — озеро

Окруженность острова водным пространством, с которым постоянно и напрямую связана жизнь островитян, естественным образом приводит к тому, что лексика озера представляет собой богатую и детально разработанную систему, своеобразную семантическую карту, которая накладывается на озерное и береговое пространство. Основными номинаторами здесь выступают рыбаки, для которых различные детали водного ландшафта имеют первостепенное значение как с точки зрения возможного улова, так и с точки зрения перемещения по воде / по льду. Это, во-первых, линия берега (*Ко́лгин берег, Го́лый берег, Разре́з*); во-вторых, рельеф озерного дна (*гри́ва* ‘подводная каменистая гряда’, *зру́бье* ‘резкий переход от мели к глубине’, *пере́сипы* ‘параллельные берегу песчаные мели’); в-третьих, рельеф и качество ледового покрова[2] (*ши́листый лёд* ‘мягкий, пористый лед’, *суво́й* ‘складка в ледовом покрое’, *рубе́ц* ‘трещина во льду’); в-четвертых, направ-

---

[1] В настоящее время расстояние от Пийриссаара до российского берега в самом узком месте составляет не менее семи километров.

[2] Надо сказать, что ледовый покров важен не только для рыбаков, участвующих в зимнем лове, но и для остальных жителей острова, так как в зимнее время по льду проходит дорога, которая в конце зимы становится опасной и не раз уносила жизни переправлявшихся через озеро людей.

ление ветра: *дед / се́вер / се́верный* ‘северный ветер’, *долево́й ветер* ‘ветер, дующий вдоль берега’, *зимня́к* ‘юго-восточный ветер’, *мокри́к* ‘юго-западный ветер, приносящий дождь’, *полу́денник / полу́денный ветер* ‘южный ветер’, *попере́чень* ‘ветер, дующий поперек озера’, *стаче́нь* ‘восточный ветер’, *тепли́к* ‘южный / юго-восточный ветер’.

При сопоставлении названий ветра, функционирующих в Западном Причудье и на Пийриссааре, выяснилось, что их список не совпадает полностью. К настоящему моменту выявлены следующие расхождения (которые, однако, должны быть уточнены в ходе дальнейших полевых исследований): пока только на острове встретились названия *дед, долево́й ветер, полу́денный / полу́денник, попере́чень*; и, наоборот, на острове автор статьи не услышал названий *го́рень* ‘ветер, дующий с берега’ и *се́верик* ‘северный ветер’ [СГСЭ 2008: 37, 133]. Вместе с тем в говоре есть два прилагательных, которые могут косвенно указывать на то, что здесь использовалось и слово *се́верик* для называния северного ветра, — это прилагательные *се́верицкий* и *тепли́цкий*. Оба этих слова встречаются в составе топонимов: *Се́верицкая троста́* ‘заросли тростника вдоль северного побережья острова’, *Се́верицкое зру́бье* ‘место перепада глубины на север от острова’ и *Тепли́цкое зру́бье* ‘место перепада глубины на юго-восток от острова’. Возможно, они образованы при помощи суффиксации[1] от названий ветров соответствующих направлений: *се́верик + ск(ий)* → *се́верицкий*; *тепли́к + ск(ий)* → *тепли́цкий*.

Разработанность системы названий ветров связана, конечно же, с влиянием ветра на улов, например: *Нава́лье — это будет много рыбы. Говорили так отцы наши: «Ну, северный ветер пошёл, будет нава́лье»* (Желачек, 2010). При этом в говоре Пийриссаара также используется слово *пове́терье* ‘попутный, нужный ветер’, которое включается в фразеологизм *ждать у моря пове́терья* — о рыбаках, которые ждут на берегу подходящей погоды и под этим предлогом не выходят в озеро[2].

Остров «изнутри»

Поскольку остров замкнут, он во многом является моделью целого, а не части чего-то большего. Так, на острове есть свое противопоставление

---

1 Сандхи суффикса *-ск-* с основой существительного на *-ик-*, ср.: *мужик – мужицкий* [Ефремова 1996: 444].

2 Подробнее об этом см. в статье [Щаднева, Паликова 2012: 128–129].

(которое, по-видимому, восходит к тому времени, когда остров относился к двум разным губерниям) — противопоставление двух основных деревень Желачек и Межа[1], а также их жителей: *Мы говорили:* ***межовские́ дивны́е****, а они говорили —* ***желачкие́ дивны́е*** (Желачек, 2012); ***Межа́*** *с* ***Жела́чеком*** *на кольях дрались — молодые, кура́жливые были* (Желачек, 2010). Третья деревня, То́ни, более позднего происхождения, занимает либо нейтральное положение, либо упоминается говорящими «в связке» с Желачеком, что, по-видимому, обусловлено опять же отнесенностью их в прошлом к одной губернии: *Мы здесь пасли своё стадо. Мы с* ***желачки́м****, с* ***тоньски́м*** *не были вместе. У нас своё стадо, у них своё* (Межа, 2009). Незаметное постороннему наблюдателю деление жителей двух деревень на «своих» и «чужих» по-прежнему присутствует в некоторых рассказах, однако в настоящее время, по-видимому, в значительной степени нивелируется, чему способствует ситуация, при которой единственный действующий храм (старообрядческая *моле́нна*) имеется только в деревне Желачек и почти все жители[2] острова посещают именно ее. Возникновение деревни Тони во всех рассказах островитян так или иначе связывается с ситуацией затопления береговых участков других деревень, когда жители смытых водой домов переселялись в Тони: *... потонула деревня, а жыхари перешли туда* <в Тони> [Пурицкая 2012: 73]; *Когда смыло тот край в Жела́чеке, ушли в* ***То́ни*** (Желачек, 2009).

Внутри деревень Межа и Желачек выделяется противопоставление *центр – периферия*, не отмеченное для самой маленькой деревни Тони. Для обозначения периферийной территории в обоих случаях используется лексема *край* (функционирующая в том же значении и в материковых причудских говорах). При этом в деревне Межа эта лексема включена в топоним *Эстонский край* ‘дальняя часть деревни Межа, заселенная эстонцами’: *Suurküla*[3] *— это когда много домов. Eesti küla*[4] *—* ***Эстонский край****. Это не suurküla, это отдельный край называли,* ***Эстонский край*** (Межа, 2012). Для обозначения центральной части в обеих деревнях используется словосочетание *большая деревня*: *раньше в аренду снимали дом на* ***большо́й дере́вне*** (Желачек, 2010).

---

1 Этимология и история некоторых топонимов острова разных периодов, в том числе названий трех деревень, рассматривается в статье Т. Ф. Мурниковой [Мурникова 1988 / 2012].

2 В моленную деревни Желачек ходят не только староверы, но и православные, которым разрешено стоять во время службы в притворе, но не позволено креститься.

3 Эст. *suurküla* = большая деревня.

4 Эст. *eesti küla* = эстонская деревня.

От всех трех названий деревень в говоре образуются дериваты — прилагательные *межовско́й, желачко́й, тонско́й*, которые, в свою очередь, субстантивируются и функционируют для обозначения жителей конкретной деревни: ***тонска́я*** *тёта* <= из д. Тони> (Межа, 2009); ***межовски́е*** *хоронили на другом кладбище, а* ***желачки́е*** *— на этом кладбище, где белая церковь* (Желачек, 2011). Та же модель (субстантивация) используется для обозначения жителей острова — *островски́е*: *они тут* ***островски́е*** (Желачек, 2009). Типичным для названий всех трех деревень оказывается использование предложного падежа со значением места с предлогом *на*, а не *в*; это управление наглядно демонстрирует, например, детская (?) дразнилка (то же управление демонстрируют и все остальные контексты): ***На Жела́чке*** *две собачки, /* ***На Межи́*** *кобель бежи, / А* ***на То́нях*** *враскорячку / Поросёночек лежи*[1] (Тони, 2008).

Два других важных для структурирования пространства острова параметра: 1) деление на покосы и 2) доступность питьевой воды. Оба этих критерия в настоящее время уходят в историю, особенно деление территории острова на покосы, так как на некогда богатом коровами острове (два стада по 40–50 коров) в настоящее время коров не держит никто[2]. При этом в свое время вопрос о том, как будут распределяться пожни, решался всем островом, каждый клочок земли обкашивался, а нехватку сена компенсировали заготовкой тростника (подробный рассказ об этом см. в разделе «Рассказывают пийриссаарцы», стр. 307–308). Зачастую участки суши, на которых были покосы, назывались по названию прилегающего участка озера или берега: *И тогда уже говорят: «Ага, мне в* ***Ку́рмы*** <залив и участок берега>, *мне в* ***Ти́галахты*** <залив и участок берега>, *мне там на* ***Го́лом берягу́*** <участок берега> *пожня досталася». Идёшь свою и косишь* (Межа, 2009).

Что касается источников питьевой воды, то необходимость в особой номинации их в последнее время отпала, так как, во-первых, практически каждый дом теперь имеет собственный колодец, а во-вторых, в некоторых частях острова пробурены скважины и проведен водопровод. Тем не менее нам удалось зафиксировать четыре названия для разных колодцев острова, которые находятся в общем пользовании и существуют уже длительное время, причем по крайней мере два из них известны каждому жителю острова, так как считается, что в них была (*Попо́в колодец*) или есть и в на-

---

[1] Также в этой дразнилке представлены формы глагола 3 лица единственного числа без конечного согласного *т* (*бежи* 'бежит', *лежи* 'лежит'). Данная черта характерна для спряжения глаголов в говоре острова [Ровнова 2007: 190–191].

[2] В диалектологических записях 1984 г. упоминается, что на острове оставалось по одной-две коровы на деревню.

стоящее время (*Панкру́хин колодец*) лучшая по вкусовым качествам вода. Все эти названия связаны с именами бывших владельцев или жителей ближайших к колодцу домов[1]: ***Сто́гов*** *колодец* (Желачек), ***Фи́рсин*** *колодец* (Тони), ***Панкру́хин*** *колодец* (Тони), ***Попо́в*** *колодец* (Межа).

В устных рассказах островитян зафиксированы и другие топонимы, имеющие относительно недавнее происхождение (середина XX века) и поэтому обладающие прозрачной мотивацией: *Ули́тина гора* и *Панкру́хин дом* (подробнее см. в «Географическом словарике острова Пийриссаар», стр. 180–187). При этом, как и в случае с названиями колодцев, преобладает мотивация по фамилии или имени живущего рядом человека, семьи:

> *Это называлась у нас* ***Ули́тина гора****. Там домик такой маленький страшненький стоит. Там жила бабка Ули́та. Вот у нас как? Раз дом здесь на берегу, это* ***Ве́нчиков берег****, там* ***Пота́пьев берег****. Кто живёт, того и берег. Здесь* ***Самсо́нов берег*** *следующий у нас — все по именам, по фамилиям. … А гора у нас раньше была вот здесь — её потом срезали, надо было выровнять место, и срезали, а то тоже довольно высокая была. У него старшая дочь Поля была, и мы называли «пойдёмте на* ***По́лькину го́ру****!»* (Желачек, 2009).

Следует обратить внимание еще на два слова, которые встречаются в рассказах островитян: *гору́шка* и *сугóрочек*. Поскольку остров в целом низменный, любое более высокое место, которое на материке, возможно, не считалось бы возвышенностью, здесь отмечается особо и называется *гору́шка*: *Здесь пасли коров, тут* ***гору́шки*** *такие есть* (Желачек, 2011). Особенное значение такие места имели опять-таки для сенокоса и выпаса коров, однако устойчивым оказывается и их упоминание в рассказах о том, как кто-либо (как правило, рыбаки) *сидит на гору́шке / на сугóрочке* и ведет разговоры. То есть это место отдыха, перерыва в работе, и выражение *сидеть на гору́шке / сугóрочке* фразеологизируется и получает значение ‘не работать, отдыхать’:

> *В нас тут полдеревни таких было.* ***На сугóрочке*** *с утра до вечера* ***сидят****, выпивают, а домой придут, разгон такой дадут хозяйке!* (Желачек, 2010); *Старики, человек шесть, а в другой раз больше стариков,* ***сидят****, <с> бородами, <…>* ***на гору́шке*** *— возле нашей школы тогда была большая* ***гору́шка****, сейчас распахана. Они в воскресенье в моле́нну сходят, после моле́нны беседуют, как они в Кронштадте рыбу ловили, как они в Финляндию попада́ли* (Межа, 2012).

---

1 Подробнее см. в приведенном ниже «Географическом словарике острова Пийриссаар».

* * *

Ниже представлен перечень лексем, словосочетаний, фразеологизмов и фольклорных текстов, описывающих географию острова и окружающего его пространства. Данный список не является исчерпывающим и нуждается в пополнении и уточнении, однако, на наш взгляд, даже в таком виде ярко демонстрирует специфику географической картины мира, которая сложилась в говоре жителей острова Пийриссаар. Необходимо отметить, что диалектная лексика обладает высокой степенью вариативности, нередко понимание значения разных слов и даже представление о том, где находится то или иное место, различаются у разных носителей говора. Кроме того, зачастую бывает трудно представить себе, где именно на карте острова расположен тот или иной пункт, так как разные респонденты расходятся в своих «показаниях». Тем не менее, мы попытались представить собранную географическую лексику и на условной карте острова (см. стр. 169).

Материал для «Географического словарика острова Пийриссаар» имеет несколько источников. Основная часть географической лексики и фразеологии была собрана в ходе полевой работы на острове, которая проводилась с 2004 года до настоящего времени (этот материал сопровождается указанием на место и год записи, напр., *Желачек, 2010*). Кроме того, часть лексем и примеров взята нами из «Словаря говоров староверов Эстонии» [СГСЭ 2008] и из статьи Е. В. Пурицкой, опубликованной в настоящей книге (этот материал сопровождается указанием на автора публикации и страницу настоящего сборника [Пурицкая 2012: 67–83]). Несколько примеров удалось обнаружить в тетрадном диалектном архиве кафедры русского языка Тартуского университета; при этих примерах приводится указание на год записи, номер и страницу тетради: [Пийриссаар, 1969 (П69 / П10), стр. 49]. Источником фразеологического и фольклорного материала, в числе прочего, послужили три рукописи. Это две тетради Агафьи Яковлевны Венчиковой, переданные нам для копирования ее дочерью, Зиновеей Тимофеевной Венчиковой (отмечены как [Рукопись 1] и [Рукопись 2] — тетради, полученные в 2010 г. и 2012 г. соответственно), а также рукописный листок с диалектными словами и выражениями, переданный диалектологам в 2008 г. Марией Петровной Коротковой [Рукопись 3].

В первой части словаря в алфавитном порядке располагается как топонимическая, так и апеллятивная лексика. Здесь же приводятся фразеологические единицы и другие устойчивые словосочетания, которые включают

в себя слова из основного списка. Фольклорный материал собран во второй части словарика.

Автор выражает большую благодарность Марии Петровне Коротковой, Зиновее Тимофеевне Венчиковой и Федоре (Эльпидии) Леонтьевне Мирушковой за гостеприимство и радушие, а также всем жителям острова, нашедшим время для разговора с диалектологами.

Литература

Березович Е. Л. 2007 — *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва: «Индрик».

Ефремова Т. Ф. 1996 — *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: «Русский язык». 638 стр.

Караев Е. Г. 1958 — Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. *Академия наук СССР. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. XIV*. С. 154–158.

Мурникова Т. Ф. 1988 — Некоторые топонимические наименования на острове Пийриссаар. *Псковские говоры в их прошлом и настоящем: Межвузовский сборник научных трудов*. Ленинград. С. 122–126.

МСРСГП 1963 — В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига. 362 стр.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Ленинград; Санкт-Петербург. 1967–.

Пурицкая Е. В. 2012 — Староверы острова Пийриссаар пятьдесят лет назад (по материалам диалектологических экспедиций филологического факультета ЛГУ). *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Тарту. С. 67–83.

Ровнова О. Г. 2007 — Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Тарту. С. 176–198.

СГСЭ 2008 — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту, 2008. 160 стр.

Хийемяэ М. 2012 — Причудье и быт рыбаков в народных преданиях. *Псковско-Чудское озеро*. Ред. Т. Тимм и др. Тарту: „Eesti Loodusfoto“. С. 445–460.

Щаднева В. П., Паликова О. Н. 2012 — Трудовые занятия старожилов острова Пийриссаар: лингвистический и культурологический аспект. *Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Тарту. С. 123–140.

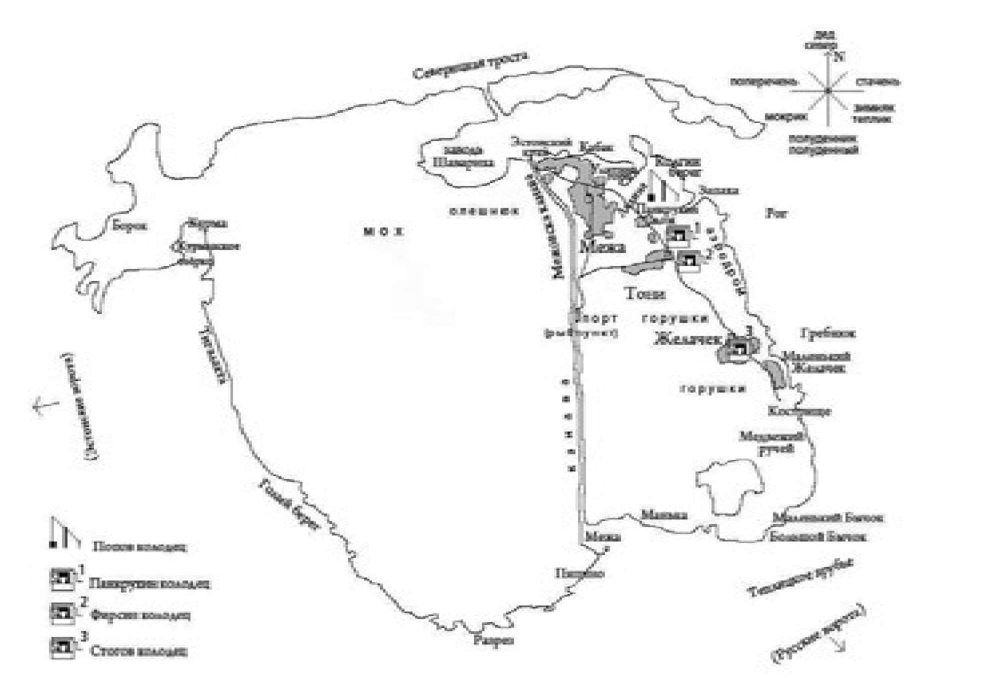

Рисунок 1. Карта острова Пийриссаар, составленная на основании устных рассказов его жителей, а также роза ветров с диалектными названиями, встретившимися на острове.

Составление: Оксана Паликова; оформление: София Волкова. При создании контурной карты использовалась карта Эстонии, размещенная на геопортале Земельного департамента Эстонии (веб-ресурс: http://geoportaal.maaamet.ee/est/).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК ОСТРОВА ПИЙРИССААР[1]

Часть I

Топонимическая и апеллятивная лексика, фразеологизмы

БЕ́ЛАЯ ЦЕ́РКОВЬ. *Православная церковь в дер. Межа (названа так из-за цвета стен). В настоящее время не действует.* Межовски́е хоронили на другом кладбище, а желачки́е — на этом кладбище, где **бе́лая це́рковь**, только там разгорожено — где к церкви <православные>, а где староверы. *Желачек, 2011.* Ляди́на — вот как вы идёте с нашей конторы <= здания волостной управы в дер. Тони> до **бе́лой це́ркви**, направо и налево <от дороги> — вот это сплошная Ляди́на была. *Межа, 2012.*

БЕ́ЛЫЙ ДОМ. *Здание белого кирпича, в котором расположена волостная управа волости Пийриссааре, библиотека и почта, находится в дер. Тони.* Ну, а теперь там тоже мало бяру́т воду с то́го колодца, а ездят туда, к **бе́лому до́му**. Как называем — **бе́лый дом**. Туда из Жела́чка и́жно приезжают. *Межа, 2011.*

БЕРЕГОВО́Й РЫБА́К. *Рыбак, который ловит рыбу рядом с берегом, не уходит далеко в озеро.* Теперь я на пенсии, вот выйду тут к тростнику, сетку поставлю, котам наловлю. Вот сегодня тоже — с таким как я съездили, наловили котам и себе наловили. < … > Я так, в основном, **берегово́й рыба́к**, береговой матрос. *Желачек, 2009.*

БОЛЬША́Я ДЕРЕ́ВНЯ. *Центральная часть деревни (ср.* дере́вня, край). Перешли в этот дом. А раньше в аренду снимали дом на **большо́й дере́вне**. *Желачек, 2010.* Этот Ма́ленький Жела́чек — вот здесь Жела́чек, Саарекюла, а там — Вяйке Саарекюла[2]. Там пять домов — и это было Вяйке Саарекюла. Вот это <здесь> **больша́я дере́вня**. *Межа, 2012.*

БОЛЬШО́Й БЫЧО́К Ⓚ *См.* Бычо́к.

БОРО́К Ⓚ (эст. *Porka*; = По́рка, *см.*). *Полуостров на северо-западной оконечности острова. (Не все жители острова хорошо представляют себе, где он находится, однако во всех рассказах присутствует упоминание, что прежде там тоже были дома, которые смыло водой.)* А **Бо́рка**, это здесь <рядом> Се́верицкая троста́, то здесь как остров уже, сенокосы, пожни, — вот здесь было поселение. Ни одно́го русского там не было, но там были полунемцы-полушведы, и когда вода стала замыва́ть, прибывала все годы, они ушли. Вот почему́ Эстонский край образовался? Они оттуда ушли <в> Пийрикюла <= дер. Межа>. Мы когда на сенокос ходили, тогда находили красный кирпич там и разное, или фунда-ме́нты кусочки. Вот это По́рка. По́рка — от слова, мы называем **Боро́к**: «Куда

---

[1] Словарные статьи для названий мест, отмеченных на карте (стр. 169), сопровождаются значком Ⓚ.

[2] *Saareküla* — эстонское название деревни Желачек; эст. *väike* — маленький, то есть *Маленький Желачек.*

поехали?» — «На **Боро́к**». *Межа, 2012.* **Боро́к** — это там жили люди в семнадцатом веке или вот восемнадцатый. Конец, наверное, семнадцатого – начало восемнадцатого. Здесь как русские заселились, вот староверы, а земля как-то и остров этот, половина острова, принадлежала немецким баронам. <…> И оны́ <эстонцы> немецких баронов не любили, это <в> раннее время. Это в том-то веке. А власть-то бы́ла у баронов. Так вот йим зямли́ и заселяться здесь не давали в деревне. Вот первые поселенцы эстонцы были, откуда они пришельцы, тоже неизвестно, земли там не было на суши́-то <= на материке>, вот они, жить-то негде, так от они там уголочек <заняли>. *Межа, 2010.* **Боро́к** — между берегом Желачка и Россией, деревня, которую смыло. *Желачек, 2011.*

БЫЧО́К[1] Ⓚ (эст. *Põtska*): **БОЛЬШО́Й БЫЧО́К**, **МА́ЛЕНЬКИЙ БЫЧО́К**. *Двойной мыс на юго-восточной оконечности острова, а также часть озера вдоль этого берега.* Это всё **Бычо́к**. Здесь есть **Ма́ленький Бычо́к** и **Большо́й Бычо́к**. Ма́нька <показывает на карте соседний мысок>. Здесь каждые чуть ли не пятьдесят метров какое-то название. *Желачек, 2011.* Куда вы <сетки> ставили? На Гребню́к, или на Костри́ще, или на **Бычки́**, или в перешейке Ку́рмы, или где? *Желачек, 2010.* На **Бычку́** ставили зако́льчики маленькие. <…> Вот отцы уедут на озеро, а дети на **Бычо́к** скорей до школы поха́живать <= проверять заколы>: кака́ у них там прибыль будет. *Желачек, 2010.* Такие сладимые <= сладкие> были — корни от трости́, <ели их>, называли «пряниками». На **Бычо́к** и на Костри́ще — там <когда-то> деревня была — выезжали за ними. *Желачек, 2011.*

ВОРО́НА. *Прозвище жителей Пийриссаара.* Ко́ни ко́лецкие <= жители причудской дер. Кольки> с **воро́нами** — пириса́рские — дрались. *Желачек, 2011.* Вороне́йский конь, а пийрисарский — **ворона** [Рукопись 3].

ГО́ЛЫЙ БЕ́РЕГ Ⓚ *Участок западного / юго-западного берега острова. А:* Здесь Пя́пино, Разре́з, тут **Го́лый бе́рег**. *Б:* Это **Го́лый бе́рег** на ту сторону канавы. *Б:* Там всё сейчас камышами заро́сши, вот здесь **Го́лый бе́рег**. *Желачек, 2011.* Покосы шага́м вы́меряно, и делют. Уйдут размерют, ветки поставят, номера поставят, и тогда скопля́ется весь остров, номера в шапку ки́нуто: ну, тащи номер, какой тебе. И тогда уже говорят: «Ага, мне в Ку́рмы, мне в Ти́галахты, мне там на **Го́лом берягу́** пожня досталася». Идёшь свою и косишь. *Межа, 2009.*

ГОРДЕ́ЕВА КАНА́ВА[2]. *Канава в восточной части острова* (?). Там межо́фска кана́ва, там тепе́рича парахо́т хо́ди. Испре́жнасти **Горде́ева кана́ва**, тепе́рь заро́шшы, поми́мо по́жни и <о>горо́дов за Жэла́чек туды́. *Межа, 1960* [*Пурицкая*

---

[1] Ср.: **Бычо́к Бо́льший**. *Название луга.* Бычо́к Ма́лый и Бо́льший. Бычко́ф туда́ вади́ли. *ЭССР Желачек.* **Бычо́к Ма́лый**. *Название луга. Там же* [ПОС 2: 244].

[2] Ср.: **ГОРДЕЕВА КАНАВА**. *Название искусственной протоки на о. Пирисари.* Гарде́ева Кана́ва — жы́харь был Гарде́й, я ево́ помню ешшо́; кана́ву пракапа́ли лю́ди. *ЭССР, о. Пирисари.* [ПОС 7: 99].

2012: 79]. **Горде́ева кана́ва** — это на сенокосе. А я вот, скажите, я не знаю, потому что сейчас даже и места нет — **Горде́ева кана́ва**. *Межа, 2012*.

ГОРУ́ШКА Ⓚ. *Возвышенное место* (*ср.* суго́рок / суго́рочек). Здесь пасли коров, тут **гору́шки** такие есть. *Желачек, 2011*. На **гору́шке** — за тёть-Любиным домом. *Желачек, 2011*. Старики, наверное, человек шесть, а в другой раз больше стариков, сидят <с> бородами. У них на **гору́шке** <посиделки> — возле нашей школы тогда была большая **гору́шка**, сейчас распахана. Они в воскресенье в моле́нну сходят, после моле́нны беседуют, как они в Кронштадте рыбу ловили, как они в Финляндию попада́ли. *Межа, 2012*.

ГРЕБНЮ́К[1] Ⓚ. *Место в озере на восток от дер. Желачек* (*ср.* гри́ва, зру́бье, свал). **Гребню́к** — вот здесь, напротив, полкило́метра. Ну, где Желачек. Значит вот это канава, здесь будет русский берег, так вот он полкило́метра отсюда, вот здесь. **Гребню́к** слово — это значит камни <…> Вот камни, ра́ковки и неровное место внизу, вдоль, дно, вот такое, это называется **Гребню́к**. Там обычно они окуней ловили. *Межа, 2012*. Куда вы <сетки> ставили? На **Гребню́к**, или на Костри́ще, или на Бычки́, или в перешейке Ку́рмы, или где? *Желачек, 2010*.

ГРИ́ВА. *Рельеф озерного дна: каменистая подводная гряда* (*ср.* Гребню́к, зру́бье, свал). **Гри́ва** — это каменистая гряда идёт, камни на дне. А по-нашему это **гри́ва**. В нас около острова нет таких мест, но есть в Тёплом озере. Там три больших камня таких лежат, ну и маленькие там тоже, это такое расстояние, примерно на шестьдесят-семьдесят метров только. А ведь раньше границы-то не было, мы туда ездили под Остро́вцы. Вот там **гри́вы** так, что на километры идут. Там идут **гри́вы** эти, ну там рыбу ловили. Там глубокие места, пять-шесть са́жен[2] глубина, и вот там рыба и летом, и весной, и зимой, ну год кругом держится рыба. <Ведь> рыба не только рыбу ест, но и другое. Там есть некоторая **гри́ва** чистая, просто чистые камни, а некоторая **гри́ва** с ра́кушкой. Там рыба гуляет, она добывает себе корма столько, что она там живёт. *Желачек, 2009*.

ДЕД: **ДЕД ЗАШЁЛ, ДЕД В ЧЁЛНЕ КАТАЕТСЯ**. *Северный ветер*. «**Дед зашёл**», «**дед в чёлне катается**» — так о северном ветре говорят. *Пийриссаар, 2008* [*СГСЭ 2008: 45*].

ДЕРЕ́ВНЯ. *В некоторых контекстах: центральная часть деревни* (*ср.* большая деревня, край). Он решил с **деревни** уйти и на край <жить>, <там> ничейная земля бы́ла. *Межа, 2011*.

ДОЛЕВО́Й ВЕ́ТЕР. *Ветер, дующий вдоль берега*. Если же идёт вдоль берега ветер — это **долево́й**. *Желачек, 2009*.

ДО́ННИЦА. **1**. *Промерзший пласт земли*. Земля растает когда <тогда копать можно огород>, она же от промёрзши. Когда, как у нас говорят, **до́нница**-то вый-

---

[1] Ср.: **ГРЕБНЯ́К**. *Неровное дно озера*. Где карче́вья, грибня́к, там и ловим нали́ма. *Пск*. [ПОС 8: 12].

[2] Сажень — старинная русская мера длины, равная 2,134 метра.

дет, прогреет немножко, пар идёт, стоит над огородами. <Донница — это> мороженая земля. Когда она протает, будет видно. Пар стоит вот так, солнышко пригреет. Ну, к маю обычно. *Желачек, 2011.* **До́нница** — это копаешь что-нибудь, гряды: «Ой, там ещё земля крепкая, ещё **до́нница** там!» Копать ешшо нельзя, ешшо **до́нница** не вышедши. А она когда тёплая, когда земля нагреется, тогда **до́нницы** нету. <…> В мороз она промёрзнет скрозь, и помаленьку солнце светит, верёх начинает таять, и это всё ниже садится, и до **до́нницы** доберётся — **до́нница** вышла, уже нету, можно копать. *Желачек, 2004.* **2**. *Крепкий, надежный слой льда.* Во льду весной — есть **до́нница**, <лёд,> по которому можно идти. Верхняя часть льда такая как мягкая, у нас называют — ши́листая, берёшь — она мягкая. А вот нижняя часть, вот она крепкий лёд. И вот по этому льду ходить можно. А еслив ши́листый полностью лёд, там идёшь-идёшь — вшух! Готов. Плаваешь. В основном тёмный лёд, ясный. А вот где снегово́й лёд — там долго **до́нница** держится. *Желачек, 2009.*

ЖЕЛА́ЧЕК Ⓚ (эст. *Saareküla*[1]). **1**. *Самая южная деревня острова, на восточном берегу* (*см. также* Ма́ленький Жела́чек). Когда смыло тот край в **Жела́чеке**, ушли в То́ни. *Желачек, 2009.* Ездят к белому дому <= в дер. Тони> за водой, с **Жела́чка** и́жно приезжают. *Межа, 2011.* Летом как раз мы пришли поло́вши, пололи мы на **Жела́чеке**. *Межа, 2009.* Два стада было. Вот здесь <= в дер. Межа> ведь в каждом доме одна то, две то коровы и не́тель было, столько домов. И на **Жела́чке**, а **Жела́чек** и То́ни — это второе стадо. *Межа, 2009.* **2**. *Жители деревни Желачек.* Межа с **Жела́чеком** на кольях дрались — молодые, кура́жливые были. *Желачек, 2010.*

ЖЕЛА́ЧЕНСКИЙ. *Такой, который из дер. Желачек* (*ср.* желачко́й). Кто не поздоровается: «Ай-ай-ай, чему вас в школе учат!» А мы: «Здравствуйте!» — **жела́ченские** девчонки-мальчишки идём. «Вот хорошие, воспитанные детки, молодцы. Вас-то родители научили здороваться!» *Желачек, 2010.*

ЖЕЛАЧКО́Й[2]. **1**. *Такой, который относится к деревне Желачек* (*ср.* жела́ченский). Пригнали солдат, и солдаты раскапывали все могилы и перезахоронения делали вот на **желачко́м** кладбище. *Межа, 2011.* **2**. *Житель дер. Желачек.* Мы здесь пасли своё стадо. Мы с **желачки́м**, с тоньски́м не были вместе. У нас своё стадо, у них своё. Здесь пастухи, и там пастухи были свои. *Межа, 2009.* Жители деревень: межовски́е, **желачки́е**, тоня́не. *Желачек, 2010.* Межовски́е хоронили на другом кладбище, а **желачки́е** — на этом кладбище, где белая церковь, только там разгорожено — где к церкви <православные>, а где староверы. *Желачек, 2011.* Мы здесь <= в дер. Межа> пасли своё стадо. Мы с **желачки́м**, с тоньски́м не были вместе. У нас своё стадо, у них своё. *Межа, 2009.* Мы говорили:

---

1 Эст. *saareküla* — островная деревня.

2 Ср.: **ЖЕЛА́ЧКИЙ**. **Желачки́е По́жни**. *Название лугов около деревни Желачек. Эст., Желачек* [ПОС 10: 180].

межовски́е дивны́е <= странные>, а они говорили — **желачки́е** дивны́е. *Желачек, 2012.* Наши межовски́е <и> **желачки́е** никогда не дружили. Межовски́е отдельно были, **желачки́е** отдельно. Это испокон веков всё так было. Ну, когда только **желачки́е** взяли в жёны межовски́х женщин, девок, тогда как-то родня стала, родниться, в гости ходить. А так не, так они жили своим племенем здесь в деревне, в Жела́чеке. Поэтому их и назвали дивны́е. *Межа, 2012.*

ЗАБО́Й. *Камни, сложенные вдоль берега для его укрепления.* Гряду камней положили, где Попо́в колодец — **забо́й** называли — укрепляли берег. *Межа, 2011.* А там как раз ещё был с <Улитиной> горы — **забо́й** назывался. Чтоб вода не подмывала ба — такие булыжники накладено. Не раз и носы разбито, так в этакий **забо́й** как пустишь на санках или на чём… *Межа, 2009.* И вот эти камни, что вдоль берега лежат. Это тоже всё возили на лодках с материка откуда-то. Это была работа — возили, за это платили. Так вот эти камни, они выложены туда, почти до Эстонского краю берег выложен, только где-то они лежат, а где-то они уходят <под землю>. *Желачек, 2011.*

ЗАЛЕ́ССКИ. *Прозвище жителей, живущих за лесом.* Тех жы́телей **зале́ски** называ́ют, ани́ за ле́сам жыву́т. *Межа, 1960* [*Пурицкая 2012: 78*].

ЗА́ПА́ХА[1] Ⓚ *Участок берега между деревнями Желачек и Тони.* Ад дире́вни к Таня́м камышы́, называ́ется **Запа́ха**, камышы́ там расту́т, с се́вера. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 78*]. **За́паха** — от слова «за пазуху». Это где вот сейчас пограничники стоят, вот на север маленький такой как заливчик. В **За́паху** проедем, лодку поставим, что там волны нет, когда прибой, или выметать — сетку поставим, а запа́с куда? Съездим в **За́паху** — для себя попадёт там рыбы. А **За́паха** — слово «за пазухой», то есть спря́тать, что волн там нету, ветра там нету. *Межа, 2012.*

ЗАРУБЕ́Ж[2]. *Прибрежные деревни Западного Причудья.* Мы не спросили никогда, откуда наш дедка? Бабка оттуда, с **зарубежа́** — с Казепели. *Межа, 2009.*

ЗАРУБЕ́ЖИЦА. *Жители деревень Западного Причудья,* зарубежа́ (*ср.* по́бережь). Там **зарубе́жица** вся продает лук. *Желачек, 2011.*

ЗАРУБЕ́ЖСКИЙ[3]. *Такой, который из прибрежных деревень,* зарубежа́ (*см.*). **Зарубе́жские** ко́ни <= прозвище жителей дер. Кольки> приехали на Петров день. *Желачек, 2011.* Раньше приезжало сюда на Петров день очень много народа.

---

[1] Ср.: **ЗАПА́ХА**. *Название участка берега острова Пирисари между деревнями Желачек и Тони.* Ад дире́вни г Таня́м с се́вира камы́шы. Называющца Запа́ха. *Эст. Желачек* [ПОС 12: 28].

[2] Ср.: **ЗАРУБЕ́Ж**. 1. *Граница государства и прилегающая к ней чужая территория.* < … > Вороньа́, Ка́зопель, мно́го дереве́нь, по-просто́му называ́ецца зарубе́ш, туда́ старообря́цы убега́ли. *Эст., Желачек.* 2. *Название жителей Петроградской и Псковской губерний Лифляндского побережья. Кузнецов.* [ПОС 12: 99].

[3] Ср.: **ЗАРУБЕЖСКИЙ**. *Живущий за рубежом, границей* (*Псковской республики*). < … > Куплено на торгу двести драниц двусаженные с локтем у зарубесских чюхнов. *Кн. прих.-расх. пск. Печ. м., 91 об., 1674–1675 гг.* [ПОС 12: 99].

По́бережь **зарубе́сская**, как называется, вся приезжала на моторах. С города пароход полный придёт. И с Ме́рапалу молодёжь приедет. Был праздник! А то-пе́ря того нет, это только вспомянуть можно. Все везде устаре́ли. *Межа, 2011.*

ЗИМНЯ́К. *Юго-восточный ветер.* Мокри́к — западный ветер, се́вер — северный ветер, **зимня́к** — юго-восточный ветер, с его всягда́ холод и снег. *ПРСР, 2004* [*СГСЭ 2008: 62*].

ЗРУ́БЬЕ: **СЕ́ВЕРИЦКОЕ ЗРУ́БЬЕ**, **ТЕПЛИ́ЦКОЕ ЗРУ́БЬЕ**. *Рельеф озерного дна: место резкого перехода от мели к глубине* (*ср.* Гребню́к, гри́ва, свал). **Зру́бья** — это от Пи́рисара на север и тут вот на юг выйти. Идёт мелкая вода вот так от берега и — обрыв, пошло в глубину. Это вот называется **зру́бье**. Правильно — это свал. А у нас между собой так, что «ах, на **се́верицком зру́бье**» или «на **тяпли́цком зру́бье**». *Желачек, 2009.* **Зру́бья**. Вот это берег, вы пошли купаться: вот здесь мелко — здесь полметра воды, ухо́дите дальше — полтора метра воды, ещё дальше — таким перепадом глубина. И когда отошли, всё, последнее — там пошла глубина уже четыре-пять метров. И вот это место называется **зру́бье**. **Се́верицкое зру́бье**… **Тепли́цкое** <зрубье> — <где> Тёплое озеро, возле самого берега. **Тепли́цкое зру́бье** — это вот оконечность, восточная часть острова, от Жела́чека. *Межа, 2012.*

КАБА́К Ⓚ *Место на берегу в дер. Межа.* **Каба́к** — это где я живу. А там был построен дом, и не трактир называли, а кабак. В трактир — это с ночлегом, а кабак — только выпить, там ночлега не давали. Это в эстонское время, конечно. Он до войны там был. **Каба́к** — это назывался берег, где я живу. А он узкий такой, может, пятьдесят метров. «А где Филимон живёт?» — «Да на **Кабаку́**». *Межа, 2012.* На **Кабаку́**, лодка пристала на **Каба́к**. *Межа, 2011.* А: Вот эта гора, где ёлки растут, здесь кабак был большой, а вот теперь ничего нету. Б: Рассказывали, что очень большой был кабак. Это мы не помним даже, это всё было до нас. Но наши родители-то вот рассказывали[1]. *Межа, 2009.*

КАНА́ВА Ⓚ *Частично судоходный канал, прорытый через остров* (*с юга на север*). Только вот уже после войны сделали копалки такие, проход вот копали. Сейчас это всё прокопано и там ворота́, и здесь эта вот **кана́ва**, вот которая идёт отсуда на выход у озера. Сперва была узкая канавка, такая что чуть там в лодочке проехать в такой маленькой, а потом правительство там ряши́ли, что там мучаться, туды вот переезжать на парусах и привяли копалку. *Желачек, 2004.* И туда обжима́ли э́таку тросту́, и вот лодкам <везли>. А вот по этаким речкам — это теперь **кана́ва** <такая широкая>, говорим, что вот наша речка выкопана, — а то узкие были. Так берёшь, на вёслах едешь, то какой-то парусо́к поставлено, вот с тросто́й и <едешь>. И ракиту́ так водили на санках. А как подъезжаешь только в **кана́ву**, тогда выходишь: один сидит на кормы́, вясло́м рулит, а здесь вярёвка и до самого дома и тянешь эту лодку. *Межа, 2009.* Здесь возле

---

[1] Возраст говорящих: респонденту А на момент записи 72 года (1937 г.р.), Б — 77 лет (1932 г.р.).

дома, вот здесь коров пасли, здесь горушки такие есть. А межовски́е, они, помоему, через **кана́ву** <пасли>. *Желачек, 2011.*

КО́ЛГИН БЕ́РЕГ Ⓚ *Участок берега на северо-восточной оконечности острова* (*напротив православного храма*, бе́лой це́ркви). **Ко́лгин бе́рег**, Попо́в колодец там же: посреди двора стоял, там жил поп, остался только колодец. *Межа, 2011.* **Ко́лгин бе́рег** — рядом <с Улитиной горой>. Только что Ули́тина гора, допустим, здесь, а **Ко́лгин бе́рег** — вот linnutorn[1], правее, как вот ставите на север, правее. От linnutorn буквально пятнадцать–двадцать метров <Улитина гора>. Они <Колгин берег и Улитина гора> рядом, там буквально сто метров, может быть. *Межа, 2012.*

КОНЬ. *Прозвище жителей* (*мужчин*) *причудских деревень.* Вороне́йский **конь**, а Пийрисарский — ворона [*Рукопись 3*]. Никита То́ропов — **конь** ко́лецкий. *Желачек, 2011.* Зарубе́жские **ко́ни** приехали на Петров день. *Желачек, 2011.* **Ко́ни** ко́лецкие с воро́нами — пирисарские — дрались. *Желачек, 2011.*

КОСТРИ́ЩЕ[2] Ⓚ **1**. *Часть берега за дер. Желачек.* **Кастри́шше**, там был сухо́й край, на́волок, там ста́вили дро́вы, купцы́ дро́вы станави́ли. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 79*]. Там кончается эта деревня-то <Желачек>, и там вперёд идёт берег — тростник и всё. Так вот там и называется **Костри́ще**. Там сейчас лодки пристают. *Желачек, 2011.* **Костри́ще** — последние дома в Ма́леньком Жела́чеке. Туда дрова привозили, пилили, в костры́ складывали. **Kastri majad**[3] — смыло дома, которые были на **Костри́ще**. *Желачек, 2011.* **Костри́ще**: вот Жела́чек здесь, вот **Костри́ще** здесь, и Бычо́к вот здесь попро́меж <= между Кострищем и Манькой>. И тут тогда Ма́нька пойдёт. *Межа, 2012.* **2**. *Часть озера вдоль этого берега.* Куда вы <сетки> ставили? На Гребню́к, или на **Костри́ще**, или на Бычки́, или в перешейке Ку́рмы, или где? *Желачек, 2010.* Такие слади́мые <= сладкие> были — корни от тросты́, <ели их>, называли «пряниками». На Бычо́к и на **Костри́ще** (там деревня <когда-то> была) выезжали за ними. *Желачек, 2011.*

КРАЙ. *Удаленная или расположенная на периферии часть деревни* (*ср.* дере́вня, больша́я дере́вня; *см.* Эсто́нский край). Фундаме́нт только <от дома после войны> остался. А после войны он решил с деревни уйти, что в деревне ему не нравилось, и на **край**. Пустая земля бы́ла, ничейная. *Межа, 2011.*

КУ́РМА Ⓚ (эст. *Kurm* от диал. *kurm* 'заводь; отдаленный край'). **1**. *Залив на северо-западной оконечности острова.* **Ку́рма** — там в нас пло́тку ловили. Полина́р Иваныч — у него там комнатка, шалашик был, что приезжать. *Желачек, 2009.*

---

[1] Эст. *linnutorn* — смотровая вышка для наблюдения за птицами.

[2] Ср.: **Костри́ще**. <...> в) *Название части берега острова Пирисаре за деревней Желачек.* Кастри́ще, там был сухо́й край — на́волок, там купцы́ драва́ станави́ли, дере́вня пакупа́ла. *Эст., Желачек* [ПОС 15: 336].

[3] Эст. *majad* — дома́.

Куда вы <сетки> ставили? На Гребню́к, или на Костри́ще, или на Бычки́, или в перешейке **Ку́рмы**, или где? *Желачек, 2010.* **2**. *Местность вокруг залива.* Покосы шага́м вы́меряно, и делют. Уйдут размерют, ветки поставят, номера поставят, и тогда скопля́ется весь остров, номера в шапку ки́нуто: ну, тащи номер, какой тебе. И тогда уже говорят: «Ага, мне в **Ку́рмы**, мне в Ти́галахты, мне там на Го́лом берягу́ пожня досталася». Идёшь свою и косишь. *Межа, 2009.* У нас как раз поко́с там был. Как раз межовски́е пожни в са́мой **Ку́рмы**. *Желачек, 2009.* А ведь там в **Ку́рме** есть вот когда тро́сты и как то́пи там такие. Я тоже один раз в эту топь забралась и чуть не утонула. Испугалась, выползла всё-таки. *Желачек, 2009.* ◊ **В КУ́РМУ, ГДЕ БЕ́СИ ТУ́РНУ**. *Очень далеко. Выражение, в котором отражено удалённое от жилой части острова положение залива и прилегающей местности.* А вот Ку́рма-то, я помню, пожня <там> досталась, и всё мама говорила папы: «Ну, опять ты **в Ку́рму** пошёл, **где бе́си ту́рну**!» А что это — «**в Ку́рму, где бе́си ту́рну**» было, не знаю. *Желачек, 2009.*

КУ́РМАНСКОЕ ОЗЁРКО Ⓚ *Залив* Ку́рма (эст. *Kurm*). А здесь Ку́рма. <Это заливчик?> Да. Там Ку́рма — это слово общее, там вся <окружающая местность так называется>. А здесь вот этот заливчик — это **Ку́рманское озёрко**. Не озеро, а озёрко. *Межа, 2012.*

ЛЁД: *см.* снегово́й лёд, чёрный лёд, ши́листый лёд, *а также* до́нница-2, поро́га, рубе́ц, суво́й.

ЛЯДИ́НА Ⓚ *Лесистый участок местности между деревнями Тони и Межа*[1]. **Ляди́на** — вот как вы идёте с нашей конторы <= здания волостной управы в дер. Тони> до белой церкви, направо и налево <от дороги> — вот это сплошная **Ляди́на** была. Вот это место и называлось **Ляди́на**. В нас, насколько я помню, пацанёнком был и в школу ходил, <говорили>: «Куда пойдём?» — «В **Ляди́ну**». *Межа, 2012.* Это, може, и сто лет обратно, рассказывали, что, когда сильная волна была, большая вода, отбивало остров. И вот в этой **Ляди́ны** было очень много деревьев. Они их пилили, старики, и заграждали берег. *Межа, 2009.*

МА́ЛЕНЬКИЙ БЫЧО́К Ⓚ *См.* Бычо́к.

МА́ЛЕНЬКИЙ ЖЕЛА́ЧЕК Ⓚ *Южная часть деревни Желачек, расположенная несколько в стороне от основной деревни.* Этот **Ма́ленький Жела́чек** — вот здесь Жела́чек, Саарекюла, а там — Вяйке[2] Саарекюла <= Маленький Желачек>. Там пять домов — и это было Вяйке Саарекюла. Вот это <здесь> больша́я дере́вня. *Межа, 2012.* Костри́ще — последние дома в **Ма́леньком Же-**

---

[1] В примере, приведенном в «Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики», где за эстонскую часть отвечала Т. Ф. Мурникова, по-видимому, также говорится о Пийриссааре: *Посерёд острова така́ небольша́* ***ляди́на****, тама ране лес бывши, а topе́ря тольки кой-где дерявинины расту́* [МРСГП 1963: 149].

[2] Эст. *väike* — маленький.

ла́чеке. Туда дрова привозили, пилили, в костры́ складывали. *Желачек, 2011.* И чтобы в темноте попасть в фарватер, это ство́ра в ство́ру вгонять — называлось ство́ры <см.>. Она на **Жела́чеке** в кустах даже там на **Ма́леньком** ещё чуть-чуть видать — старая. *Межа, 2012.*

МА́НЬКА[1] Ⓚ *Мыс на юго-восточной оконечности озера.* Это всё Бычо́к. Здесь есть Ма́ленький Бычо́к и Большо́й Бычо́к. **Ма́нька** <показывает на карте соседний мысок>. Здесь каждые чуть ли не пятьдесят метров какое-то название. *Желачек, 2011.* Пя́пино — <если> вы выезжаете сейчас с канала, и, как выехали только с канала вон уже в озеро, на праву руку это и есть угол — Пя́пино. Налево буде **Ма́нька**, а это — Пя́пино. *Межа, 2012.*

МЕДВЕ́ЖИЙ РУЧЕ́Й Ⓚ *Ручей, расположенный южнее дер. Желачек.* Костри́ше, и сразу за Костри́шем **Медве́жий руче́й**. **Медве́жий руче́й** — там раньше было не перейти, там бункер, не знаю чей, Воло́дихин бункер аль чей. *Желачек, 2011.*

МЕЖА́-1 Ⓚ (эст. *Piiri*[2]). **1.** *Самая северная деревня острова* (*а также старое название острова в целом*[3]). Название нашим деревням: **Мяжа́**, потому что на мяжи́ стоит, То́ни — значит тоня́, а Желачек — ну, это Saareküla по-эстонски [*Пийриссаар, 1964* (*П64 / П3*), *стр. 14*]. Пийр, иль мяжа́, — граница. Приехали начальники, убирают изгородь на **Мяжи́** — столбы были копаны. За ето яна́ и **Межа́** [*Пийриссаар, 1969* (*П69 / П10*), *стр. 49*]. Где праход пристаё, там **Межа́**. *Желачек, 2011.* Она на Тоня́х, а дочь живёт на **Меже́**. *Желачек, 2009.* **2.** *Жители деревни Межа.* **Межа́** с Желачеком на кольях дрались — молодые, кура́жливые были. *Желачек, 2010.*

МЕЖА́-2[4] Ⓚ (эст. *Meesä*). *Место в южном устье канала.* Здесь есть Ма́ленький Бычо́к и Большо́й Бычо́к. <Тут> Ма́нька. Здесь каждые чуть ли не пятьдесят метров какое-то название. <Обводит по карте южный берег острова, двигаясь с востока на запад:> Ма́нька, **Межа́**, здесь Пя́пино, Разре́з, тут Го́лый берег. *Желачек, 2011.*

МЕЖОВСКО́Й[5]. **1**. *Такой, который относится к дер. Межа.* Поплыли попа́дьи **межовские́** грамоте учиться! *Желачек, 2011.* **2**. *Житель деревни Межа.* Здесь

---

1 Ср.: **МА́НЬКА**[4]. *Название части восточного берега о. Пирисаре за Ромашихиным озерком. Эст., Желачек* [ПОС 18: 12].

2 От эст. *piir* — граница.

3 Ср.: **Межа́**. *Название острова Пирисааре.* Грани́шный о́стров, и Межо́й называ́ли и Пилисар. *Гд.* Межа́ называ́еццъ [об острове Пирисааре]: стои́т столп пяти́ гъсуда́рстф — Курля́ндия, Лифля́ндия, Эстля́ндия, Петербу́ргская и Пскоф. *Гд.* [ПОС 18: 105].

4 Ср.: **Межа́**. *Название залива у канала по направлению к пристани на острове Пирисааре. Эст., Желачек* [ПОС 18: 105–106].

5 Ср.: **МЕЖО́ВСКИЙ**: **Межо́вская по́жня**. *Название луга около дер. Межа.* Бу́диш тава́ришка на Межо́фскую по́жню? Ходи́ла коси́ть. *Эст., Желачек* [ПОС 18: 122].

пасли коров, тут гору́шки такие есть. А **межовски́е** — они вот где-то через канаву здесь пасли. *Желачек, 2011*. Жители деревень: **межовски́е**, желачки́е, тоня́не. *Желачек, 2010*. **Межовски́е** хоронили на другом кладбище, а желачки́е — на этом кладбище, где белая церковь, только там разгорожено — где к церкви <православные>, а где староверы. *Желачек, 2011*. Мы говорили: **межовски́е** дивны́е <= странные>, а они говорили — желачки́е дивны́е. *Желачек, 2012*. Наши **межовски́е** <и> желачки́е никогда не дружили. **Межовски́е** отдельно были, желачки́е отдельно. Это испокон веков всё так было. Ну, когда только желачки́е взяли в жёны **межовски́х** женщин, девок, тогда как-то родня стала, родниться, в гости ходить. А так не, так они жили своим племенем здесь в деревне, в Жела́чеке. Поэтому их и назвали дивны́е. *Межа, 2012*.

МЕЖО́ВСКА́ КАНА́ВА Ⓚ *Часть пересекающего остров канала от порта до северной оконечности острова*. Там **Межо́фска кана́ва**, там тепе́рича парахо́т хо́ди. Испре́жнасти Горде́ева кана́ва, тепе́рь заро́шшы, поми́мо по́жни и <о>горо́дов за Жэла́чек туды́. *Межа, 1960* [*Пурицкая 2012: 79*]. **Межовска́ кана́ва** — вот это и есть, которая от большой, сейчас са́дам[1] где, паром пристаёт, и строго на север. Вот эта ма́ленька. Это кусок от рыбпункта и на север, она узкая. *Межа, 2012*.

МОКРИ́К. *Юго-западный ветер, приносящий дождь*. **Мокри́к** — юго-западный ветер, с моря приносит дождь. *Желачек, 2009*. Тепли́к — южный ветер, **мокри́к** — юго-западный, с дождём, полу́денник — тоже южный. *Пийриссаар, 2008* [*СГСЭ 2008: 119*]. **Мокри́к** — южный ветер, с юга; западный — с Вороньи; полу́денный — ото Пскова; се́вер — самый страшный, как дюжо́й <= если сильный>, а если не дюжо́й, то рыбу гонит. *Пийриссаар, 2004* [*СГСЭ 2008: 119*].

МОХ Ⓚ *Моховое болото, поросшее невысокими деревьями*. **Мох** — где клюква растёт, это болото. У нас в лес куда пошли? «Пошли в **мох** за клюквой». Это конкретное место <на острове>, вот западное — здесь примерно **мох**. У нас ольховый лес называют олешню́к: «Через олешню́к пойдём в **мох**». *Межа, 2012*. Вон туда, где вы приезжаете в канавы-то, то вот туда, от <рыб>пункта вправо надо в **мох** идти по кло́чьям <= кочкам>. Кло́чьи выросши таки́, вязко — надо не по гладкому <идти>. В нас нет **мха** брусничного. Да там и **мох**-то небольшой в нас. *Межа, 2011*. Тут от теперь всё заросло лесом, а то тут было всё вычишшено. И сенокосы, были таки́ сенокосы — дяли́ли каждому по участку, чтобы набрать на корову. Косой косили, тут же **мох**, не вберёсся <= не попадешь иначе, как пешком>. Так это раньше не было этой техники, всё коса́м косили. *Желачек, 2009*. По́жня — это там, где сено косют. Скажем, на **мху́**. На лугу — нет, а на **мху́**. Это называется по́жня. На лугу — это лугово́е сено. *Желачек, 2009*.

---

1 Эст. *sadam* — порт, пристань.

НАВОЛО́К. *Намывная полоса прибоя, а также прилегающее к ней место в озере.* «Где зако́л поставлен?» — «Да вот в Ку́рмы там, на **наволо́ке** поставили мы там заколы». Всё ешо помнится, так знаешь. <Наволок> — это так огибает, вот троста́, и как раз к озеру сюда, аль к этым, к берегу, вот это **наволо́к** называем. Как старики называли, так и мы. *Межа, 2009.*

ОЛЕШНЮ́К Ⓚ *Ольховая роща.* У нас ольховый лес называют **олешню́к**: «Через **олешню́к** пойдём в мох». *Межа, 2012.*

ОСТРОВСКО́Й. *Житель острова.* А они тут **островски́е**, у них свои дома, и яны́ живут там, где живут. *Желачек, 2009.*

ПАНКРУ́ХИН ДОМ / **ПАНКРУ́ХИНЫ** Ⓚ *Дом в дер. Тони, в котором после войны жил фельдшер по фамилии Панкрухин.* Ещё шишкам яго́ (самовар) греть можно, шишки у **Панкру́хина дома** собрать [*Пийриссаар, 1969* (*П69 / П10*), *стр. 21*]. **Панкру́хин дом** — фельдшерский домик. *Желачек, 2009.* В клубе всегда было столько народу! Клуб — это, знаете, напро́ти **Панкру́хиных**. *Желачек, 2009.* Панкру́хин приехал после войны, ну и сколько он… Наверное, лет сорок был фельдшером. Он приехал, — я помню, ещё пацанёнком маленьким был, — в офицерской шинели. Значит, это не так уж далеко от войны они прибыли на Пи́рисар. И Панкрухина Лидия — это была, по-моему, медсестра. Он её оттуда привёз. Они там познакомились, ну и привёз. Он умер в Таллинне, дети увезли. Здесь он очень болел уже, и тогда увезли и всё. Но он бессменный здесь был. Он сам практиковался, сам учил и книги изучал. Он был и ветеринар одновременно. Я смеялся в своё время, что он одной и той же иглой и скотину колол, и <людей>. *Межа, 2012.*

ПАНКРУ́ХИН(ОВ) КОЛО́ДЕЦ Ⓚ *Колодец около* Панкру́хина до́ма (*см.*). А: А в Филимона разве естя колодец? Б: Конечно, есть колодец, только воду они оттуда не берут, питьевую воду берут — Филимон ездит на **Панкру́хинов колодец** за водой. *Желачек, 2011.*

ПА́ТОЧИНА. *Вязкое, топкое место.* Вот где То́ни, здесь примерно сто или двести метров — здесь были, в то время называли, **па́точины**. **Па́точины** — это такое место, где выходит вода из сенокоса в канаву. Это **па́точина**, это работа бы́ла рук людей сначала, а после её размывало. Так вот когда коровы в поле ходили, всегда наши женщины говорили так: «Ой, бедная корова завязла в **па́точины**». То есть оно вязко место. *Межа, 2011.*

ПЕРЕ́СИПА / **ПЕРЕ́СЬЯ**. *Песчаная отмель в озере, намытая водой параллельно береговой полосе.* <Что такое пересипы?> **Пере́сипа** — ага, правильно, вот и тут тоже… Зру́бья — это вот туда дальше, скажем, четыреста метров от берега. А вот от зру́бья <до берега>— в нас тут пясо́к кругом везде — идут **пере́сипы**. Это вот так: песок — он не ровный, как доска, а вот именно вот таким горкам. Вот это и есть **пере́сипы**. И они расположены параллельно берегу. Волна это делает вот такие **пере́сипы**. Вот на севере там, то не одна <пересипа>, всё рав-

но, там хоть короткое расстояние (с этой стороны с восточной здесь побольше расстояния, здесь по четыре так, наверное, будет), а на севере две <пересипы>. По одной **пере́сипы** нет нигде. Это природа сама всё строит. *Желачек, 2009.* Гри́ва. Ну, мужчины знают, где гри́ва. Вот такие гри́вы, что где больше рыбы ловится. В озере такие гривы естя. <А пересипы называли?> И **пере́сьи** тоже наз<ывали>. Гривы и **пере́сьи**. **Пере́сьи** — это где мелче. Знаю, что **пере́сьи** и гри́ва в озере естя, а как называются, это рыбаки знают. *Желачек, 2009.*

ПО́БЕРЕЖЬ. *Жители русских деревень Западного Причудья*[1] (*ср.* зарубе́жица). Раньше приезжало сюда на Петров день очень много народа. **По́бережь** зарубе́сская, как называется, вся приезжала на моторах. С города пароход полный придёт. И с Ме́рапалу молодёжь приедет. Был праздник! А топе́ря того нет, это только вспомянуть можно. Все везде устарели. *Межа, 2011.*

ПОВЕ́ТЕРЬЕ. *Попутный ветер.* **Пове́терье** — это когда ты едешь и тебе ветер дует, как оно тебе надо. И ты едешь как **пове́терье**, по ветру едешь. *Желачек, 2011.* ◊ **ЖДИ У МО́РЯ ПОВЕ́ТЕРЬЯ / ВЕ́ТРА** [Рукопись 1]. *Ждать на берегу подходящей погоды и под этим предлогом не выходить в озеро на ловлю.* Это <жди> хорошей-хорошей погоды. А рыбаки, например, сидят и ждут: северный ветер пойдёт, будет нава́лье <= большой улов>. А если другой, то нет. Так вот говорят: «Сиди-сиди, не лови рыбу, **жди у моря ветра**». А ведь можно просидеть всё лето и весну — когда какой год. *Желачек, 2010.*

ПОЛУ́ДЕННИК / ПОЛУ́ДЕННЫЙ ВЕ́ТЕР / ПОЛУДЁННЫЙ ВЕ́ТЕР. *Южный ветер*[2]. **Полу́денник** — это южный ветер. **Полу́денник**, потому что солнце полдня. Но это редко называли, а так — южный и южный. *Пийриссаар, 2004* [*СГСЭ 2008: 119*]. Тепли́к — южный ветер, мокри́к — юго-западный, с дождём, **полу́денник** — тоже южный. *Пийриссаар, 2008* [*СГСЭ 2008: 119*]. Мокри́к — южный ветер, с юга; западный — с Вороньи́; **полу́денный** — ото Пскова; се́вер — самый страшный, как дюжо́й <= если сильный>, а если не дюжо́й, то рыбу гонит. *Пийриссаар, 2004* [*СГСЭ 2008: 119*].

ПОПЕЛИ́ЩЕ. *Место, где когда-то стоял дом.* Вот йихний дом был где **попели́ще**, вот туда. <…> **Попели́ще** — вот где разбяру́т дом, иль сгорит дом, это участок остаётся. Мы всё **попяли́щем** называем. *Межа, 2009.*

ПОПЕРЕЧЕ́НЬ. *Ветер, дующий поперек озера.* Паперяче́нь, ве́тер называ́ецца, паперёк о́зера ду́ет. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 81*].

---

[1] Ср. в говорах Западного Причудья: Ета вся **по́бережь** так и засяли́лась. С.КЗПЛ., 2005. Здесь вся русская **по́бережь**. ВРН., 2003. Вся **по́бережь** съезжались туды. ПРСР., 2004. Это в нас вот эта вся **по́бережь** <растили и возили> — только лук, морковка, свекла. КЛК., 2005 [СГСЭ 2008: 114].

[2] В статье Е. В. Пурицкой содержится пример, в котором словосочетание *полуденный ветер* использовано в другом значении: ***Паладённый ве́тер**, как по́лдень, со́нцэ стаи́т в двена́ццать часо́ф, э́та ве́тир ра́зных направле́ний* (Желачек, 1960) [Пурицкая 2012: 81].

ПОПО́В КОЛО́ДЕЦ Ⓚ *Колодец с журавлем на окраине деревни Межа.* Ко́лгин берег, **Попо́в коло́дец** там же: посреди двора стоял, там жил поп, остался только колодец. *Межа, 2011.* У нас вода в комнате, провядёна. У нас и машина куплена — несколько сяме́й провели воду. А так с колодца водили. <…> Не в каждого, но поблизости всё были колодцы так. <…> Раньше срубы делали — как в домах срубы, так и в колодцах. А теперь-то нынче круги пускают. <Раньше воду поднимали> — такой журавль. Поставят кол такой, разрез кверьху, потом бревно туда суют и тягают. Привяжут там к концу что тяжёлое — и тягают. <…> **Попо́в коло́дец** — там поп жил, вот он и называется **Попо́в коло́дец**. Мы туда ходили — чай греть — за той водой. Там поп жил, и в его в усадьбы был этот колодец. Потом его водой так подмыло, что и попо́вий дом смыло. И вот так остался этот колодец до сих пор. Там вода, как сказать, ключева́я. *Межа, 2011. А*: Как волна придёт, так кусок земли отбивало. Там попы жили, — оста́вши **Попо́в коло́дец** только, — и попов сбило тогда. *Б*: Тёта-покойница рассказывала, у них там было, по-теперешнему объяснить — хутор был, и огорожено было как досками. И колодец этот был во дворе. Как попы жили — во дворе колодец был, и байня там, и всё — семья жи́ла. И с утра и до скольки часов, я не помню, скажем, до вечера, вороты были открыто. Люди на колодец за водой вначале ходили. И тогда вечером, во сколько часов, они закрывали эти ворота. Люди старались воды забрать вот это время, пока ворота открыто. *Межа, 2009.* А самый хороший колодец, весь остров наш пьёт, наша деревня-то, Межа, — против церьквы. Назывался **Попо́в коло́дец**. Там са́ма хороша вода, ключевая. На чай и на всё. Ну, а теперь там тоже мало бяру́т воду с то́го колодца, а ездят туда, к белому дому-то. <…> **Попо́в коло́дец** возле церьквы, это и называется, шчо, когда эта церьковь построена, поп жил. И колодец, говори, в саду был ижно, только остров подмывши из старины. Это как я слышала от старых глубоких людей, и ён в саду, а этакая попа́дья не хотела, шчо люди ижно ходят на колодец за водой, так, говоря, и замок вешала. Но всё равно знали люди, что там была хорошая вода, ключевая. *Межа, 2011.*

ПО́РКА Ⓚ (= Боро́к, *см.*). *Полуостров на северо-западной оконечности острова, а также старое название острова.* Старинное название острова — **По́рка**, сюда жители прибегали с России при царе Алексее, при Никоне [*Пийриссаар, 1964* (*П64 / П3*), *стр. 11*]. **По́рка** — это в нас говорили ста-арые эстонцы, а их давно нет. Это немецкое название, но говорят, что и шведское. *Межа, 2012.*

ПОРО́ГА. *Расщелина, трещина во льду* (*ср.* рубе́ц). Паро́га называ́ют тре́шшыны, кага́ лёт разашо́ццы, взбу́чится лёт. *Желачек* [*Пурицкая 2012: 81*].

ПРИ́МЕТА. *Способ найти в озере поставленные сети или рыбное место: рыбаки, находясь в озере, примечают себе какой-либо ориентир на берегу и при следующем выходе в озеро стараются восстановить его расположение.* Иной раз мы две тони́ <два захода с неводом делали>, а другой раз и обеи лодки <за один раз> наберёшь — от одной тони́ две полные лодки, и к дому. А как только онна́я <лод-

ка>, так только приехал, и **при́мету** сделал к берегу, ну где ты кончил, **при́мету** сделаешь, приедешь опять на это место, так это **при́мету** подгонишь, так сразу кладёшь тоню́, и рыбу полна. *Желачек, 2004*. А: Где вы сети ставили? Б: Я вам сейчас точные **при́меты** дам. *Желачек, 2010*.

ПЯ́ПИНО Ⓚ *Выступ берега на запад от входа в канал, пересекающий остров*. **Пя́пино** — <если> вы выезжаете сейчас с канала, и, как выехали только с канала вон уже в озеро, на праву руку это и есть угол — **Пя́пино**. Налево буде Ма́нька, а это — **Пя́пино**. *Межа, 2012*.

РАЗРЕ́З Ⓚ *Участок берега на южной оконечности острова*. Вот здесь тогда <на запад от Пяпино> будет **Разре́з**, название в рыбаках. *Межа, 2012*.

РОГ Ⓚ *Выступающая в озеро мель в районе дер. Тони*. Есть и Глыбо́кий Рог, есть **Рог**. Вот это **Рог**: Саарекюла <= Желачек>, и вот от Саарекюла про́ти Тоне́й тростник, как вы идите на́ берег, вот видите — там тростник такой, этот и есть **Рог**. Это называется **на Рогу́**. А вот Глубокий Рог — это уже здесь к России, в этом месте. Глубокий Рог сейчас в российских водах, в русских водах. **Рог**, это слово <называет> географическое не расположение, а форма: допустим, мели́, там намыло песка, и он как бы как **рог** оказался. И поэтому когда-то у них и названо в стариках иль в кого — **Рог**. Почему здесь Глубокий Рог названо, потому что глубина здесь большая, <а> здесь мелко. Но форма одинаковая. *Межа, 2012*. Здесь камыш, камыш такой, называется Се́верицкая троста́, это называется — **Рог**. *Желачек, 2011*.

РУБЕ́Ц. *Трещина во льду* (*ср*. поро́га). А как вясно́й едешь — всё вот таки́ **рубцы́** — расходятся. Ловил <муж> вот там на Желачеке, с брательником, с двоюронным. Пришёл: «Не знаю, убирать <сети>, не убирать, там горазд **рубе́ц** такой, шчо ты скажешь?» <…> **Рубе́ц** — така́ полынья. Вот таки́ **рубцы́** — разорвёт лёд. *Межа, 2009*.

РУ́ССКИЙ БЕ́РЕГ. *Восточный, российский берег Чудского озера*. А кормщик правил по́тесью <= весло, которым правит кормчий>, коли тяпли́к, подъезжаем под **ру́ськи бе́рег** и бяжи́м около берега [*Пийриссаар, 1964* (*П64 / П3*), *стр*. 33]. Значит вот это канава <показывает на карте>, здесь будет **ру́сский бе́рег**, так вот он полкило́метра отсюда, вот здесь Гребню́к. *Межа, 2012*.

СВАЛ. *Рельеф озерного дна: резкий переход от мели к глубине* (*ср*. Гребню́к, гри́ва, зру́бье). Зру́бья — это от Пи́рисара на север, и тут вот на юг выйти. Идёт мелкая вода вот так от берега и — обрыв, пошло в глубину. Это вот называется зру́бье. Правильно — это **свал**. *Желачек, 2009*.

СЕ́ВЕР / СЕ́ВЕРНЫЙ ВЕ́ТЕР. *Северный ветер*. А южный — это тяпли́к, это тёплый ветер приходит, воздух приносит тёплый. А се́вер — он и есть **се́вер** так. <На рыбу> это тоже влияет. *Желачек, 2009*. Мокри́к — южный ветер, с юга; западный — с Вороньи́; полу́денный — ото Пскова; **се́вер** — самый страшный, как дюжо́й <= если сильный>, а если не дюжо́й, то рыбу гонит. *Пийрисса-*

ар, 2004 [*СГСЭ 2008: 133*]. Говорили так отцы наши: «Ну, **се́верный ве́тер** пошёл, будет нава́лье <= большой улов>». *Желачек, 2010.*

СЕ́ВЕРИЦКАЯ ТРОСТА́ Ⓚ *Заросли тростника вдоль северного побережья острова.* Здесь камыш, камыш такой, называется **Се́верицкая троста́**, вот это называется — Рог. *Желачек, 2011.*

СЕ́ВЕРИЦКОЕ ЗРУ́БЬЕ. *См.* зру́бье.

СНЕГОВО́Й ЛЁД. *Лед, который возникает при подтаивании и последующем смерзании лежащего на льду снега* (*?*). Во льду весной — есть до́нница, <лёд,> по которому можно идти. <…> В основном тёмный лёд, ясный. А вот где **снегово́й лёд** — там долго до́нница держится. <По> **снегово́му льду** — белый такой лёд. А чёрный лёд — это опасная вещь. Так что вот и переходют, так — ага! — где ближе следующая полянка этого белого льда. Вот туда переходишь. Там прямо не идёшь, а пробираешься. И весной уже по одному на озеро не ходят. Несколько человек соберутся, на «Буранах» не ходят, только пешком идут. *Желачек, 2009.*

СТАЧЕ́НЬ. *Прибойный, дующий с озера ветер; восточный ветер.* Стаче́нь — во́сточный ве́тер, прямо́й восто́чный. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 82*]. Север <= северный ветер> — он так и был се́вер; от с этой стороны[1] — **стаче́нь**, прибойный, прямо в берег идёт. *Желачек, 2009.*

СТВОР / СТВО́РА. *Навигационное сооружение, состоящее из двух знаков или башен, сооруженных строго на прямой линии того направления, которое обеспечивает безопасный проход судов между опасностями по искусственному каналу или естественному фарватеру*[2]. **Створ** — эта прахо́т азнача́ет, фана́рь све́тит, штоп парахо́т прахади́л. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 82*]. ◊ **СТВО́РА В СТВО́РУ ВГОНЯ́ТЬ**. *Вести судно таким образом, чтобы совпал свет от створ*[3]. Вот это фарватер, допустим, там стоит большая **ство́ра**, здесь маленькая, и когда поджигали фонари, ну сейчас электричество, раньше керосиновые были, и вот поджигали вечером. И чтобы в темноте попасть в фарватер, это **ство́ра в ство́ру вгоня́ть** — называлось **ство́ры**. Она на Желачеке в кустах даже там на Маленьком ещё чуть-чуть видать — старая. Чтобы зайти точно, это **ство́ра в ство́ру вогна́ть** в темноте, — и ты попадёшь. То есть здесь огни горят. Почему сзади большая, потому что если большая спереди, то заднюю не видать. А нуж-

---

[1] Разговор происходит на территории Маленького Желачека, где прибойный ветер (то есть дующий с озера строго в берег) — это и есть восточный ветер.

[2] Здесь воспроизводится толкование из статьи «Навигационные створы» (веб-ресурс: http://flot.com/publications/books/shelf/alexeev/9.htm).

[3] «Когда мореплаватель идет по оси створа, он видит, что передний створный знак совпадает по вертикали с задним створным знаком. Передний знак закрывает собою задний, оставляя открытой только верхнюю часть последнего. При таком положении знаков (башен) говорят, что они находятся “в створе”» (веб-ресурс: http://flot.com/publications/books/shelf/alexeev/9.htm).

но вогнать так, что маленькую в большую. Вот это **ство́ры** называется. Они стоят при заходе в порт, в канаву. <…> Это в Ла́ксаре. На острове тоже были, но сейчас нет. Сейчас уже по навигатору ходят. А <раньше> на Желачеке стояли и Эсти вя́равад[1] там — нам западной оконечности острова стояли ещё две. В У́хтина стояли, в Ме́рапалу. *Межа, 2012.*

СТО́ГОВ КОЛО́ДЕЦ Ⓚ *Колодец в центре деревни Желачек.* Там был у Сто́говых колодец, возле Сто́говых. Вот моле́нна, и там вот колодец. Там один, наверное, колодец только — **Сто́гов коло́дец**, где в деревне берут воду. Да это вот как перекрёсток, вот столо́п там большой… Там был дом, он сгоре́вши, там Сто́говы жили. <…> Так искали раньше колодец. Это всё был дедушкин метод, и это был самый надёжный. Вот здесь буровую просверлили вот у **Сто́гова коло́дца**, а только что воду оттуда берут мало. Она не совсем <хорошая>. *Желачек, 2011.*

СУВО́Й. *Складка в ледовом покрое.* **Суво́и** — «волны» намерзают во льду, это очень крепкие, хы́льюком[2] наскочишь — мало не покажется. *Тони, 2011.*

СУГО́РОК / СУГО́РОЧЕК. *Пригорок* (*ср.* гору́шка). **Суго́рок** — это горка такая, называется **суго́рок**. Где-нибудь горка, так <говорят> на **суго́рке**. <А в чем разница: горка или сугорок?> Ну это-то никакой разницы нет, може, умные-то люди называют горка, а деревенськие — на **суго́рке**. Он маленькой, да-да-да. Это не большая гора, это **суго́рок** такой. Ну, бывает, земля от какая, а тут выше, вот и называют это **суго́рок**. *Желачек, 2009.* Буровая у магазина — это не доходя магазина с правой стороны, там **суго́рки**, там всё заросло, и там труба проведёна к магазину, в магазине стоит такой типа колодец. *Желачек, 2011.* ◊ **СИДЕ́ТЬ НА СУГО́РОЧКЕ**. *Отдыхать, ничего не делать* (*см. также последний пример к слову* гору́шка). <Рыбаки,> которые сидят: то сегодня ветер сильный, то погода хорошая, ветра нет. **Сидя́т** себе **на суго́рочке**, а где ж планто выполнишь? Не выполнишь. *Желачек, 2010.* В нас тут полдеревни таких было. **На сугоро́чке** с утра до вечера **сидя́т**, выпивают, а домой придут, разгон такой дадут хозяйке! *Желачек, 2010.*

СУХОДО́Л. *Материк.* А в Троицу тоже помолятся. Молились, сейчас-то не молятся, что в нас некому молиться. В других там — на **суходо́ле** — ещё естя люди, там молются. На кладбище же молятся в Троицу. А в нас вот не стало крылоша́н. *Межа, 2011.*

СУША́. *Суша, а также материк.* Вот первые поселенцы эстонцы были, откуда они пришельцы, тоже неизвестно, земли там не было на **суши́**-то, вот они, жить-то негде, так от они там <в Порка / Борок> уголочек <заняли>. *Межа, 2010.*

---

1 Эст. *Eesti väravad* — Эстонские ворота. Участок озера между островом и западным берегом материка. Аналогично (*Русские ворота*) называется и участок озера между островом и восточным берегом озера.

2 Эст. *hõljuk* — судно на воздушной подушке.

ТА́РТУСКАЯ РЕКА́. *Река Эмайыги.* Он уже после отца народился, отец утонул в **Та́ртуской реке́**. Му́рники <= каменщики> раньше были. *Межа, 2009.*

ТЕПЛИ́К. *Южный или юго-восточный ветер.* **Тепли́к**, ве́тер с Самалвы́, с астраво́ф. *Желачек, 1960* [*Пурицкая 2012: 82*]. **Тепли́к** — южный ветер, мокри́к — юго-западный, с дождём, полу́денник — тоже южный. *Пийриссаар, 2008* [*СГСЭ 2008: 119*]. **Тепли́к** — южный ветер, тёплый воздух приносит. *Желачек, 2009.*

ТЕПЛИ́ЦКОЕ ЗРУ́БЬЕ Ⓚ *См.* зру́бье.

ТИ́ГАЛАХТА[1] Ⓚ (эст. *Tsigalaht*). **1**. *Участок озера вдоль западного берега острова, южнее залива* Ку́рма. **Ти́галахта** — вот здесь. А если от Ла́ксаре и левее туда, там есть Му́дала́хта. Му́да — от <эстонского> слова «грязь». А **Ти́галахта** — вот здесь. Маленький такой, между тростников так и всё. А здесь Ку́рма. *Межа, 2012.* **2**. *Часть берега вдоль этого участка озера.* Покосы шага́м вы́меряно, и делют. Уйдут размерют, ветки поставят, номера поставят, и тогда скопля́ется весь остров, номера в шапку ки́нуто: ну, тащи номер, какой тебе. И тогда уже говорят: «Ага, мне в Ку́рмы, мне в **Ти́галахты**, мне там на Го́лом берягу́ пожня досталася». Идёшь свою и косишь. *Межа, 2009.*

ТО́НИ Ⓚ (эст. *Tooni*), *только множ. Самая маленькая и поздняя деревня острова, расположена между Межой и Желачеком.* Там маленька деревня — **То́ни**, а эта Жела́чек. *Желачек, 2011.* <Когда смыло> тот край в Желачеке, ушли в **То́ни**. *Желачек, 2009.* Она на **Тоня́х**, а дочь живёт на Меже́. *Желачек, 2009.* Женщина была заводи́ловка на **Тоня́х**. *Желачек, 2009.* Колодец на **Тоня́х** назывался там Фи́рсин. *Межа, 2011.* Два стада было. Вот здесь <= в дер. Межа> ведь в каждом доме одна то, две то коровы и не́тель было, столько домов. И на Жела́чке, а Жела́чек и **То́ни** — это второе стадо. *Межа, 2009.* Вот это Рог: от Саарекюла <= Желачека> про́ти **Тоне́й**, вот этот тростник, вот как вы идите на́ берег, вот видите, вот там тростник такой, вот этот и есть Рог. *Межа, 2012.* Коровы — там прутышек какой маленький — всё съедали, тро́сты и кустики — всё было съедено. И вот эта площадка, где мы идём сейчас, — она настолько была чистая, ни кусточка. Она сливалась с пожнями… А тогда же было — вышел отсюда <из Желачека> — **То́ни** как на ладони! *Желачек, 2011.*

ТОНСКО́Й. **1**. *Такой, который относится к деревне Тони.* Это **тонска́я** тёта рассказывала. *Межа, 2009.* **2**. *Житель деревни Тони.* Жители деревень: межовски́е, желачки́е, тоня́не: **тонски́е** значит тоня́не, по старинке называли их тоня́не. А мы уже: «Пошли к **тонски́м**!» *Желачек, 2010.* Мы здесь <= в дер. Межа> пасли своё стадо. Мы с желачки́м, с **тоньски́м** не были вместе. У нас своё стадо, у них своё. *Межа, 2009.*

---

[1] Ср. эст. *laht* — залив.

ТОНЯ́НЕ. *Жители деревни Тони.* Жители деревень: межовски́е, желачки́е, **тоня́не**: тонски́е значит **тоня́не**, по старинке называли их **тоня́не**. А мы уже: «Пошли к тонски́м!» *Желачек, 2010.*

УГО́ДА. *Место в озере, выделенное кому-либо для рыбной ловли.* Чтобы сетки в кучу не ло́жить <= в одном месте не ставить> — кто где вздумал, там поставил. Раньше, когда колхоз был, пи́рисарский колхоз, тогда вот на вясну́ дяли́лась **уго́да**: это значит место, где ставятся зако́лы. Тогда вот на каждое звено дяли́лось, что сколько человек в звене: шесть, или четыре, или три, или два. И на каждого человека вот столько сеток, значит, если шесть человек звено — это звено получало на каждого человека всё равно определённое расстояние. Если мы двое, значит мы на два только получали. *Желачек, 2009.*

УЛИ́ТИНА ГОРА́ Ⓚ *Холм в дер. Межа*[1]. **Ули́тина гора́** — где Фёдор Карпыч живёт. И <там> маленький домик… Здесь белая церковь, вы идёте мимо, идёте вот к магазину, но здесь linnutorn[2], вот рядом, чуть-чуть пройдёте <…>, вот рядом маленький домик, и вот туда на север эта гора. Это **Ули́тина гора́**, где зимой катались все в детстве. <…> Там маленький домик стоит такой, там Ули́та жила. Сейчас это маленька горка, а такая была — на лыжах кататься. *Межа, 2012.* Мы всягда́ ходили — вот там домик, и всегда там гора наша была. Как со школы <идем кататься> — **Ули́тина гора́**. *Межа, 2009.* От магазина если вот, не надо ни прямо идти, никуда, а вот вбок сюда дорожка такая идёт, к озеру. Там гору́ увидите. Это называлось у нас **Ули́тина гора́**. Там домик такой маленький страшненький стоит. Там жила Ули́та, бабка Ули́та. *Желачек, 2009.* А мы эти дровни заберём и на **Ули́тину гору́** — ледяная такая гора огромная была, крутая сделана. И до того доездим, что все ря́ги[3] эти, сани, развалятся у нас. *Желачек, 2009.*

ФИ́РСИН КОЛО́ДЕЦ Ⓚ *Колодец в дер. Тони. А*: **Фи́рсин коло́дец** — где <пограничная> вышка, там колодец в соснах таких. *Б*: Там раньше дом стоял, от где вышка, эта территория, а потом они построились вот туда чуть ниже <…> А потом у неё вода пропала, вода была похоже в том же **Фи́рсином коло́дце**. *Желачек, 2011.* А, на **Фи́рсин коло́дец** за водой! *Межа, 2011.* На Тоня́х назывался там **Фи́рсин**. <Почему так?> А он, наверно, почти в йихным саду и стоял тот колодец. В саду ли, или окол самой изгороди. Там вода бы́ла очень хорошая, чистая. Теперь тоже, говорят, она не такая, кака́ была. <…> И вот назовут: «На чей ты колодец пошла?» — «Да на **Фи́рсы**». Я не знаю, прозвище аль фамилия было. *Межа, 2011.*

---

1 Историю о том, как дети катались с Улитиной горы можно прочитать в разделе «Рассказывают пийриссаарцы», стр. 318.

2 Эст. *linnutorn* — смотровая вышка для наблюдения за птицами.

3 Ср. эст. *regi* — сани, дровни.

ЧЁРНЫЙ ЛЁД. *Прозрачный (?) лёд.* Во льду весной — есть до́нница, <лёд,> по которому можно идти. Верхняя часть льда такая как мягкая, у нас называют — ши́листая, берёшь — она мягкая. А вот нижняя часть, вот она крепкий лёд. И вот по этому льду ходить можно. А еслив ши́листый полностью лёд, там идёшь-идёшь — вшух! Готов. Плаваешь. В основном тёмный лёд, ясный. А вот где снегово́й лёд — там долго до́нница держится. <По> снегово́му льду — белый такой лёд. А **чёрный лёд** — это опасная вещь. Так что вот и переходют, так — ага! — где ближе следующая полянка этого белого льда. Вот туда переходишь. Там прямо не идёшь, а пробираешься. И весной уже по одному на озеро не ходят. Несколько человек соберутся, на «Буранах» не ходят, только пешком идут. *Желачек, 2009.* Сруб делали, домик такой, они в озеро водили, за много километров ездили. И я тогда ездила, тогда уже девочкой стала, папы уже не было. На окуня. Начальник там найдёт место такое, где **чёрный лёд**, и вот кругом так обойдут запасами, и тянем. Неводом аль как. Тогда много нам попада́ло окуня. *Межа, 2010.*

ЧУХО́НЩИНА / ЧУХЛЯ́НДИЯ (= Эсто́ния, Эсто́нская сторона́). *Эстония.* Ла́йба — это како́-то эстонское такое слово ругательное или обзывающее. Это эстонских таких нехороших баб всё звали ла́йба. Я ведь по **Чухо́ншины** ша́тавши много. *Межа, 2010.* От там <= дер. Тони, Желачек> был — Расе́я, Ре́ндовская губерния, а от церькве (это бела церьква) и сюда <= дер. Межа> — это уже **Чухля́ндия** была. А там Расе́я. И ходили в Расе́ю жители туда, в волость. Волости были в Ре́нды, а здесь в Вы́нну было, Ка́стри-Вы́нну. *Межа, 2009.*

ШАВА́РИХА Ⓚ (эст. *Süvahaug*). *Заводь в северной части острова.* **Шава́риха** ввиду того так называется, она так и осталась, <что> женщина одна, отец рассказывал, её прозвище почему-то было Шава́риха, и она там утонула. Тогда глубоко было и очень вязко. И утонула. Ну, вот по преданию так. *Межа, 2011.* Это **Шава́риха**, а по-эстонски Сювахауг. Не знаю, <почему> **Шава́риха**, <она там> как это, Эстонскый край, туда. *Желачек, 2011.*

ШИ́ЛИСТЫЙ ЛЁД. *Мягкий, пористый, ненадежный лед.* Во льду весной — есть до́нница, <лёд,> по которому можно идти. Верхняя часть льда такая как мягкая, у нас называют — **ши́листая**, берёшь — она мягкая. А вот нижняя часть, вот она крепкий лёд. И вот по этому льду ходить можно. А еслив **ши́листый** полностью лёд, там идёшь-идёшь — вшух! Готов. Плаваешь. *Желачек, 2009.*

ЭСТО́НИЯ / ЭСТО́НСКАЯ СТОРО́НА (= Чухо́нщина). *Материковая Эстония.* Дети ходили в **Эсто́нию** к чухнам туды-ка работать [*Пийриссаар, 1964 (П64 / П3), стр. 18*]. Мы уехавши в **Эсто́нию** за картошкой [*Пийриссаар, 1969 (П69 / П10), стр. 21*]. После пожара дома снова строили, деньги собирали на **Эсто́нской стороне́**, и государство помогало [*Пийриссаар, 1964 (П64 / П3), стр. 16*].

ЭСТО́НСКИЙ КРАЙ Ⓚ *Северо-западная часть дер. Межа, в которой живет по преимуществу эстонское население.* Вот почему **Эсто́нский край** образовал-

ся? Они оттуда <с мыса Борок> ушли вот <в> Пийрикюла <= дер. Межа>. *Межа, 2012.* Ээсти кю́ла <= *эст.* эстонская деревня>, **Эсто́нский край** здесь. Так он и назывался всю жизнь **Эсто́нский край**, потому что эстонцы строились обособленно, сколько остров здесь был, они не строились, где русские. *Межа, 2011.* Но́нча очень много воды. Мы-то еще́ не были под водой, как вот там по телевизору показывают, что люди там прямо на половину домов в воде. А мы так не. Ну, вот там по берегу́, в **Эсто́нском краю́**, по берегу́ там некоторые бани стоят в воде. Но́нча. *Межа, 2010.* А в **Эсто́нском краю́** вообще колодцев нет. Они за водой ходят вот мимо магазина туда далеко. *Желачек, 2011.*

Часть II

Фольклорный материал

Ниже представлены собранные на острове «географические» фольклорные тексты, которые сгруппированы в тематические блоки, что позволяет увидеть основную направленность их содержания: большинство текстов отражает отношения острова с материком (1–4), два текста связаны непосредственно с самим островом (5–6). Записи из рукописей воспроизводятся в нормативной орфографии, в частности, это касается правописания эстонских топонимов.

Остров и материк. Приводим три записанных на Пийриссааре варианта легенды о том, что в давние времена остров от материковой (российской) земли отделял лишь узкий проток.

1.1. Старуха рассказывала, ей <тогда> было сто лет, <когда> мы были мальчишки: был проток между озером во время Александра Невского. Наши женщины пряли нитки со льна, и с той деревни — Подборо́вье — женщины прялки передавали через ручей. *Желачек, 2009*.

1.2. А бабушка моя, Марья Павловна, была с русской стороны. Ее перекрестили из православных в староверы. Откуда? Подборо́вье — семь километров отсюда. А раньше же здесь озера не было — была речка только. И вот они ходили там, полоскались, а дед ходил снасти свои справлял, присмотрел <ее>. *Желачек, 2010.*

1.3. Если верить преданиям, то этот остров, он с Расе́ей чуть не соединялся. Только было узкий проше́ек, что даже могли переговариваться между собой. И после этого размыло, и оказался семи-восьмикилометровый <пролив>. Со временем. Потому что оттуда у́гольи или веники, чего-то такое, привозили сюда. *Межа, 2011.*

Любовь на материке. Достаточно популярный сюжет пийриссаарских частушек, если судить по источнику [Рукопись 2], — это сюжет о милом, который живет на материке (2.1, 2.2), или, как вариант, об отсутствии на острове достойных кавалеров (2.3).

2.1. На Желачке тучи ходят,
На Меэрапалу[1] гром гремит,
На Изменке[2] ребят много,
По одном душа болит. [*Рукопись 2*]

2.2. Дайте лодочку-моторочку,
Моторочку, мотор,
Перееду на ту сторону,
Где милый ухажер. [*Рукопись 2*]

2.3. Пийриссаарские ребята
На мосту обулися,
Потому девки не любят —
Они не целуются. [*Рукопись 2*]

Гости с материка. Старожилы острова рассказывают, что раньше на престольный праздник, которым на Пийриссааре является Петров день, всегда съезжалось много гостей. То же происходило и на Рождество, которое отмечалось особенно шумно и весело:

3.1. От **Рожество́** — в гости ходили. В **Пятро́в день** — от это престольный праздник. От это ходили в таки <праздники>: в **Рожаство́** и в **Пятро́в день**. Ходили один к онно́му. < … > В **Рожество́** — это как обычно, стол соберёшь и позовёшь: «Иди ты сегодня ко мне». Завтра к тебе, що **Рожество́** три дня праздновали. < … > На лошадях каталися. Отец запрягёт лошадку — у нас такой был сильный конь, такой как полусумасшедший: ён как пойдёт, так яго́ не удержишь, ён сто кило́метров в час упо́рет. От посадил нас всех на дровни, и поехали. И поехали по деревне. Да ещё к узды-то, к дуге-то привяжут этых ленточек разных там. Раньше была креповая бумага, как называли это разная, зялёная. От этаких навяжут. Говори: «Поехали, поехали кататься». Это в **Рожество́** ездили кататься

---

1 Ме́эрапалу (эст. *Meerapalu*) — деревня на западном берегу Чудского озера, напротив острова Пийриссаар.

2 Узме́нка / Изме́нка — старое название дер. Мехикоорма (эст. *Mehikoorma*), расположенной на западном берегу Тёплого озера, южнее Пийриссаара. «Название это, надо полагать, происходит от места положения деревни на берегу Узмени, то есть узкого пролива между Чудским и Псковским озерами, именуемого теперь Теплым озером» [Караев 1958: 154].

> так. И не одна, не одна, там много пойдут ещё, один сзаду одного <= друг за другом> по деревне ездют. *Желачек, 2004*.

На эти праздники приезжали гости из материковых деревень и из города:

> А потом <после службы в моленной> тогда уже вси гости к гостям, кто к кому приехал, и тогда гуляли. Народу тогда на острове, ой, много народу было! От эта улица там серяди́на — это бы́ла полная улица народу. *Желачек, 2011*.

В источнике [Рукопись 1] записан текст, в котором отражена «география» приезжавших на праздники гостей. Этот текст (3.2) воспроизводится здесь в том варианте, который представлен в рукописи, при этом нам известно, что имена и наименования мест в нем могут варьироваться. Для некоторых имен был позднее записан устный комментарий, который приводим здесь же (3.3).

3.2. Понаехало к нам к Рождеству гостей
Из семи волостей:
Шурыга и Бурыга,
И Васька-тарарыга,
Пирфишонок с жёнкой,
Колупай с жёнкой,
Куста Кудревской,
Карожкай Подборовской,
Ларька Зашарокой,
Курнос Табарской,
Ерема Ляницкой,
Фома Желачкой. [*Рукопись 1*]

3.3. А кто у тебя был в гостях? Вот и начинают перечислять. А ведь это обязательно было узнать, кто именно был из этой семьи. Ку́ста Кудревско́й — полукровка, папа русский, а мама эстонка. Назовут ребёнка Ку́ста, а Кудряшо́в — это же русская фамилия. Ля́ницкой — из Ля́ниц[1], деревня-то есть, туда ездили картошку копать, так вот это Ерёма Ля́ницкой. Фома Желачко́й? Вот это наши: Фома уезжал, в Тарту работал, а на праздники приезжал. Так и Фома наш Желачко́й был! *Желачек, 2010*.

Город. Ближайший и наиболее важный для Пийриссаара город — Тарту, который расположен на запад от Пийриссаара (40–50 км по прямой). С одной стороны,

[1] Эст. *Lääniste* — материковая деревня (от Пийриссаара по прямой не менее 25 км).

Причудье и Пийриссаар всегда были связаны с этим городом торговыми отношениями (там продавали, например, рыбу, клюкву, туда возили дрова на *буда́рах* и т. п.), с другой стороны, попасть в Тарту с острова всегда было достаточно трудно, и поэтому город воспринимался как нечто очень далекое. Интересно, что в одном из рассказов жительница дер. Межа называет реку Эмайыги (долгое время именно эта река была тем путем, по которому осуществлялась связь с городом) *Тартуской рекой*. Это словосочетание подчеркивает значение реки в качестве водного пути и свидетельствует о том, что и город, и река воспринимаются как нечто, находящееся за границей своего мира. Это отношение проявляется и в следующем сюжете, в котором другая жительница острова рассказывает, как ее младший брат боялся идти в город, потому что для детей была придумана специальная страшилка, чтобы «не просилися в город» (речь идет, конечно же, о Тарту):

4. В то время, знаете, как маленьких пугали с детства — шчо вот, в город пойдёшь первый раз, и там стоит баба старая, там будешь жопу <ей> цалова́ть! И вот <брат> был напуганный, ён боялся! <…> Я и говорю: «Там нико́го не будет, не бойся!» Это чтобы <дети> спокойны были, не просилися в город в родителях! *Межа, 2009.*

Три деревни.

5. На Желачке две собачки,
На Межи кобель бежи,
А на Тонях враскорячку
Поросёночек лежи. [*Рукопись 3*]

В приведенном тексте обыгрывается существование трех деревень на острове и, возможно, их расположение: дер. Тони находится между Межой и Желачеком, поэтому и *поросёночек лежи<т> враскорячку*. Стишок, по-видимому, использовался в качестве детской дразнилки, ср.: *Это присказка такая. Коли́ начнут ругаться дети, так от они, что даже «**кобе́ль бя́жи**»* (Желачек, 2011).

География «с эстонским акцентом». На Пийриссааре по-прежнему живут не только русские, но и эстонцы, которые владеют эстонским языком как родным и пользуются местным русским говором, причем говорят по-русски без акцента (во случае, автору статьи не пришлось услышать на острове ярко выраженного эстонского акцента). Это объясняется как тем, что русские и эстонцы на острове тесно общаются, так и тем, что эстонская школа закрылась очень давно и дети эстонцев были вынуждены ходить в русскую школу. Однако в рассказах островитян присутствует один персонаж — эстонец, реально живший на острове, который говорил по-русски с эстонским акцентом. Во всех услышанных нами историях про На́тана обыгрывается именно эта его особенность; так и в приведенном ниже отрывке, в котором рассказывается, в каких местах Натан пас коров:

6.1. Пытькам, тросткам, каруськам (на бычке, в тросте, на горушке) [Рукопись 1]

6.2. Да, это говорил у нас На́тан — был пастухом. Ну, и коровка потерялась. Бегают люди, спрашивают: «На́тан, ну где вы паслись?» А он всю жизнь хоть и прожил здесь, и все здесь эстонцы хорошо говорили, но он с акцентом: «Та там был: пы́тькам, тро́тькам, ка́рутькам». На Бычку, на горушке. *Желачек, 2010*.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА ОСТРОВА ПИЙРИССААР

Т. К. ШОР

Историческая ономастика как в России, так и в Эстонии имеет давнюю традицию и располагает обширной базой данных, которая регулярно пополняется [Ономастика 1978: 148–168]. Однако русские антропонимы на эстонской почве изучены пока слабо, например, в базе данных фамилий жителей Эстонии Onomastica русские фамилии, зафиксированные в имении Кастре на острове Пийриссаар в ходе VIII подушной ревизии, не отражены [Must 2000: 11–27, 78–81; Onomastika][1].

В конце 1950-х гг. экспедиция под руководством Т. Ф. Мурниковой проводила обследование руских говоров старообрядческого населения в причудских поселениях Муствеэ, Тихеда, Кюкита, Калласте, Нина, Большие и Малые Кольки, Казепель, Варнья и острове Пийриссаар[2]. На основе данных анкеты был проведен предварительный анализ имен собственных и выявлено свыше 300 употребительных антропонимов в среде местных староверов (ок. 200 мужских и 120 женских[3]), что, по замечанию исследо-

[1] О новых русских фамилиях Принаровья и Печорского края в Эстонской Республике см. [Шор 2006].

[2] По правилам современной эстонской орфографии этот топоним в Эстонской энциклопедии и на новых картах дается в форме Piirissaar. В исторической литературе до 1990 г. и на старых картах он писался как Пирисаар, Пийрисаар (Piirisaar). В историческом архиве Эстонии в электронной базе данных фонд Пийрисаареской православной церкви, сформированный в советское время, называется «EAÕK Piirisaare kogudus», а новый фонд старообрядцев — «Piirissaare vanausuliste kogudus». Разные формы графического оформления данного топонима обнаруживаются и при описании русских, эстонских и немецких заголовков архивных дел, что следует учитывать при пользовании универсальной электронной поисковой базой данных Национального архива Эстонии [AIS].

[3] Это очень высокий показатель спектра женских имен для такого ограниченного ареала, как Южное Причудье. Например, в ходе исследования женских имен русских островных говоров

вательницы, «значительно обширнее и богаче по объему, чем в соседних деревнях с православным населением, а тем более в среде русской интеллигенции нашего времени» [Мурникова 1959: 230]. Общий старообрядческий именной массив Причудья по состоянию на 1855 г. отражен в публикации Е. А. Агеевой. В приводимом ею списке содержатся сведения о 62 семьях (98 лицах) пийриссаарской деревни Межи (эст. Piiri) мызы Кастер (эст. Kastre). Сформировавшиеся к этому времени фамилии даны в принятой на тот момент орфографии (без аканья), так как оригинал составлялся в канцелярии прибалтийского губернатора [Агеева 2004: 80–85; ЕАА. 291–8–1650: 150–152].

В России фамилия («прозвание», «рекло») как «наследственное имя семьи» — наиболее поздний элемент в именной формуле русских людей, появившийся после указа Петра I [Никонов 1988: 5; Малолетко 2001: 139]. Цель нашей статьи — осветить некоторые источники, дающие возможность в хронологическом порядке восстановить антропонимы староверов в отдельных местностях Причудья, и в частности, на острове Пийриссаар. В основу исторического описания фамилий этого географического ареала со сложной национальной и конфессиональной структурой легли следующие источники, сохранившиеся в Историческом архиве Эстонии: 1) ревизские сказки (подушные ревизии) за 1811, 1836, 1850 и 1858 гг. [ЕАА.1865], 2) описи староверов (раскольников) за 1820, 1828, 1850 гг. [ЕАА.949]; 3) списки хозяев и владельцев участков конца XIX в. из фонда мызы Кастре [ЕАА.1411]; 4) сохранившиеся персональные и метрические книги староверов острова Пийриссаар (конец XIX в. –1926 г.) [ЕАА.5424].

Предлагаемое ниже описание возник
фамилий в ограниченном пространстве является актуальным как с точки зрения проблемы традиции и заимствования антропонимов в лексическом плане, так и в плане становления русской фонетики и орфографии имен собственных у старообрядцев в изоляции или в условиях иноязычной среды [Карпенко 1984: 11, 14]. Перечни фамилий островитян на немецком языке дают, как правило, фонетический облик имени и фамилии, что важно при изучении местного говора. Например, в русских антропонимах в немецкой транскрипции отражено «аканье» (Belaus, Belaussow – Белоусов; Garelow – Горелов; Famin – Фомин), оглушение звонких согласных в конце и в начале слова (Moross, Skorochot, Schbanow, Schirnakow), а также определенное влияние эстонского языка, проявляющееся в вариантах родовой принадлежности имени

Юга Украины с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. их было зарегистрировано немногим более, а именно 186 [Карпенко 1984а: 64].

[см. Кюльмоя 2004: 156–157], а также смешении областного русского и эстонского языков — Irigori Petripoeg Kartoffelew.

Русская рыбацкая деревня Желачек на юго-востоке острова Пийриссаар (варианты Желачко, Желачик, Желачки, Жалачко, Жолч, в эст. огласовке Саласка, нем. Kunapah) известна по летописи XIV в. [Stern 1944: 82–83; Пономарева, Шор 2006: 126–127]. Полагают, что топоним ведет свое начало от русских, пришлых с реки Желчи (Жолчи) в Гдовской волости [Мурникова 1960: 51–52; Moora 1964: 58]. Первые упоминания о жителях-рыбаках острова Пийриссаар в источниках ревизий польско-шведского правления в Эстонии относятся к 1582 и 1601 гг. [Moora 1964: 57–58]. Топоним ′Porka-Insel′ или ′Porkasaar′трансформируется в официальное название ′Пийриссаар′ (в оригинале ′Pirisahr′ или ′Pirisaar′) в XVIII в. [Stern 1944: 78]. На карте Эстляндии и Лифляндии 1805 г. остров отмечен как «Porka od[er] Pirisaar» [Güsselfeld 1805].

Русские, как и эстонцы, селились на Пийриссааре задолго до раскола российской православной церкви. Исследователи затрудняются ответить на вопрос, кто первым начал осваивать этот остров: русские или эстонские рыбаки. [Рихтер 1976: 18]. По крайней мере, с конца XVIII в. здесь уже постоянно жили староверы, которые считались свободными, в отличие от местных крепостных крестьян из русских старожилов и эстонцев, на которых они, в свою очередь, оказали огромное влияние, как в конфессиональном, так и в бытовом плане. С XVIII по XX вв. Пийриссаар административно входил в состав имения Кастре, принадлежавшего к округу лютеранского прихода Вынну (нем. Wendau). Поскольку ближайшая православная церковь находилась близ русского берега на о. Озолицы в 3 км от Пийриссаара, то прибывшие в конце XVIII в. старообрядцы быстро вошли в силу и вобрали в свои ряды не только местных русских старожилов, но и эстонцев [EAA. 1655–2–2983: 49]. Тесные русско-эстонские контакты отразились в антропонимике как русских старообрядцев, так и эстонских крестьян, что будет показано ниже.

В XIX в. на острове было 3 деревни. Межа (в рус. написании середины XIX в. Пийри-Саар; нем. варианты — Piri, Pirisaar, Piari saar) со смешанным русско-эстонским населением служила пограничным пунктом между Лифляндской и Санкт-Петербургской губерниями. Две другие деревни — Тоня (эст. Tooni) и Желачка (эст. Saare, Saareküla) — числились за Гдовским уездом соседней губы [EAA. 1655–2–2983: 8]. До середины века в Меже существовал старообрядческий молитвенный дом, а в Желачке действовала древлеправославная часовня во имя св. ап. Петра и Павла… В 1849 г. в связи с похоронами на о. Пийриссаар старовера Федора Рундальцова началось дело о «вразумлении раскольников», которое окончи-

лось в 1854 г. переносом Желаченской часовни в д. Пийри и подчинением ее Рижской епархии [ЕАА. 1655–2–312: 18–20об].

Подушных ревизий XVIII в. имения Кастре в Историческом архиве Эстонии не сохранилось, но по ревизии 30 сентября 1811 г., можно судить о составе русского населения острова не только на этот момент, но и на конец предшествующего века, так как в ней приводились данные VI подушной ревизии 1795 г. Перед началом наполеоновского нашествия на Пийриссааре (в оригинале «Pirisar und Porga») отмечено 13 семей или дворов (№ 116–128), в которых на тот момент проживало 108 русских крестьян мужского пола. 26 человек, записанных в прежней подушной ревизии, были отмечены как умершие (с указанием года смерти), 29 человек родилось в промежутке между 1795 и 1811 гг., четверо русских были отданы в рекруты и один в милицию [ЕАА.1865–2–146: 4].

Имена, отчества, в редких случаях и прозвища, фиксировались на немецком языке в фонетическом варианте. Поскольку этот аспект очень важен при изучении говора русских о. Пийриссаар, то ниже имена приводятся в оригинальном немецком написании с вариантами одного и того же имени, отчества или фамилии. Прежде всего выделим имена хозяев домов или дворов (Haus), а также хуторов (Gesinde), в числе которых могли быть и женщины:

Wassili Iwanowna Schorno
Mitre Jan Tode
Mitre Umlaja
Gregor Grigorjew
Teonis Axenow
Fedor Karpow
Maxim Minin
Ana Iwanowna, вдова (прежний хозяин
Mihail Sidorow, сын вдовы Krisan Jakow)
Alexey Andrei
Jakob Demofei
Iwan Jakow

Среди мужских имен братьев, сыновей, внуков и батраков хозяев отмечены:

Akim
Aleksei (Alexey)
Andrei
Anton
Demofei
Deniss
Fedor
Fetka,
Gawril,
Gregor
Ignati,
Ilja
Iwan
Jakob (Jakow)
Jakob
Jekim
Jermolai
Krisan
Kusma
Lawrenti
Matwe
Meljan
Michail
Mikifer
Mikita
Mitre
Naum
Nazar
Nefet,
Oska,
Pamitz
Patosch
Pawel
Peter (Petr, Petruschka)
Sidor
Simon
Speredon
Stepan
Terenti
Trofim

Эта подушная ревизия показывает, что в начале XIX в. русские и эстонские крестьяне о. Пийриссаар по аналогии с внутренними губерниями России фамилий в юридическом смысле не имели. У хозяев дворов, помимо идентификации по отцу — патронимов — Григорьев, Аксенов, Карпов, Минин, мы видим и матронимы, то есть величание по имени матери Wassili Iwanowna Schorno [ср. Суперанская 1964: 35–36; Суперанская, Суслова 2008: 31]. Из прозвищ, исторически предшествующих фамилиям, отметим имя Schorno, которое, возможно, указывает на прибытие данного лица из старообрядческой причудской деревни Чорно (Муствеэ), так же как в именной формуле Mitre Jan Tode, где Tode — название усадьбы-хутора. Именно так составлялись эстонские именные формулы до получения эстонскими крестьянами фамилий, официально закрепленных VIII подушной ревизией [Must 2000: 41–43]. Русское имя Дмитрий (Митрий) преобразовано на эстонский лад в Митре, Дионис очень близко к эстонскому Тынис, Памиц происходит от Фомич, не говоря уже об эстонских названиях усадеб Тоде и Умлая и эстонского отчества Яан у крепостных, то есть старожилов, крестьян острова. Поскольку у перечисленных лиц дети названы русскими именами, неясно, имеем ли мы здесь дело с влиянием староверов на ономастикон эстонского населения или же наоборот — эстонцев на русскую антропонимику.

Хотя конфессиональная принадлежность в ревизиях не отмечалась, все же среди русских жителей острова можно выделить старообрядцев, исходя из их личных имен. Известно, что никоновские реформы середины XVII в. коснулись правописания календарных имен, законодательным путем разрушив сложившиеся к этому времени народные традиции имянаречения, в том числе и имена церковно-христианского календаря [Успенский 1969: 21–22, 152–153; 248–249]. Официальные формы православного месяцеслова легли в основу литературных и церковных вариантов имен, а у староверов сохранялись старые формы русских имен, в которых, например, отсутствовали удвоение гласных, согласных и двоегласные сочетания: Иван, а не Иоанн, Федор, а не Феодор, Гаврил, а не Гавриил, Кузьма, а не Косма и т. д. [Суперанская, Суслова 1991: 57].

Если по ревизии 1811 г. о принадлежности жителей острова к староверию можно только предполагать, то в 1820 г. в Дерптском Ландгерихте был составлен список всех староверов, проживающих в окрестностях Чудского озера, в том числе и на острове Пийриссаар [EAA. 949–1–1608: 1–4].

Документ составлен в форме таблицы с указанием номера семьи (двора), возраста, имени и отчества лица, его пола (муж., жен.), социального положения (вольный или крепостной). У вольных дополнительно отмеча-

лось место и время получения паспорта (то есть места приписки), помимо жительства на острове. Это один из показателей двойного обложения староверов налогами, так как приписанные к городам, главным образом к Дерпту (Tartu), они числились мещанами и платили подати и в городе, и в деревне, где у них имелся двор.

В документ внесены 55 дворов, в которых проживали 81 крепостной мужчина и 68 женщин; 66 вольных мужчин и 96 женщин. На самом деле, согласно Закону о лифляндских крестьянах 1819 г. крестьяне получили личную свободу, но лишились земли, которую они теперь вынуждены были арендовать у помещиков. Для зажиточных крестьян и староверов наступили новые времена, но до полного вступления закона в силу они по-прежнему числились крепостными, то есть были прикреплены к частной помещичьей земле. Ниже приводим список имен хозяев домов в орфографии оригинала, с переводом с немецкого дополнительных сведений о лицах.

1. Ossip Prokow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
2. Semen Denissow, крепостной.
3. Kusma Filip, вольн., приписан к Дерпту в 1820.
4. Mina Antip, крепостной.
5. Gregora Maksimow, крепостной.
6. Peter Denissow, крепостной.
7. Fedor Denissow, вольн., приписан к Дерпту в 1819, в его дворе проживал Fedor Mikiforow 40 лет из Вендена с женой и дочерью.
8. Gregor Judin, вольн., в 1820 г. с сыном Иваном, 21 года уехал в Валк (Valga).
9. Mikula Grigorjew, вольн., приписан к Дерпту в 1820.
10. Iwan Andrejew, вольн., приписан к Дерпту в 1820.
11. Lawrentia Agafonow, вольн., Desätnik, из Плескова (Пскова).
12. Kirila Martinow, крепостной, Desätnik.
13. Nikan Antropow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
14. Iwan Ignatjew, вольн., приписан к Верро (Võru) в 1820.
15. Nikulai Semmow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
16. Dimentia Mitrow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
17. Germalai Maksimow, крепостной.
18. Matwe Mitrow, крепостной.
19. Sider Petrow, вольн., приписан к Дерпту в 1820.
20. Petera Minin, сын купца Рундальцова (Rundalzow).
21. Afimia Iwanowna, вдова, вольн., приписана к Дерпту в 1817.
22. Gregora Mikitow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
23. Fedora Mikitin, свобод., приписан к Дерпту в 1819.
24. Irinja Semenowna, крепостная, хозяйка двора, 40 лет, жила с двумя дочерьми Авдотьей и Марией.
25. Iwann Kirillow, вольн., приписан к Верро в 1820.

26. Maksim Nasarow, крепостной.
27. Wassili Semenowitsch Sottnik, 56 лет, вольн., приписан к Дерпту в 1819. В его дворе проживала семья Кирила Денисова 33 лет, с женой Агафьей и дочерью Авдотьей, с пометой «крепостные».
28. Michail Denissow, крепостной.
29. Gregor Gregorjew, крепостной.
30. Carlam Lukjanow, вольн., приписан к Дерпту в 1819.
31. Ivann Grigorow, крепостной .[1]
32. Anna Artemjewna, вольн., приписан к Дерпту в 1820.
33. Iwann Wassiljew, крепостной.
34. Sider Tarassow, десятник, крепостной.
35. Peter Grigorjew, крепостной.
36. Fedor Iwannow, приписан к Дерпту в 1819.
37. Oppe Hindreko Jahn, жена Anni, крепостные.
38. Timafei Michailow, приписан к Дерпту в 1820.
39. Grigora Sacharow, приписан к Дерпту к Валке в1820.
40. Praskow Petrow, крепостной.
41. Iwanza Andrejew, крепостной.
42. Anton Iwanow, Desätnik, крепостной.
43. Iwan Petrow, приписан к Дерпту в 1820.
44. Andrei Philippow, приписан к Дерпту в 1820.
45. Gregor Semenow, приписан к Дерпту.
46. Aleksei Artemjew, Desätnik, крепостной.
47. Gregora Artemjew, приписан к Дерпту в 1820.
48. Afimja Siderowna, приписан к Дерпту в 1819.
49. Iwan Maksimow, крепостной.
50. Jehima Nefedow, крепостной.
51. Agafia Semenowna, приписан к Дерпту.
52. Martin Antropow, приписан к Дерпту в 1819.
53. Anna Martinowna, крепостной.
54. Iwana Maksimow, крепостной.
55. Iwann Famin, крепостной.

В семьях (дворах) проживало от одного до 12 человек. Фамилией в юридическом смысле обладал в этом списке Петера Минин Рундальцов, сын

[1] Б. А. Успенский пишет: « … форма «Иван», которая воспринимается сейчас как специфическая русская форма, противопоставленная церковно-славянской «Иоанн», еще в относительно недавнее время не воспринималась как таковая и могла выступать в качестве канонической < … > (Известно, например, — об этом прямо пишет Андрей Денисов, — что в Соловецком монастыре (и в прочих российских церквях) в XVII в. произносили «Иванн». Отсюда такое произношение проникло в Выгорецию — в Выго-лексинское общежительство старообрядцев-поморцев; так, во всяком случае, произносили там это имя в XVIII в.» [Успенский 1969: 5–6, 16–17]. Это замечание позволяет примерно датировать появление среди староверов Пийриссаара представителей старообрядческого поморского толка.

дерптского купца [см. о нем: Шор 2010: 108; Šor 2011: 24]. Мещанин Василий Семенович Сотник — казак-старовер из обер-офицерского звания, вероятно, оказался на острове во время наполеоновской кампании. Можно утверждать, что в данном случае *Сотник*, как и *Десятник*, — это прозвище или указание на особое звание, так как в VIII ревизии, где у всех островных жителей имеются фамилии, такой фамилии нет. При этом в Эстонии до сих пор есть люди с фамилиями *Сотниковы* и *Десятниковы*, хотя в регистре русских фамилий Б. О. Унбегауна их нет. К особенностям записей относится то, что в одних случаях отчество ставится как патроним — Денисов, Григорьев, Сидоров, а в других — дается просто как имя отца — Прокоф, Филип, Антип, в чем улавливается влияние немецкого или эстонского языков. В некоторых случаях мы видим нетипичное для русской орфографии удвоение согласных на конце имен (Иванн), латинизированную форму ´Грегор´ вместо ´Григорий`, `Петер` вместо `Петр´, ´Мартин´ вместо ´Мартын´, разные древние и диалектные варианты мужских имен с женскими окончаниями (Ивана, Иванца, Грегора, Ехима, Микула, Микита, Петера). Знаменательно, что к староверам причислена и эстонская семья крепостных хутора Оппе (Хиндрике Ян (Hindrike Jahn) и его жена Анни), в дальнейшем получившая фамилию Опиковы или Гоппековы, Хопиковы (диалектный вариант Хопяковы).

Подобный список с указанием изменений в составе семей староверов острова Пийриссаар имеется и за 1828 г. Реестр включает номер семьи (двора), имя и отчество хозяина и членов его семьи, возраст[1], социальное положение — работное сословие (муж./жен.), казенный или приватный крестьянин (муж./жен.). Важным дополнением к предыдущей регистрации староверов явилось то, что в конце списка без номера отмечен старообрядческий священник или наставник (нем. Geistlicher der Altgläubiger oder Nastawnik) Алексей Григорьев из Риги [EAA. 949–1–1610: 18]. Но и здесь пока еще фамилий в юридическом смысле нет.

Первые фамилии и усадьбы с русскими названиями на острове Пийриссаар, переходящие в фамилию семьи, встречаем в VIII подушной ревизии, проведенной 15 марта 1834 г. Приведем их в оригинальной немецкой записи с указанием номера семьи, а также номера и названия усадьбы, сохранявшихся до X ревизии 1858 г. [EAA.1865–2–148: 3]:

1. Belaussow Alexey Artemjew (100, № CIII Belaussow).
2. Bespolow (Iwan Alexejew 135, № CXXVII).

[1] В этот период у большинства староверов возраст не указан.

3. Bulwan, Kristjan Jakowlew сын Тереней и его сыновья Иван и Антроп Булван (145, № CXXXVIII).
4. Fabritschnik Michail Iwannoff (117, № CXIII Kusnetzow).
5. Grischakow Iwan Grigorjew (106, № CVII Belaussow).
6. Kartoffelow Gregor Grigorjew (108, № CVII Belaussow).
7. Kibitka Petruschka (№ 92, № CXXIX , бобыль, жена Kattrina, дети: Gustav, Dona, Marja, Elisa, Trino.
8. Kirila Merkull (120, № CXV Schweikin).
9. Korotkow Peter Denissow (111, № CVIII Wolk).
10. Kusnetzow Anton Iwanow (115, № CXIII Kusnetzow).
11. Lekar Kirila Martinoff (119, № CXV Schweikin).
12. Lepajew Iwan Maximoff (113, № CXII Lepajew).
13. Moljew Stepan Sidorow (139, № CXXX et CXXXI).
14. Molotzow Maxim Nasarow (114, № CXII Lepajew).
15. Moross Gregor Fedoroff (103, № CV Moross). Предыдущий хозяин усадьбы Jaan Todes S. Moross умер в 1825 г., его жена Akilina 58 лет жила в усадьбе, кроме того, в усадьбе Мороз под этим же номером числился Gawrilla Prokowjew Moross, Oska Prokowjew Moross и Jekim Prokowjew Moross с семьями).
16. Nefedow Jekim (105, № CVI Tukmanschoff).
17. Polak Keril Denissow (110, № CVIII Wolk).
18. Polowoz Peter Grigorjew (107, № CVII Belaussow).
19. Posledock Lawrenti Alexejew (143, № CXXXIV Jeggesuu).
20. Protin Spiridon Iwanow (133, № CXXV Künalpuu).
21. Radametow Kondrat Grigorjew (147, № CXXXVIII)
22. Rikowsky Jermolay Maximoff (112, № CX Rokowsky)
23. Saitzow Mina Anton (95, № CXIV Mina)
24. Schochin Masey Antonow (138, № CXXIX)
25. Schweikin Martin Jakowlew (118, № CXV Schweikin)
26. Simannoff Petruschka Jakowlew (129, № CXXIII Zimmy)
27. Simkin Ossip Jakow (140, № CXXXII)
28. Sokolow Andrey Iwanow + 1826, Iwan Lukerja Sokolow + 1827 и Lukerja Artemija Sokolow (134, участок без названия № CXXVI)
29. Stepanoff Stepan (28, № CXXIX, батрак).
30. Tatjana Simenowna (142, № CXXXIII)
31. Tetin Jakow Petrow (137 № CXXVIII)
32. Truss Iwan Iwanoff (116, № CXIII Kusnetzow)
33. Tukmanschoff Matwei Mitrow (104, № CVI Tukmanschoff)
34. Wolk Semen Denissow (109, № CVIII Wolk)
35. Zetin Prokofi Iwanoff, умер в 1821 г. (136, № CXXVIII)

В ревизионных списках наблюдается процесс «земельной» фамилизации, когда название усадьбы дает имя всей семье — Бела(о)усов, Мороз, Тук-

манш(ч)ов, Кузнецов, Волк, Роковский (Риковский), Лепаев, Швейкин. Русские фамилии Волк, Мороз, Заяц (Зайцов), Лепаев (Лепа) и Трус относятся к древнейшим русским фамилиям. Сложную по составу фамилию Белаус, также можно трактовать как одну из старинных русских фамилий, на что указывает продержавшаяся до XX в. ее составная часть в форме `Бела-` [Суслова 1988: 50–52]. Кузнецов и Швейкин — явно профессиональные имена, так же как и фамилии Лекарь (позже Лекарев), Фабричник (позже Фабричников)[1]. Сложнее с именами Тукманшов (Тукманчов) и Роковский (Риковский), которые сегодня в системе русских фамилий выглядят экзотически и в словнике Б. О. Унбегауна отсутствуют. В словаре В. Даля приводится несколько толкований областных употреблений слова *тукмач* — в вятском говоре это род салмы, лапши из мучного теста с горохом; у новгородцев *тукач* — это обитый, околоченный нераспоясанный сноп [Даль 1980, IV: 441]. Живущие в усадьбах и дворах новые или пришлые семьи получают особые фамилии, не имеющие отношения к патронимам, за исключением фамилий Гришаков, Симанов и Симкин. Из новых фамилий выделяются простые — Картофелов, Коротков, Молев, Соколов, Протин, Тетин, Цетин, Шохин; сложносоставные — Бесполов, Радаметов, Половоз и имя с указанием на национальность — Полак (Поляк).

Имена из данного списка *Последок*, *Кибитка* и *Булван* кажутся прозвищами, впоследствии способными функционировать как фамилии, но, кроме *Кибитка*, позже они на острове не встречаются. Три лица, имеющие отдельный семейный номер, записаны в старой именной формуле — имя и отчество: Jekim Nefedow, Stepan Stepanoff, Tatjana Simenowna. Набор исходных фамилий ревизии 1834 г. с вариациями и дополнениями сохранялся на острове и в XX в.

По ревизионным спискам 1850 г. среди фамилий пийриссаарских старообрядцев фигурируют как старые имена, полученные семьями в ходе VIII ревизии, так и новые — Антропов, Барон, Булкин, Волков, Воробьев, Горелов, Жбанов, Жирнаков, Замилаткой, Зауршин, Козлов, Куликов, Лесин, Лешкин, Мамонов, Морозов, Половой, Поп, Портнов, Репин, Рушко, Селгин, Скороход, Смолкин, Снетков, Сорокин, Сосна, Широкий, Шуба[2]. Среди старообрядческих семей находим фамилии, сходные с эстонскими:

---

[1] Заметим, что у Б. О. Унбегауна фигурирует фамилия *Фабрикантов*, а *Фабричник*, *Фабричников* отсутствуют.

[2] У Е. А. Агеевой спектр фамилий староверов д. Межи на 1855 г. несколько отличается (сюда включены и женские фамилии) [Агеева 2004: 80–85].

Каллас (Kallas), Кирья (Kirja) , Коеметс (Koemetz), Кунигас (Kunigas), Малле (Malle), Педая (Pedaja) [EAA. 949–1–1611, 65–72].

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие патронимов в реестре новых русских фамилий старообрядцев (только *Антропов*), зато есть достаточно много отзоонимических фамилий: Бабочкин, Снетков, Куликов, Козлов, Волков, Воробьев, Сорокин. Из «ботанических» фамилий отметим такие, как Репин, Сосна, Лесин. Есть также русские фамилии, образованные от общеизвестных слов Жбанов, Жирнаков, Смолкин, в том числе и в нестандартной форме — Широкий, Шуба [Суперанская, Суслова 2008: 107–115].

По X подушной ревизии 1855–1858 гг. номера семей изменились, так как некоторые члены семьи умерли, либо выехали с острова. На хуторе Белаусов (№ CVII) сын Петра Григорьевича Полового становится Петром Петровичем Полевым (семья 107) и добавляется семейство Картоффеловых (108, в более поздних документах — Картофелов, Картофелев) [EAA. 1865–2–153:4].

На плане-карте конца XIX в. указано 47 объектов с именами русских владельцев усадеб староверов, расположенных на острове Пийриссаар в ареале мызы Кастре (пропущенные номера — это дома, принадлежащие эстонцам) [EAA. 2059–1–2621: 16][1]:

2. Irigori Petripoeg Kartoffelew.
3. Stepan Jefimow Kusnezow.
4. Semen Sacharewitsch Lawägin.
6. Jakow Makarow Antropow.
7. Sachar Michailow Portnow.
10a. Fedor Afanasjew Tuktatschew (исходная форма Тукманчов).
10b. Artamon Martemjanow Fabritschnikow (исходная форма Фабричник).
12. Jestifei и Luka Afanasjwi Kapalin (позже Копалин).
15. Osip Saweljew Korotkow.
16a. Anna Nikolajewna Leikerewa (должна быть Лекарева).
20. Feodosia Maximowna Mamonowa (имя Феодосия в новой огласовке).
22. Andrei Demidow (употреблен патроним).
23. Grigori Kondratjew Gamsin (семья в X ревизии не упоминается).
24. Filip Andrejew Obikow (фамилия происходит от эстонского названия усадьбы Хоппе в деревне Межа, ср.: Jürri Jaaks Sohn Hoppekoff, по X ревизии № 109. Из общей ревизии он с женой Ириньей и детьми Анной и Иваном был переведен в регистр под литерой «Б» — «Раскольники»).

1 Имена даются в оригинальном графическом виде с сохранением возможных ошибок в написании русских имен и фамилий. Пропущены номера спецификации, относящиеся к эстонским фамилиям.

25. Afanasi Feodorow Tukmatschew и сын Luka (новая огласовка имени Феодор, в основе фамилии утерян согласный звук «н»).
26. Sidor Pawlow Leschkin.
27. Sidor Pawlow Leschkin Bude (будка (сарай) Сидора Павлова Лешкина).
28. Andrian Iwanow Schbanow (Андриян Иванов Жбанов).
29. Demid Jegorow Schemukow (фамилия Шемуков в X ревизии не встречается).
30. Fedor Jefimow Bulkin.
31. Jermolai Martemjanow Fabritschnikow.
32. Jestifei Jegorow Pepkin (фамилия Пепкин в X ревизии не встречается).
33. Grigori Stepanow Tuktatschew (вероятно, ошибка писаря, должно быть Тукмачов, из прежней формы Тукманчов и Тукманшов — Т. Ш.)
34b. Jermolai Feodorow Katuschew (фамилия Катушев в X ревизии не встречается).
35. Agafia Tichonowa Gluchowezka (фамилия Глуховецкая в X ревизии не встречается).
37. Witwe Anna Abramowna Tukmatschew (вдова Анна Абрамовна Тукмачева).
38. Lawrenti Terenti Morosow.
39. *Kiril Prowjew Bulkin* (ошибка писаря, должно быть *Прокофьев* — Т. Ш.)
40. *Jegor Alexejew Antropow*.
41. *Sergei Pawlow Leschkin*.
42. *Iwan Artemjew Sawichin*.
43. *Wassili Jakowlew Grischakow*.
44. *Tiet Stepanow Boboschkin*.
45. *Marja Feodorowna Martinowa*.
46a. *Matrona Stepanowna Grischakowa*.
46b. *Iwan Pawlowitsch Leschkin*.
47. Witwe *Ewdokija Feodorowa Grischakowa* (вдова Евдокия Феодоровна Гришакова).

В начале XX в. старообрядцы острова Пийриссаар перешли на легальное положение [EAA. 330–1–1959: 1–2]. В 1907 г. в правлении волости Кастре была проведена регистрация старообрядческих семей на русском языке. Всего было записано 650 человек, 128 эстонских и русских семей. Приводим реестр русских фамилий с указанием номера семьи и мест, где главы семей (домов) могли быть приписаны как мещане. Под номерами без указания городов или уездов числятся крестьяне Кастерской волости Дерптского уезда.

1. *Антропов* (№ 2, 3, 6, 72).
2. *Белаусов* (№ 7, 11, имя от названия усадьбы в имении Кастре *Белауссов*).

3. *Бобочкин* (№ 8, в старых описях Бобошкин).
4. *Булькин* (№ 9, 10, 13, 14, ошибка писаря-эстонца, должно быть Булкин).
5. *Волков* (№ 10).
6. *Гамзин* (№ 32 — Юрьев).
7. *Горелов* (№ 16 , 22 — Юрьев, вариант Гарелов).
8. *Гришаков* (№ 18, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28 — Валк, Гдов, Юрьев).
9. *Ремец* (№ 20).
10. *Хруев* (№ 21 — Ремецкая вол., Гдов).
11. *Глуховецкая* (№31 — Ремецкая вол., Гдов).
12. *Жбанов* (№ 36 – Юрьев).
13. *Жернаков* (№ 34, 35 — Ремецкая вол., Гдов, вариант Жирнаков).
14. *Завоздкин* (№ 37 — Феллин; в такой форме записана русская фамилия *Савосткин. — Т. Ш.*)
15. *Зайцев* (№ 104, 105).
16. *Козлов* (№ 43, 45, 46, 48 — Юрьев).
17. *Кудрявцева* (№ 72).
18. *Куликова* (№ 51 – Юрьев).
19. *Кузнецов* (№ 52, 54, 55, 64, имя от названия усадьбы в имении Кастре *Кузнецов*).
20. *Крохова* (№ 52).
21. *Коротков* (№ 56, 62, 67, 87 — Ремецкая вол., Гдов).
22. *Капалин* (№ 60, вариант *Копалин*).
23. *Картофелов* (№ 63, *Картофелев*)
24. *Кудряшев* (№ 72).
25. *Куликов* (№ 67).
26. *Лешкин* (№ 68, 72, 75 — Юрьев, Кастре).
27. *Лебедев* (№ 70, 71, 103).
28. *Лекарев* (№ 73, 74).
29. *Лепай* (№ 69, от *Лепаев*, имя от названия усадьбы в имении Кастре *Лепаев*).
30. *Ловягин* (№ 14).
31. *Матюшенок* (№ 14 — Валк).
32. *Морозов* (№ 76, 89, 91).
33. *Мартинов* (№ 78 — Ремецкая вол., Гдов).
34. *Михайловский* (крестьянин Славковской вол., Псковской губ. и уезда).
35. *Мамонов* (№ 87 — Верро).
36. *Михайлова* Ефимья Харлампиевна, учительница Пийрисаарской министерской школы (№ 90).
37. *Палочинова* (№ 108 — Юрьев).
38. *Поташенков* (№ 56 — Вейсенштейнский мещанин).
39. *Простяков* (№ 96 — Ремецкая вол., Гдовского у.).
40. *Портнов* (№ 98 — Валк).
41. *Рябинков* (№ 101, 102 — Вейсенштейн).

42. *Плешанков* (№ 103 — Феллин).
43. *Смолькин* (№106 — Юрьев).
44. *Сатьхеев* (№ 104, 119, ср.: *Затеев* в списке 1855 г., в метриках 1916 г. — *Затхеев*).
45. *Савихин* (108 — Юрьевский мещанин, № 110 крестьянин вол. Кастре).
46. *Скороходов* (№ 116)
47. *Тукачев* (№ 114 — Ремецкая вол., Гдовского у.).
48. *Тукмачев* (№ 117, 118, 119, 120, 121; имя от названия усадьбы в имении Кастре *Тукманчов*).
49. *Фабричников* (№ 128, 129, 130).
50. *Хруев* (№ 21 — Ремецкая вол., Гдовского у.).
51. *Швейкин* (№ 131, имя от названия усадьбы в имении Кастре *Швейкин*). [EAA.1411–1–130].

В архивном фонде старообрядческой общины о. Пийриссаар сохранилась метрическая книга Желаченской старообрядческой общины с 1916 по 1926 гг., в которой имеются данные по отдельным семьям. В ней фиксируются фамилия, имя, отчество членов семьи, дата рождения, в примечаниях указывается степень родства (жена, сын, дочь) и отметка о смерти. В этой книге записаны фамилии, не встречающиеся в эстонской части острова. Приведем список фамилий в алфавитном порядке, хотя в источнике их запись велась произвольно: *Анисимов, Антропов, Бабин, Богданов, Боковнев, Гойдин, Ершов, Жеребцов, Иванов, Ильин, Карзубов, Кобылкин, Корнышов, Коротков, Лекарев, Лешкин, Малышов, Манжурцев, Машинин, Мызников, Никифоров, Пенкин, Простяков, Кондратьев, Рама(о)ненков, Савосткин, Селезнев, Сидоров, Скробатов, Смирнов, Софронов, Степаненков, Стогов, Тарасов, Феклистов, Феофанов, Фокин, Чернышов* [EAA. 5424–1–4]. Обращает на себя внимание большая распространенность патронимов, по сравнению с деревней Пийри, а также повторяемость некоторых фамилий в обеих деревнях, что неудивительно, так как семьи всех деревень роднились между собой.

Почти все эти фамилии мы встречаем в метриках Пийриской старообрядческой общины 1916–1926 гг. Однако в них находим новые, порою довольно экзотические, например, в книге записи рождений за 1919 г. имеются сведения об отце, крестьянине Спицынской волости Спиридоне Лазареве Хеладзе и восприемнике крестьянине Кастерской волости, волостном писаре Прокофии Амосове Кирье. Среди новых фамилий Пийриской общины — Федуловы, Скоробогатовы, Степаненковы, Торстяковы (так!), Кондратовы, Кобылкины, Бабины — это семьи из Желачка [EAA. 5424–1–1, 2, 3].

В первый период существования Эстонской Республики на острове проживало до 1200 человек, из них около одной четверти — эстонцы, остальные — русские, преимущественно старообрядцы. Население окормляли две старообрядческие, одна православная и одна лютеранская церковь. Межовскую (Piiri) старообрядческую общину возглавлял наследник старинной пийрисаарской фамилии С. П. Лешкин, а наставником был поселившийся здесь С. Л. Бабушкин. В Желаченской (Saareküla) общине председательствовал также представитель исконной пийрисаарской фамилии Ф. Феклистов, а наставником был пришлый Т. А. Пенкин. В первом приходе к 1930 г. было 354 прихожанина, во втором — 460, их фамилии еще предстоит изучить.

Литература и источники

Исторический архив Эстонии = EAA.

EAA. 291–8–1650 — *Списки, ревизские сказки и переписка с начальником Лифляндской губернии и Дерптским орднунгсгерихтом о перечислении раскольников.* 1851–1855.

EAA. 330–1–1959 — *Дело о деятельности старообрядческой общины на острове Пийрисаар.* 1910–1916

EAA. 949–1–1608 — *Namentliches Verzeichnis der in den am Peipus-Strande belegenen Dörfern wohnhaften Russen.* 1820.

EAA. 949–1–1608 — *Namentliches Verzeichnis der im Dörptschen Kreise in dem am Peipus-Strande belegenen Dörfern wohnhaften Russen. Gut Kaster Das Dorf Pirisahr, Altgläubigen.* 1828.

EAA. 949–1–1611 — *Verzeichnisse der Raskolniki unter den Gütern am Peipus-Strande, wohnhaften Russen.* 1850.

EAA.1655–2–313 — *Дело о перенесении часовни из дер. Желачке на о. Пири-Саар в дер. Межу.* 1855–1856.

EAA. 1655–2–2983 — *О раскольничестве на острове Пирисаар.* 1848–1857.

EAA. 1865–2–146:4 — *Коллекция ревизских сказок* [*Revisjons-Liste*]. *Кихельконд Вынну, мыза Кастре.* 1811.

EAA. 1865–2–148:3 — *Коллекция ревизских сказок* [*Revisjons-Liste*]. *Кихельконд Вынну, мыза Кастре.* 1834.

EAA. 1865-2-153:4 — *Коллекция ревизских сказок* [*Revisjons-Liste*]. *Кихельконд Вынну, мыза Кастре, д. Межа.* 1858–1865.

EAA. 2059–1 –2621 — *Карты мызы Кастер,* конец XIX в.

EAA. 1411–1–130 — *Список жителей острова Пийриссаар.* 1907.

EAA. 5424–1–1 — *Книга о родившихся Кастро-Вендауской волости дер. Межа Юрьевского уезда Лифляндской губернии за 1916–1926 г.*

EAA. 5424–1–2 — *Книга брачной записи Кастро-Вендауской волости дер. Межа Юрьевского уезда Лифляндской губернии за 1916–1926 г.*

EAA. 5424–1–3 — *Книга о умерших Кастро-Вендауской волости дер. Межа Юрьевского уезда Лифляндской губернии за 1916–1926 г.*

EAA. 5424–1–4 — *Метрическая* [Персональная] *книга Желаченской Старообрядческой общине Юрьевского уезда Лифляндской губернии* [вторая половина XIX в.–1926].

Агеева Е. А. 2004 — О переписи староверов Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. С. 26–103.

Даль В. И. 1980 — *Толковый словарь живого великорусского языка.* В 4-х томах. Т. 4.

Карпенко Ю. А. 1984 — Общие вопросы ономастики. *Русская ономастика.* Одесса. С. 3–16.

Карпенко Ю. А. 1984a — Наиболее употребительные женские имена. (На мат-ле русских островных говоров Южной Украины.) *Русская ономастика.* Одесса. С. 3–16.

Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. С. 155–159.

Малолетко А. М. 2001 — *Географическая ономастика.* 2-е доп. изд. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Мурникова Т. Ф. 1959 — Личные имена в говорах Причудья. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 78. Труды по русской и славянской филологии II.* Тарту. С. 229–237.

Мурникова Т. Ф. 1960 — Русские говоры в Эстонии. *Ученые записки Латвийского гос. унта. Т. 36. Филологические науки. Сб. кафедры рус. яз. 6А.* Рига. С. 44–52.

Никонов В. А. 1988 — География фамилий. Москва: Наука.

Ономастика 1978 — *Проблемы и методы.* Мат-лы к XIII Международному ономастическому конгрессу. Сб. обзоров. М.

Пономарева Г., Шор Т. 2006 — *Eesti vanausulised. = Староверы Эстонии.* Краткий истор. справочник. Tartu.

Сталтмане В. Э. 1977 — К истории латышских фамилий. *Историческая ономастика.* Москва: Наука, 159–180.

Сталтмане В. Э. 1988 — Фамилии на -sons у латышей. *Ономастика. Типология и стратиграфия.* Отв. ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука. С. 19–28.

Суперанская А. В. 1964 — *Как вас зовут? Где вы живете?* Москва: Наука.

Суперанская А. В., Суслова А. В. 1991 — *О русских именах.* Изд. 3-е, испр. и доп. Ленинград.

Суперанская А. В., Суслова А. В. 2008 — *О русских фамилиях.* С.-Петербург.

Суслова А. В. 1988 — *Ономастика. Типология. Стратиграфия.* Москва: Наука.

Унбегаун Б. О. 1989 — *Русские фамилии.* Москва: Прогресс.

Успенский Б. А. 1969 — *Из истории русских канонических имен* (*История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам*). Москва: Изд-во МГУ.

Шор Т. 2010 — Дерптские староверы-предприниматели XIX века (Рундальцовы, Барховы, Лесниковы). *Международные Заволокинские чтения. Сб. 2.* Рига. С. 105–122.

Шор Т. 2006 — Русские писатели и исторические деятели в именах и фамилиях эстонского Принаровья. *Даугава.* № 5/6 (259–260). С. 153–148.

AIS — Веб-ресурс (дата последнего просмотра 27.04.2012): http://ais.ra.ee/

Güsselfeld F. L. 1805 — *Charte von den Herzogthümern Liefland ind Ehstland oder den Statthalterschaftten von Riga und Reval. Nach astronomischen Ortsbestimmungen und den neuesten Specialcharten von den Kreisen u.a.m. entworfen.* Nürnberg, bey Hommans Erben.

Moora A. 1964 — *Peipsimaa etnilisest ajaloost*: *ajaloolis-etnograafiline uurimus Eesti-Vene suhetest.* Tallinn: Eesti NSV TA, Ajaloo Instituut.

Must A. 2000 — *Eestlaste perekonnaloo allikad.* Tartu: Kleio.

Stern C. 1944 — *Dorpat-Pleskauer* Kämpfe um die Peipusfischerei 1224–1371. *Quellen und Forschungen zur baltischen Geschichte. Heft* 5. Riga und Posen, 73–123.

Šor T. 2011 — Dokumente Tartu vanausuliste kohta Eesti Ajalooarhiivi kogudes. *Tartu Linnamuuseum. Aastaraamat 17.* Tartu: Elmatar, 23–34.

Onomastika (testversioon) — Веб-ресурс (дата последнего просмотра 27.04.2012): http://www.eha .ee /labs/onomastika/

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ПРАВОСЛАВНЫЕ И СТАРООБРЯДЦЫ НА ОСТРОВЕ ПИЙРИССААР

Я. Э. ПЛААТ

Данный материал представляет собой экскурс в историю Русской православной (далее — РПЦ) и старообрядческой церквей и их сакральных сооружений на острове Пийриссаар. Экскурс охватывает период с XIV по XXI век. Автор рассматривает отношения староверов острова Пийриссаар с православной церковью и государственной властью, а также уделяет внимание истории возведения на острове старообрядческих моленных и православных храмов.

О православной религии в Эстонии

Первое соприкосновение с пришедшим из России православием у живших на территории современной Эстонской республики балтофиннов (будущих эстонцев) произошло, вероятно, в XI веке. В то же самое время православие, очевидно, пришло и в заселенный русскими и сету Печорский край (Сетумаа), то есть на территорию, которая сейчас находится частично в Эстонии и частично в России. Таким образом, на территории Эстонии православие является старейшей формой христианства. Первые представители здешнего коренного народа приняли православие в XI–XII веках, а значит — до крещения этих земель римско-католической церковью в XIII веке. Не исключено, что первая христианская церковь была построена русскими завоевателями в Юрьеве (Тарту) также в XI веке, и точно известно, что русские православные церкви появились в Тарту и Таллинне не позднее XIV–XV веков[1], но эти храмы до наших дней не сохранились.

[1] См. [Plaat 2012: 77–83]. Всему периоду истории эстонского православия (с XI столетия) посвящена монография Патриарха РПЦ Алексия II (1999) и книга Я. Плаата и А. Маазика

Старейшие церкви, дожившие до наших дней и связанные с православными сету и эстонцами, были построены в XIV–XVII веках и сейчас находятся в российской части Сетумаа (Печорский район Псковской области), см. [Plaat 2011в: 9; Plaat, Maasik 2011: 844–847].

В дополнение к церквям в Таллинне, Тарту и Сетумаа, а также к храмам, построенным в других частях Эстонии в годы Ливонской войны (1558–1583)[1], не позднее XVI столетия были возведены и православные храмы и часовни на территориях вблизи русско-эстонской границы в Вирумаа, см. [Liiv 1928].

Русское население Вирумаа имеет долгую историю, в связи с чем православная вера распространилась в данном регионе достаточно рано. А. Моора предполагает, что новгородские и псковские священники могли крестить носителей русского языка в окрестностях Алутагузе уже в XIII столетии [Moora 1964: 38]. Не позднее XVI в. река Нарова стала рекой-границей между православным и римско-католическим мирами, но православные русские проживали и на западе от реки.

Тем не менее в конце XVII столетия таллиннская церковь Святого Николая была единственной действующей православной церковью на территории тогдашней Эстонии, находившейся под властью Швеции. На землях же Сетумаа, входивших в то время в состав России, к концу XVII в. действовали десятки православных церквей, монастырей и часовен, см. [Plaat, Maasik 2011: 844–850].

К концу шведского правления из приходов Сетумаа и Восточной Эстонии среди эстонцев распространилось православное влияние. В то же время это влияние, вероятно, было еще незначительным, за исключением районов Ида-Вирумаа со смешанным населением. После начавшейся в 1700 г. Северной войны, параллельно с завоеванием эстонских земель русскими войсками, православие стало вновь распространяться по Эстонии. Тем не менее, на завоеванной Россией территории доминирующую позицию продолжала занимать лютеранская церковь, чьи права

Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии (2011, 1008 стр.). Работы по истории православных приходов и церквей в Эстонии были созданы православными священниками В. Беренсом (1974) и А. Кальюкоском (1998).

1 После завоевания большей части средневековой Ливонии в ходе Ливонской войны русские возводили православные церкви и часовни во многих городах Эстонии, а также в деревнях некоторых приграничных районов. На завоеванных территориях предположительно в 1570 г. была основана Тартуская православная епископская кафедра. После поражения России в Ливонской войне построенные здесь православные церкви были разрушены или пришли в упадок, см. [Plaat, Maasik 2011: 34–35].

и привилегии были закреплены Ништадским мирным договором в 1721 г. Этот договор гарантировал и беспрепятственное распространение православной религии на территории Прибалтики.

В начале XVIII в. в результате Северной войны Эстония стала частью Российской империи. Однако православие по-прежнему оставалось в основном верой здешних русских, большинство которых жило в городах, а также сету в восточной Эстонии. В то же время в крупнейших центрах Эстонии еще росло влияние православия, возводились десятки новых церквей и часовен, см. [Plaat 2011a: 19–28].

Так было до начала массового перехода эстонцев из лютеранской веры в православную в 1840-х гг. в Южной Эстонии и в 1880-х гг. в Северной Эстонии. По данным российской переписи населения 1897 года, в эстонских православных приходах было 14% сельского населения (в основном эстонцы), без учета Сетумаа. Остальные православные жили в эстонских городах (28,6% от общего числа православных жителей Эстонии), основную часть которых составляли русские.[1] На рубеже столетий РПЦ в Эстонии имела 102 прихода, в которых состояло 146 824 эстонца [Sild, Salo 1995: 118].

По данным переписи населения 2000 года, среди жителей Эстонии от 15 лет и старше православными себя считали 13,9%, или 143 554 человека, лютеранами — 14,8%, или 152 237 человек, далее следовали представители других конфессий. При этом, по данным переписи, среди общего количества православных эстонцы составляли всего 12,9% (18 517 человек) [2000. aasta rahva… 2002: 292–297].

Краткая история староверов Эстонии

Жестокое преследование старообрядцев после реформы РПЦ, проведенной патриархом Никоном в XVII в., привело к массовому бегству староверов на окраины России и в соседние с ней государства. Самое раннее поселение беглых староверов на территории Эстонии возникло на берегу реки Нарова в деревне Черная (Мустайыэ, Мустйыэ) и датируется концом XVII в.

В конце XVII в. староверы достигли и окрестностей современного города Муствеэ (Чёрная, Чорна) в Причудье. В этот период на западном побережье Чудского озера в основном преобладали эстонские рыбацкие деревушки. Среди всех поселений, образовавшихся в этом регионе в XVII в., единственной

[1] О количестве православного населения более подробно см. [Plaat 2001: 132].

русской православной деревней стала деревня Нина (Нос) [Moora 1964: 60]. Большинство старообрядческих поселений возникло в Западном Причудье в XVIII–XIX вв., когда туда прибыли новые потоки беглых староверов из России. До конца XVIII в. среди старообрядцев Эстонии, вероятно, преобладали федосеевцы, затем стало больше поморцев.[1]

В XVIII в. деревни Западного Причудья были преимущественно эстонскими, а ближе к концу XVIII в. селения со смешанным населением — Муствеэ, Калласте (Красные Горы), Варнья (Воронья) и др. — стали русскими во многом благодаря притоку русских старообрядцев. Большинство старообрядческих поселений (в виде деревень с одной главной улицей вдоль берега озера) возникли в Западном Причудье в последнее десятилетие XVIII в. и в начале XIX в., когда из различных областей России (Новгородской и Тверской губернии и других областей) в Причудье (от Лохусуу до Варнья и острова Пийриссаар) переселилось большое число староверов [Moora 1964: 60, 99, 289].[2] Первые постоянные поселения староверов в Западном Причудье, вероятнее всего, были основаны уже в конце 1730-х гг. [Berg, Kulu 1996: 1168], наряду с поселениями староверов, обосновавшихся в окрестностях Муствеэ и по берегам реки Нарова.

Самая древняя из известных старообрядческих моленных (после скита в Ряпина[3]) была построена в Западном Причудье в деревне Кюкита (Кикита) и освящена в 1740 г. в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня[4], см. [Пономарева, Шор 2006: 84–85].

Указом царя Николая I в 1826 г. было запрещено восстановление и строительство т. н. раскольничьих (то есть старообрядческих) моленных. Начался новый период преследования староверов со стороны властей

---

1 Подробнее о поморцах и федосеевцах см., например, [Nikolski 1988: 199–210, 269–277; Агеева, Мальцев, Юхименко 2002].

2 Согласно архивным источникам, представленным в исследовании Е. Рихтер, население русских поселений в Западном Причудье росло следующим образом: в 1782 г. — 811, в 1811 г. — 1172, с 1820 г. — до 2700 и в 1846 г. — 4600 человек [Рихтер 1976: 21]; см. также [Kurs 1996: 28; Очерки… 2004: 105]. Большую часть населения составляли староверы.

3 До создания старообрядческих деревень, сохранившихся по берегам Чудского озера до настоящего времени, самое крупное поселение староверов находилось на землях Ряпинской мызы и просуществовало примерно с 1710 г. по 1722 г., см. [Рихтер 1976: 16; Moora 1964: 107; Kivistik 2009].

4 История старообрядчества в Эстонии, начиная с XVII в., имеет множество трактовок и отражена в многочисленных публикациях [Moora 1964; Рихтер 1976; Berg, Kulu 1996; Пономарева 1999; Pentikäinen, Raudalainen 1999; Очерки… 2004, 2007; Plaat 2005, 2011б; Пономарева, Шор 2006].

и православной церкви. В начале 1830-х гг. волна жестоких гонений настигла Причудье.

До начала гонений в период правления Николая I у староверов Эстонии имелись свои моленные, по крайней мере, в 8 деревнях Причудья, а также в Таллинне и Тарту. Староверы проживали также в районе Нарвы и в других частях Эстонии. Единственной моленной в Причудье, избежавшей закрытия во время преследований в 1830–1850 гг., была моленная в Казепяэ (Казепель). В 1860 гг. снова начали действовать полусекретные старообрядческие моленные в Причудье [Пономарева, Шор 2006: 11–15, 111].

После провозглашения царского Манифеста 1905 г. и в первый период существования Эстонской Республики (1918–1940), староверы и их общины получили официальное признание. Согласно переписи населения 1934 г., насчитывалось 5276 староверов [Risch 1937: 122, 133], которые находились на четвертом месте среди конфессий после лютеран, православных и баптистов.[1] В причудских деревнях, а также в Таллинне и Тарту в 1920–1930-х гг. действовало 12 старообрядческих общин и строилось несколько старообрядческих моленных, см. [Трейфельдт 2007].

Достаточно спокойное существование староверов во времена Эстонской Республики было прервано с наступлением периода оккупации в 1940 году. Во время немецкой оккупации (1941–1944) происходило преследование староверов, см. [Plaat 2011б: 146–147].

В период советской оккупации (1940–1941, 1944–1991) деятельность всех конфессий, в т.ч. старообрядческих общин, находилась под надзором властей и была строго регламентирована. Также было распространено преследование верующих и репрессии, см. [Plaat 2001: 179 и др.; 2005: 14–22; 2011б: 147–152; Пономарева, Шор 2006: 22–24].

Эстонский представитель Совета по делам религий, действовавшего при Совете министров СССР, зарегистрировал в 1946 г. 11 старообрядческих общин, насчитывавших 5806 членов и 9 наставников [ЭГА, f R–1989, n 2, s 3, l 49–50, 84; Berg, Kulu 1996: 1169].

Согласно переписи Совета по делам религий, в советский период число староверов резко упало. По оценке представителей Совета, число староверов снизилось с 1600 человек в 1961 г. до 600 человек к 1989 г.[2] В 1976 г.

[1] Для сравнения: согласно переписи населения 1934 г., количество православных в Эстонии составляло 207 488 человек (18,4%), см. [Plaat 2001: 148].

[2] Таким образом, по данным представителей Совета по делам религий, по сравнению с результатами переписи населения 1934 г. число членов общин старообрядцев к концу 1980-х годов уменьшилось примерно в 9 раз. Однако к статистике советского периода следу-

на 11 общин приходилось семь наставников (средний возраст наставника составлял 73 года).[1]

После восстановления Эстонской Республики в 1995 г. был зарегистрирован Союз старообрядческих общин Эстонии, в который по-прежнему входило 11 общин, из них 9 причудских (Муствеэ, Рая, Кюкита, Калласте, Вяйке-Колкья, Суур-Колкья, Казепяэ, Варнья, Пийриссаар) и по одной общине из Таллинна и Тарту. В ходе переписи населения в 2000 г. 2515 жителей Эстонии, достигших возраста 15-ти лет и старше, обозначили себя староверами. Среди староверов насчитывалось 2390 русских (95%), 91 эстонец и 34 представителя других национальностей. По данным переписи населения 2000 года, на острове Пийриссаар, населенном преимущественно русскими староверами, из общего числа населения (104 человек) эстонцы составляли всего 17%.[2]

Православные и старообрядцы-поморцы на острове Пийриссаар

Наиболее древнее русское поселение на острове известно с 1370 г. под названием Желачек. После Северной войны (1700–1721) часть острова (деревня Межа) отошла к Лифляндской губернии (мыза Кастре), а часть (деревня Желачек) — к Псковской губернии [Пономарёва, Шор 2006: 127].

В настоящее время на острове Пийриссаар (также известном как Порка или Борка) имеются три деревни: Пийри (Пийрикюла, рус. Межа), Тоони (рус. Тони) и Сааре (Саарекюла, рус. Желачек, Желачко). По данным А. Кальюкоска, упоминание о православном храме в деревне Сааре относится уже к 1370 г. В 1459 г. эта деревянная церковь была разрушена войсками Ливонского ордена. Затем храм был восстановлен и просущест-

---

ет относиться критично. Вероятнее всего, речь идет о приблизительном количестве людей, посещавших старообрядческие церкви в церковные праздники, а не о людях, считавших себя староверами, см. [Plaat 2011б: 148–150].

1 Для сравнения можно привести следующие данные: в православной церкви в 1976 г. в 86 приходах служил 51 священник, а число православных общин по сравнению с 1938 годом снизилось почти в три раза, см. [Plaat 2001: 446–447].

2 Здесь следует учитывать, что ответ на вопрос о вероисповедании был добровольным. Число староверов могло бы возрасти, если бы учитывались все дети и когда-то крещенные в старообрядчество, а затем отдалившиеся от религии. Из 2515 староверов в селениях проживало 1035 человек, а в городах — 1480 (в том числе в Тарту 483, в Таллинне 275, остальные — преимущественно в Калласте, Муствеэ и в городах Ида-Вируского уезда). В причудских деревнях и городах Тартуского и Йыгеваского уезда всего проживало около 1500 взрослых староверов. Результаты переписи населения и их критику см. [Plaat 2002, 2005: 24–26; 2011б: 152–153; 2000. aasta rahva… 2001, 2002].

вовал вплоть до Северной войны, во время которой был разрушен шведами. Новая церковь была построена на расстоянии трех километров от острова Пийриссаар на острове Озолица. Вследствие наводнения на острове храм перестал существовать [Kaljukosk 1998: 109][1].

По данным В. Беренса, после этого на острове Пийриссаар не было своего прихода, однако в деревне Тоони имелась деревянная часовня. Именно эту часовню заняли русские старообрядцы, перебравшиеся на остров в XVIII в. Вскоре к старообрядческому приходу присоединились немногочисленные эстонцы лютеранского вероисповедания и все проживающие на острове православные, за исключением одной русской семьи [Беренс 1974: 289].

Первые архивные материалы, касающиеся старообрядческой моленной в деревне Пийри на острове Пийриссаар, относятся к 1802 г.[2] Имеются данные о том, что в 1825 г. к немногочисленному населению острова, состоящему из русских и эстонцев, добавились староверы из Поморья с Онежского озера [Tund 2009: 20]. К 1833 году на острове Пийриссаар проживало 337 староверов (в Пийрикюла и Саарекюла) [Пономарева, Шор 2006: 127].

Жестокие преследования, которым подвергались старообрядцы в период правления Николая I в 1830–1850 гг., см. [Pentikäinen, Raudalainen 1999: 90–91; Очерки… 2004: 105–143; Plaat 2005: 10–11; Пономарева, Шор 2006; Plaat 2011б: 137–139], достигли также острова Пийриссаар. По данным В. Беренса, в 1850-х гг. почти все староверы острова перешли в православие, однако в 1860-х гг. большинство вернулось к старообрядчеству [Беренс 1974: 289]. Вероятно, в православие перешли все же не все староверы. Известен случай (1856 г.), когда у одной староверки насильно отобрали детей и крестили их в православие [Пономарева, Шор 2006: 127]. По некоторым данным, на острове Пийриссаар в 1850-х гг. речь могла идти о т. н. единоверческой церкви, у которой имелся основанный в 1848 г. собственный приход в Муствеэ, см.

---

[1] Данные А. Кальюкоска не бесспорны. Так А. Селарт указывает, что первое упоминание о храме на одном из островов относится к 1460-м годам, см. Selart, A. Eesti idapiir keskajal. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998, lk. 51–53 (примеч. редактора).

[2] Моленная в Пийрикюла, а также моленные в Муствеэ, Калласте и Суур-Колкья (Большие Кольки) могли быть построены и до 1802 г. Часть моленных на западном берегу Чудского озера была построена в середине или во второй половине XVIII века: в Кюкита, Казепяэ, Варнья. К началу XIX в., кроме деревень на западном побережье Чудского озера, старообрядческие моленные имелись также в Таллинне и, вероятнее всего, в Тарту [Рихтер 1976: 16; Пономарева 1999: 33–34; Пономарева, Шор 2006: 10, 84–85].

[Беренс, 1974: 207–208; Пономарева, Шор 2006: 68–70; Plaat 2011б: 136–137].

В 1853 г. тартуский священник православной церкви (РПЦ) Павел Алексеев обратился к Святейшему Синоду РПЦ с просьбой открыть православные приходы в Варнья и на острове Пийриссаар. Новые приходы должны были способствовать борьбе со старообрядческим «раскольничеством». В январе 1854 г. на острове Пийриссаар был основан православный приход, прихожанами которого стали жители деревень Пийри, Сааре и Тоони, а также жители материковых деревень Меэрапалу и Педаспяэ (другое название — Сосница). С 1854 г. православный храм действовал в деревянном здании старой старообрядческой моленной в деревне Тоони. Эта церковь была освящена в 1858 г. в честь Рождества Христова [Беренс 1974: 289].

Вероятно, на острове Пийриссаар, как и во многих старообрядческих деревнях Причудья, несмотря на преследования староверов, тайно продолжали проводиться молебны. После смерти Николая I в 1855 г. ситуация немного смягчилась, и уже в 1860-х гг. в Причудье стали открываться новые, отчасти подпольные, моленные, в которых сначала проводились тайные, а потом и публичные богослужения. В 1865 г., по данным губернатора, в Лифляндии в Тартуском уезде (к которому относились также деревни староверов Причудья) насчитывалось 2020 староверов мужского пола и 2379 женского пола, всего 4399 человек (среди них 333 — в деревне Пийри; староверы деревни Сааре относились к Санкт-Петербургской губернии), и единоверцев (только в Муствеэ) соответственно 314 и 291 (всего 605 человек).[1]

На острове Пийриссаар, начиная с 1860 гг., строилось несколько старообрядческих моленных. В 1861 г. старообрядцы самовольно открыли на острове две моленные. Одна была в деревне Пийри (Межа) у крестьянина Емельяна Васильева, а вторая — у пристани мызы Кастер в доме Леонтия Петрова. Наставником был Трофим Лаврентьев. Скоро губернское начальство узнало об этом, и моленные были закрыты (Е. Васильеву и Л. Петрову сделали строгое внушение). И все же через два года в деревне Сааре (Желачке) была построена деревянная моленная на 400 человек. В начале XX в. число членов Пийриссаарской общины колебалось в пределах 300–400 человек. В 1914 г. в Лифляндском губернском правлении был утвержден план

---

[1] См. *Документы по истории староверов Эстонии в XIX веке.* Публикация и комментарии Л. Дубьевой [веб-ресурс: http://www.starover.ee/ru/index.html]; [Plaat 2011б: 140].

нового молитвенного дома в деревне Пийри [Пономарева, Шор 2006: 127–129]. Здание старообрядческой церкви в деревне Пийри сгорело во время пожара 1921, и правительством Эстонии были выделены средства на восстановление храма. В годы немецкой оккупации храм был уничтожен.[1]

В первый период независимой Эстонской Республики в список старообрядческих общин были внесены две общины острова: в 1924 была зарегистрирована община старообрядцев в деревне Пийри, а в 1926 г. прошла регистрацию Саарекюлаская (Желаченская) община. В старообрядческой общине Пийрикюла к 1930 году насчитывалось 354 члена, в общине Саарекюла — 460 членов. Во время Эстонской Республики на острове имелись две старообрядческие моленные, одна православная церковь и одна лютеранская церковь. На острове проживало до 1200 человек, из них около одной четверти — эстонцы, остальные — русские, преимущественно старообрядцы [Пономарева, Шор 2006: 129–131].

Эстонская Республика принесла с собой свободу веры для староверов, однако старообрядцы все же подвергались преследованию. Так, в 1935 г. недовольство староверов вызвало распоряжение министра внутренних дел о переходе на новый календарь. Запрет отмечать церковные праздники по старому календарю настолько обострил отношения с государственной властью, что в 1935 г. моленные староверов в Причудье были закрыты, а часть священников была фактически выслана [Sild, Salo 1995: 187; Berg, Kulu 1996: 1179; Pentikäinen, Raudalainen 1999: 91]. Наставнику староверов с острова Пийриссаар Михаилу Вавилову было запрещено проживать в Тартуском, Печорском и Вируском уездах, а также в Таллинне [Lõuna 2003: 46]. После прошения, поданного староверами президенту Константину Пятсу ситуация разрешилась мирным путем и благоприятно для старообрядцев [Pentikäinen, Raudalainen 1999: 91–92].

Во время Второй мировой войны немцы выселили жителей с острова Пийриссаар. Осенью 1943 года по приказу немцев силами военизированной организации «Omakaitse» («Самооборона») в течение нескольких часов была депортирована большая часть русского населения острова Пийриссаар [Гришаков 2007: 201–202].

[1] http://kopajglubze.ucoz.ru/publ/19-1-0-70

Моленная в деревне Пийри во время войны была сожжена. Позднее староверы пытались ее восстановить, но этого сделать не удалось, и после Второй мировой войны свою деятельность на острове продолжила только моленная в деревне Сааре, см. [Пономарева, Шор 2006: 131].

Фото 1. Старообрядческая моленная в деревне Сааре (Саарекюла, рус. Желачек, Желачко) на острове Пийриссаар. *Фото О. Н. Паликовой (февраль, 2011).*

Староверы Пийрисаара зарегистрировали Желаченскую (Саарекюласкую) старообрядческую общину 10 августа 1945 г. Наставником состоял Михаил Кириллович Вавилов. Старообрядческую общину в деревне Пийри (Межа) не зарегистрировали. В 1951 г. на общем собрании Желаченской общины было решено объединиться с Межовской и проводить религиозные обряды и требы поровну — как в деревне Пийри, так и в деревне Сааре. Поскольку моленная в деревне Пийри не была восстановлена, то вся религиозная жизнь старообрядцев сосредочилась в Сааре. В 1952 г. в большие праздники церковь посещали до четырехсот человек [Пономарева, Шор 2006: 131].

После Второй мировой войны в Эстонской Советской Социалистической Республике (ЭССР) на острове Пийриссаар действовала и православная церковь. В 1921 г. православный храм (дата освящения: 1858 г.) в деревне Тоони сгорел (при этом церковное убранство удалось спасти), а на его месте на средства от пожертвований в 1927–1929 гг. была построена новая церковь, освященная в 1929 г. в честь святых апостолов Петра и Павла [Беренс 1974: 289–290].

Фото 2. Православный храм Святых апостолов Петра и Павла в деревне Тоони (рус. Тони) на острове Пийриссаар. *Фото О. Н. Паликовой (февраль, 2011).*

Архитектура квадратной в плане каменной церкви не была характерна для эстонских православных храмов. Церковь построена в неорусском («ново-русском») стиле, см. [Берташ 1997, 2002]. Купол-луковица увенчивала барабан, имелась двухпролетная звонница псковского типа над крыльцом — «притвором». Характерная особенность храма — восьмискатная кровля с пощипцовым заверше-

нием.[1] Вероятнее всего, архитектором этой каменной церкви был Александр Владовский[2], но письменных источников, которые бы это подтверждали, нет.[3]

Православная приходская школа на острове Пийриссаар работала с 1854 по 1917 г., вспомогательная школа в Педаспяэ (Сосница) на материке с 1889 по 1917 г. В 1890 г. число прихожан православного пийриссаареского прихода составляло 149 человек, в 1909 г. — 117 человек; в 1927 г. — 75, а в 1939 г. — только 12 человек [Беренс 1974: 289–290].

Первым постоянным приходским священником пийриссаареского прихода был Н. Азданов (1854–1855), а первым священником-эстонцем и одновременно последним приходским священиком стал А. Леэтс (1921–1923). Вплоть до 1960-х гг. в приходе служили священники из других приходов [Kaljukosk 1998: 109–110].

В 1948 г. эстонское епископство РПЦ предоставило уполномоченному Совета по делам РПЦ в ЭССР список из шести приходов, число прихожан в которых значительно сократилось, а богослужения проводились очень редко или не проводились вообще. Среди этих приходов, подготовленных к закрытию, был и православный приход на острове Пийриссаар. По данным уполномоченного Совета по делам РПЦ Н. Карсакова, в июле 1948 г. в пийриссаареском приходе числилось 25–30 человек, последнее богослужение было проведено на острове летом 1947 г., а местные православные не проявляли никакого интереса к деятельности прихода [Sõtšov 2004: 70]. Однако некоторое время приход еще находился на попечении священников с материка.

В 1954 г. верующие эстонцы из местечка Мээрапалу (деревня на побережье), относившегося к приходу Пийриссааре, ходатайствовали о создании самостоятельного прихода и получении разрешения на строительство храма, поскольку деятельность прихода Пийриссааре велась на русском языке, а ближайший эстонский приход находился слишком далеко. Испол-

---

1 Данные свящ. о. Александра Берташа (2012); см. [Plaat, Maasik 2011: 734–739].

2 В 1920–1930 гг. архитектор А. Владовский разработал серию уникальных деревянных и каменных церквей (в том числе храмы в таллиннских Нымме и Копли, а также в Саатсе). Таллиннская церковь Иоанна Крестителя (в Нымме) была построена в 1923 г., а церковь Святого Николая (в Копли) — в 1935 г. Строительство новой церкви в Саатсе напротив старой православной церкви началось в 1939 г. и осталось незавершенным [см. Plaat, Maasik 2011: 188–199, 962–967].

3 Стилистика этой церкви имеет единственный аналог — Корсунскую часовню в Изборске, приписываемую Владовскому, остальные постройки архитектора стилистически далеки [Данные свящ. о. А. Берташа (2012)].

нительный комитет Ряпинаского района ответил на это ходатайство категорическим отказом [Sõtšov 2008: 46].

В 1964 г. пийриссаарская православная община, состоявшая из 12 прихожан, согласилась с решением о закрытии прихода. Вероятно, согласие было вызвано четырехкратным повышением налогового бремени в 1963 г. Плата по страхованию церкви в 1963 г. выросла с 13 до 54 руб. Выплата подобных сумм малочисленному приходу была не под силу. Правление прихода в количестве четырех человек во главе с Е. Рыбаковым в своем письме уполномоченному Совета по делам РПЦ от 2 января 1964 г. признало неспособность прихода справиться с выплатой государственных налогов. Заявление о ликвидации пийриссаарского прихода, представленное уполномоченным Я. Кантером было удовлетворено на собрании Совета по делам РПЦ в Москве 1 апреля 1964 г. В мае того же года правление прихода передало заместителю председателя исполнительного комитета Тартуского района ключи от церкви, а священник Ю. Нийнеметс отвез важнейшие предметы церковной утвари в Ряпина. По словам Нийнеметса (последнего замещающего священника прихода Пийриссааре, служившего здесь с 1956 г.), прощание прихожан с храмом стало очень горьким и тяжким испытанием: «Члены приходского правления преклонили колени, при выходе из храма отвесили земной поклон и произнесли: «Прости нас, Господи» [Sõtšov 2007: 128].

По имеющимся данным, больше богослужения в церкви не проводились. В начале XXI в. Эстонская апостольская православная церковь представила в волостную управу на острове Пийриссаар в Тартуском уезде ходатайство о возвращении храма в деревне Тоони. Пока этот вопрос не решен.

После закрытия православного прихода на Пийриссааре в 1964 г. свою деятельность на острове продолжила только старообрядческая моленная в деревне Сааре. В послевоенный период там служили наставниками В. П. Амелькин, К. С. Карзубов, К. А. Смирнов, временно церковные службы проводил Ф. Я. Ноев из Калласте. С 2004 г. церковные службы проводила Матрена Григорьевна Ершова [Пономарева, Шор 2006: 133].[1]

Религия до настоящего времени является одной из основ самоидентификации старообрядцев на острове Пийриссаар. Культура староверов в Западном Причудье и на острове Пийриссаар является одной из наиболее своеобразных культур в Эстонии, сохраняющей старинные традиции с бо-

[1] Сейчас это делает Зоя Васильевна Брянова, М. Г. Ершова помогает ей по мере сил (примеч. редактора).

лее чем трехвековой историей. Однако роль религии с советского времени значительно снизилась. Здесь наблюдаются большие различия между поколениями. Основным носителем старообрядчества в настоящее время является старшее поколение.

Старообрядчество можно с уверенностью назвать одним из ярчайших примеров сохранения мощного культурного своеобразия в современной Эстонии.

Литература и источники

Агеева Е. А., Мальцев А. И., Юхименко Е. М. 2002 — Беспоповцы. *Православная энциклопедия*. Т. IV: Афанасий–Бессмертие. Москва. С. 702–724.

Беренс В. 1974 — *Историко-статистическое описание церквей и приходов Северо-Западных епархий. Часть 2. Эстонская епархия*. Таллин. (Рукопись)

Берташ А. 2002 — Неорусский стиль. *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. Т. 2. Москва.–С.-Петербург. С. 564–565.

Берташ А. 1997 — Церковное строительство в Эстонии в середине XIX – начале XX вв. *Первые Димитриевские чтения*. Ч. 2. С.-Петербург. С. 116–125.

ЭГА — Эстонский государственный архив. Таллин.

Гришаков В. Л. 2007 — Старообрядчество в Эстонии и жизнь староверов Тартуского уезда в 1940–1991 гг. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 201–209.

Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2004.

Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007.

Пономарева Г. М. 1999 — *Русские староверы в Эстонии / Vene vanausulised Eestis / Russian old believers in Estonia*. Tartu.

Пономарева Г. М., Шор Т. К. 2006 — *Eesti vanausulised: väike kirikuloo teatmik / Староверы Эстонии: краткий исторический справочник / The old believers of Estonia: a brief historical survey*. Tartu.

Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население западного Причудья: очерки истории, материальной и духовной культуры*. Таллин.

Трейфельдт Р. 2007 — Старообрядческие храмы в эстонской архитектуре 1920–30-х годов. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту. С. 72–84.

2000. aasta rahva… 2001 — *2000. aasta rahva ja eluruumide loendus II. Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus. 2000 Population and Housing Census II. Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages*. Tallinn.

2000. aasta rahva… 2002 — *2000. aasta rahva ja eluruumide loendus IV. Haridus. Usk. 2000 Population and Housing Census IV. Education. Religion*. Tallinn.

Berg E., Kulu H. 1996 — Peipsivenelased: Rahvus- ja regionaalpoliitilised realiteedid. *Akadeemia* 6. Lk. 1164–1183.

Kaljukosk A. 1998 — *Eesti Apostlik-Õigeusu koguduste ajaloolised andmed.* Tallinn. (Рукопись)

Kivistik V. 2009 — Vanausuliste pelgupaik Räpinas. *Vene vanausuliste jälgedes Räpinas, Beresjes ja Piirissaarel.* Räpina. Lk. 3–10.

Kurs O. 1996 — Mustvee Peipsimaa etnilises siirdevööndis. *Etnilised vähemused Eestis, nende tänased probleemid ja tulevik*. Jõgeva. Lk. 27–32.

Liiv O. 1928 — *Vene asustusest Alutagusel kuni XVIII sajandi esimese veerandini: koos asustuse tulunduselu ja usulise seisundi vaatluskatsega päämiselt Rootsi ajal*. Tartu.

Lõuna K. 2003 — *Petserimaa: Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940***.** Tallinn.

Moora A. 1964 — *Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus Eesti-Vene suhetest.* Tallinn.

Nikolski N. 1988 — *Vene kiriku ajalugu.* Tallinn.

Pentikäinen J., Raudalainen T. 1999 — The Priestless *Pomortsy* in the Baltic States: Old Believer Communities on the Western Coast of Lake Peipus. *Silent as Waters We Live: Old Believers in Russia and Abroad: Cultural Encounter with the Finno-Ugrians*. Studia Fennica. Folkloristica 6. Ed. J. Pentikäinen. Helsinki. P. 84–96.

Plaat J. 2001 — *Usuliikumised, kirikud ja vabakogudused Lääne- ja Hiiumaal: Usuühenduste muutumisprotsessid 18. sajandi keskpaigast kuni 20. sajandi lõpuni*. Eesti Rahva Muuseumi Sari 2. Tartu.

Plaat J. 2002 — Christian and Non-Christian Religiosity in Estonia in the 1990s: Comparison of Estonians and other Ethnic Groups. *Pro Ethnologia* 14. P. 97–134.

Plaat J. 2005 — The Identity and Demographic Situation of Russian Old Believers in Estonia. (With Regard to the Period of the 18th to the Early 21st Century). *Pro Ethnologia 19. The Russian Speaking Minorities in Estonia and Latvia*. Eds. T. Anepaio, O. Mertelsmann, J. Plaat. P. 7–31.

Plaat J. 2011a — Orthodoxy and Orthodox Sacral Buildings in Estonia from the 11th to the 19th Centuries. *Folklore* 47. P. 7–42.

Plaat J. 2011б — Vene vanausulised ja nende pühakojad Eestis 17.–21. sajandil. *Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat* 54, Tartu. Lk. 132–161.

Plaat J. 2011в — Õigeusk ja õigeusu pühakojad Eestis 11.–19. sajandil. *Mäetagused* 47. Lk. 7–38.

Plaat J. 2012. Varane vene õigeusu mõju Eestis ja Petserimaal: õigeusklikud ja õigeusu pühamud 11.–17. sajandil. *Akadeemia* 1. Lk. 75–108.

Plaat J., Maasik A. 2011 — *Õigeusu kirikud, kloostrid ja kabelid Eestis. Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии. Orthodox Churches, Convents and Chapels in Estonia*. Tallinn.

Risch H. 1937 — Die estnische apostolisch-rechtgläubige Kirche. *Kyrios* 2. S. 113–142.

Sild O., Salo V. 1995 — *Lühike Eesti kirikulugu*. Tartu.

Sõtšov A. 2004 — *Eesti õigeusu piiskopkond Stalini ajal aastail 1945–1953*. Tartu.

Sõtšov A. 2007 — Eesti õigeusu koguduste likvideerimine Nikita Hruštšovi ajal aastail 1954–64. *Acta Historica Tallinnensia* 11. Lk. 115–130.

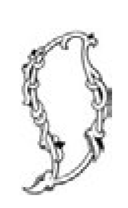
Sõtšov A. 2008 — *Eesti Õigeusu Piiskopkond nõukogude religioonipoliitika mõjuväljas 1954–1964*. Tartu.

Tund V. 2009 — Piirissaare vanausulised. *Vene vanausuliste jälgedes Räpinas, Beresjes ja Piirissaarel*. Räpina. Lk. 19–27.

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ПРИЧУДЬЕ В ГАЗЕТЕ «EESTI SÕNA»

Г. М. ПОНОМАРЕВА

дна из крупнейших эстонских ежедневных иллюстрированных газет, издававшихся во время немецкой оккупации с 3 декабря 1941 года до середины сентября 1944 года, когда в Таллинн вошли советские войска, — газета „Eesti Sõna“ (Эстонское слово). С конца 1944 по начало 1945 года газета выходила уже в Берлине. „Eesti Sõna“ издавалась в Таллинне большим тиражом — 110–114 тысяч экземпляров , печаталась 6 раз в неделю, ее объем был от 4 до 8 страниц. Ее редакторами были известный писатель А. Кивикас, позже — журналист и историк А. Ойнас. В газете работали известные эстонские писатели Х. Виснапуу и А. Калмус. Появление в «Eesti Sõna» статей, посвященных Причудью, не было случайностью. Эстонцев всегда интересовало Причудье, где несколько столетий жили старообрядцы, существенно отличавшиеся от других местных русских. Можно отметить несколько статей о Причудье, написанных журналистом Эвалдом Мяндом под псевдонимом Kalur (Рыбак). Как писатель Мянд больше известен под другим псевдонимом — Айн Калмус (1906–2001). Он является одним из наиболее известных эстонских писателей-эмигрантов, автором романов, воспоминаний, стихотворений. Его проза переведена на многие европейские языки. В Таллинне в 2000 году на русском языке в переводе О. Наэль вышел его роман «Иуда». До войны Мянд был баптистским проповедником, поэтому во второй половине 1930-х годов ему часто приходилось ездить в Причудье, где баптисты были очень активны. Отношения между баптистами и староверами были очень напряженными, но быт староверов Мянд хорошо знал еще в довоенное время. В мемуарах „Kadunud saar“ («Пропавший остров», Lund 1972) он вспоминает, что зимой и осенью он как миссионер проводил собрания на Пийриссааре. Конечно, очень непросто было добраться на остров в это время года. После этого Мянд еще несколько раз

бывал на острове и даже однажды провел там лето с семьей как дачник, считая, что общество бесхитростных, простых людей ему больше подходит. В годы немецкой оккупации редактор А. Кивикас пригласил Мянда сотрудничать в газете «Eesti Sõna». В ней был опубликован и первый роман писателя «Соленые ветры» (Soolased tuuled), вышедший в Таллинне в 1944 году отдельной книгой, тираж которой был уничтожен во время бомбежки. Затем Мянд стал уже официально работать в газете, поскольку это освобождало от мобилизации в немецкую армию.

Цикл очерков «Kirjad Peipsilt» носит этнографический характер. Он никогда больше не перепечатывался. Между тем это свидетельство интереса крупного эстонского писателя к старообрядческой культуре. Никто из выдающихся эстонских литераторов о староверах раньше не писал, возможно, этому препятствовало как недостаточное владение русским языком, так и плохое знакомство с этим краем. Мянд, в детстве учившийся в православной церковно-приходской школе, хорошо знал русский язык и неплохо изучил жизнь Причудья.

В конце войны Мянду с семьей со второй попытки удалось уплыть на маленькой лодке в Швецию. В 1946 году он переехал в США, где у него были свои связи, поскольку в первой половине 1930-х годов он учился в Андовере. Мянд продолжил деятельность баптистского проповедника и преподавал в той высшей баптистской школе, где сам когда-то учился.

Мянд вырос на острове Хийумаа и в юности некоторое время плавал матросом на море, поэтому хорошо знал рыбацкий быт. Калмус постоянно сравнивает морских и речных рыбаков. Он сопоставляет их лодки, образ жизни. В 1941 году отношение эстонцев к русским причудцам ухудшилось. Это было связано с тем, что часть жителей Причудья поддержала советскую власть. В начале войны русские причудские мужчины пришли на призывные пункты, тогда как эстонцы предпочитали скрываться в лесах от мобилизации. Но Калмус показывает, что в 1942 году взаимоотношения между местными эстонцами и русскими уже стали лучше. Многие местные русские осуждают большевистскую власть, которая за год принесла им много горя и зла.

Ниже публикуются в переводе на русский язык два очерка Э. Мянда о Пийриссааре, напечатанные в газете „Eesti Sõna“ летом и осенью 1942 г.

ПИЙРИССААР — рыболовный центр Чудского озера[1]

Газета „Eesti Sõna". 22 июля 1942 г. № 166, стр. 4.

За волнующимся простором Чудского озера синеет узкая ультрамариновая полоска земли. «Пийриссаар», — говорит капитан, указывая рукой в его сторону. Но корабль еще совсем недалеко от берега Меэрапалу. За бортом приплясывает маленькая лодочка, на которую перетаскивают ящики, стулья, столы и другую мебель. Потом в лодку перебирается и пара человек с корабля. Похоже, кто-то использовал этот водный путь, чтобы сменить место жительства. А в лодке хлопочет энергичная женщина средних лет. Отдает распоряжения и мужчинам. Похоже, она здесь шкипер или, во всяком случае, важная персона. И вот лодка направляется к берегу. Корабль же по волнующимся водам направляется к виднеющемуся издалека острову.

Путь корабля вьется между отмелями и, огибая мыс, направляется к пристани. Берег напоминает заливной луг или даже скорее болото. Но лодочный причал новый и хороший. На причале ждут люди. Мы сходим с корабля и осматриваемся. Первое впечатление безрадостно. Но вдруг взгляд привлекает прямой длинный канал, который ведет от озера прямо вглубь острова. Здесь ждет большая баржа. На нее забираются пассажиры с тяжелым багажом.

И вот это своеобразное средство передвижения, которое тянет лошадь, направляется внутрь острова. Эта поездка уже сама по себе впечатляет и показывает, что мы попали в новую обстановку. Вообще же здесь поверхность земли невысока, как в Голландии. Несложно представить себе этот остров изрытым каналами, по которым плывут низкие корабли, как там, в стране каналов и ветряных мельниц.

Канал заканчивается. В отдалении видна деревня. Дойдя до нее, мы оказываемся в дебрях строений, стоящих плотнее, чем в некоторых провинциальных городках. Дома низкие, одноэтажные. Некоторые обшиты досками и выкрашены, другие попроще. Но все выглядят чистыми. Эта деревня —

---

1 Перевод: София Волкова, 2012.

русская, в другом ее конце живут и эстонцы. А в двух других деревнях только русские. Здесь и есть всего три деревни.

Улицы заросли зеленой травой, по обеим сторонам тянутся вешала[1]. На вешалах сохнут разнообразные сети. Там же необычные чудские заколы[2], которые чинят рыбаки. Дети снуют туда-сюда. А за домами и вокруг них растет лук.

Лук растет пышно

Нет сомнений в том, что лук занимает почетное место в земледелии Причудья. Таких роскошных луковых грядок я больше нигде не видел. Земля низкая, черная и весной получает столько навоза, что сейчас больше напоминает компост, чем поле. Между грядками выкопаны глубокие канавы, потому что почва очень влажная. Плоды на грядках растут кучно. Лук, лук и еще раз лук.

Но среди лука растут и другие овощи. Боязливая морковка и стыдливая свекла тоже пытаются как-то протолкнуться вверх между его побегами. Тут же капуста. Они все растут на одной грядке. Здесь мало земли и люди научились использовать и то небольшое пространство, которое остается между растениями.

Так на одной грядке растут те овощи, которые в другом месте заняли бы целый огород. Никакого сомнения, что осенью земли уже не увидишь, вся грядка — одна сплошная масса овощей. Так они растут здесь неприхотливо и еды хватает всем, потому что в каждом доме своя корова и свинья и куда же девать навоз, как не на эту самую грядку.

Культура выращивания лука имеет и экономическое обоснование. Пийриссаарец получает со своего небольшого огорода почти 60 пудов лука. А цена пуда лука раньше равнялась цене пуда муки. Так что со своего скромного участка размером в один лофштель[3] местный хозяин получает такой урожай, что если его пересчитать в рожь, то даже лучший земледелец остается далеко позади. Кроме того, он имеет и другие овощи, которые выросли среди лука. С таким использованием земли мог бы соревноваться разве что японский крестьянин.

---

[1] Рус. диал. *вешала́* — ряд кольев, на которые натягивают сети для просушки.

[2] Эст. *mõrd*, эст. диал. *mõrrat* = ве́рша; в Причудье называется *зако́л*.

[3] Эст. *vakamaa* = ло́фштель (нем.), пу́рное место — поземельная мера в остзейских губерниях = 1/3 десятины.

Рыбная ловля круглый год

А вот снасти, которые сушатся и чинятся, повествуют о другой стороне жизни острова — о рыбной ловле. Потому что здесь и именно здесь находится рыболовный центр Чудского озера. В прошлом году Чудское озеро дало 345 000 кг одного только леща, не считая другой рыбы, при этом часть рыбаков была на ловле в других водах. В этом году Пийриссаар отправил на рынок через пункт продажи Пийриссаарского центра рыбаков уже 115 000 кг разной рыбы.

Рыбу здесь ловят на протяжении всего года. Каждое время года характеризуется своим сезоном ловли определенной рыбы. Только в середине лета есть небольшой перерыв.

Первая рыба, идущая на нерест — налим. Мальки появляются ко дню Богоявления[1]. Подо льдом налима ждут заколы. Он появляется в определенных местах, где его и ловят. Следующая — щука, нерест которой начинается на Сретение[2] и продолжается до Благовещения[3]. Тогда самый разгар ловли, которая тем не менее продолжается до поздней весны. Затем наступает очередь плотвы, и около Юрьева дня[4] она дает хороший улов. За плотвой следует окунь.

И вот на Троицу[5] наступает ловля леща. Его ловят заколами, сетями и реже — неводом. Затем внимание переключается на мелкую рыбу — уклейку, пескаря[6], ерша и т. д. Их ловят маленькими сетями, т. н. снетковицами[7], которые помещают довольно близко к берегу. А когда приближается Янов день[8], место для нереста начинает искать судак. Но во время нереста вокруг Пийриссаара его мало, лучшие места для ловли — южная часть Чудского и

---

1 Эст. *kolmekuningapäev* = праздник Крещения Господня, или Богоявления (в западной церкви). Отмечается 6 января.

2 Эст. *küünlapäev* = Сретение (2 февраля).

3 Эст. *paastu-maarjapäev* = Благовещение (25 марта).

4 Эст. *Jüripäev* = Юрьев день (23 апреля).

5 Эст. *suvisted* — древний народный праздник начала лета, позднее совпавший с христианской Троицей.

6 В оригинале использовано эстонское диалектное слово *ürilane*, то же что *rünt* = пескарь.

7 В оригинале использовано слово *merestega* (букв. *мережами?*), которым, по всей вероятности, названа частая сеть для ловли мелкой рыбы. В говоре для называния такой сети используется слово *снетковúцы*.

8 Эст. *Jaanipäev* (24 июня), аналог русского праздника Ивана Купалы (7 июля).

северная часть Псковского озера. Потом наступает спокойный летний период, когда ходят ловить «гоном»[1].

Это один из своеобразнейших способов рыбной ловли, но о нем позже. Когда наступает июльская жаркая погода, сиг приходит отдыхать на мелководье. И тогда начинается ловля сетями «горячей рыбы». В августе наступает новый сезон ловли заколами. Теперь рыба движется из Псковского озера в Чудское и пийриссаарцы ловят ее, когда она проходит мимо их дома.

С середины августа до октября снова сезон ловли леща. Осенние северные ветры опять гонят сига к берегу, оживляется и его ловля. Нерест сига начинается в октябре и продолжается до предрождественского времени. Тогда этой рыбы везде много. В то же время приходит на нерест и «салака» Чудского — ряпушка, необыкновенно вкусная рыба.

Эти многочисленные виды рыб и сезоны требуют и от рыбака разнообразных снастей и способов ловли. И их у здешних рыбаков хватает. Сейчас только непросто достать материал для новых снастей.

Два народа живут рядом

Пийриссаар совсем невелик. Площадь всего острова — 7,5 квадратных километров. Жителей 760. Большая их часть — русские, эстонцев меньше. Похоже, что оба народа живут дружно. Только тогда, когда красные волны хлынули и через Чудское озеро и большевики отдали местную власть коммунистам-поножовщикам, ситуация стала критической.

Эстонцы оказались в опасности, и будущее их было темным. Но теперь, когда эти элементы удалены, два народа мирно живут рядом. Даже если поговорить с кем-нибудь из местных русских, они не найдут доброго слова для людей, пришедших из-за озера и за один год успевших так много разорить и навредить.

Русские рыбаки в свою очередь делятся на две группы — староверов и православных. У тех и других есть своя церковь, и все они тщательно следят за своими церковными праздниками по старому календарю.

Даже жилые дома несут на себе какой-то особый отпечаток. В гостиной большая печь, нижняя часть которой напоминает боковые скамейки[1] на

---

[1] В оригинале использовано слово *koputamas* (букв. *стуча*). В говоре такой способ ловли называется ловля *го́ном*: 2. *рыб. Загоняя, пугая шумом.* Ры́бу лови́ли го́ном. *Полн. + Кузнецов* [Псковский областной словарь. Вып. 7, стр. 81]. При этом используется специальный инструмент, бот / ботало — ‘шест с конусообразным утолщением на конце, которым ударяют по воде, пугая рыбу и загоняя ее в сеть’ [Псковский областной словарь. Вып. 2, стр. 134].

островах Балтийского моря. Войдя в комнату, можете сесть на край печи и погреться. Зимой здесь можно и спать. Вообще печь здесь уже начинает играть ту важную роль в доме, которую она по праву играет только на том берегу Чудского озера.

Одно нужно подчеркнуть — в домах Пийриссаара царят чистота и порядок. Вокруг домов иногда можно заметить беспорядочность деревенской улицы, но, зайдя внутрь, вы увидите, что на окнах висят занавески, полы покрашены, стены оштукатурены или покрыты обоями, и вообще все углы чисты и аккуратны.

Дворы маленькие, как коробочки, вокруг надворные постройки. Здесь сушится соленая рыба в своеобразных спиральных сетях и здесь проходит повседневная жизнь семьи рыбака.

Перед домом поросшая травой улица, и здесь проводят жители воскресенье. Сюда приходят женщины чистить лук и просто посидеть. Иногда здесь располагаются и мужчины, они говорят о ветрах, улове и мировых проблемах. Тут же бегают дети и бродят кошки (этих животных нигде больше не найдешь в таких количествах).

Общественная жизнь тиха

На Пийриссааре есть свой народный дом, но там ничего не происходит. Если назначается какое-нибудь народное собрание, все собираются здесь. Пару раз в год остров посещает пастор из Ряпина и проводит для эстонцев службу в простой деревянной церкви. Это всё.

Зато каждый вечер в девять часов вы можете встретить оживленные группки в тех рыбацких домах, где есть радио. Там слушают новости дня, взвешивают и обсуждают состояние дел на фронте, радуются новым победам и ждут дальнейшего развития событий. Пийриссаарец — не какой-нибудь отставший от времени провинциал. Новость о падении Воронежа распространилась здесь так же быстро, как в Таллинне или Берлине, и вызвала такие же восхищенные возгласы, как и там.

Так живет Пийриссаар. Растит лук, обеспечивает страну и народ хорошей рыбой из Чудского озера и остается верным своим традициям.

Рыбак

---

[1] Эст. *külg-pingid* (букв. *боковые скамейки*) — по-видимому, имеется в виду каменная лежанка, которая является частью (русской) печи в подавляющем большинстве причудских домов.

С ПИЙРИССААРЦАМИ НА ЛОВ[1]

Разведение лука и ловля рыбы — важнейшие источники дохода островитян Чудского озера

Газета „Eesti Sõna“. 27 октября 1942 г. № 247, стр. 6.

«Если хороший попутный ветер, челнок летит, как пуля…»[2] Ветра нам на этот раз не надо. Солнце как раз начинает где-то на западе готовиться к закату, когда мы с пийриссаарскими рыбаками заводим моторную лодку с привязанным за ней челноком[3] и с тарахтеньем отправляемся искать заколы[4] на Чудском озере. Узкая водяная дорожка ведет через беспокойные, грустные и веселые волны — они плачут, смеются и ссорятся одновременно.

Чудское — одно из лучших рыбных озер в мире. Щедрое и величественное. На его берегах люди стали жить за счет рыбной ловли уже в XIV веке. Позднее возникли большие рыбацкие центры, один из которых — Пийриссаар. Начало этому могло быть положено в конце XVII века, когда из-за преследования в России староверы переселялись сюда целыми семьями и создавали колонии. К ним присоединились эстонцы, и на берегах и островах Чудского озера возникло новое своеобразное рыбацкое сообщество.

Один из потомков этих древних рыболовов — теперь и сам уже старый и с длинной бородой — стоит в нашей лодке и дрожащей рукой держит сопец[5] — руль.

---

1 Перевод: София Волкова, 2012.

2 *„Kui on hüva pärituul, lendab vene nagu kuul…“* — цитата из песни К. А. Херманна „Süda tuksub“, слова народные.

3 Эст. *vene* = челнок, рыбацкая лодка без киля.

4 Эст. *mõrd*, эст. диал. *mõrrat* = ве́рша; в Причудье называется *зако́л*.

5 В оригинале *hoiab sopitsast*. *Сопе́ц* — рус. диал. ‘навесной руль на корме лодки’ [СРНГ 39: 331–332].

Ветром и солнцем лучатся глаза старого рыбака, ищущего взглядом свои намёты[1].

Они обнаруживаются там, вдали в озере — целый лес жердей на серо-зеленой поверхности воды.

«Ну, что ж, посмотрим…», — говорит он.

Задумываюсь, закралось ли этому рыбаку в душу то же волнующее ожидание, что и мне, бывавшему на такой рыбной ловле лишь пару раз. Наверное, все-таки да, хотя и немного по-другому.

В нем вековая страсть к рыболовству приняла другие формы — с одной стороны, она стала ежедневным хлебом, с другой, будет гореть в нем до тех пор, пока живы рвение и поэзия рыбаков, мистика вод, штормы и все остальное, что связано с ловлей и добычей рыбы.

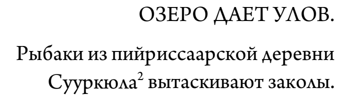
Якорь моторной лодки бросают в воду, и теперь — в челнок, на котором мы будем кружить на месте ловли. Бесформенным комком поднимается из озера закол — пустой. То же повторяется и со следующим.

Вспыльчивый человек стал бы ругаться. Разозлился бы так же, как если, придя к невесте, нашел бы комнату своенравной девушки пустой. Озеро тоже своенравно.

А у него, этого рыбака, не дрогнет ни взгляд, ни единый мускул лица. Он привык к своенравию вод.

Ему уже знаком чередующийся ритм радости уловов и потерь, без которого немыслима жизнь на озере.

ОЗЕРО ДАЕТ УЛОВ.

Рыбаки из пийриссаарской деревни Сууркюла[2] вытаскивают заколы.

[1] Эст. *mõrravai* = рус. диал. *намёт* — кол для верши, сети; жердь, к которой крепится сеть и верхний конец которой виден над водой. По намётам рыбаки находят свои заколы.

[2] В оригинале *Suurküla* = букв. *Большая деревня*. Деревни с таким названием на острове нет. Иногда *большой деревней* на острове называют центральную, наиболее заселенную часть деревни. Возможно, здесь это словосочетание использовано в том же значении.

И третий закол пуст. А в четвертом бьется серебро. Есть большие и маленькие. Сиги, лещи и налимы. Пятый и последний закол тоже принес пищу и кусочек богатства.

Кстати, сиг — это самая ценная рыба Чудского озера, его честь и гордость. Дальше важнейшие объекты ловли идут в следующем порядке: снеток, ряпушка, лещ, окунь, ерш, щука и налим.

«Теперь и в Чудском стало меньше рыбы, — рассказывает рыбак, — браконьерство много ее погубило в старые времена». Но, с другой стороны, и рыбаков стало меньше. «В царское время, когда товар отправлялся в Россию, озеро было полно сетей. Тогда были рыбаки и снасти, и ловили очень много снетка».

Для ловли здесь обязательно используют время миграции рыбы. Так, зимой снетка в основном ловили в Чудском, а в другие времена года — в Псковском озере. Здесь всегда следили за путями и временем передвижения рыбы.

Невольно вспоминается вычитанный где-то случай, приключившийся в одной рыбацкой деревне. Было воскресенье, шла служба в церкви, как вдруг посреди самого важного места в проповеди прозвучало: «Лещ у берега!» И, конечно, рыбаки бросили и пастора, и церковь, и проповедь и кинулись ловить.

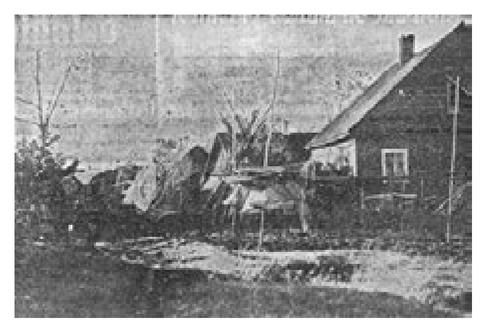
«Раньше здесь в озере было много богатства… да и теперь хватает», — заканчивает старый рыбак.

Да, кое-что и мы сегодня поймали. Хоть и немного, но все-таки поймали. И снова привязываем челнок к моторной лодке и начинаем путь домой. Наверху плывет гусиная стая — они теперь отправляются на юг.

Вот в сумерках показался Пийриссаар, царство рыбаков.

Он опоясан плотной стеной тростника. Говорят, когда-то периметр острова был 40 км. Но озеро все требовало себе новые земли. И теперь нужно пройти всего 8 км, чтобы обойти вокруг острова. Тогда островитяне для защиты своей страны высадили вдоль берега тростник, который ловит волны.

На Пийриссааре живет 800 человек. Старых и молодых, настоящих водяных духов из древних рыболовецких родов. Здесь не найдешь немых исторических монументов, камни которых молча рассказывали бы об эпохах, войнах, законах, культуре и многом другом. Здесь нет ни полиции, ни судьи, ни врача или аптекаря, нет и волостного старейшины. Есть 800 душ, пара сотен домов, 4 церкви, 4 кладбища и 4 лошади. Собак одна или две, зато много кошек, встречаются даже ангорские.

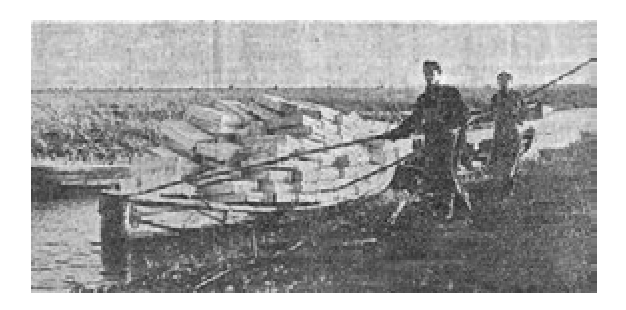
ЭТО ТИПИЧНЫЙ ПИЙРИССААР.

Рядовая, или линейная, деревня[1]. На подходе к дому сушатся сети и заколы — самое большое сокровище рыбака.

Еще здесь есть — как и полагается — главная улица, портной и сапожник. Каждому хватает воздуха, много ветра, солнца и клочок земли, где почва такая жирная, что злаки на ней не растут. Так что выращивают лук, брюкву и капусту. Особенно много лука. Пийриссаар производит его по 250 тонн в год, и он лучше, чем где бы то ни было. А брюквы выращивают 120 тонн в год, и она здесь особенно хороша и сладка.

Для перевозки своих товаров с острова на пристань островитяне вырыли канал

Потому что почва здесь водянистая и плохо выдерживает грузы. А теперь от пристани внутрь острова ведет 1600-метровый канал, по которому на челноках доставляют возы рыбы, лука и брюквы на корабли. И ягоды, клюкву. Ее пийриссаарцы собирают на материке. Потом привозят на остров, где провеивают, упаковывают, а затем снова доставляют на материк на продажу.

ПО ВОДЕ И ЗЕМЛЕ.

Один из побочных источников дохода пийриссаарцев — клюква. Ягоды собирают на материке, провеивают на ветру от мусора в островных деревнях и перевозят по каналу на пристань.

---

[1] Эст. *ridaküla* = тип застройки деревни, при котором дома выстраиваются в ряд, вдоль дороги, реки или какой-либо складки местности.

Проходя теперь между деревенскими домами и сворачивая на «главную улицу», где находится и начальная школа, слушаем, как рыбаки рассказывают о своей повседневной жизни.

Чудское — с этим они уже справляются! Осеннюю норму (долг чести!), 35 тонн рыбы, они надеются успешно выполнить. Конечно, беспокоит нехватка вещей и продуктов. Не хватает сапог. А без них рыбак сам, как рыба на суше. Еще одно препятствие — нехватка пряжи для сетей. Многие заколы не используются, потому что их нельзя починить.

Но все это не портит их настроения и не умеряет пыл. «Военное время — справимся…»

Тем временем стемнело. Рыбацкие деревни, их три, уютно и по-домашнему дремлют после дневной работы. Поверхность озера переливается. Луна вглядывается в нее. И как будто какой-то другой мир там на дне озера объявляет о своем радостном существовании светящейся рекламой.

III

Рассказывают пийриссаарцы

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

«ХОРОШО Я ЖИЗНЬ ПРОЖИЛ ОЧЕНЬ, СПАСИБО БОГУ» (Об особенностях говора одного жителя острова Пийриссаар)

И. П. КЮЛЬМОЯ

Памяти
Федора Карповича Кондратьева

С Федором Карповичем Кондратьевым, одним из старейших жителей острова Пийриссаар, мы[1] познакомились во время нашей первой экспедиции на остров, в августе 2004 года. Накануне мы уже поговорили с несколькими респондентами, все они советовали обязательно расспросить Ф. К. Кондратьева о былом. На второй день нашего пребывания, не дожидаясь, пока мы найдем его, он сам пришел к нам и с удовольствием рассказал о своей жизни, тесно связанной с жизнью острова. Небезынтересно отметить, что в собрании материалов диалектологической практики 1960-х годов на кафедре русского языка Тартуского университета есть тетради с записями, сделанными по программе ДАРЯ, одним из респондентов в которых является отец Федора Карповича — Карп Дмитриевич Кондратьев, родившийся на Пийриссааре в дер. Желачек в 1881 г., старовер, рыбак. К сожалению, в записях приведены не тексты целиком, а в основном лишь диалектная лексика — слова и выражения таких тематических групп, как одежда и обувь, животный мир и животноводство, домашнее хозяйство, рыболовство.

---

[1] Старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН О. Г. Ровнова, научный сотрудник кафедры русского языка Тартуского университета О. Н. Паликова и автор этих строк.

Ниже публикуется с небольшими купюрами (исключены повторы, средства заполнения паузы хезитации и т. п.) расшифровка записи[1] нашей беседы с Федором Карповичем. В данном случае мы решили пренебречь принципом анонимности, чтобы этот материал послужил своеобразным воспоминанием о Федоре Карповиче для всех, кому посчастливилось встречаться с этим энергичным, колоритным и жизнерадостным человеком. Ф. К. Кондратьев ушел из жизни в 2007 году.

Запись беседы произведена 13 августа 2004 г. в деревне Тони. Федору Карповичу 91 год, он, как и его родители, старовер, образование — 4 класса. За исключением службы в эстонской армии, всю жизнь прожил на острове, вдовец, у него было восемь детей. В его речи представлено множество характерных для местного говора черт [подробнее: Ровнова, Кюльмоя 2008]. Отметим наиболее яркие из них, услышанные в его рассказе о своей жизни, труде рыболова, о некоторых традициях и обычаях староверов.

Из фонетических особенностей, присущих говорам Западного Причудья, у нашего информанта наблюдаются недиссимилятивное (сильное) аканье после твердых согласных в первом предударном слоге: *на Рожжаство́, жана́, цана́, нотшава́ли*; сильное яканье после мягких согласных: *ляштши́* (*лещи*), *деряви́на, Пятро́в день, сястра́*. Яканье соседствует с иканьем. Из явлений консонантизма наиболее ярко выражено произношение твердого *ч*, которое в тексте отмечено как *тш*: *тшайник, отшень, тшудил, тшастенько*. На месте долгого мягкого шипящего [ш'ш'] литературного русского языка употребляется долгий твердый шипящий [шш]: *угошшоны, ишшо, крешшение, корабшшик*. На конце слова произносятся твердо мягкие губные в существительных *любо*[ф], *свекро*[ф] и смычные в числительных *двадца*[т], *тридца*[т]. Наличествует архаичное произношение прилагательных с твердыми согласными [к], [г], [х] в исходе основы: *крепкый, строгый, маленькый, всякый*. В некоторых случаях в относительных прилагательных с суффиксом *-ск* сохраняется древняя палатализация: *руськая, эстоньская, зарубежьские*. В группах согласных *бм* и *дн* наблюдается ассимиляция: *омману́ть, онно́го года девяно́сто не дожи́ла*. Рефлексом фонемы ѣ является произношение *и* в местоимении *вси, всим*. Имеется довольно много слов, отличающихся от литературного языка ударением в той или иной грамматической форме (*бы́ла, нико́го, за краём*), во всей парадигме (*дочка́,*

[1] Автор выражает благодарность А. Чудаевой и О. Ягинцевой, которые помогли сделать начальный вариант расшифровки аудиозаписи.

при́мета) или в сочетаниях существительного с предлогом (*по́д ручку, на́ ту сто́рону, на́ берег*).

Среди морфологических особенностей речи нашего респондента представлены следующие: существительные женского рода на *-а* в формах дат. И предл. падежей единственного числа имеют окончание *-и* (*-ы*): *пошла к сястры́, он жаны́ писал, яна уже в воды́ не живёт, в моле́нны*. В творительном падеже мн. ч. употребляется окончание *-ам*, совпадающее с окончанием дат. падежа: *по деревне с песня́м, в поле ходили с коро́вам, со свинья́м*.

В системе склонения прилагательных и местоимений представлены стяженные формы: *в дверь открыту, каку́-то, така́*. Встречается и такое архаичное явление, как т.н. членные формы прилагательных и местоимений, имеющие двусложные окончания: *этыи, этую споёшь, обеи лодки*.

Личные местоимения *он, она, они* имеют начальный *й*, который сохраняется также в формах косвенных падежей с предлогами: *ён, яна*; *в йих Успеньё праздник, я с йими в Таллине работал*.

Глаголы, оформленные в литературном языке суффиксом *-ти*, в говоре имеют суффикс *-ть*: *несть*, а также *пройтить*, глаголы 2 спряжения в 3 л. мн. ч. — безударное окончание -ут (ют): *хо́дют, пу́стют, не ве́рют*. Частотны глагольные формы без конечного *-т* как в единственном, так и во множественном числе 3-го лица настоящего и будущего времени: *на мель сойдё, игра́е, запи́ше, расспра́шивае, воду отно́си от огня, ноги отдохну́, таперя вот не хо́дя с песнями, яны как только слы́шу шорох*. Возвратные в литературном языке глаголы могут не иметь постфикса: *так они стояли уже дожидали, заблудит в озере*. Употребляется форма 2-го лица глагола атематического спряжения *дать*, образованная от основы *даст*: *дастишь*.

Наблюдается характерное для причудских говоров употребление предлогов: *в йих рыбаков нету, в озеро ходили*; повтор предлогов: *пройдёшь по последним улицам по крайним*; *он уехал в Выру в город*.

Среди специфических синтаксических черт отметим употребление северо- западного перфекта в различных значениях по [Comrie 1976: 56–60]. Наиболее многочисленную группу представляет результативный перфект, обозначающий конкретное действие, результат которого сохраняется в более поздний временной момент. Он может быть выражен предикативными деепричастиями СВ (*Старики и старухи вси скопивши*; *пришодши там два купца*), а также конструкциями посессивного или пассивного перфекта: *уже в родителях чай согрет и ужин приготовлен*; *а у нас уж обловлено*; *которые известью обделано дома́, это всё в его построено*.

Экспериенциальный перфект не предполагает сохранения какого-либо конкретного результата, субъект действия наделяется в течение какого-то предшествующего периода опытом, знаниями или чертами, важными для его характеристики в момент речи: *гости постоянно в меня угошшоны были*; *посуда, сети были отдано крестьянам* (на время пребывания в эвакуации). Средством передачи этого значения может быть предикативное деепричастие от непереходного глагола СВ: *человека три-четыре замёрзши было, она <земля> смёрзши*. Деепричастия от глаголов НСВ в говоре менее частотны, но именно в этом значении они встречаются: *Он у меня и ночевал, и выпивавши с ним, бывало*; *я там и ночевавши не раз*; *Вы видавши может быть*? Перфект в континуативном (инклюзивном) значении, при котором действие или состояние, начавшееся в прошлом, продолжается вплоть до момента речи, в нашем материале выражен предикативным деепричастием СВ: *Я, конечно, такой старый, один оставши тут. В Желачек была замуж вышедши. Ну, гуж — это верёвка, она миллиметр сто или сто двадцать, и к ей привязано вот таким частям старый запас какой-нибудь*. В некоторых сложных предложениях формы северо-западного перфекта передают таксисное значение предшествования: *И тогда все дома построили, кто был сгоревши*.

В речи Ф. К. дважды употреблена архаичная форма — плюсквамперфект (*жана была запявала песни, а другой был присылал*), которая встречается довольно редко, в основном в речи лишь очень пожилых респондентов.

Характерной особенностью всего Западного Причудья является сочетаемость слова *год* с количественными словами: *несколько год, шесть год*, она неоднократно представлена и в речи Ф. К. Союз *что* является многозначным и полифункциональным, он употребляется в сравнительных оборотах вместо союза *чем*: *народ был совсем другой, что сейтшас*. В качестве причинного и целевого союза чаще всего также выступает союз *что*: *там не подойти к иконам, что свечи поставить*; *мне, може, и вязло так в рыбной ловле, что я раздавал <тем>, в которых рыбаков не было*. Встречается подлежащее, выраженное формой родительного падежа в партитивном значении (*Рыбы ловилося. Водки в нас и не продавалося*), возможно, поддерживаемое влиянием эстонского языка. Имеет место прямое дополнение, выраженное одушевленным существительным в винительном падеже, совпадающим с формой именительного падежа: *лошади тоже оттудова привозили*.

Используется много диалектной лексики: *тю́шка* (*прорубь*), *шу́ма* (*луковая шелуха, мусор*), *стрекота́ться* (*давать представление*; *бо́лтать*), *кано́нница* (*канун*), *по-ра́ннему*, *скопля́ться* (*собираться*), *снулева́ть* (*уми-*

рать), *заливе́нь* (*ливень*), *до́нница* (*мерзлая земля ниже уже оттаявшего весной поверхностного слоя*), *жи́хари* (*жители*) и др. Наблюдается характерное для причудских говоров неразличение глаголов *водить* — *возить* и их префиксальных производных. При этом премущественно употребляется глагол *водить*: *оттудова привёл финской пряжи, рыбу водили на ярмарку*.

Федор Карпович свободно владел эстонским языком, говорил с незначительным акцентом. По всей вероятности, выучил его, работая летом «в эстонцах», то есть на хуторах у хозяев-эстонцев, затем совершенствовал во время службы в эстонской армии. В его речи встречается смешение кодов в виде вкраплений отдельных слов: *seltsimaja* ‘*народный* (*букв*.: *общественный*) *дом*’, *pidu* ‘*праздник, вечеринка*’, реже — предложений, обычно представляющих собой цитату: *Это как эстонцы говорили*: «*Kurat, kui Mäe-Fedja läks, jälle toob рыбы. Kos ta läheb — siis alati kala käes* !» (*Чёрт, если Федя Горный пошёл, привезёт рыбы. Куда пойдёт — всегда рыбы поймает*!). Как и большинство билингвов, Ф. К. изредка калькирует некоторые эстонские выражения: *Сперва торговали эти, которы сбоку-то торгуют, <с>пекулянты* (*эст. kõrvale müüta*, ср. также русское *продавать налево*); *Надо хороводы делать* vs *водить*; *ну что умели, взяли с собой* (*эст. mida oskasime*); *с холоду рюмочку возьмёшь* vs *выпьешь*. В целом таких вкраплений и случаев калькирования немного.

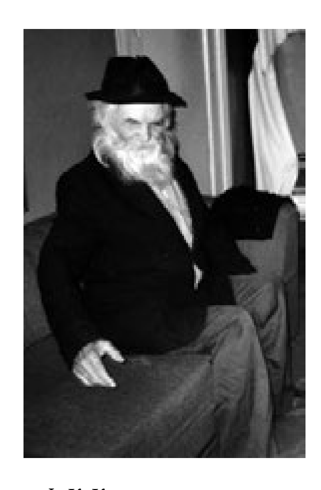
Литература

Морозова Н. А. 2009 — *Книжность староверов Эстонии*. Тарту.

Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. 2008 — Говоры староверов в современной Эстонии. *Русские старообрядцы*: *язык, культура, история. Сборник статей к XIV Междунар. съезду славистов*. Отв. ред. Л. Л. Касаткин. Москва: Языки славянских культур. С. 280–299.

Comrie, B. 1976 — *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.

***

Ф. К. Кондратьев в волостной управе Пийриссаара (август 2004). Фото И. П. Кюльмоя.

— Федор Карпович, в каком году Вы родились?

— В тринадцатом, двянадцатого июля…

— Это же День рыбака был!

— Да, День рыбака был… <смеется>, и председатели и вси гости постоянно в меня угошшоны были.

—Расскажите, значит, Вы всю жизнь вот тут живете?

— Всю жисть. Всю жисть. Родился здесь, и когда было трудно, не было сетки, в работниках и в поле ходили с коровам, со свинья́м[1] и там говаривали жалованья[2] — муки, и картошки, и льна, льна много не давали, если выпросишь пуд — так хорошо, а то двадцат килограмм, пунт[3] назывался. Ну и с этого вязали, а потом у нас один работал в Финляндии, Смирнов, и ён оттудова привёл финьской пряжи, и с финьской стали пряжи самы вязать сетки и вязли́[4], а потом уже правительство финьскый запас привяла. Таким манером всё ловили и днём и нотшью. Там приходилось, как рыба на на́рост[5] приходит — ляшчи, так и нотш не спишь, може, покуль эту рыбу сдаёшь купцам, так задержут тама ишшо маленько. Деньги сразу не платили. Неделю сдаёшь, а в воскресенье постоянно полутшка была, ну и там стол собирали, угошшение было… Тогда у нас водки не было, а спирт чистый, девяносто градусов, в нас пили, а водка тама пи́лась: Казепель, Кольки, Воронья. Мы ездили в гости каждый год, что в йих Успеньё праздник, а в нас — Пятров день, двянадцатого июля, вот и ездили один к одно́му в гости. Так у нас всё это — спирт, пунш[6] делали: сороковка[7] спирта и на чатыре пунша, и спирт давал отшень весёлое тако́ мнение! Как только вот по глотку возьмём, у нас уже песни, идёт гулянка — всё! И она горятшая и так сразу в голову вдарит. А туды ездили — там спирту редко-редко в кого,

---

1 То есть работали на эстонских хуторах батраками, пастухами.

2 Договаривались об оплате.

3 Эст. *punt* ‘связка, пучок’.

4 *Вязли* — зд. вязали.

5 *На́рост* — нерест.

6 *Пунш* — напиток из горячего чая, спирта или водки, с добавлением сахара или меда, которым согревались, особенно по возвращении с ловли зимой.

7 *Сороковка* — бутылка водки, составляющая 1/40 часть ведра=21/2 чарки =0,31 л.

а то всё — водка! И тама едем оттуда с гостей-то (зимой так на лошади ездили, а летом вот на моторной лодке), да-к и говорили: «Да что так? Всё равно пьют и веселья никакого не даёт!» А спирт, ён горячий и сразу — в голову, и танцы пойдут и весёлая была штука! Водки в нас и не продавалося, спирт чистый… Ну, водка тоже бы́ла в магазинах, а яну не любили, а спирт — очень хорошо. Сперва торговали эти, которы сбоку-то торгуют, <с>пекулянты-то, торговали спиртом. Ну, а потом видишь, что водку мало бярут, так тогда стали и в магазинах спирт держать, но в магазины уже дешевле стало, а там было дороже, так и обанкротились: не стали брать, с магазина стали брать. Вот так.

Раньше днём едешь на озеро дотемна, ну приедешь, если рыбы мало было, то тогда уже не едешь второй раз, а как только много — так рыбу сдастишь и придёшь домой, успеешь тшашку тшая выпить — уже барышни стутшат в окно: «Пора кончать, надо хороводы делать!» Вот и бросишь чай, чашку кой-как выпьешь: «Ну запявала, надо запявать вси эти песни». Ну, вот и бросаешь. Я таперь сколько гляжу и своей молодёжи говорю: «Ну что у вас такое, как сказать, скука, вино[1] не радует. Вино раньше радовало, таперь вино не радует». Нигде и пьяных, и не услышишь песни. Не знаю, чего там. Раньше прямо специально пойдёшь, ну девки ходют: «Ну, давайте, давайте, ребяты, начинайте!» Ой, сразу три-чатыре человека сговоришься, ну пойдём это на бутылочку сороковки, спирта… Ну, придёшь, там на скорую руку тшай согретый или в тшайнике горячее это. Сахара три ложки тшайных в тшашку и стакан… Стаканом всё же, были чашки тоже, только с тшашек не пили, а со стаканов. Ну, и вот по стакану, и как только на улицу — девки радуются уже там, и с песня́м, и так живо и ходют, так и подпрыгивают ноги. А таперь я и рассказываю, которые моло́дые, я говорю: «Вот за что это таперь такого веселья нету, как раньше?» А то с песня́м по улице, сперва хороводы делаешь, гуляешь так это по улицам, знаешь. Ну, каждый кавалер берёт свою барышню по́д ручки и два-три раз кругом деревни, по крайним улицам пройдём и тогды к дому приводим барышню, прямо к ейному дому, ну и там проштшальная, целованье. Ну и сколько раз это матеря́ йихные в окно, либо в дверь открыту: «Пора кончать целоваться, надо спать ложиться!» Вот и не забыть это. А яна не хотела: «Да ну, мама, я еще окол дома! Сразу пойду». Это было, я таперь сколько вспоминаю. Думаю, Господи, как раньше было, и один к одно́му вот в гости на Пятров день. Так это один тяне к себе, другой тяне к себе: «Я вперёд позва́ла, пойдёмте ко мне, а тогда уже и к тебе!» Вот,

[1] *Вино* — водка.

кто вперёд позвал, тот к то́му, а тогда уже к себе тянет. Таперь это молодёжи тшастенько рассказываешь, как раньше было весело и как это люди такие простые были. Ну таперь вот я, конечно, такой старый один оставши тут. Я всё припоминаю, а только что время вот такое скучное…

Вот это хорошо, что эта экскурсия бы́ла, а экскурсии раньше каждое воскресенье и месяцы-то приезжала, и танцы. И я самый надевался несколько год Дед Морозом, школьным. Председатель придёт и так: «Тебя хотим позвать». Ну так вот, я пойду, я делал так: школьные гостинцы давали мне. Это родители купют и ко мне принясут, в мешок накладут все эты гостинцы, и там написано, кому. Ну, и я прихожу: борода большая, и с тростью, и поздороваюсь со всим, а двери на заложке, на замке, и учителя уже спрашивают. Ну, сговоришься с учителям, сколько будешь стрекотаться,[1] так отмечаешь, что Дед Мороз с гостинцем пришел на Новый Год (ну у нас и на Рожжаство было руськое, ну больше на Новый Год делали). И как только двери откроют: «Ой! Дедушка Мороз! Здравствуйте!» Я сразу со всим, мне дадут, тогда: «Ну что, Дедушка Мороз, гостинцев принёс?» Я говорю: «Принёс! А как школьники, рассказ-то знают прочитать Деду Морозу какой-нибудь?» Ой! Одна: «Я расскажу!» Другая: «Я расскажу тоже!» Ну и вот, по очереди… На этих на кулёчках написано, кому. Ну и вот тогды двое-трое расскажут, но и это <вызовешь> по имени: «Паша!» — «Да! Да!» Фамилия… «Вот это я привёл тебе!» Но не скажешь, что мать дала. Меня так и после несколько год звали, где кого встретишь: «Дед Мороз!» Я много тшудил и большим, а большим-то, взрослым <принесёшь> по кружечке; кто курил, так пачку папирос возьмёшь и спички. Так это человек получит, так хохмит: «Ох, Дед Мороз и нас не забывает!» Много-много, так и таперь вспоминаю, думаю: «Господи, никакого веселья нету, и школа не работает, и гуляний-то молодёжи нету: очень скучный остров стал».

— А зимой совсем народу мало, да?

Ну, теперь… это раньше народ ведь никуда. Раньше летом у нас молодёжи мало было. Вси к эстонцам уезжали, и я сам тоже никак шесть год на работе был там. По каменной работал, и в работниках был, на полях работал. И вси, вси, и вси молодёжь уезжала, остров только старики были и постарше, а теперь в крестьянах нету такой заботы, для всех время совсем скучное.

— А в Тарту куда ездили на работу?

— Ну, на каменную работу в Хаапсале работал, в Тарту работал в «Ранна»-отеле. Подрядчик был с Колек.

---

[1] *Стрекота́ться* — давать представление; болтать.

Дома строили четырёхэтажные, в городе «Ранна»-отель тоже построили. В Гапсале[1] тоже работали на мосту, по мостам там это уже другая артель была, по мостам другие работали. Ну, там кессоны копали, землю́ бросали.

— Это ещё в эстонское время?[2]

— Ну да, в эстонское. В руськое не ходили, в эстонское время. И тогды часто кто ходил к эстонцам в поле с коровам, там коров пасти или свиней или работать на полях, это которы постарше, так на полях работали, а которы помоложе… И остров пустой, только старики остаялись.

— А в школу Вы ходили?

—Ходил, где четырёхклассная бы́ла. Конечно, вот я кончил четыре класса, и сразу на другой год шесть классов стало. Так меня с первого года выбрали уже Дедом Морозом, и подарки мне: салазки, принясут домой так, санки такие, салазки, накладу туда и накрою, и яны, эти учителя, уже всё расскажут им: вот сегодня должен Дед Мороз прийти, и подарок с Ленинграда привядёт, то с Таллинна, то с Ленинграда. Знали, откуда я в этой деревне живу, раньше жил, и выйдут: «Хотите подарочек?» Ну и разок-другой выйдут, а все караулят, а потом: «Ой, идёт-идёт, и салазки какие-то, и мешок какой-то на салазках!» Подойду, учительница подойдёт ко мне: «Дедушка Мороз, не к нам ли ты?» — «Да, к вам! Это остров Пирисар?» — «Да, да!» — «Ну вот: я на Пирисаре!» — «Ну, дак вот, зайдите в школу к нам!» Ну и в школу зайдёшь, и там, в той деревне, бы́ла тоже школа, это большой дом двухэтажный. Там тоже школа, и окол меня была. Перво-наперво это как пожар был, так после пожара построили дома, ну большой дом такой на два брата. И яны построили себе маленький такой на дворах, а этот дом сдали под школу, оправдывать расходы. Тогда в этом доме и школа бы́ла четырёхклассная, и вот последний год, как учились, тогда шесть классов, а то всё время чатыре класса было.

Школа русская и эстонская была, потом эстонцы — вон там около магазина дом — они там сейчас тоже живут, только с магазина с этой стороны идти, на левой руки сразу последний дом к магазину, школа была, хозяин уехал в город и эту школу сдал, эстонская была школа. А как пожар — сгорело вси так, тут мне и сельская школа бы́ла, пожар такой был, что вся деревня сгорела. Тогда вот в эстоньскую школу стали ходить, в ки́рьку[3]. Вот на краю деревни там, последний дом к лесу, ки́рька бы́ла. Ну и где народ служил, два

---

1 Город Хаапсалу на западе Эстонии.

2 Имеется в виду первый период существования независимой Эстонской республики 1920–1940 гг., для обозначения которого в разговорной речи часто калькируется эст. Eesti aeg.

3 *Ки́рька* — эст. kirik 'церковь'.

помещения было, так одно под школу было сдано, училися там, а потом сколько — год или что там получилось, тогда правительство отпустило всем, кто сгорел, ле́са. И тогда все дома построили, кто был сгоревши. Некоторые уехали в Тарту жить и сейчас живут там, ну а большинство все явились на остров.

— А отчего такой пожар был?

— А в эстонском краю курил один пожилой человек, и семья-то у него бы́ла три человека. И вот около плиты загорелось, папиросу бросил, а там, наверное, какая-нибудь шу́ма[1] бы́ла. Ну, и сами были отлучивши, и оттуда загорелося, так ветер был северный, так ещё там, которые в север дома, те осталися, а эта деревня вся сгорела. И в нас вси, и эта тоже деревня была начеку, а только что затушили. Тогды были и пожарные машины и в этой деревне, и в той деревне, ну а там уже такой разразился, что к огню нельзя было и близко подойти, только старалися, что как это с дома вынести, мебель или одёжу, только это старалися, а уже там тушить некогда было. Сгорело там допоследок[2] и всё, тогды вот правительство, собрание тут приехало, начальство всё и собрало народ, и расспросило, чего и как, и как тушили и всё. Машины были, ну там ветер был сильный, там машинам делать нечего, воду́ отно́си от огня прочь, а сзаду нельзя оттудова подойти.

— А машины свои были на острове?

— Свои были. Да мало было, вот там в Желатшке, в той деревне, три, никак, машины, и сильные, а в этой две было. Ну а уже такой пожар — так там уже только и старались, что выносить, что спасти по этим, по огородам.

— А было летом или зимой?

—Это было осенью, на Покров, Покров это у нас. В Тарту постоянно ярмарка бы́ла такая годовая, всё отсюдова: рыбу водили[3], крестьяны водили скотину, которая уже на продажу, а поросят к Покрову́, так только туды и ездили от нас за поросятами. Скотина своя была тут другая, ага, лошади ещё, ну и лошади тоже оттудова привозили. А Покров, яна — зима и лето, другой год так что не замерзает, еще тепло среди дня, а другой раз уже Покров, и он не пускает, уже морозы, и так что уже пойдёшь вот в ла́птях через, пешком. Бывали такие, так и сказано, что это Покров — зима и лето. И зима могет, и лето ишше остаться могет.

— А вот Успеньё, Вы сказали, празднуют. Это когда, в августе?

---

1 *Шу́ма* — сухой мусор; шелуха от лука.

2 *Допосле́док* — до конца, дотла.

3 *Водили* — зд. возили.

— В августе. Это празднуют там вот по берегу, начиная с Вороньи, и туды до самого Носа, это вси деревни празднуют. Так вот наши как ездили, так начиная с Вороньи. В кано́нницу[1] поедешь, и вот первый день в Вороньи, а второй день оттудова эти приезжали, там большой seltsimaja[2] был, так вся по́бережь[3] приезжала на это на pidu[4], или спектакль там ставили, танцы и всё. А тогды на другой день уже в Ка́зепели, а на третий день — в Кольках, на четвёртый день — это уже кому там это ты ближний, а на этот, на́ мост поеду, так вот, и песня такая, что: «Вот вам сени и крыльцы, расходитесь молодцы! Кому ехать, вставай, обувайся, ложись!» Така шутливая, ну и вот оттудова с Колек уже там нам прощальная бы́ла. Все на́ берег, все хозяева каждый своих гостей провожал. К Успенью́ так на моторках ездили, а к Масленой ездили на лошадях, тогды лошадей много было, рыбаки все были, так на лошадях ездили.

— А часто вообще ездили туда на берег? В гости ездили?

— На́ ту сторону? А, чатыре праздника там было, три! Вот Масленица, ну два ишшо, ну маленькие праздники. Так некоторые ездили в Успеньё, это в августе месяце — это самый большой праздник, ну и Масленна, Масленица — это в феврале месяце, это на лошадях ездили, а в Успеньё — на моторках. А оны к нам в Рожжаство и Пятров день, у нас два праздника. Рожжаство — это двадцать пятого декабря, а Пятров день в июле, двенадцатого июля. Всё, поди, я таперь это тшастенько думаю, вот народ-то как спит весь: никаких весельев, никаких! Что раньше было это, прямо вспомнишь, как бы так, люди поселились неутшёные. Вси праздники оставили. И моленная, это где Богу-то молются… Так если служба идё, открыто двери в моленную, так там полная натискается, что не войти: полная народа! Так и все, кто и на улице стоит, служба кончится, так потом пойдут вот так с батькой поговорить. А тяперь моленна пустая, народ изменился много.

— А Вы теперь ходите в моленную?

— Хожу. Когда служба, ну ой, теперь мало, нас из стариков, може, человек полдесяток, и то не каждый раз. Вот нас двое, так это, я говорю, у нас моленная в той, в Желачке. Ну а всё хожу, так с ходу не пройтить, а три раза тута остановка, ну и туды дальше ещё остановка. Уже на плошшадку тут выйдешь, так там посидишь, отдохнёшь, ноги отдохну, а раньше никаких остановок не было. Я сам дивлюся, что бывало молодёжи, школьников-то, в воскре-

---

1 *В кано́нницу* — в канун, накануне.

2 Эст. *seltsimaja* — ‘народный (букв. общественный) дом’.

3 *По́бережь* — побережье; жители побережья.

4 Эст. pidu — ‘праздник, вечеринка’.

сенье в школу-то не ходют, так там всяких разных, и полный перёд, там не подойти к иконам, что свечи поставить, а тяперя моленна пустая. Маленьких так и совсем нет. Частенько с которым старикам-то встретимся, так и каждый говорит: «Да, вот как: забыли Бога… не стали, не стали, моленну бросили». А в нас был такой порядок, что если на исповедь к батьке[1] не ходил, то, забыл сколько, три года, и батька и не хоронил, снулевай[2] так, службы не было. Строго было. Батьки строгие были, мушшины были, ну вот женщина одна бы́ла, Епистимия, яна тоже понимала по книге, что в книге написано, и читала.

Ну а тяперь изменилося много, много. Я самый старый бесь, так другой раз выпивали за столом в кого в гостях, и меня спрашивать натшнут: «А как раньше? Вот, говоря<т>, казаты́[3] играли, и в карты играли…» Я говорю, да, и казаты́. Вот говорю, этакие клочьи[4] подрежешь и сделаешь гладкую хорошую такую, как пирог, ледышку, заморозишь, и вот на льду постоянно на озеро выходили и вот в этакие казаты́ <играли>, ну так и старики и старухи, а старухи не ходили, а старики, так это кто старые, ходили, вот это такие би́тки сделают. Ой, я это таперь так это оставши старый самый, так это и думаю: как всё пролетело это! Шо раньше вот каки это пляски, и свадьбы были, и…

— А Вы женаты были?

— Нет, тогда не был женатый, последний год был уже женатый. Так и жана была запявала песни, вси запевала, ну как головшица. Девки ходют, чай попить ещё не успеешь, сидишь за столом, а окно рядом, в окно: «Пора кончать пить, пора хороводы разводить!» Ну, и побросаешь всё и выходишь, ну и два-три раз с одным песням пройдёшь, по последним улицам, по крайним, ну и тогды: «О, ребяты, надо спать идти, давайте последнюю — 'Российскую'. Так и называлась песня: «Российская». Ну, вот и этую споёшь, длинная яна. И последние куплеты: «Вот вам сени и крыльцы, расходитесь, молодцы! Кому ехать, вставай, обувайся, ложись!» И вот «Кому спать, ночавать, надявайся, ложись!» Забыл маленько так… И всё. Так домой приходишь, уже в родителях чай согрет и ужин приготовлен.

Таперь где в гостях сидишь, так и тшастенько вси вспоминают, которы постарше, как <было>, а я-то уже тут самый старый. Так всё рассказывают, а я вот так: «Ах ты, Господи! Како раньше веселье, таперь и слуха нету, что поют!» Да! И родители спокойны были, родители выходили кругом, там вот идут в серёд улицы, там улица поширше, на Желатшке. Так там вси старики

---

[1] *Батька, батюшка* — наставник, священник в староверском храме.

[2] *Снуть, снулева́ть* — умирать, засыпа́ть.

[3] *Казаты́* — игра, род бабок.

[4] *Клок, кло́чьи* — кочка с травой на болоте или на лугу.

и старухи смотрели, как гуляние идёт, с этой деревни туда ходили, а потом в эту деревню, вот я там жил, я перешёл, тогды детей попросил. Яны уже знали, что сами ходили туды смотреть, так ну как я туды перешёл, говорят: «Надо «Российскую» погулять». Я говорю: «Ну, так давайте!» Ну, вот согласились сперва с песня́м по деревне, эта вси скопишь[1], которые поют по деревне. Ну тогды уже глядишь, и старики и старухи и вси скопивши. И тогда потому что спать надо ложиться, эту «Российскую». Сперва приглашённые эти куплеты споёшь, как кавалер приглашает барышню свою, с которой имеет связь, гулянье, она приглашает другого, и тогда этот опять приглашает свою барышню, с кем гуляли. И как кончится это всё приглашение, ну тогды вси сразу в ряд, в круг кто с кем приглашёны, и так вот становились. Песня кончилась, тогды каждый берёт свою барышню и раза два кругом по последним улицам пройдут, окол дома попрошшаются. И в другом месте родители не внушали, а в другом, где строгые были, держались так это больше хозяйственно, не хотели, что долго дети гуляют, всяко могет случиться. Так и сразу: «Пора кончать целоваться, надо чай пить и спать ложиться!»

— А у Вас родители с Пийриссаара? — Да! — А кто они были? — Староверы. — А как звали? — Отца звали Карпом, мать — Степанида. В меня и отцов дядюшка жил там на Желатшке, и бабушка, и в бабушки сястра жи́ла там. Бабушка по́мерла, ей ноги, ну уже старая, сто с тшем-то лет было, нет — девяносто шесть, и только на кровати сидела, и так и по́мерла. И яны вси: другой бабушке девяносто, и дедушка онно́го года девяносто не дожи́л, сотого, сотого не дожил. Вси были таки́ старики очень долголетние, и отец тоже в восемьдесят пять помер. Раньше долго жили, после вот как-то начало́, стали молодые помирать, вот тебе говорю, что с моёго, как сказать роста[2], может, человек двадцать помёрши. Это вот моих ровесников, кому одинаковые годы, кто на год, на полгода помоложе, или вот так. И таперь я тшастенько вспоминаю: помилуй Господи, как раньше стариков уважали и старых, таперь идут, так и не поздороваются, скажешь «здравствуй!», так посмеются. Перемянилося…

***

— Рыбы ловилося, это когда запретная бы́ла, так запрет на сижки́[3] таки маленькие, она немерная бы́ла, так и брали этыи зашшитники[1], а потом уже

[1] *Ско́пишь* — соберешь.

[2] *Рост* — зд. поколение.

[3] *Сижки́*— маленькие сиги.

не стали. Стали мы прятать да разносить по бедным, в кого рыбаков не было, старухи старые вот. Люди уже как запрет — кидают <рыбу>, а яну кинешь вон с лодки, она уже как воздуха хватила, она больше жить не будет, она сразу всплывёт, и чайки яну гают[2]. А я говорю (ну я больше руководителем был): «Всё равно яну, эту рыбину, кидаем вон, так, я говорю, давайте спрячем, так лучше старухам и старикам отдадим, что в йих рыбаков нету, так нам, как сказать, это раньше говорили: «Протяни нишчему рука, рука не скудеет. Дадим, так нам с озера Бог даст больше!»

Ну, яны караулили меня сперва, не выезжал. А вот летом горячие такие дни, погода жаркая, рыба любит на горячую аль на тёплый воздух приходить, главное дело ляшчи, а осенью и сиги. Ну, и вот мы подкараулим — а уже раньше сговоримся, что потихоньку ехать, чтоб других не разбудить бы. Вот тогда пойдём на́ берег потихоньку, и приедем, доложим: «Ох, матка[3] полная, там так и полошшутся ляшчи вот такие!». И в другой тони́, ну тоня́, называется, это круг такой, там делаешь, и лодку нальёшь полную, а другой раз — и две таких тони́, ну и привядёшь домой, так в которых не было этих рыбаков, так яны́ уже приходют: «Дайте!» А тут уже подготовлено: «Давай, давай, во что тебе положить?» И яна́ уже в передник (а были в той деревне, Желатшке, близко живут), в этот вот так в передник возмё, ну и ей бросишь туды хорошей рыбы, это сиги, яны дорогая рыба. И она сразу крестится: «Ой, пришли тебе, Господи, с морюшка, с озера». Ну и поедешь, так и ребятам я говорю: «Вот видишь, просто нищему рука не оскудеет. Вот дастишь, и яна крест там бросает, Бога просит, чтоб тебе пришёл <улов>». И мы как поедем, так рыбы сколько хошь! А люди на берягу не выезжают, если нам не попадёт это, тогда ну ишшо тоню́ словишь, парус здынешь[4], не попало, и домой. А она дожидает, что парус они вздымают, и не хочется, что приведут, так распужают, и это сидишь, а рыба ходит в матке, там маткой называется этот мяшок. Ну, вот и посидишь, и тогда: «Ну давайте ж вынимать! Не показывайте с берега!» Как только две лодки в кучу съехались, что вот там выворачиваешь большим охапкам, кошеля́м, ну сеткой. Ну, и тогды глядишь, и на озере вси только вёслы шумят, как выезжают вси, а у нас уж обловлено, и приедут, ну некоторые ишшо успеют, так что и поймают.

А яна <рыба> не в каждое место. Вот, идёт така полоса, скажем, тут вот так это мелкая, а тут обрыв вот такой, яна окол этого обрыва и ходит. Она на

---

1 Зд., вероятно, имеется в виду инспекция рыбнадзора.

2 *Гаять* — клевать.

3 *Ма́тка* — мотня невода (часть, в которую собирается рыба).

4 *Зды́нуть* — поднять.

линии, а другой раз на мель сойдё, в обрыве нету. Когда тихая погода тёплая, так она и по́ мели играе, вот по колено воды, и так играе. Так это я тут и по эстонцам давал, которые рыбаков не было, так одна эстонка была, говорит: «O, täna läks Mäeotsa Fedja järvele, siis me oleme kaladega kõik![1]» А другие не приносили, вот так с тех пор мне, може, и вязло так в рыбной ловле, что я раздавал <тем>, в которых рыбаков не было, так они и рады рыбине, да — нету! А я раздам, так которы эти староверы, так яни крест заносиют[2]: «Пришли тебе Господи, дай тебе Господи доброй…» Я сам таперь этим словам верю, думаю, вот дава́но людя́м, так и людские слова и мне пришли, я никакой боли не чувствую, столько мне год, только глазами страдаю. Ой, ой, ой, эта жисть такая, как сказать, не всем одинаковая. А по рыбной ловле, так тут не было больше меня, сколько я рыбы ловил…

— А когда Вы начали рыбаком работать?

— А, наверное, я в школу ходил, считай, пошёл в девять, так я в одиннадцать уже с отцом выезжал на заколы, в одиннадцать год. Ну это, зако́лы называются — это рисцы вот такие. Их поставишь, и яны три-чатыре месяца стоят, и всё время рыбу ловит, приедешь только (каждое утро ездили), рыбу вытряхнешь, и опять туды поставишь, на дно, и опять она ловит, и опять на следующие сутки приедешь, опять рыбы, рыбу вытряхаешь. Я девять-то лет был, наверное, аль, может, одиннадцать, нет, наверное, с одиннадцати лет. Конечно, это я йим там мало помогал, у его другой товарищ был в евоных лета́х, ну я-то так был куте́ль,[3] там поскорее разобрать запа́сину, так помогал там.

— А запа́сина это что?

— Ну это сетка — запа́сина, а что этот вот такой круглый — это ри́сец, а запа́сина — это как вот такая вышины. Ну, по лампу, такие сетки из тоненькой нитки, а это рисцы, заколы, они с толсто́й нитки вяжутся. Сперва купляли, а сперва делали сами, вязали, ниток купляли и сами вязали эты сетки, а потом правительство стало готовить в заводах эты сетки, тогда стали как колхоз, так колхоз стал приводить эты сетки и пряжу такую, и стали сами делать, и сетки готовые, а заколы сами вязали кто какие.

—А кто сети делал, мужчины или женщины ?

—И женшшины и мушшины, а со льна пряли, так женшшины пряли, и только как вот фильдикоса не было и капрона, так тогды только вот как в эстонцах дети живут, так там льна выговорют на жалованье, льна полпуда,

---

1 Эст. О, сегодня Федя Горный поехал на озеро, все с рыбой будем!

2 *Крест заносиют* — крестят, осеняют крестным знамением и кланяются.

3 *Куте́ль* — возможно, от ‘кутёнок, кутя’ — щенок.

ну и пуд другой раз. А в домах были прялки с колёсами, сидит так… Вы видавши, может быть? И вязли́, сетки делали с этой с пряжи.

— Вы расскажите: они разные бывают, эти прялки?

— Ну, разных нету, колесо тут вперяди, там надо ногам топать, это соединение с колесом и вот веретяно называлось вот такое, ну и рядом бы́ла дощечка такая на палке, и лён привязано, ну и вот и пушшено в веретяно. Ногам работаешь, рукам отсюдова помаленьку пускаешь, веретяно принимает, крутит на себя, а тут ногам работаешь, чтоб веретяно крутилось. Да у меня и сейчас — не знаю, недавно глядел, две прялки было у меня, бабушка и мать пряли, а мы сетки делали.

— А зимой тоже ловили?

— Ловили, да. Сперва зимой в нас тут по всём бе́регу было, и в Казепели, это были мутники́ такие, что шестнадцать человек артель вместе все были, это как невод, может слыхали: «невод»? Это мутни́к. Неводом-то это ловили снетка, ну у нас мало было, больше советские ловили снетка, а мутники у нас были. Мутник назывался, это окуня больше ловили, ну, а когда и лешш попадёт тоже, а большинство всё окунь. Сто двадцать — сто пятьдесят са́жень это с одной стороны, такой гуж шёл, и с другой стороны, матка сзаду. Да всяким, всяким манером: и мере́жи были, и всякие тенёты, мережем-то шесть человек надо ловить и в двух лодках, в тенётах там одна, гужи вытяга́ешь — другая.

— А гуж это что?

— Ну, гуж — это ну, скажем, верёвка, она миллиметр сто и сто двадцать, и к ей привязано вот таким частям старый запас какой-нибудь, и вот таким свешено маленько, и так по всей верёвке, и этой в одну сторону один гуж и в другую, а матка попро́меж идёт, и когда соединишься, таким вот кру́гом, и там прорубишь дыру — корыто называлось, и вот там вытягаешься, и когда вытягаешь, так эта длина сужается. Тянешь на лёд, кладёшь, по шесть человек на вытяжке на каждой стороны, и прихо́ди уже матка с рыбой, а этот гуж загоняет в матку рыбу, и яна уже не уходит больше вон. Всякый, всякый запас был.

— А в эстонское время тоже уже на моторных лодках ловили, да?

— Да, на моторных, у нас перво на парусах, невод мере́жем называли. Как только выезжать, так мере́жники вси караулят, кто как. А сетки выброшены, так оны по сеткам узнавали, что в сетку как попало там лешчей, так уже по этой мереже сразу знали, где мяста. Вот туда в Латвию ехать, там меля́ такие вот с таким обрывом. Ну и как только один тронулся, так вси-и, <смеется> артели вси-и, сто человек, со всих <сторон>.. и одновременно, километра

два так… Некоторые зру́бья[1] здеся с этой стороны тоже… Ну где свал, называют это зру́бья.

— Зрубья?

— Да. Тут, скажем, мель, а тут сразу обрыв, называлось зру́бья, и яно кругом острова везде всё такое. Я помню, мне ишшо старики говорили, что так до Подборовья семь километров было мели. Только вот уже после войны сделали копалки такие, проход копали. Сейчас это всё прокопано и там воро́та, и здесь эта вот канава, которая идёт отсюда на выход у озера. Сперва была узкая канавка, такая, что чуть там в лодочке проехать в такой маленькый, а потом правительство ряшили: что там мучиться, туды вот переезжать на парусах, — и привяли копалку. И вот там на проход, там печи были, и сняты́[2] сушили на краю. И к этим пячам, там и гавань им такую сделали, что где пароход, пристань и всё. Пароход приходил к деревне. Всё заросло, хозяев не стало. <смеется> Много там работали.

Сколько рыбы ловилось, это ужас. Подумаешь, так сколько со́ймов[3] насажали! Вот поймаешь рыбу и в эту со́йму и сажаешь, — ну как лодки, только там дырки проделаны, што вода ходит. И вот приедет на парусе, мотором притянет этакую лодку. Мотор стоит в лодке и работает. Придёт к тебе на ряд, ну ряд называемся, куда рисцы ставить, это ряд. Один ряд идёт так, другой в другом месте. Ну и вот, к ряду. Спро́си: «Ну как рыбы, появились? Ну давайте ж!» Якорь тут бросит, станет, и тебе рыбу, которую с рисцев, вынимай. В яго вясы с собой, яшшики. В яшшик набросаешь, и он свесит и сразу в воду туды в сойму набросает. И живьём так и аккурат отправляли — живая рыбка… А теперь этого нету, и пункт не работает, и я не знаю, как это молодым, которые живут, что и ловли нету…

— А сколько лет вы работали?

— О-ой, я работал, считай, с чатырнадцати лет начал с отцом ездить, когда школу кончил, тогда было чатыре класса школы только. Ну и в школу ходил, так другой раз с отцом в воскресенье, в субботу пораньше поставим небольшие такие рисечки. Поедешь потом, приведёшь. Там пункта не было, а купцы брали, в магазинах которые были. Там три купца было, так они стояли уже дожидали. Цаны в йих такой вот государственной не было, своя цана бы́ла. Стоило пять крон, и это знали. И пришодши там два-три купца: «Ну дак, што сто́ит? Поговаривай, поговаривай!» Сперва спросишь подороже, а как начнут говорить: «поговаривай», так спускай ниже. Это дорого кажется. <смеется>.

[1] *Зру́бье* — резкий переход от мелкого места в озере к глубокой части.

[2] *Сняты́* — снетки.

[3] *Со́йма* — лодка с отверстиями в днище для хранения и перевозки живой рыбы.

И стоят. «Поговаривай», — говорит, хочет, чтоб яму сдали бы. И сразу: «Куплено!» Ну вот, куплено, и сразу за яшшиком домой. И лошадей яны держали тоже. Ну, и телеги такие, платформы, были, на телеге яшшики приведёт и в ящик кладешь. Свешает их и: «Ну, пошли, с холоду рюмочку возьмёшь». А рюмочка кака́, — спирт был, девяносто градусов. «Ну, вот пейте, вам холодно, грейтесь». И вот два брата, два купца было, и один какой-то был чужой, другой. Тогда и другой начал давать это угошшение.

О-ой, да-а, там и в озере нотшавали. Вот зимой приедешь, были сделаны лу́бья, это будки такие, вот как это помяшшение. Две койки, одна внязу, другая наверьху, и столик. И сразу навяли пятнадцат-двадцат в озеро. Водили, где рыба больше водилася, и там поставишь. Дров с собой брали, и чугу́ночки[1] такие, столбяки́ были железные, а в кого не было, так кирпичны клали петшечки такие небольшие, и так натопишь, как кончишь работать, так там раздяваешься догола <смеется>.

А лошадя́, покрышки были им. И если ветер, скажем, с этой стороны, так поставишь другую в заве́терье, что где ветра нет. А ветер сменивается, ночью встанешь, а ветер с другой стороны, надо в другую сторону, чтобы ветра не было.

— А на чем вы этот луб везли? На санях?

— Сани были, дровни такие. Колышки положишь подлинней и на этой вядёшь. Да они не тяжёлые, три человека, ну пять помешшалося аль шесть, если по двое. Одны навярху, другие внизу, там по́ два человека, и на́ пол ложилися два человека. Кто поблизости ловил да луба не было, а домой далетше идти, ну так вот: «Пустите-пустите, можно ли ночавать, нет ли мястечка?» — «Ну, вот на полу вот». — «Ну всё равно, только в тепле».

— Не замерзал никто, не было такого?

— Не-е, никто не замерзал, ну вот как заблудит в озере. Ну, больше это хто пяшком ходил. Заблудит, так ня знаем, человека три-чатыре замёрзши было. Но не вси разом, а так, поодинотшчке, ну больше удцы́[2], кто далече ходили у́дить.

— А в войну вы где были?

— В войну нас всих выселили. Да, да, эстонцы были оставши, а потом и эстонцы ушли, когда бои подошли. Только эстонцы были коротко время. Ну, после уже война ушла дальше, уже Латвию взяли, так тогды домой сразу пустили.

— А хозяйство своё куда дели, когда выселили?

---

1 *Чугу́ночка* — печь типа «буржуйки».

2 *Удцы́* — удильщики.

— Ну, хозяйство что… Ну что умели — взяли с собой, какая посуда, сети были отдано крестьянам, где мало было. Ну, все сетки, вот такие маленькие рисечки были, хто копал ямы такие и туды доски стялил, и в эти ямы прятали.

— А дом ваш цел был, когда вы вернулись?

— Цел.

***

— А когда вы женились?

— В сорок втором году. Погуляли спярва́, познакомились настояшше… И тогды родители стали говорить, что вот службу окончу, и погулял, тогды и приводи хозяйку. А я ишшо и не думал <смеется>. Пошёл, позвал сродственника, тот с бородой был, отцов свояк, матери брат двоюродный был. Пошли сосватали, всё, какой день назнатшили свадьбу сыграть, чтоб приготовить всю ро́ду[1]. Тогды это не принудительно было, а хто и звал, а хто и не звал, ну хто побогате́е был, так звали. А у нас некоторые были бедные, так и без свадьбы: за ручку да в кучку. Идёт, привядёт. Ну, как-то это не ндравилось. Когда берёшь, с родителям уже договоришься, родители тебе уже совет дают, шо вот.. тогда уже свадьба настояшшая у меня была. Наверно, человек тридцать было, не больше. Вот две комнаты, столы кругом. Свадьба два дня. Второй день на похмелку все пришли, опять звали. Танцы на свадьбе были шикарные, и опява́ли жениха и невесту, и всих других опевали, и деньги опять кладут, кто сколько. Так могли и по сотне ради веселья.

— А как опевали?

— Ну пели песни, опевали. Вясёлые песни и вспоминали и сестёр, и братье́й, и всё в этих песнях.

— А пели кто, друзья-подруги?

— Вси пели, вси, хто на свадьбу.

— А жена ваша была с Пийриссаара тоже?

— Да, там мы жили, в той дяревне, ну через дом, в Желачке.

— А как звали?

— Евдокия. Дуней звали. Мы в одних летах были. Тринадцатого года. Ей родители были настояшшие плотники, а мы были рыбаки, а ей родители — церковь вот здесь построена, клуб тоже. Они хорошие были плотники, если где подряды — брали в Тарту, и в Таллине. Я с йими в Таллине работал тоже, на Ранна теэ, там огроменное здание, большое.

---

[1] *Ро́да* — родственники.

— А вы говорили, ваша жена тоже пела, запевалой была.

— Да, пела. Я вот не знаю, таперя не ходя с песнями, вот раньше женские вечера были. У ней голос хороший был, и она запевала, и песни знала. Много было таких девушек-запевал.

— А что такое женский вечер?

— Вечера были, ну яны, знаешь, как собирались, рукодельем больше, хто вязал кружева, хто рубашки вышивали, раньше носили. У меня и сейчас вышива́на рубашка, да я и любил вышива́ных всяким разным рясунком, и нитки всякие, всякие цвята были, вот здесь вот так вот круго́м досудова, с этой стороны. Только некоторые русские носили такие вот простые рубашки с прямым воротом, а то вот бывало, зарубе́жица, там вси носили эты вышиваные рубашки. И всякими разными нитками, красиво…

— А вы сказали «зарубежица», это где, что?

— А это вот начиная с Вороньи и кончая туды почти до Нарвы — это зарубежица, за рубеж называли мы. Поедем завтра за рубеж в гости, вот начиная с Вороньи и туды. За Чёрной больше, Тихотка — туды не ездили далече. А зарубежица тут, до Носа.

— И как вы говорили: «Поедем туда за рубеж»?

— Да, за рубеж. Замуж вышла за рубеж. Видел на озере зарубежьских. Зарубежьские — начиная с Вороньи и дальше там. Мы не ездили туды дальше Колек. Некоторый раз заблудишь, так и в Чёрную туды, к Красным Горам уезжали.

— А дети у вас есть?

— Остался один сын. Дети помёрши. Одна дочка́ была, в Желачек была замуж вышедши, тоже крепкый рыбак был, заколов много было. Дочка́ только оставши. Восемь детей было. Было разом двойки, один жил, наверное, до сорок второго, в сорок втором году помер, а Евстигней — тот, наверное, год пять было, не, три года было, простудился, ходил всё купаться на́ берег, и не считал, что вода холодная, простудился и воспаление легких…

— А было раньше так, чтобы женились без согласия родителей, или обязательно всё-таки так, чтобы родители согласны?

— Нет, были и без согласия, а мало. Вот вспоминаю родителей… Когда женишься так по-настояшшей, по-божески, по-божьи, так сговоришься с невестой, какой день, родителям объяснишь. И вот день подходит тот. Тогда гостей созовёшь, — всю свою ро́ду, в меня так и товаришши были, и много было… Ну, и вот назнатшишь, идёшь к невесте, там сват только, с которым сватал невесту, что назначал какое время. А приходишь, уже гости сидят вси, за столом свои, а приходишь с невестой, уже там гостей, конечно, мень-

ше, она уже собирает только хозяина. Жениха <гостей> больше, она только своих, семейников садит, ну там ро́дные… Столы уже всё приготовлено, как полагается, на сколько человек, знаешь уже… В меня было две больших комнаты. Сперва начал положишь[1], это благословленье от родителей, если согласны, а если родители не согласны, тогда втихую, это редко было. А когда согласны, тогда вот оны стол собярут. И тогда, нача́л положишь, и гости по́ столам стоя<т>, а жаних с невестой вперёд выходят. Гости дожидаются, пропустят жениха, к столу первыми женихи садятся.

— Вы не венчались в церкви?

— Не-е, нас не венчали. Тут нико́го не венчали. В волость ходили, но это называлось тоже как венчание. В волость, в Вынну. Тридцать километров отсюда, там наша волость бы́ла. Там записаться надо, повенчают, там уже стол устроить.

— А принято было так, что у невесты было приданое?

— Да-а, но это готовили сами, это не принуждённое было, ну что там: комод, да бельё положить шкаф, ну, другая там машинки эти швейные…

— Принято было, чтобы жена приходила к мужу жить? Или вы отдельно оставались сразу жить, как?

— В сямью приходила, да-а. В сямью, и уже отдельная кровать и особые комнаты…

***

— Потом пароход один стал <ходить>, с Советским-то Союзом как соединили. А пароходы эти исчезли. Два парохода колёсных было. Колёсы с боков, мотор заработает и яны шлопают[2] там, эти колёсы работают… Один военный был, «Тарту», а «Кунгла» бы́ла гражданским. Там буксирные пароходы были в Тарту.

— А на своей лодке можно было до Тарту доплыть? Или это очень далеко, если на вёслах?

— А ездили, у нас были — называлася троёнка, это где четверо. Ездишь рыбу ловить на заколы, это вдвоём, редко кто втроём ездили, и сетки бросать. Четверёнка — это уже ездило пять человек. Чатыре человека в вёслах сидело, и кора́бшик[3]. Ну, а такие были дрова водить, в нас мало таких было, так по

---

[1] *Начал положишь* — прочитаешь начальные молитвы.

[2] *Шлопать* — шлепать, ср. *шлопать языком* — болтать, сплетничать.

[3] *Корабщик*, возм. также *корамщик* — человек, управляющий лодкой, держащий *сапец* (руль), возм. также владелец лодки или звеньевой (в советское время).

двести кубометров дров клали в эдаку ладью. Я говорю, что были альбомы, так я одно лето тоже ездил на ладьях, фотографировано были. Это где в городе пристанешь, так там уже фотографисты так и дожидают, чтоб сфотографироваться. Много было этих карточек, альбомов… Потерялся, как выселили нас, этот альбом большой был, толсто́й такой, потерялся, унясли просто его с дома.

— А книги тоже есть у вас дома?

— Не знаю, куды они потерялись, вот у меня были книги, только у одно́го меня были такие. Ну, вот Псалтырь, скажем, яна как моле́нишна книга, это и покойникам читать, а то было Видение Григорьево[1], так там всё было в картинках и картинки были в красках всё. Там ка́ка краска мушшины, ка́ка женшшины, ка́ка как он в дому. И всё было выписано, хто за какие гряхи, и вот река горит, прямо вот красным таким пузырям, и в ей люди страдают, горят. А утопленники дак привязано за одну ногу, за другую, и вот так где-то в огне и горит. Ой, и всё в красках было. Мне так жалко этой книги. У нас был богатый-богатый дедушка, он тут и дома строил всим. Вот которые известью обделано дома́, это всё в его построено. Миха́йлом его звали, а прозвишше было Валаам. Так вот ён это бедным одёжу куплял, и в долг давал, и страшный был такой человек, денежный. И золота было много, и денег, и ён всё покупал. Моленны строил, и дома строил.

***

— Раньше я хорошо рыбу ловил, так ко мне корреспонденты вси приезжали, вот сейчас вертится на языку, хто последний был… И я всё им рассказывал, и со мной поехали и на озеро, он сел в лодке на бок, а мы вдвоём были, и у него фотоаппарат, и вот сидим на носу, нос называется, один край — корма, а другой — нос. Он сел — и фотоаппарат. Их два было, один был, в момент сразу карточки, а другой был присылал. Ну, и вот этот уехал, погуляли тут, я хорошо принял его. Рыба у меня бы́ла сухая, сухие лешши таки, я ему этих лешшей дал, гостинцы. Ну и ён как раз после них приезжал ещё ко мне. Приеде и коньяка, постоянно коньяка бутылочку <привезет>, приеде и вот на чардак пойдем с йим, в меня на чердаке тоже стол там. А то и в задней комнате сидим, и ён меня всё расспрашивае, тоже запише, и несколько раз в газеты <печатал>. Так люди всё мне завидовали: чё ты, мо-

1 Возможно, имеется в виду Видение св. Григория, ученика Василия Нового (жил в X в.). Несколько списков Видения хранится в Причудском собрании ИРЛИ [Морозова 2009: 170].

же, яму деньги каки́ плотишь <смеется>. Он спрашивает, как ловишь, я вот говорю, что сидел, а люди поехали рыбы искать. Поедут — ничо́го. Я после выйду — рыбы сколько, так и приняли меня вот, мои товаришши некоторые, два, и то уже старые. И дожидают, я не выезжаю, артели три, тшатыре артели было в Желачке. Мало таких, что неводом ловили. Ну и вси дожидают, не выезжают, покуда я выеду. И вот соберёшься, другой раз так с вечера потихоньку. Другой раз идёшь и сапогами не стукаешь <смеется> и несколько потихоньку. Знали, что яны слухают, как только слышу<т> шорох, и сразу не успеешь — так вси сразу… <смеется>. И вот после с той, которая бы́ла запретная рыба, так она, если воздуха хватила, яна больше уже в воды не живёт, и кидай — не кидай. Ну, тшайки вот, плавучие, в йих эты лапки-то, с этими… И вот выйдешь и им бросаешь, чайкам. А с беряга уже вси смотрят рыбаки, и говорят: «О, чаек налетело!». А если другой раз крупно́й попадёт, то сядешь и, как будто рыбы нет, сидишь. А она в матке, маткой[1] назывался этот мешок. И в мешке и за краём повешена, и сидишь. Кто курил, так закуривал, я не курил, так сидел, шевелил рукам. А и говорят: «Ничо-о, сидят, нет рыбы». А рыб по́лно <смеется>. Слышно разговоры, тут недалече, около берега, как разговоры кончились — ушли. Тогда вот начинаешь таким вот охапкам, ну запасу-то наберёшь, такой кошель сделаешь там, остальное подберёшь и выворотишь, там, мо́же, пятьдесят, мо́же, и больше килограмм, много выворачиваешь, а остальная рыба там ишшо, ну и опять сядешь, посидишь. Тогды опять подойдёшь — опять. Выворачиваешь, так что вот лодка осяде <смеется>. И тогда увидят, что лодка осела, и начнут кричать <смеется>, а у нас уже рыба поймана, мы едем на́ берег. Которые не уезжают, так говорят: «А что вы там сидели-то, на тони́?» Тоня́ называлась эта круг, тоня. Говорит: «А что вы там так долго сидели?» Я говорю: «Долго, так столько рыбы, так посчитай-ка!» <смеется> Так только смеху наведёшь и… «А-а, так ты знаешь, что сказать!» — «Так попробуй таку массу, там тысяча штук, так считать, это долго время-то и берё…» — «Это не считали вы там, это не по счёту ты сдаёшь!». А иной раз мы две тони́, а другой раз и обеи лодки наберёшь, от одной тони две полные лодки, и к дому. А как только онна́я[2], так только приехал, и при́мету сделал к берегу, ну где ты кончил, при́мету сделаешь, приедешь опять на это место, так это при́мету подгонишь так, сразу кладёшь тоню́ и рыбы по́лно..

— При́мету? А что это? Как её делают?

[1] *Ма́тка* — мотня невода (часть, в которую собирается рыба).

[2] *Онна́я* — одна.

— Ну при́мета, скажем, вот мы идём, вот там деряви́на[1] стоит, там дом, ну вот зайди сюда за этот дом, и пройдёшь. Вот, скажем, как зашла ты, стоит прямо дом. Зашла ты десять шагов, уже эта дерявина вон вышла из дома, вот это при́мета. И так вот и на озере. Там видишь таку и вдали, там ходили километров десять, с той стороны — Ленинград, а это Островцы тут, Ленинград далече. Тоже там лес, там Таллин город, там далече. Ну, и эти береговые деревни равняешь. Отъедешь — эта уже дальняя выходит вон от этой при́меты, там уже другое что-нибудь — дерево, или деревня, или дом подходит, и приедешь другой день, под такую при́мету подгоняешь и приезжаешь точно.

Когда артель была согласна, так раньше не выезжают и не знают, где и попало, где поймал. Так раньше меня и не выезжают на озеро. Как только выехал километр, так вси сразу глядят, докуда поедешь, где остановлюсь — останавливаются. А другой раз оммануть хочется, так остановишься, постоишь, так дожидают, что начну я работать соши́лом[2]. Да другой раз не дождутся и начнут копать, а тут рыбы нет. Я поехал дальше. Ой, я сам дивился, что, думаю, непониму́шшие, не стрямились люди к этому <знать>, где попала рыба. И ты смотришь по рыбе: куда рыба, с которой стороны попала в сетки, с этой ли или с этой. Коли с этой попала, так она, значит, туды идё, хвостам-то, головам-то туды, тогды едешь туды. Если с той стороны попала, тогда едешь в другую сторону. И всё равно рыбу найдёшь. Мне в жизни везло. Это как эстонцы говорили: «Kurat, kui Mäe-Fedja läks, jälle toob рыбы. Kos ta läheb — siis alati kala käes!» Это я на горы там живу, так меня Горным звали Фёдором. Да и сейчас <зовут>. Со старины дядюшка в меня шутил, его Барином звали, прозвище было, ну, а я: «Горный Федя поехал. Где Горный Федя попал, там смеха довольно!». Я в тот дом <поселился, где> дядя раньше жил. Он уехал в Выру в город торговать рыбой, и мы посылали яму рыбу, а мне вот дом... Говори<т>, иди живи, дом пустой был. Сперва эту учительницу пустили, но тут <она> объявила мне: «Я, — говори — уезжаю в Тарту». А я говорю: «Мне уже дом отказано». Ну, и вот в Тарту уехали и я переселился.

Мне в жизни везло, я так на свою жизнь счастливый, что и с народом хорошо, и с женским полом пошутить могу. Хорошо я жизнь прожил очень, спасибо Богу. И дети так в меня тоже по моей дороге.

---

[1] *Деряви́на* — дерево.

[2] *Соши́ло* — зд. длинная жердь с раздвоенным концом.

***

— Не осилить — так якорь бросишь и станешь несколько время, дожидаешь. Приедешь домой, спросишь, что тут. Ой, тут заливе́нь был! А там ветер, а тут дожжа сколько хошь было. Крупные таки дожжины назывались заливень, и такой густой, сразу в деревне такие болоты сделает, и вода-то глыбокая, и то воды мелкие, а то такие. Так вот с Желачка-то плошшадка идёт така, это потому, что в лодках ездили. Как раз в школу ходили, так вот отец купил мне лодку, пятнадцать человек в лодку детей, а 25 иль 30 учеников было. Так другие разденутся и пяшком в эту дяревню в Тони, вот там плошшадка. Эта самая низина с Тоне́й в Желачек, та самая низина. Так вот коров держали только дома, в поле не пускали.

— Фёдор Карпович, а как у вас ветры здесь называются?

— Мокри́к — это юго-западный, это как с Вороньи́, а север — это как раз с озера, южный — это с юга, а это полуденный. Так страшнее всего север, а север опять как дюжо́й[1], так страшный, а как не дюжо́й — рыбу подгоняет опять сюды. Как север зайдё, так какая-нибудь нерестова́я рыба, так тут только убирай её.

— А север дует с озера, да?

— Да-да, с озера. Маленечко ишшо наискосы́ больше, но с озера.

— Западный с Вороньи, а полуденный, это еще откуда?

— А полуденный — ну оттудова ото Пскова али с Мехикоорма.

— А вот для льда какие-нибудь есть разные названия? Вот лёд на озере от толщины зависит или от времени года?

— Нету. Льду нету, да.

— А вот мы слышали: такое слово *донник* есть?

— Донник? Не, в нас так не говорят. До́нница — вот копаешь гряды: «Ой, там еще земля крепкая, ишшо донница там!» Копать ишшо нельзя, ишшо донница не вышедши. А она когда тёплая, когда земля нагреется, тогда уже донницы нету.

— А донница крепкая земля, она еще смёрзлась или нет? Или просто крепкая?

— Не, она смёрзши, смёрзши. Она мягкая, всё время копаешь другой раз каку яму и всё, в тёплую погоду, а вот в мороз она промёрзнет скрозь, и помаленьку солнце светит, верёх начинает таять и всё ниже садится и до донницы доберётся. Донница вышла, уже нету, можно копать.

---

[1] *Дюжо́й* — сильный.

— Фёдор Карпович, а вот Вы сказали, деревня Остро́вцы на берегу. Вы там бывали в Островцах?

— Бывал.

— А отсюда до Островцев сколько километров по воде?

— Да двянадцать километров. А я там и ночевавши не раз. Когда под берег туды сетки выташшишь зимой, подсунешь, так зимой домой и не ездили, там два километра от берега. Если близко к этим к Островцам, там и ночуешь и там познакомивши были, только приезжаешь, так и водочки дадут.

— А она большая деревня Островцы, нет, была?

— Большая. Я не знаю, сколько там жи́харей[1], Островцы большая, а вот Подборовье — маленькая, суды больше. Ну, суды Подолешье и Подборовье, тогды там река пойдёт Желча, там называлася деревня Кобылье. И там церковь одна и тут две. В Крещение так там в церьквы отовсюду: со Пскова и ото Пскова, и вся побережь отсудова съезжается туды. Там в йих был закон такой: со льда крест вырубить, большой. Ну, скажем, вот как комната вышины, а ширины-то, так, может, метра полтора или два. Ну и вот, вырубят со льда и тогда этот крест обратно с пеньем, с молитвой так уку́нут и на лёд, вот это называлось Крешшение Господне.

Это отсюда двянадцать километров, на самом берегу озера, и церковь там, даже когды служба идёт, так ветер оттудова, слыхать, как колокола били. Таперь-то я уже не слышу, уже давно не слыхать… И яны к нам ездили, у йих после войны была бедность страшная, так оны ездили сюды всё менять: и брюки, и костюмы всякие, и посуду, и всё… Только бы спасти, на хлеб меняли, на муку и печёные хлебы одёжу.

— Да, там тяжело было. Фёдор Карпович, а вот у вас русский разговор и у них русский разговор. Похоже, как говорили или вы как-то отличались?

— Не, отличается, там больше к каждому слову «о» ударяело.

— На «о» больше, да?

— Да, на «о». В плену их называли «русманы».

— А это только этих, из этой деревни или всех с русского берега?

— «Русманы» — всех с русского берега. Да, всех. А это как сказать, их разговор… всё ударение было всё больше на «о», в каждом слове всё больше на «о». Яны рыбаки. Отношения хорошие были, и их вот там на Кобылье праздник Крешшение, после Рожжаства Крешшение. Ой, там съезжалось народа и я там два раза был. Там отвсюда, от Гдова, ото Пскова и вси, там полная деревня, в каждом доме.

[1] *Жи́хари* — жители.

— А ничего, что вы староверы, а они же православные, они же не староверы были, ну всё равно, это не мешало вам ездить?

— Не, не мешало, дружба бы́ла хорошая, это не мешало.

— А вот тут тоже ведь были православные сколько-то?

— Ну, две сямьи иль три. А когда пожар был, церковь сгоревши бы́ла. Эта после построена. А тут было три сямьи, а таперь нету, в церковь не ездит никто. Сперва ездили, там православные были, ездили, эта церковь принадлежала этому краю, а таперь, я смотрю, не ездят — вороты закрыты.

— А вы сказали пожар был, а пожар этот был когда, лет сто назад или когда?

— О, нет, это в двадцать первом году. А эта деревня вся бы́ла, тот край только не был эстонский сгоревши. А то вся бы́ла сгоревши, и когда пожар прошел, яны пересялились вси, семьи вси пересялились в деревню на Желачек. Там в каждом доме были квартиранты, а другие, в кого ро́да была, в Мехикоорма уехали, по эстонцам, а большинство стали строиться. А в меня там жил тётка, материна сястра. Ну, и яны дом построили небольшой, две комнатки было. А ён такой был, стремился торговать, и он сюды водил питание. А ишшо одна сястра жила в Выру и в деревне Березье, сестра уехала в Выру и мне предложила <дом>, как уезжать. «Сынок, я дорого не возьму». А яны рыбу не ловили, я говорю: «Ну раз даете, так спасибо». Я не помню, сколько отец <заплатил>. Так рыбу посылали туды зимой с Березья. Там матери тоже был брат, так приеде в Выру, водил рыбу и свою, и нашу. И продуктам там торговали. В йих одна дочка была только.

— Фёдор Карпович, можно Вам налить чуть-чуть? Как здоровье Ваше, позволяет?

— Не, я, так сказать, дай Бог и дальше так. Вот другой напьётся, что-нибудь его вдарит ругаться с кем-нибудь или папиросу возьмёт, а это ишшо удар большой, от папиросы. И я сижу, вместе пьём, сижу ничего, чувствую, только маленько возьмёт — на песни наводило, а некоторые были — кулаки так и ходют. Ну, и поглядишь, начинают драться. Ну, а меня эстонцы так: «Mäeotsa Fedja tuli, siis nalja saab!»[1] Я такие анекдоты, прибаутки, шутки знал. Теперь забыты.

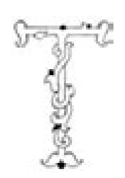
---

[1] Эст. Федя Горный пришел — будет весело!

ACTA SLAVICA ESTONICA I.
Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV.
Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III.
Тарту, 2012

ПИЙРИССААР В РАССКАЗАХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

О. Н. ПАЛИКОВА, О. Г. РОВНОВА

артуские и московские исследователи говоров Западного Причудья начали ездить на Пийриссаар в 2004 году и настолько привыкли к тому, что каждое лето бывают на этом замечательном острове, что с трудом могут представить себе, как будут обходиться без него. Остров за эти годы стал близким и более понятным, хотя каждый новый услышанный рассказ давал почувствовать, как много мы еще не знаем о Пийриссааре. Занимаясь расшифровкой и обработкой сделанных на острове записей, авторы и их помощники погружались в живую историю, судьбы людей и мест, впитывали жизненную мудрость островитян. Нам, как людям занимающимся диалектами, безусловно были интересны все языковые примеры, свидетельствующие о сохранности говора, но и сама суть рассказов не могла не задеть за живое. Читатель непременно сам почувствует особую ауру этого места и специфический характер настоящих островитян.

Расшифровки аудиозаписей, сделанных на острове (2004–2012), осуществлялись при финансовой поддержке Программы культуры Причудья и Министерства науки и образования ЭР. Этим трудоемким делом кроме старших коллег занимались и студенты отделения славянской филологии Тартуского университета: Людмила Авво, Нелли Буйницкая, Елена Иванова, Янели Нылванд, Александра Потапченко, Алексей Самарин, Ольга Соколова, Татьяна Тарасова и Валентина Тубин. В книгу вошли далеко не все расшифрованные тексты, достаточно объемная их часть останется в архивах и будет использоваться диалектологами для дальнейшего изучения говора острова и, шире, Западного Причудья.

Место и год записи отдельно указывается после каждого текстового фрагмента, а рассказчики приводимых в этой части историй закодированы буквами от А до М (ниже приводится указание на их пол и год рождения):

А — жен., 1926 г. р.
Б — жен., 1927 г. р.
В — жен., 1934 г. р.
Г — жен., 1928 г. р.
Д — муж., 1939 г. р.
Е — жен., 1955 г. р.
З — жен., 1935 г. р.
И — жен., 1932 г. р.
К — жен., 1937 г. р.
Л — муж., 1943 г. р.
М — жен., 1930 г. р.

САМАЯ КРЕПКАЯ ВЕРА. ПОГРЕБЕНИЕ

А: Мы староверы. Наша староверска ро́да — очень крепка староверска рода. Са́ма крепкая вера — это староверы, са́ма крепкая.

До войны были ребятишкам, и так: утром встаёшь в праздник, и пить нельзя было, ни есть нельзя было. Дети — в моленну, мать остаётся дома, а когда и мать идёт. Все ребятишки в моленну, а когда приходим с моленны, у матери уже стол готов: «Садитесь за стол». Вси садятся за стол, а до службы, до моленны — никто, никто, никто. И тогда у нас были посты, до войны были посты, постничали. Рожественской пост, Петровской пост, но Петровской пост — очень мало. Рожественской и Великой пост — это-то уже коровушка бы́ла, и смятана бы́ла, и масло бы́ло, но этого до самой Паски не, не давали. Ни молока, ни масла, ни мяса — вот так. Приходит Паска — пожалуйста, у матери всё: и творожок скоплено, и масло скоплено, и яички куплены, скоплены. Так постилися. А после войны старушки-то постилися, а молодёжь-то нет, не постилися, потому что поститься надо — это такая вся постная яда́.

Ходим в церькву. У нас в церьквы нету батюшки, у нас раньше был батюшка, настояший батюшка, но мы не называем, как называют — священники, батюшкой называем. А сейчас у нас умярли этаки старички, и мы самы женщины молимся. Вот нас четверо, мы молимся. И старушки приходют в моленну, ну и молодёжь в праздники-то бывает, ну всё-таки народа в простые выходные-то мало. Да у нас и народа-то стало очень мало, а оны́ только старушки, и старушки к зи́мы они уязжают к детям в Тарту.

А когда у нас погребение, хоронют кого, то тогда привозют с Тарту, но тоже нету настояшего священника, батюшка. Ну, женщина одная, пять-

десят лет или уже чуть маленько побольше, она очень грамотная, голос хороший, и она помогает нам эту службу провесть, когда вот погребение, хоронют. У нас большая служба, когда хоронют, у нас всё пение, у нас всё пение, читают и пение, у нас служба большая. На кладбище раньше носили, топерь на машине свядут, потому что народ старый уже, молодёжи-то мало. И всё с пением, и на кладбище с пением. У нас служба хорошая, когда погребение, весь остров собирается.

На службу когда, у нас есте — как ряса чёрная, по самый пол, да платок чёрный. Когда хоронют, тоже одяваешься в моле́бно[1], а когда уже на кладбище, тогда уже снимаешь молебно.

А покойников одявают — ну как у нас, по-староверски одявают покойников. Спе́рва моют покойника, тогда надявают кресток, в первую очередь кресток надявают, тогда надявают рубашку. А рубашка должна быть длинная, по самые пяты рубашка должна быть длинная, широкая и обычно всё с длинным рукавом. И тогда по рубашке повязывают пояс, и тогда надявают широкоплечник — это как татьянка, вот такая, шчо рубашка с длинным рукавом — это вот как татьянка. У меня тоже уже сшита такая одёжа, уже двадцать год сшита ляжит. Всё равно какого цвета широкоплечник. У меня шёлковый такой, зелёный. И тогда чулочки, тапочки надявают. Женщинам спе́рва повязочку надевают, вот так беленьку повязывают, миткальну повязочку. А тогда платочек подвязывают, вот так платочек подвязывают, вот так и здесь, не застягывают ничем, а так, ниточкой зашивают. И тогда кладут в бо́льший угол[2] на скамейку, делают таку скамейку на стуле с о́бех сторон. Кладут покойника против образов, против Бога, подушечка по́д головой, кладут покойника и сверьху покрывают про́стыней или покрывалом каким, пока гроба нет. А когда гроб приводют, тогда опять отпявают, «Положение во́ гроб» отпявают, и кладут во́ гроб. Положут во́ гроб — тогда уже это настояшее, настояший свой домик. Вот таким манером. И панафи́ду молются, панафида час идёт, панафиду молются, там всё поминают, всё это такое. Раньше было три дня: покойник помрёт, и три дня, на третий день хоронют. Три дня читают, день и ночь читают, трое там, четверо читают — нанимают читальщиков, день и ночь читают, беспрестанно. Там когда приглашат хозяева покушать, попить, и день и ночь читают. У меня когда хозяин умер, двадцать градусов мороза было, — день и ночь читали, день и ночь читали. А когда уже на третий день погребенье,

[1] В специальной одежде для проведения службы в моленной.

[2] В угол с иконами.

тогда отпявают, это как выношение — выносют. Отпявают, выносют на улицу, и до самой церьквы и́дут поют «Святый Боже». В церькву приносют, там тогда уже со звоном, звон звенит — колокол. Это встречают покойника и заносят в моленну, и тогда кладут начал, и тогда начинается служба, и служба эта идёт часа полтора так, к двум часам.

На мо́гилах[1], когда зароют, и на мо́гилах тоже отпявают. Зароют, и тогда говорят, кто как говорит: хто говорит «Спаси, Господи, добры люди ещё пришли проводить» там папу, или маму, или бабушку, или дедушку, а кто говорят, что «Дорогие островитяны, спасибо, что пришли проводить». И тогда уже зарывают, и каждый кидает пясок в могилу, это три пя́сточки[2]. И тогда и́дут обед, поминки. Приглашают — хто идёт, обычно все идут. У меня дочка там вот, в жёлтом доме, хоронили свякровку, так шчо у них было. На первом столе двадцать с чем-то человек, а это целый день продолжалося, так шчо первый стол уходит, второй стол приходит, а там один за онным приходют, и каждого всё угошшают. Вот так хоронют. И у нас дявятый день обязательно. Похоронют, и на дявятый день панихида должна быть, и шестинедельна — это сорок дней, это называют шестинедельна. И тогда тоже опять молимся в церьквы, кто дома молится, кто в церьквы. И за сорок две иконы, ну это образа́. У нас сорок две иконы вот таких, ну, конечно, тут-то у нас большая стоит[3], а там разные их, в церьквы. Сорок две иконы, и тогда каждому должна свешчка, как на погребение, каждому образу — свешча, каждому образу ставим свешчу. Кто приходют на погребение, каждый даёт, сколько мо́гет, на ко́ гробу свяшчу дают деньги. Гроб ставится на скамейку длинную, и вокруг подстановочки такие сделаны, шчоб куда свешчи ставить, и вокруг гроба ставются свешчи да горят во время погребения.

Вот так хоронют: погребение, шестинедельна, а тогда годовая, и тоже с поминкам. (*Желачек, 2004*)

ПО ПОКОЙНИКУ ТРИ ДНЯ ЧИТАЛИ

А: Это по покойникам читают — двадцать кафи́зьмов. Одна кафи́зьма, втора кафи́зьма... А сто́тьи читают <на> у́тренях, па́вечерницах — это в ночь молилися. В каждый большой праздник это было служенье,

---

[1] На кладбище.

[2] Горсточки.

[3] Об иконе в доме.

а теперь нету. Мало народа, старые умерли. Топе́рь мы моло́дые, и этого мы всяго́ не знаем. А по покойникам читают — это кафи́зьмы. А после двадцать кафизьмов читают «Пророческие песни».

По покойнику читают — три дня читали: день и ночь. И четьверо читали, четьверо. Один прочитает два часа, тогда другой два часа. Так сме́нивалися. День и ночь читали — три дня. Теперь и вообще не читают, и днём. Там, есив одную кафи́зьмочку…

От, по покойнику начинается от эта «Блаже́н муж». От эта первая кафизьма: «И ныне и присно и во веки веков — аминь. Блаже́н муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешних не ста»… Это, знаешь, хто как читает, какая погла́сица в кого. «И не ста, на седалищи губителе не се́де. Но в законе Господни воля его, и в законе Его поучиться день и нощь. И будет яко древо саждено́ происхо́дящих вод, еже плод свой даст во́ время свое́; и лист его не отпаде́т, и вся, елика аще творить, успеет. Не тако нечестивыи, не тако, но яко прах его же возметает ветр от лица земли. Сего ради не…». Это как читается, так надо в платке читать. Голой головой не полагается Божьи книги читать. От эта топе́рь будет вторая кафизьма. И так двадцать кафизьм. А тут тогда по́йдут «Пророчески песни». От тут «Блаже́н муж», а тут уже читается «Вскую шаташася языцы».

От кафизьма: «Испове́мся тебе, Господи, всем се́рдецем моим, повем вся чудеса Твоя. Возрадуюся и возвеселюся о Тебе, пою имени Твоему, Вышний. Внегда совра́тися врагу моему вспять, изнемогут и погибнут от лица Его…». От эта втора кафизьма. От эта кафизьма называется, когда читают по покойникам. От эта третья кафизьма.

А сто́тьи — это раньше читали и на Пятров день, это утреня. И на Рождество утреня, и на Ве́дение Пресвятой Боɣородицы, и на Покров, и там, Иоанна Предотеча-то. Утрени были на каждый большой праздник. А это днём — это тогда Часы называются.

У́треню завсягда́ начинали в восемь часов <вечера>. А сейчас в Тарту тоже утреню молются, но пораньше молются. А раньше обычно в восемь часов начинали утреню, на́ ночь.

<*А до скольки она тогда?*>

Ну, когда как: праздник побольше, так побольше там этых пений. Ну, и когда как, другой раз и побыстрей читают. А па́вечерница тоже вечером бывает, да. Па́вечерница. Я всяго́ тоже топе́рь забываю. Это ведь восемьдесят три года будет в ноябре месяце. Помирать время. А еще на повеленье и читаю, и пою…

<*А книга у Вас от родителей ещё?*>

Это да. Тут уже с переплёта вон <выпадает>, а так всё ещё держится так. Ну, всё другой раз покойнику сла́вочку где прочитаем. Щчо не совсем так, а всё сла́вочку-то я прочитаю.

<А вот человек умер: пришли его обмыли. В это время ничего не читается?>

Нет-нет, пока не читается. Когда уже положут, тогда начинали читать. Так читали, а сейчас не читают. Только панафи́дку <= панихиду>, панафи́ду молимся. Когда кладут во́ гроб — «Положение во́ гроб» — это поют.

<Как это происходит?>

Ну, как происходит. Обычно. Гроб. Там двое и тут двое, и положат. Обычно, просто. Гроб рядом стоит, що покойник-то ляжи́т на скамеечке, там с досо́к сделано. Ляжит, а гроб стоит. Положат в гроб, он на стульях. На полу — не. Тогда эту досо́чку убирают и кладут прямо вот как в бо́льший уго́л: так — против Святых икон.

<Кто кладёт в гроб?>

Родственники не могут. «Выношение» когда поют — это выносют покойника и тоже поют «Выношение», — родственники не присутствуют там. Не прича́ствуют там. И когда и в могилу опускают, тогда чужиих, родственники — нет. От так, от такой порядок.

<А когда в могилу опускают?..>

Тоже поют. Там поют «Зе́мле, зи́нувши»: «Зе́мле, зи́нувши, прими от тебе созданного рукою божиею бывшу…». От это поют. Опускают и поют. Тут же зарывают зямлёй. Тогда спе́рва кадя́т покойника, когда ляжи́т в гробу. И держут крышку вот так над покойником. От так крышку: що покойника ко́дют в гробу, раньше как опускать. И тогда и крышка ко́дится. Шчоб крышка тоже была б, и тогда закрывают. И когда закрывают, от тогда опускают, тогда и поют «Зе́мле, зи́нувши». Это предают зямли́. Тогда бяру́т <землю> на лопатки и подают, и спе́рва наставник кидает туда. Остальные так бярут по́ три, по́ три пя́сточки <= горсти> кидают в могилу.

<А потом идут в дом?>

В доме покойника, да. Там тоже, садятся за стол — тоже поют. Пообедают — поют. Кончут петь, конец, тогда <скажут> «Спаси Господи». Когда от кончаем, уже пообедаем, тогда от поминаем три раза, поём: «Покой, Господи, душу усопшей Рабы своея́ — женщины, так своея, а мужчины — своего, — и елико в житии сем, яко человек, согрешил. Ты же, яко человеколюбец Бог, прости его и помилуй. И вечныя муки избави. Небесному царствию причастника учини и душа́м нашим полезное сотвори» — и кла-

няться ещё надо. От это как кончают обедать. Спе́рва там досто́йную, тогда вот это поют.

<*А во время обеда?*>

Раньше когда-то читали, это ещё до нас. Старики ещё, когда обедают, тогда один читает с книги Божьей. А сейчас при мне я не помню, не читали.

<*А какую еду надо?*>

В кого кака́ получится. Спе́рва суп. На обедах очень готовют много, Стряпают.

<*А кутья?*>

На обеде кутьи нету. А как будет панафида <= панихида>, тогда кутья. Дявятый день — это молимся — это тоже с кутьёй. Это дявятый день. А шестинедельная — там с кутьёй. Тогда поминают.

<*А кутья какая?*>

Кутья — мёд и пшено. Правда, и на дявятое тоже кутья. Мёд и пшено. Пшено, хто в кипятке отваривает, кто поварит маленько. Где-то в меня тут есть. Всё так берягётся <говорит про себя>. Ну, пшено немного — полагается двадцать зярни́н. Ну, кладём и побольше. Ну, от столько на кутью-то положим <показывает>. От столько на кутью-то.

<*Так немножко и всё?*>

Да, да.

<*А если народа много?*>

Ну, народа много — мёда побольше и воды побольше. А этого полагается немного, вот столько, я показала вам. И мёда — ну, на пол-литро́ву банку ложку, ложку мёда. И должна быть вода кипячёная. Остынет, и кипячёной водой. Больше не знаю, что сказать. По покойникам почитала.

<*А где Вы учились читать?*>

Это ещё о-ой! Это, може, ещё от такой дявчо́ночкой. Мы жили там, на Мяжи́, эта перва-то деревня. Я жи́ла там. И рядом в нас там моле́нна бы́ла, и батюшка. И тогда он собирал от таких ребятишечек в моле́нны, как называлось это — келья, ну, передняя. И там от собирал он и учил. Ну, там маленечко — азбуку. Азбуку учил. Где-то в меня тут и азбука. А когда я уже пошла на кры́лосу, так уже стала приносить книги домой, и дома читала, и так пошла в моленную и на кры́лосу, и так привыкла, читала и, пела и … Таки от дяла. (*Желачек, 2009*)

ПОЙДЁМ В НА́ВЕДЫ

А: Дети рождалися, так тогда приходили в на́веды. Сейчас они приходют — на смотрины называется, у нас это «наведы» было. На смотрины приходют, как ребёнок наро́дится, так там через сколько, приносют, что надо ребёнку такого. А раньше у нас были пироги, двадцать человек придёт, и все с пирогам, вот после войны, и все идут с пирогам. Только женщины. На подносе пирог, и полотенцем вышива́ным покрыт, и приходют, и тогда стол устраивают, и там и закуска, там и выпить маленько дадут, и песни пели тоже… И после войны тут очень много было так нарождалося, очень много. Говорили: «Пойдём в наведы», и с пирогам в наведы-то и ходили, хто хотел. Другой раз в год родится несколько[1], так сегодня я к тебе иду, в другой раз — ты ко мне идёшь, вот так и скоплялося, застолье-то скопится. Не звали, а только шчо в один день собирались, согласятся[2], шчо в один день.

После войны женщины рожали тут, дома, бы́ла одна така старушка, она помогала всё приходила, и потом фельдшер был, тот тоже приходил. Большинство дома. Ой, говорю, роды начинаются, бегите за бабкой Фёклой. Она тут недаляко жи́ла. Старушонка ходила каждому помогала… А потом отводили[3] в Тарту — как по возможности. Самолёт был — на самолёте, а есив[4] погоды нет, дороги нет — и дома. И всё благополучно было. (*Желачек, 2004*)

КАК КРЕСТИЛИСЬ

Е: А <взрослых> крестили так. На рассвете, в четыре часа, пока ещё людей <нет>, выходил батюшка, и шли в озеро. В длинной рубашке в новой — после войны разрешали так, а до этого — чисто голая женщина и батюшка. И крёстные. Крёстных брали поэтому стариков, которые не сма́нятся на женское красивое тело, если это действительно красиво. (*Желачек, 2009*)

---

1 Много.

2 Решат сообща.

3 Отвозили.

4 Если.

ПРАЗДНИКИ

А: И замужние женщины тоже собирались. Вот Рожество — в гости ходили, Пятров день — престольный праздник, в Рожество и Пятров день ходили один к онно́му. Но и так ходили в воскресенье посидеть: я к тебе, ты ко мне придёшь. А в Рожество — это как обычно, стол соберёшь и позовёшь: иди ты сегодня ко мне, завтра к тебе. Рожество три дня праздновали, Пятров день тоже… Ходили на пару, с мужем идёшь, тогда к тебе и́дут, так несколько семей, несколько пар.

На святки гадать ходили: петуна́[1] кормили, и через забор кидали калош. Узнаем, в кого петун, старуха поймает петуна, а молодёжь соберётся в кружок, и каждый щчо-то посыпет: зерна, круп или чего-то. И тогда пускают петуна, он как сумасшедший замечется, замечется, не знает, в котору кучу. А он говорит: «Ты замуж выйдешь в этот год — твою кучу пятун клюнул». А калош кидали — калош сниме́шь с ноги да через забор кинешь. Куда ты попадёшь замуж: куда он лягет.

А после войны на лошадях каталися. Отец запрягёт лошадку, у нас такой был сильный конь, такой как полусумасшедший: е́сив[2] он как пойдёт, так его не удержишь, и он сто кило́метров в час упо́рет. Вот посадил нас всех на дровни, и поехали по деревне! Да ещё к узды-то, к дуги-то привяжут этых ленточек разных, раньше была кре́повая бумага — вот этаких навяжут, и говорю: «Поехали, поехали кататься!» Это в Рожество и на Масленицу ездили кататься. И не одна, там много ещё пойдут, один за одно́го, по деревне ездют.

А Паску отмечали больше как службы церковные. Ночью служим, до часу — до двух, а тогда придёшь поспишь — вечерня, это первый день Паски. Часов нету, когда Паску молишься, так утреня и часы, там вместя молются. А вечерня — когда два часа, когда три часа. Это в первый день, а второй день, как обычно, в девять часов. Так шчо в Паску не было гуляний, Паску праздновали как положено.

В печке по-простому пякли паску. Сдобное тесто делали: и яичек, и масла положишь сливочного, и песка — вот это сдобно тесто. Рукам расклеплешь на столе лепёшечки таки. Раньше делали сем<ь> таких: одная большая, тогда поменьше, поменьше и самую маленькую, а топерь нет: две да три, и всё…

---

1 Петуха.
2 Если.

Тесто сделаем на сем<ь> или на три вот таких, расклеплешь лепёшкой, сковороду смазывешь и кладёшь на сковороду. Первую ляпёшку смажешь яичком, тогда по яичку ещё пясочком посыпешь, чтоб она была слаще, и тогда кладёшь вторую, и вторую смазываешь, так шчо[1] не смазано положишь, так она раздво́ится. И кладёшь так, ляпёшка на ляпёшку. Ещё сверьху каких-нибудь поделаешь <украшений> да кладёшь да. И в печку пихать — помажешь, и дальше пекётся.

И в моленну паску носили. Там стол уже принесёно, приходют когда в моленну, сначала стол, и на стол кладёт каждый свою паску, накладут вот сколько, и когда уже конец, тогда кадят эту паску, и кадят с четырёх сторон, со всех, и всё: «Христос Воскрес! Христос Воскрес!» Тогда женщины збирают каждая свою, в платке завязано, и уносют домой.

И раньше после войны как только, старушек-то было очень много и бедность-то ведь бы́ла, так собирали их к Паске. Старушки-то в моленной сядут на скамейку и сидят с меше́чкам[2], а женщины в колбаски разрязают, шчо каждому дают паски, паски и яички. Яички в красный цвет красили. А сейчас некому собирать, сейчас никто не пойдёт собирать, а раньше собирали, и дети собирали, и старушки собирали паски. В моленной когда раздавали, сто́совались[3]: яичко даёшь и тогда поцалуешь один одного с трёх сторон, и говорили: «Христос Воскрес! Христос Воскрес!» И тогда как утром поспишь, тогда бегёшь на кладбище, забираешь пасочки, яичек и идёшь по родителям, по своим ро́дным, вот это крошишь там как положено — на могилку.

На Троицу тоже яйцы красили, луком красили в жёлтый цвет, да и в красный красили. И на Троицу молиться ходили, шчо по каждой могилке ходили молиться, а теперь не ходим, потому шчо все старые, не ходим, а молимся в моленных общую вселенную панафиду по всем родителям.

Вот это ранние такие были обряды всё… (*Желачек, 2004*)

***

Б: Раньше приезжало сюда на Петров день очень много народа. По́бережь зарубе́сская[4], как называется, вся приезжала на моторах. С горо-

---

1 Потому что.

2 С мешочками.

3 Христосовались.

4 Жители прибрежных деревень из Западного Причудья.

да пароход полный придёт. И с Мерапалу[1] молодёжь приедет. Был праздник! А топе́ря того нет, это только вспомянуть можно. Все везде устарели.

<*В Троицу что делали?*>

А в Троицу тоже помолятся. Молились, сейчас-то не молятся, что в нас некому молится. В других там на суходо́ле[2] ещё естя люди, там молются. На кладбище же молятся в Троицу. А в нас вот не стало крылоша́н. (*Межа, 2011*)

РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА ПИЙРИССААРЕ

А: Нас тогда молодёжи столько было, девок было! В той деревне и где магазин[3] — там были девки, исключительно были девки, в каждом доме девки две-три, такие вот подростки до двадцати лет. А здесь[4] были парни. И как только вечер, девки оттуда и́дут, ребяты — отсюда, с деревни, и встречалися там, где бела церква. Вот там вот рожь, там танцы были, каждый вечер танцы были, в будень и в праздники. Молодёжи было очень много, таких подростков, парней… Гармониста не было — на губной гармошке, а потом уже один на гусля́х, с армии пришёл, тут на гусля́х играл. Вот так танцевали, клуба не было.

Пели, частушки пели. И вот сейчас как сяду онна́я[5] на лежанку вечером и как стану частушки петь! И откуда они у меня — частушка за частушкой, хоть сто штук! И я все йих помню, вот как не пою — не помню, а как стану петь — и все помнются. Вечера́м ходили все, и ребяты и девки, — все ходили по улице и эты частушки пели и песни. Тогда военно-то время было, выйдем на улицу и поём:

Ой, девочки, война, война,
Война не прекрашшается,
Мой-то дролечка домой,
Домой не возврашшается.

---

1 Деревня (*эст.* Meerapalu) на западном берегу Чудского озера, в шести километрах от Пийриссаара.

2 На материке.

3 В деревнях Тони и Межа.

4 В деревне Желачек.

5 Одна.

Хоро́ша частушка военна.

Пойдёмте, девочки, на горку,
Там Германия видать,
Наши дролечки воюют —
Нам невесело гулять.

Тоже хоро́ша.

Германия, Германия,
Германия — змея!
Германия оставила
Без дролечки меня.

Мотив про́стый[1].

А милый мой пошёл с другой,
Подружка улыбнулася…
У меня, молоденькой девчонки,
Слёзы навернулися.

Милый-то пошёл к другой, да…

А дорога́ моя подруга,
Больно хитро делаешь —
Говоришь, дружка не любишь,
Сама сзаду бегаешь.

А на гулянья не пускают —
В одной кофты убягу.
Я на то надеюся,
Что под полой согреюся.

Были су́прядки. Собиралась вся молодёжь, сколько есть, — девки, рябята, и разные частушки пели. Хто вышивает, хто вяжет, хто какие байки рассказывает, сказки — ну, как молодёжь, шутили да всё… Летом не было время, лето есть лето — зимой собиралися, когда свободно время-то, тогда и собиралися. Всё равно в кого собирались: сегодня к тебе, завтра у меня… Сидели при лампы. Первое время были патроны-то, гильзы-то такие, военные-то, и туда святи́льна[2] приделана и налито керосина, и с таким сидели, ведь не было ничего. А потом лампы керосиновые. (*Желачек, 2004*)

---

1 Простой.
2 Фитиль.

СВАДЬБА

<*Как женились?*>

Г: Свато́в засылали. Ну, как… брат <жениха> с женой пришли, договорились, как <и> что. Потом взяли залог. Я помню, как щас, у меня было тако́ шёлковое одеяло тёмно-красное, так этакое шёлковое одеяло отда́ла в залог. <Но вы уже раньше были знакомы?> Да, два года уже гуляли. Да.

А свадьба была на октяберьские-то вот этаки праздники[1]. И помню, как сейчас, шо никак не выбрать было время, так в четыре часа утра было <решено собираться> на свадьбу. Сперва к нам, ко мне пришли, и тогда оттуда приехали на лошадях суда.

<*А почему так рано?*>

Ну от так! Бы́ло октяберьские, и там же тогда были гулянки, столы… Я уже не помню, за чего это так вышло. Днём надо было идтить на гулянья, а нам надо было свадьбу справлять. А помню как сейчас, что и уже так земля-то как вроде была маленько пристывши. А тогда было, тут это лошади были — конюшня была тут. В колхозе-то конюшня, ездили на озеро на лошадях. И лошадей запрягли, и привязли́ меня суда <в эту деревню>.
<На свадьбе> свои родственники были все. Конечно, такой свадьбы не было, как сейчас. И регистрации не было, шо как сейчас, чтоб в загс, да с загса. А тогда мы отжили, навенно, месяц, так тада́ пошли регистрироваться в сельсовет. <На свадьбе> в обшший уго́л всегда жениха и невесту сажали. Ну, где это иконы да всё, так от в этот уго́л. В ту сторону, не суда́ к двери, а всё туда сажали. Знаете, така́ простая деревеньская свадьба, ничего такого интересного. Платья не было у меня такого специального, как сейчас помню, тако́ розовое платье было шёлковое, не белое, а розовое было. Тако́ как ораньжевое, такое было. (*Желачек, 2009*)

ПРИДАНОЕ

<*Приданое готовили?*>

З: В кого кака́ возможность: кто готовил, хто и не и. Что е, то и выходили[2]. Ну всё — всё-таки идёшь в чужу сямью, так что-то и готовишь. Вот половички надо беленькие постялить, вот крова́тное надо, к окнам занавесоч-

1 Имеется в виду 7 ноября, государственный праздник в СССР, годовщина Октябрьской революции (25 октября по «старому стилю»).

2 То есть: выходили замуж с тем, что есть.

ки. Вот такое всё. Полоте́нцы, крова́тное смянить — хоть пару да надо. (*Межа, 2009*)

ШАЛОСТИ

Е: Ой, чего мы вытворяли, даже страшно сказать! Был один раз, сделали горки в магазине и продавцу в доме. <…> А мороз был сильный, под тридцать градусов, быстро, моментом замерзает. А утром <…> из двери-то не выйти. Пришлось окна бить ему.

Утром спим, и вдруг по радио — у нас было круглые такие радио, движок местный. Роман включает радио и говорит. В шесть часов сводку давали рыбакам, когда рыбаки сколько чего получили, и вот, значит, кто передовое знамя получает. А он вместо этой сводки и говорит: «Сегодня были сделаны зверские…, нет, хулиганские поступки. Продавцу магазина была дверь залита, одна и вторая, магазин, на магазин дровни стянуты».

Это мы всё — сугробы были огромные, мальчишки все на крышу забрались и вот припустили верёвку, а мы, дураки, помогали им тащить эту верёвку и сани потом привязали сюда, и в магазин не войти.

Он рассердился и говорит: «Всё, я уезжаю». А знаете, это ведь трагедия: в деревню никогда не хотели продавцы приезжать.

Папа: «Я пойду на деревню, узнаю». Это ходили каждое утро — сходка была на большой улице, около колодца, все мужчины из каждого дома выходили и там говорили, кто какие события знал. Вот и рассказали, что такое дело. «Слышали?» — «Слышали. А чего сводки-то не было? Кто вымпел-то получает переходной?» — «Так, — говорит, — там такое ЧП, давайте, мужики, пойдём узнавать. Уж точно с каждого дома хулиган наш был».

Ну, и пошли туда узнавать. Успокоили — Сулев тогда у нас был, — Сулева успокоили: «Слушай, мы тебе всё сделаем, и собьём <лёд>, принесём пе́шни[1] и всё это — сделаем порядок. Да не обращай ты внимания, ты сам молодой был. Оставайся!» Бутылочку, конечно, купили, распили и всё это сделали.

А по радио Роман всё через пятнадцать минут говорил: «Если хулиганы не явятся сейчас же в сельсовет (Андрей Гордеич был), то Андрей Гордеич вынужден будет вызвать Гаго́лина». А Гаго́лин был милиционер в то время. С коляской был мотоцикл, и вот он приезжал. «И будете наказаны, в тюрьму посажены…» — запугивал по радио нас.

---

[1] Лом для вырубания проруби.

Ну, а кто пойдёт, правильно? Никто не пойдёт же. И родители уже потом поняли, что бесполезно нас гнать туда. Ну, отцы замяли это дело. На всю жизнь было — уходим куда-нибудь, а мама: «Честь и совесть терять нельзя. Она должна быть всегда с собой!» (*Желачек, 2009*)

***

Е: Ой, чего только… Рыбакам надо ехать на рыбалку. Кто-то звеньевой, и четыре человека ещё в звене было, и каждый день ходили за лошадкой — по очереди. Ну, раз за лошадкой, значит и дровни около дома того, кто идёт за лошадкой. А мы эти дровни заберём и на Ули́тину гору́ — ледяная такая гора огромная была, крутая сделана. И до того доездим, что все ря́ги[1] эти, сани развалятся у нас. А рыбак пойдёт утром — саней нет. Искать <надо>, а на рыбалку-то не выйти! Это же ЧП, и когда ты сани снова сделаешь! А мы этого не понимали… Тогда ждут, пока одно звено съездит, кто первый вернётся — даст <сани> этим пока… А ночь, тогда папы делают эти дровни снова. Ря́ги — это наверх ставилась такая как коробка из досо́к, чтоб борта нарастить. (*Желачек, 2009*)

***

З: Стало всё уходить с головы <= забывать стала>. Весь смех и всё. Раньше бывало не было ни одного <раза без веселья>… Как за стол сади́сся или скопля́есся или где сидишь, так уже хозяин и говорит: «Ну, уже в этой бабы зубы болят! Уже рот раскрыто». Ага, а не повесяли́сся, не пое́стишь. А теперь и говорить не хочу. (*Межа, 2009*)

СУ́ПРЯДКИ

З: <На супрядки> ходили, собиралися тоже. Не было то́го вечера <чтобы не ходили>, по очереди: сегодня в меня, завтра в то́го, послезавтра там. И письма писали — записочки один одно́му, почтальон ходит, посылает и. И не бяда́, что таки́ семьи были <большие> и с лампой надо сидеть, а нет то́го вечера, чтоб су́прядков в кого-то, ско́пишша не было!

<*Родители соглашались в дом пускать?*>

Соглашались. Ну, где попро́ше, там и соглашались, всё победнее да так, другие-то и не соглашалися, такого не хотели. <Что делали на суп-

[1] Ср. эст. *regi* — сани, дровни.

рядках?> А кто что: сидели, с собой взя́та работа и, сидим и работаем. Кто вяжет, кто вышивает. И парни сидели — письма писали да дожида́ли ответа <смеется>. (*Межа, 2009*)

БЕСИ И РУСАЛКИ

М: А вот папа мой, он ездил раньше на ба́ржах. Это дрова водили в Тарту, большие такие были, деревянные такие баржи. Вот они ездили в Ля́нисте[1], по речке туда, оттудова приводили дрова. И вот он рассказал, покойник, что баржу притащил пароход и оставил. Пароход ушёл, а папа остался там один. А рабочие уже после приезжали. И говорит: одно место там было в реке, Ля́нисте река, до того раскачают эту баржу! Пе́рво[2] не знал, вышел <на палубу> — так только шлопоте́нь[3] в воду́!

Так вот <потом> в ночь ишёл куда-то, чтоб найти жильё. Что после больше <один на барже> не оставался.

А вот Ку́рма-то[4] где там — и пожня <там нам> досталась. Так вот я помню, что всё мама папы говорила: «Ну, опять ты в Ку́рму пошёл, где беси ту́рну!» А что это — «в Ку́рму, где беси ту́рну» было, не знаю.

Е: Ку́рма — там в нас пло́тку ловили. Полина́р Иваныч — у него там комнатка, шалашик был, что приезжать.

М: У нас как раз поко́с там был. Как раз межовски́е пожни в са́мой Ку́рмы.

Е: А ведь там в Ку́рме есть, вот когда тро́сты и как то́пи там такие. Я тоже один раз в эту топь забралась и чуть не утонула. Испугалась, выползла всё-таки.

М: А я помню, что Леонтий-покойник ездил уток убивать, так и ночева́л там в Ку́рмы — нигде ничего <не случилось>. Я только так скажу, это такое дело, что нельзя и рассказывать, кто чего, может быть, когда кто-то чего видел. Так говорят, что это не подлежит оглашению. (*Желачек, 2009*)

---

1 Эст. Lääniste — река и деревня (в волости Вынну) на материковой части (по прямой от Пийриссаара более 20 км).

2 Сначала.

3 Шум как от чего-то, что плюхается в воду.

4 Залив на северо-западной оконечности острова Пийриссаар.

СВОЙ ГОВОР

К: Я раз в больницы лежала, сердцем ляжа́ла. И с той <материковой> деревни <была женщина> — теперь той женщчины нет, она у́мерла. И вот лежала с Ряпина женщчина, эстонка лежала. Ну, она по-русски понимала хорошо. И вот раз и говорит: «Знаешь, а, ты-то хоро́шо по-русски говоришь, а вот яна́-то плохо по-русски говорит!» Ну, бы́ла разница, да. Говор другой. И в йих естя такие <слова>… И разница: вот ко мне приезжали, так другой раз я в мужиках переспрошу, шчо как это, про шчо ты говоришь? Вот в нас, например, сетки ставят рыбаки в озере зимо́й под лёд и называется «степ» это. А они приезжали: «О, мы севонни ви́рку[1] поставили». От, бес, как наших и забрало, шчо эта «ви́рка». И до сих пор у нас смеются, что «ви́рку» яны́ поставили! Это в Казапели там, в тех деревня́х <так говорят>. Там много такого есть разного. (*Межа, 2010*)

***

Е: С Подборо́вья у нас приезжали сюда выменивать «ца́сечка на ца́сечку». Называлось так: «ца́сечка лучку — ца́сечка ягод» или «ца́сечка лучку, а я вам парочку носочков». И вот они говорят: «Ой, как-то у вас в деревне говорят необразованно: пришо́вши, ушо́вши!» Это у нас на -вши говорили старики. «А как у вас, образованных, говорят?» — «А у нас: пришо́дцы, ушо́дцы». Это русма́нское было, с той стороны. Вот это жизненный анекдот! (*Желачек, 2009*)

***

<*Тех, кто из России, русманами называют?*>

З: Называют, и сейчас называют. Это плохого нет ничего. Русма́ны — с России, аль российские, аль как? Как называть? Русма́ны, аль русские, аль… Я эти за оскорблениев не считала сама. Они сами, приезжали всягда́ в мага́зин (в меня там подруг столько в каждой дяре́вни!) — идут: «Ну, Варенька, русма́ны мы приехали. Грей чай!» Я говорю: «Заходите, русма́ны, заходите, чай готов». (*Желачек, 2009*)

---

1 Ви́рка — ряд поставленных подо льдом сетей или тенет. Кузнецов, сев. берег Чудского озера [ПОС 4: 24]. Ср. степ — место на реке, где в ряд поставлены тенета. Пск., 1912–1914 [СРНГ 41: 138].

ЗНА́ХАРЬКИ ТАК ЛЕЧИЛИ

Е: Это был второй ребёнок, первый умер. Как называли — скарлатину «щети́ной». И вот всё в баню его таскали маленького, всё выбива́ли эту щети́ну. А на самом-то деле была скарлатина, и она ему перекрыла горлышко, и всё. Было пять месяцев ребёночку.

<*Как это, «выбивали щетину»*?>

А вот на полок, нагревали сильно баню, на полок ложили вот такого маленького ребёнка и шпарили его веником. А вы представьте себе, такая крошка и в такой горячей бане! Это вот зна́харьки так лечили. И папа однажды пришёл: «Ещё раз, мать, отнесёшь его в баню, я тебя сам выпорю». А уже было поздно. Когда обнаружили, что клок-то уже в горле такой большой, уже было поздно. (*Желачек, 2010*)

КАК ЖИЛИ ПРИ ЭСТОНСКОЙ ВЛАСТИ

А: Мы жили при эстонской власти нему́дрено, жили так, по бедности. Богачей — ну, было несколько тут семей, а то все были бедные. Школа у нас бы́ла русско-эстонская, дети до шести классов ходили. Родители были кто рыбакам, кто уязжали на заработки в Тарту. А молодёжь уходила вся к крестьянам, ходили к крестьянам работать. Тогда крестьяны на материке были, жили зажиточно, хорошо, у них земля бы́ла большая, и они держали работников, работниц, и у них скот был, коровы, кони, овцы, свиньи. И вот хто ходили нанималися в работники да в работницы, там служили, как батрачили туда. А тётка моя лето отжи́ла вот там в крестьянах в работницах, и коров доила, там по двадцать коров было, там всё было хозяйство, и она за лето заработала на зимнее пальто, осенью приехала — зимнее пальто. Это слава Богу, что зимнее пальто заработала.

Ну, конечно, я мало ходила так по крестьянам, потому что у нас отец вина не пил, он труженик был. Четверо детей у нас было, отец, мать, бабушка старая у нас бы́ла. Он и в Тарту ездил, на больших ло́дьях, больши ло́дья раньше были, песок водили[1], дрова водили, он зарабатывал хорошо. Лето он работает, а к зи́му он приезжает на рыбную ловлю. Так шчо мы не жили хорошо, шчо мы богато жили, ну бедности не было такой чтобы. А были такие, что и бедность бы́ла, и бедность бы́ла — были такие. Мага-

---

1 Возили.

зинчики маленькие, и там в магазинчиках ну са́мо такое кра́йно[1] продавалось: сахар, чай, крупа — такое, не было таких шикарных магазинов. И туда бегали в магазин. А школа шесть классов, дальше идтить некуда было. Как только школу кончут дети, с сями год оправляют к крестьянам. Хоть какие семь год ребятишки — идут к крестьянам. А лето отработают такие вот школьнички-то, ну что там дадут? А тогда не давали дяньгам, тогда вот так, шчо там пуд-два муки, крупы там сколько-то, мяса там, може, сколько-то — два-три килограмма, вот такие были заработки. Дети лето отбегают, и то были довольны родители, что они хоть что-то заработают. Вот так жили при эстонской власти. (*Желачек, 2004*)

ЭВАКУАЦИЯ С ОСТРОВА В 1943 ГОДУ

А: Тогда ещё была девочкой я. В сорок третьем с родителям нас выслали, в сорок пятом мы обратно приехали. Тут выселяли сами эстонцы, тут немцев не было, не выселяли, тут свои эстонцы выселяли. Были приехадчи с материка эстонцы, вот там с Кастры[2], по речке ехать, выселяли они. Пришла большая баржа, и на эту баржу с канала, вон там, погружали и выводили[3] в Выпсу[4]. А мы попали — много семей, отпустили нас по речке туда, знакомые крестьяны были, — к знакомым крестьянам, и там мы год жили, в Кастре, в Выпсе. В хозяина, хозяин взял нас туда. Папа работал там на полях, и с ко́ням, и дрова водил, и всё такоя. А мама коров доила да хозяйке помогала. Хозяевы были хорошие, очень были хорошие.

После войны приехали, в сорок пятом году, приехали — в бункере жили, немецки бункера были, в землянке. После войны приехали в землянку мы от крестьян. Когда мы от крестьян приехали, дома нашего не было, и тогда быстренько-быстренько занимали, котора землянка свободна, и поселялись. Несколько семей было так. Мы в землянке жили. А вясной пришла вода в землянку, по колено воды, ляжим на этых, на немецких-то нарах, а под низо́м полметра воды. Ну, тогда отец ешо был всё-таки в состоянии, молодой, и весной начали как-то помаленьку строиться. Тут ловили рыбу да продавали да, да беженцы ходили оттуда, с России, рыбу водили крестьянам туда, а беженцы с России оттуда приязжали, так это покупали.

---

[1] Самое необходимое.

[2] Деревня Кастре, волость Мякса.

[3] Вывозили.

[4] Деревня Выыпсу, волость Микитамяэ.

На эти денежки строились, выстроились, выстроили дом и тогда жили. А приехали к пустому фундаменту, ничего не было. Много так сямей, а другие дома уцелели. А в крестьянах мы жили хорошо — хозяйка берягла[1]. Напекёт хлебов и говорит: «Вот вам, ешьте», булок напекё<т>: «Ешьте». Мама доила коров. «Сколько хотите молока пейте, работала — пейте». Хозяева берягли.

И этых хозяевьев выслали в Сибирь. При советской-то власти выселяли в Сибирь-то, и засчитали их как за кулаков и выслали в Сибирь. У них трое было мальчиков, и хозяин, и хозяйка — выслали в Сибирь. Они в Сибири-то сперва-то жили трудно, а потом-то они там уже привыкли, и дети все выучилися. С Сибири приехали оттуда, приехали дети вси — который-то инженер, который-то с высшим образованием. И когда они приехали с Сибири, моя сястра узнала, разнашла их там, в Тарту, по знакомым, и мы были как одная семья, как родная семья одная. Мы их признали, и оны нас, и так оны нас и посейчас берягут. Родители ихны умерли, а сыновья с нам знаются, и в гости сюда приязжали, и старшая сястра у меня в Тарту, и туда она и в гости к йим ездит, увядут на машины и привядут. И помогали, когда трудности были: то картошки привядут, то дров привядут старухе. Вот так жили. (*Желачек, 2004*)

ВЫСЫЛКА И МЫТАРСТВА

В: Семь <классов училась>. Вот в военно время ещё первый класс и второго сколько-то. Это в войну. Я помню, как я пришла в класс, учительница и говори: «Дети, идите домой». А спросили: «А когда обратно мы придём в школу?» — «А когда вам скажут».

И во всём острове было така трагедия, что нас выселяли. Вакуировали отсюдова. И вот тогда собирали мы что. А в меня братик был маленькой, он сорок третьего года родивши. И тот с нами, и папа, и всё… Я помню, что собирали всё. И не дали нам в доме ночевать, но транспорт не было. Тогда в соседки, эстонка она была, и как сейчас помню, что мы на полу спали, а в <свой> дом нельзя было прийти. А тогда мы от на баржи ехали. Вот время-то такое детское, я не помню хорошо ничего. Да и мать не пускала никуда.

[1] Заботилась, любила.

И потом мы попали… Ой, ещё мы много <где> были: в Вы́псу. Это Вы́псу, знаете, под Ряпина там. Там мы сколько-то пожили. Тогда нашли <приют> в одного хозяина. В Мя́ксу. По-моему, Таммсаре было это, усадьба. Вот там работали. И я помню, что мама с маленьким была, ему ещё годика не было, и вдруг приходют к нам — теперь полиция, а тогда я не помню, хто там был. Мне-ка было выписано, чтоб я — тогда рыли окопы, — и я доложна была идти на окопы. Моё фамилие записано. <Вы же ребенком совсем были!> Ребёнком бы́ла, а вот было такое. И я помню, мы жили так, что в хозяина с одной стороны баня, а под онно́й крышей <с этой баней> всё за стенкой вот мы и жили. Как баню топить — мы все вон. Там дыма столько!

А потом, когда русские наступали, то нас в Тарту привязли́. В Тарту, я не знаю, сколько мы там жили, но зимой было, я ещё и в школу ходила с этым, да, вместе. А в хозяина было трое детей. Две девочки и мальчик. И я с ними ещё сколько-то и в школу. По-эстонски учылись. Почта на <улице> Двадцать первое июня, почта бы́ла. А напротив школа[1]. Это я не знаю, какая-то школа. Ещё и рядом церковь высокая, она реставрирована сейчас. И в этой школе мы находилися. И бомбить стали Тарту, и тогда мы <пошли>: там бомбоубежище там большое бывши, а папа — не пошёл. Вот не пошёл, остался и всё, а мама и я, и братик вот все мы туда так вниз ходили.

Потом сколько пробыли мы там в этом лагере, тогда нас, вот я помню хорошо, <отправили в> Та́мсалу. Там были бараки из папки. Па́пошны бараки. Вот, видно, мы долго жили, что я хорошо помню это. Таки́ длинные бараки: с одной стороны нары и с другой нары. Ну, они одноэтажные, чугу́нки таки стояли, и пола не было. Пол — это земля. Чугу́нки — это топили. Они круглосуточно топили. А на пол: ходили в лес и ветки из ёлок носили вот такие. И это все в нас — и я ходила, все нас туда-ка сопровождали всё.

Сколько мы там побыли, я не знаю. Тогда нас отправили, я помню, что папа говорил —Выртсъярве. Так ён рыбак-то бывши — так, может, какую рыбину поймает. Ему вот там, видно, выбор был. <А потом> нас вяли на остров Сааремаа. Ещё вот это я помню. Туда мы ехали — там есть переше́дка, дорога такая. Туда ехали хорошо, а когда обратно вяли́, ой как! А туда мы ехали, так всё машины шли, всё машины, и говорили, это Катюша и Андрюша. Под чахла́ми, конечно, они были, но это я помню.

[1] Сейчас гимназия им. Хуго Треффнера.

Въезд
по каналу
на остров.
Июль 2011 г.

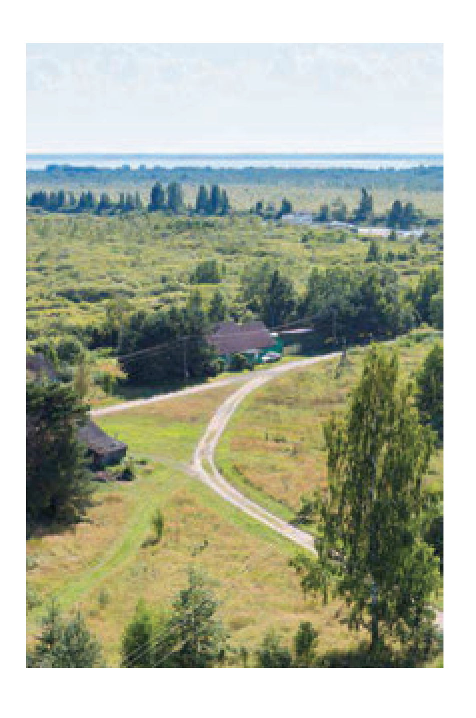
Фото
И. П. Кюльмоя.

Закат
в пийри-
ссаарском
порту.
Июль 2010 г.

Фото
О. Н. Паликовой.

Створы в
Лааксааре
(см. «Геогра-
фический
словарик»,
стр. 184–185).
Июль 2010 г.

Фото
О. Н. Паликовой.

Вид на остров с высоты пограничной вышки. Июль 2012 г.

Фото Кайдо Хаагена.

Справа: *Linnutorn* — смотровая вышка для наблюдения за птицами. Июль 2011 г.

Внизу: Старая баржа, затопленная для укрепления берега (дер. Желачек). Июль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Вид
на русский
берег
(дер. Желачек).
Июль 2009 г.

Фото
О. Н. Паликовой.

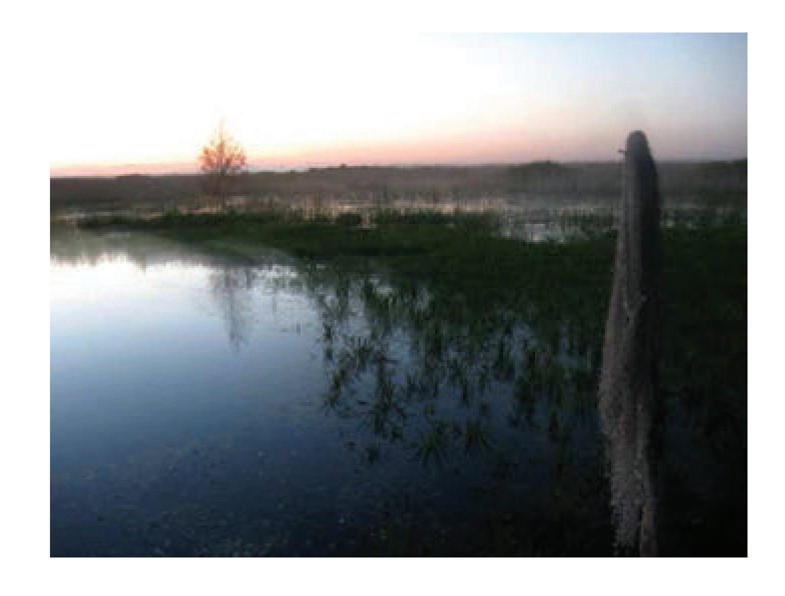

Слева:
На подледный лов
(дер. Межа).
Февраль 2011 г.

Внизу:
Заводь в дер.
Межа.
Июль 2010 г.

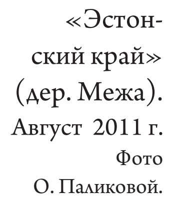
Фото О. Н. Паликовой.

Чтобы занять время и приложить силушку: ребята копают в свое удовольствие (дер. Тони). Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

«Эстонский край» (дер. Межа). Август 2011 г. Фото О. Паликовой.

Внизу справа: «Siin asus Eesti kool ja kirik» – памятный крест на месте эстонской школы и лютеранской церкви (дер. Межа). Июль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой

Внизу слева: Вешала́ (дер. Межа). Июль 2011 г. Фото И. П. Кюльмоя.

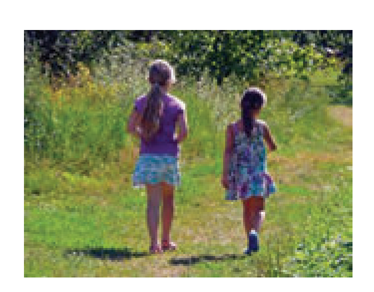

Севок сушится (дер. Желачек). Июль 2011 г.
Фото О. Н. Паликовой.

«Лук растет пышно»
(дер. Межа).
Июль 2011 г.
Фото И. П. Кюльмоя.

Справа: Охрана от кабанов
(дер. Желачек). Июль 2011 г.
Слева: Хорошо на острове летом!
Фото О. Н. Паликовой.

ЗИМА НА ОСТРОВЕ:

Разгрузка продуктов для магазина, доставленных на *хыльюке* (судне на воздушной подушке)…

… запас дров (дер. Межа)…

… и, конечно, доставка воды из Панкрухина колодца (дер. Тони). Февраль 2011 г.

Фото О. Н. Паликовой.

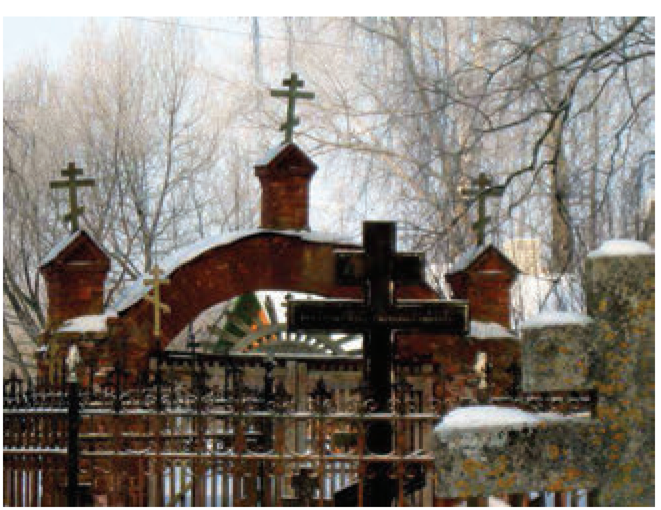

ЩЕДРАЯ
НА СНЕГ ЗИМА:
замело Желачек…

… и Межу.

Заиндевело
и кладбище.

Февраль
2011 г.

Фото
О. Н. Паликовой.

«Самовар согрелся,
ну вот, чай будем пить»
(дер. Межа).
Июль 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

А к чаю обязательно
и варёный сахар
(дер. Межа). Август 2009 г.

Фото О. Н. Паликовой.

Внизу: Новая печь
в традиционном стиле (дер. Межа).
Июль 2011 г.

Фото И. П. Кюльмоя.

Мы много по острову ездили, по этому Сааремаа. И вот едем, но в таких товарных, как говорили, «телячьи» вагоны. Едем, куда-то что-то — выгружаемся. Опять сидим, костры нельзя жечь. Вот голода мы не видели, нам какой-то паёк давали, а холод <мучил> действительно. И вот маленькие <дети>, и братику-то и года не было, так он описается, так мама… А папа за что с нами был — он старый, ему окол шестидесяти лет уже было. В его какой-то документ, наверно, был, что его вот не брали никуда и в немецкой, или всё освобождали <от службы>. Так вот он с нами, и вот эты пелёночки-то вокруг себя всё сушил. А где иначе!

Потом вот нас привяли́, сколько мы там ни ездили, в Ка́ру-Я́рв. На Сааремаа есть Ка́ру-Я́рв, и там были бараки. И в этых бараках мы опять жили. И там так было, что где, ну, наразбомбля́ли — там очень много погибло людей, дети! Кушать-то хотели все, а мало всё. И кто пошёл за проволоку, всех расстреливали. Там кладбище было. А бани были. Бункер, и мы мылися, и хлеб хорошо. Хле́бы пякли́. На улице тож сделана така́ печечка, как вот и в меня самой <сейчас> русская печка. Так и хле́бы прекрасны были, у кого муки было, что-то там достали — вот и хлебцы пякли́ такие. И всё на улицы. Там в бараке большие эты нары и большая, ой, длинная такая плита, жестью накрыта. И все котелки со всех туда понаставлено было.

И вот там, в Кару-Ярв, братик этот ма́ленькой, ему ешо года не было, заболел тифом, и папа — тифом. А мы с мамой рядом, мама и грудью-то кормила малыша, — не заболели. Я помню, как папу положили в больницу, и он убежал обратно к нам. С тифом. Не заболели. Поправилися, только брат — в его на ушные вены <о>сложнение, и он остался глухонемым. А в папы, как сейчас <помню>, в его было лысина, а после болезни лысина заросла! Вот это я помню. А каким этым тифом болел, это я не знаю, ведь тифы разные. Ой, как там вшей было! Вот так: фуфайки, ну, прошита эта же фуфайка-то, вот везде <по швам> вот так ползают. Вот это в меня-ка осталося в памяти. А каки́ крупные!

А потом вот на Сааремаа мы, аль в Кару-Ярв, мы два раз попали. Нас куда-то отвезли, и потом, когда русские уже наступали, а Сааремаа, этот там такой остров, как чулок, говорили, — и вот тама немцы были крепко. Вот там уже мы видели, мы в другом месте в домике были, где пограничники жили. Деревянный. И вот по лестнице, там тож это комнатки таки́ были как бы, но уже более как семьями жили. И тогда в одной женщины бы́ла коза — Римка, как сейчас помню. Беленькая такая. Мы в вагонах-то ездили, так там и скотинка можно, и всё. В одной бы́ла курица. Посидит, кому-то наделает всё! Ну, мы там не на скамейках, а сено нары́то, и так и сидели на этых всех. Как

коза ходила: яна́ по лестнице так быстренько бегает и всё. И там были таки́ кладовки, и в этых кладовках мы веники хранивши да там всё. Вот она по кладовкам, и если ты на лестницу попал, ведь она так и бежит, так и гонит тебя! А как она качалася на качелях! Там вот таки́ были — ведь люди везде привыкают и живут, — и вот там была такая качель сделана типа лодки. Так: здесь настил, таких два, и тогда суда скамейка и суда скамейка, и качает вот так. Если попалися дети — там всех разгонит и сама: с одной стороны на другую! Вот теперь бы посмотрел бы. Это я запоминаю всё такие вещи, что было вот так.

И тогда вот, как сейчас помню, как эта Катюша: вот в глазах моих. Мы не были там рядом, а там с одного места в другое <стреляли>, а <мы> жили высоко. Так вот мама-то говорит папы, что это катюши бьют. Так вот, действительно, как телевизор этот показывает, что заподря́д-заподря́д — так и было.

<*Там же бои были очень большие.*>

Да, там большие бои были.

<*И вы в это время тоже там были*?>

Да, и мы в одного хозяина находилися. <Точнее,> хозяйка, мужа в ей не было, заставила папу в лесу где-то яму рыть. И туда яны́ добро свое водили — как бункер. А я как сейчас помню: полетел <самолёт> и — звёздочка! Самолёт-то со звёздочкой полетел. Но а я-то не знаю ведь это. И папа приходит и говорит: «Собираемся. Отбой, война кончается, уже мир настаётся». И вот тогда мы обратно в этот хутор.

И ещё мы на Сааремаа копали торф, родители копали. И вот там такой случа́й был. И этот случа́й писали в газете. Там были и заключённые, и мы такие. И заключённые отдельно работали. А папа и мама торф копали: там машина, и относили, и сушили, на разработках были. А заключённые которые — женщина, муж в русской армии был, а женщина бы́ла попавши, яна́ и тож работала. И вечером, уже наши ушли давно, и вышел русский — застрелили надзирателя. Это правда. И в газеты было, вот если с архивом там связано вот это <можно найти>, а какой год, я этого не помню. И застрелил вот надзирателя и сказал: «Бежите, куда хотите». А жёнку он свою забрал. Ой, утром! А мы-то уже ничего не знали. Мы в таком домике старом жили там, где поселёны были. Какая была <суматоха>! Как много этаких вот приехали, всё проверяли, а мы и знать не знали что. Кто-то, може, и знал, а дети-то не знали ничего.

Как мы ехали обратно! Я помню, что вот где Клоога, там были большие лагеря и там погибло много людей[1]. Вот ещё мы ходили на́ берег там, смотрели на озеро, аль там не озеро, а Финский залив. И нас уже, наверно, я не знаю, где … как же это под Таллинном называлося… Пыткюла или как-то по-другому… Там распределение ишло вот таких беженцев, а с острова-то мы единственная была семья. Все были тамбовские, орловские, псковские — вот все русские были. Мы одна семья была. И вот как теперя выплачивали <компенсацию>, а мы не получили ничего. За то что документы не сохранились. И в меня брат ходил, двоюродный брат в Таллинне жил, и ён ходил в архивы есть туда. И, говорит, в меня знакомая бы́ла и сказала: все сожгли. Вот, и документов <нет>, и мы ничего <не получили>. А люди, кто в Тартуском лагере были, получили, в Пирисаре многие получили. А вот мы ничего. Писали, а потом узнали, как уже поздно, что надо было в Красный Крест. Но, а кто это знает! Ведь ничего не знаешь, это законов и всё.

А наша семья, как мы попали одни, а батюшка <на острове> уже в поминовение нас записал, что мы уже погибли, поме́рли. Нихто ничего не знал. И я помню, как мы приехали вот с лагеря в Таллинн на вокзал. А на чём, я это не помню. И наш пирисарской мужчина нас увидел, а он был милиционером. Вот там нас увидел. Эта встреча бы́ла!

А когда мы в Тарту приехали… — уже он нас на поезд посадил, и мы в Тарту приехали! — когда в Тарту приехали, я помню, как развалины всё были. Всё разбомблёно было так. И тож: ну куда мы пойдём? Откуда узнаешь, хто где живёт. Ну, и папа — наугад пошли и, действительно, попали <к своим>. Нас обратно, рады — мы ещё живы! Так и обратно на остров приехали. На остров ещё не <сразу>. Пе́рво время мы жилы — Ле́йково, знаете такое место? Это Меэрапалу, вот в том районе, прямо среди болота был хозяин, и вот мы в этого хозяина жили, в его дети были тож.

Я помню, как дети — так мы быстренько побежали на болото, клюкву наелись. Эта девочка-то йихна заболела, так её <лечили> — печку стопили, всё вычистили уже, сколько время, тогда туда доску́, её на доску́ и положили, и вот она пропотела. Прям как <рукой сняло> — всё прошло. Вот так и лечили, а мне ничего. Я здорова, а вот подружка моя, с кем мы там поели клюквы, <заболела>. Мороженая она такая.

---

[1] Концентрационный лагерь в Клоога, пленники которого были уничтожены немецкими войсками при отступлении 19 сентября 1944 г.

И так мы вот и попали на остров обратно. Здесь и в школу. Ещё вот с Лейково ходил папа <на остров> — ведь пола <в доме> не было, рамы тож выбиты. Но в нашем доме немцы жили. Поэтому, что у нас был шкаф, платяной шкаф с двумя пола́ми <= створками>. И мы как приехали — с этого шкафа стол сделано в немцах. Вот мы ещё долго этым столом пользовались, я помню, крепкий. И у нас было, вот сейчас баня вот здеся, а то вот там за кустами бы́ла. Так в немцах в колидоре, помню, туалеты были сделаны. Это вот после войны всё было такое. А вот и школа — два года мы не ходили в школу, не было учителей. Но один, одну зиму ходили к священнику. А что я ходила, я ничего не помню… Вот дай мне сейчас прочитать — я ничего не знаю. А ходила, училася всё, к батьке на Желачек — вот в той деревне — к батьке бегали. Нас много было девочек. Потом школу открыли, и тогда в школу ходили, ну и это забылося. Если бы мы каждый день бы соприкасалися, а то нет. (*Межа, 2009*)

МЫ БЫЛИ ВЫСЛАНЫ

З: Мы были высланы — на лошадях нас уводили в Россию. В Подборовье в лес. Мы в бункерах там жили. Были такие окопы в лясу́, и мы там все и находилися. Как нас Бог спас — то не знаю. Там половина перемёрло, вымерло, шчо тифом разным болели. В сырых окопах жили вси: землянки такие сделаны, в лясу́. Зимой нас увязли, на лошадях к вясны́, наверно, по́ льду. И тогда нас угнали куда-то всё дальше и дальше, и мы до станции Ям — туда нас увезли.

Там в лясу́ и тётка у́мерла наша. Потом, когда приехали обратно, <через> год папа, — папина сястра́ <там ведь умерла>, — и они три покойника в гробах оттуда и привязли́, и здесь похоронили. А остальные там осталися, кто не привёз. А он свою сястру́, и одна эстонка бы́ла, и вот Раида своего мужа и привязли сюда и похоронили. (*Межа, 2009*)

БЕЖЕНЦЫ С РОССИЙСКОГО БЕРЕГА

А: Раньше ездили — отсюда двянадцать кило́метров — с Остро́виц ездили сюда женщины после войны. Война прошла, там ничего не было, голод, холод, так они ездили сюда и лук покупать, покупали лук. Спе́рва на саночках, потом на лошадях приязжали, покупали лук, потом водили в Сланцы да во Гдов водили продавали — надо жить было как-то. Да ишо они за рыбёшкой тоже ездили, приязжали покупали, да свои каки тряпки,

како шарьё[1] менять ходили сюда, приносили всякие одёженки, мартериалы да всё такое, всё тако после войны была сохранёно. Так женщины-то были знакомые. Когда мы с зямлянки-то вышли, жили там, в эстонским краю, в чужом доме, хозяина не было, в чужом доме жили. Так вот они присвоилися к мамы, и как они приходют — и все к нам ночевать. Только куда при́дут: «Пустите ночевать!» «Не, эо, подите в тот дом, там Степанида пускает». Как приходют, так и говорим: «Мама, сегодня суббота, и у нас полы помыты». Ну а полы-то были тогда — белые полы да ничего не было, скамейки да стол. Мать: «Дети, да как же, пришли люди-то, да пускай ночуют». Другие приходют: «Ой, тётенька, пусти ночевать!» — «Да идите!» Вот мать набьёт постели-то сеном-то, да на пол, да чаго-то там покрыться. И вот так они после-то войны и ходили к нам, так признакомилися — как родня. Один раз ночуют, другой раз ночуют, мать говори<т>: «Господи, ну как я не пущу, ведь это вси знакомы, это вси наши, ну… »

Бедность бы́ла всем одинакова, надо было всех приголубить. Ну и вечером что ж, вечером наварит картошки: «Садитеся, бабы, за стол». Сядут за стол, да шчо там ишо, да хлеба нарежет, поядят. Одна женщина так даже и роди́ла, сряди ночи роди́ла. Побяжали искать женщину, тая пришла, приня́ли рябёнка, так мать отцовы рубахи да шчо было собра́ла, шчо[2] рябёнка завярнуть. Да как-то дали туда знать, так мужик приехал за же́ной-то за своёй, за рябёнком. Вот так тоже было, такие ходили, нужда бы́ла. Нужда бы́ла, надо было идтить это менять, менять ходили. Мы ловили тут рыбу, и дявчонки с отцом водили туда в Эстонию на саночках. И там рыбу променяем на рожь, или на пшано, или на что. Домой привядём — они уже знают, что тут в отца в нас уже есте, так они вот оттуда приходют, покупают. Нечего отцу было, нечего нам было покупать, так на деньги продавали, так они уже приходют и покупают и. В день при́дут, ночь отночуют, а утром опять туда. Двянадцать кило́метров дорога и бы́ла намятая на Островцы. Как утром смотришь, так говорят: «Беженцы идут с Островиц».

А потом, как уже стали оны сюда за луком-то ходить, уже маленько-то пообжи́лися, как и́дут, уже ко мне к первой и́дут, шчо[3] я уже знакомая. А тут бабки-то бегают: «Ой, идите ко мне, идите ко мне за луком, за выборком», шчо продать-то хотя<т>. «Не, мы спе́рва пойдём к Моте». Это

---

[1] Старые вещи, поношенная одежда.

[2] Чтобы.

[3] Потому что.

там, в России, не звали Матрёна, а Мотя. «Мы пойдём спе́рва к Моте». Мне не надо было дожидать. Женщины выйдут на́ берег, дожидают. «Вот бабки едут, вот бабки едут с Островиц, ой, за луком едут», — встречают. А я никогда не встречала, ко мне они приязжали как домой, так были знакомы. А теперь все помёрши, тоже такие все постарше меня были, теперь их нету, и не знаем, как они и что там. Граница так… (*Желачек, 2004*)

РЫБОЛОВЕЦКИЙ КОЛХОЗ

Г: Пе́рво время был на острове <свой колхоз>, потому что на острове было так много людей, что рыбаков было сто человек только. А после вот год от года старики <только остались>, молодые уехали вси по городам жить и всё, и тогда соединили нас с вот «Пейпси калур[1]», с Калласте. <А до этого> тут был рыбопункт, и тут был заведушший, хто принимал рыбу, и увозили <отсюда>. А прямо там вот на пункте, где теперь этот, пароход-то пристаёт, сарай-то такой большой, так от это было рыбный пункт. И когда много рыбы — вясно́й, когда пути́на ишла́ с на́роста[2], так тогда сколько человек понадобилось, столько заведушший нанимал. Ну, и тут люди, которы свободные, так заработать-то ишли, туда работать.

Тогда приходили катяра́ с Тарту, и в Тарту был рыбокомбинат, и тада́ отсуда грузили и увозили <рыбу>. И столько было рыбы, лешчей! Судаков как-то мало было, больше всё ляшче́й было. Так даже в путину онно́ время день и ночь работали. Так не вывезть было рыбы, столько рыбы! Не вывезть было!

А сейчас, что ж сейчас… Сколько тут рыбаков в нас, я не знаю, сколько рыбаков. Совсем маленько тут. У нас от рядом тут рыбак один, да. Один, а тут ишо эти, есть и таки́, хто для себя <ловят>, уезжают. А ведь конечно сейчас очень опасно, поймают, так штрафы́-то теперь — не <как> при советской власти, а как дадут, так <смеется> и рыбы не хватит. (*Желачек, 2009*)

---

[1] *Эст.* Peipsi kalur — чудской рыбак. Название колхоза.

[2] Массовая миграция рыбы после нереста. Ср.: «Идёт массовая миграция рыбы на икрометание, kudema по-эстонски, икру метать. И когда она икру отметала, прошло немного <времени>, и эта же массовая рыба уходит обратно в озеро. Вот это и есть момент <путина с нароста> — если поймаешь. Обычно не поймать этот момент. Как она уходит? Приходит — ловят много, уходит — не поймать» (Межа, 2012).

ПОСЛЕВОЕННЫЙ НАЛОГ

Д: Сепаратор — пропускали молоко на сметану, и тогда каждое хозяйство ходили к одной женщине (у неё сепаратор) пропускали молоко на сметану, приносили домой и са́мы взбивали масло. После войны был налог: четырнадцать килограммов масла каждая семья должна была сдать с коровы государству. <…> Обложили налогом, так мы сами масла не видели, хотя шесть человек семья были. Они в подвале солили, скапливали и сдавали государству. И благодаря Маленкову, он недолго был, его быстро сняли, но он успел отменить налог. Его всегда хвалили все жители очень. Но пришёл Хрущёв, обложил налогом другим — каждый, кто имеет свинью, шкуру должен был сдать. (*Межа, 2012*)

ЕЗДИЛИ МЕНЯТЬ РЫБУ НА ХЛЕБ

Б: Муку покупали. Здесь <на острове> можно было купить. А после войны же в крестьян или на базаре в крестьянах… Прошёл фронт-то через Эстонию быстро, не сожгли же поля-то, в других-то местах, где фронт долго-то, там же сгорело. А здесь в Эстонии яны́ прошли быстро. И это всё крестьяны водили на базар — муку продавать. Хто с чего живёт, тот то и продаёт.

Хлеб-то ели до́сыта мы в то время. Отец рыбу ловил, продавали. Я ездила и меня́ть рыбу на хлеб. Ну, а булочку-то редко <ели>. А с хлебом-то обеспечены были.

<Куда ездили менять рыбу?>

А зимой на саночках. На санки рыбу положил и туда, в реку[1]. И там по крестьянам. Размяня́ем, и тогда домой. И тогда уже пекли са́мы хлебы. Это же не очень-то <давно> — сколько тут лет обратно стали в магазин хлеб водить? И отвыкли от печки. А то всё время же пекли сами все. А в магазин приводят — так шчо ж, бабкам облегчение! Печь не надо летом на жары́, печки топить, водиться.

<А если осенью паром не ходит и нет в магазине хлеба?>

Ничего, привяду́т! Прошлый <год> подушка[2] ходила. На подушке хлеб <привозили>. А то говори<т> так: умный хозяин-то всё немного муки да запасёт на такое время, шчо бывает вот осенью, от весной разлив и всё, —

---

[1] Эмайыги.

[2] Судно на воздушной подушке.

там не попасть в магазин-то. Дома е припасёна мука, тогда и пякёшь с яны́. А в кого нет, то переживает[1].

<*Рыбу менять когда ходили?*>

После войны. Много <идти>: по ряки́ надо, вот только до Бра́ги[2] надо двадцать там, там много километров. Это вы не слыхали, наверно, по ряки́ как раньше устано́вки <= остановки> были, — там пароход-то летом ходил, это эстонцы-то ездили в город, молоко они водили: Мекса, Кастри, Лунья[3]. Дотуда с саночками зимой. Туда дойдёшь, ну надо разменять, ну а где-нибудь переночуешь. А на другой день домой. Конечно, тяжело, не лёгко. С братом <я ходила> вдвоём.

Когда снега-то мало, легче же тянуться, а бывает, сла́дивши ехать, идти утром, а в ночь снега подлетело. Вот по свежему снегу-то тяжело тащить.

<*Дорогу чистили?*>

Нет. Так это, знаете, народом: ездишь по одно́му следу, так дорога делается.

Утром, конечно, уже рано выходишь. Один раз я ишла́ с мужчинам, с дядюшкам двум, — с дома мы вышли и в Тарту пришли пешком по ряки́, и каждый свои санки тянул. А знаете, утром было никак на́ ноги не встать — так я устала. Ну, мы рано утром вышли. А всё же в Кастри посидели, отдохнули, это шчо с собой было взято хлебца — поели, и дальше потянули.

А с братом с одным тянулася когда-то — мы дошли до Мекса, я говорю: «Здесь ночуем, естя знакомые, нас пустят здесь ночева́ть». А он говорит: «Нет, пойдём». Я говорю: «Да солнце к лесу уже». Светло-то было, можно идти, а, я говорю, там дальше знакомых нет, ночева́ть не пустят. «Пойдём, и всё как-нибудь… Я тебя прокачу на санках!» А он боялся: в то время, знаете, как маленьких пугали с детства — шчо вот, в город пойдёшь первый раз, и там стоит баба старая, там будешь жопу цаловать! И вот был напуганный, ён боялся! От не мо́гет, а пойдём! Я и говорю: «Там нико́го не будет, не бойся!» Это чтобы <дети> спокойны были, не просилися в город в родителях! <Когда ночевать оставались, то> рыбину какую-то дастишь хозяйке, конечно. Они-то уже сами поужинавши, ну а спросишь

---

1 То есть ждет, пока восстановится снабжение.

2 Рыбацкая деревня (*эст.* Praaga), которая находится в устье реки Эмайыги. Добраться до Праага можно только по воде. По данным переписи населения 2000 г. в деревне не проживало ни одного жителя.

3 Деревни Кастре (Kastre), Мякса (Mäksa), Луунья (Luunja), расположенные вдоль берега реки Эмайыги по направлению к Тарту.

молока. Молоко да с хлебом. А друга́ хозяйка — яна́ покормит. А любили мы молоко пить — с хлебом и это до́бро. (*Межа, 2009*)

В РЕВОЛЮЦИЮ: ТО КРАСНЫЕ, ТО БЕЛЫЕ

И: В революцию, конечно, тут было тоже: то красные, то белые, говори<ли> родители. Вечером красные, а утром белые. И тоже вот так ходили, искали хлеба. Вот так говорит, мать мне говорит, в дрова взяла сопря́тала хлеб-то, что придут так унесут. А она и говорит: а там крысы разъе́ли мешок, и мука-то вся эта <рассыпалась>. Вот что жили как. В дрова прятала, что не найдут. Ну, а потом что ж. Мы-то родились уже при Эстонии… (*Межа, 2009*)

ЖЕЛАЧКОЕ КЛАДБИЩЕ

Д: Кладбище — государство просто подарило <землю> Жела́чеку ввиду того, что в своё время кладбище было на Жела́чеке, как входите в деревню, — на ле́ву руку, в озере. В то время ещё там, может, кило́метр бы́ла су́ша, и там хоронили всех. И когда вода стала прибывать, стало <кладбище> размывать. Пригнали солдат, и солдаты раскапывали все могилы и перезахоронения делали вот на желачко́м кладбище. (*Межа, 2011*)

ПОЖАР

З: В пятьдесят шестом году мы сгорели. Летом как раз мы пришли по́ловши, пололи мы на Желачеке, и пришли поло́вши, и вскочили в комнату — шчо заплатила нам хозяйка, мы <эти> денежки положили и бегом в туалет. Оттуда идём, с туалета выскакываем, у нас над домом уже пламя — горит. Мама ушла за водой, дома никого не было, остальные дети все на улице были, папа уехал только что на озеро, вечером сетки ставить. Так что выскочыли, в чём стоим. Вот такая сушь, така́ жара бы́ла, всё сгорело.

<*От чего, неизвестно?*>

Известно. Брат и племянник — таки́ пацани́шки зашли на верьх[1], покурить. Сигареткам, наверно, или как там шчо… Хорошо, шчо сами успели выпрыгнуть вон.

---

[1] На чердак.

А на вярьху и сено, и веники нарезаны, ну всё. Только стояли и смотрели, отбивали <от огня> вот этот дом, этих два дома только отбивали. А уже наш горел, до его и не дотронулись, там делать нечего было. И боров, и всё — всё сгорело. Скотина уже дома была. Там подойтить нельзя было.

И тогда был вот этот дом — это было, в нас раньше здесь моленна была, здесь молилися. Вот это бы́ла моленна, большая была моленна. Этот вот приход, этой деревни, собирали брёвны, кто с какого бункера, то, может, чей там дом — половина разобрано, так ка́ки-то брёвны <остались>, — и собирали, и вот сложили его с частей с такиих, шчо сделать в этой деревне моленну. Ну, народа мало, молодёжь стала уезжать отсюда, и как-то… И стоял вот этот сруб, там ничего не было — только стены, ни окон. Не помню, бы́ла покрыта яна́ или нет. Ни пола, ничего не было. И тогда вот весь приход этой деревни ряшили, шчо не оставим…

Мы тогда вот в доме — нас бабка взя́ла к себе, шчо така́ сямья́ <большая>, яна́ жи́ла с сыном только двое, так вот мы в ей там находилися лето. И нам тогда этот дом и о́тдали этот приход. Така́ большa семья, куда ж с детя́м! Тогда сразу на Березье поехали, там доски привязли, и вот окна заказали, сделали, и мы вот в этом доме и жили. Это большое спасибо всим! Что гнездо такое дали, и мы все отжи́ли там. (*Межа, 2009*)

ЗАМЁРЗЛИ НА ОЗЕРЕ

Е: Кали́на замёрз. Поехали в Россию за бензином, немножко там выпили по дороге, а была очень тяжёлая дорога. Два друга, лучших друга, Нени́ла и Кали́на, вот они на Костри́ще (знаете, где Кострище? тоже в том краю), не доезжая до дома где-то, наверное, метров двести нашли. Они друг друга вначале тащили по снегу, было видно, а потом один замёрз, потом второй. Рядышком, можно сказать. Из сил выбился уже. Кто там из них тащил? Ну, так считали, Кали́на Нени́лу, а ведь это не знаешь, может быть, по очереди тащили. Бензин, всё это было брошено — саночки ещё дальше. Двое маленьких деток остались. (*Желачек, 2010*)

В ПРИРОДЫ ВСЁ ПО СВОИМ ПОЛОЧКАМ РАЗЛОЖЕНО

Л: Зру́бья — это от Пийриссаара на север, и тут вот на юг выйти. Идёт мелкая вода вот так от берега и — обрыв, пошло в глубину. Это вот называется зру́бье. Правильно — это «свал». А у нас между собой так, что

«ах, на се́верицком зру́бье» или «на тяпли́цком зру́бье». Вот так спросил-сказал, и другой знает, что, ага, я на се́верицком был, или я поеду на се́верицкое зру́бье, значит он пойдёт на тяпли́цкое зру́бье. Чтобы сетки в кучу не ло́жить <= в одном месте не ставить>. Кто где вздумал, там поставил.

Раньше, когда колхоз был, пийриссаарский колхоз, тогда вот на вясну́ дяли́лась уго́да: это значит место, где ставятся зако́лы, ну, сетки. Тогда вот на каждое звено дяли́лось, что сколько человек в звене: шесть или четыре, или три, или два. И на каждого человека вот столько сеток, значит, если шесть человек звено — это звено получало на каждого человека всё равно определённое расстояние. Если мы двое, значит мы на два только получали. А теперь!.. Раньше восемьдесят рыбаков было, а теперь. Ну, теперь тоже всё-таки десятка два, наверное, наберётся. А точно я и не считал, не знаю.

А я так, в основном, берегово́й рыбак, береговой матрос <смеется>. Выезжаю с напарником, тоже инвалид мужчина, он моложе меня, я с йим так. И полегче вдвоём, поудобнее, одному неудобно. Сделать и один сделаешь, а вдвоём всё-таки удобнее…

<*Что такое пересипы?*>

Пере́сипа — ага, правильно, вот и тут тоже… Зру́бья — это вот туда дальше, скажем, четыреста метров от берега тут. А вот от зру́бья <к берегу> — в нас тут пясо́к кругом везде — идут пере́сипы. Это вот так: песок — он не ровный, как доска, а вот именно вот таким горкам. Вот это и есть пере́сипы. И они расположены параллельно берегу. Волна это делает вот такие пере́сипы. Вот на севере там, то не одна <пересипа>, всё равно, там хоть короткое расстояние (с этой стороны с восточной здесь побольше расстояния, здесь по четыре так, наверное, будет), а на севере две <пересипы>. По одной пере́сипы нет нигде. Это природа сама всё строит.

<*Ветер как называют?*>

Оно так и есть, что север, юг, восток, запад. Ну, и промежуточные — северо-восток, северо-запад, юго-восток, юго-запад.

<*А мокрик, северик?*>

А это уже не наше поколение. Это вот раньше. Тогда был: север — он так и был север; от с этой стороны — стаче́нь, прибойный, прямо в берег идёт; если же идёт вдоль берега ветер — это долево́й; на юг — южный, тяпли́к и мокри́к. Мокри́к — это вот, юго-западный направления ветер, это ветер с моря, и он приносит дождь. Вот его мокрым-то <называют> — мокри́к потому. А южный — это тяпли́к, это тёплый ветер приходит, воз-

дух приносит тёплый. А север — он и есть север так. <На рыбу> это тоже влияет. В природы всё по-своему, по своим полочкам всё разложено.

<Лед весной> красиво идёт другой раз. Два года назад <случай был>: отошёл лёд, отнесло прочь. Сетки ставить: «Прогресс» на воду спустил, выбрали сетки, «Прогресс» на сушу выдернули, далече не вытаскивали. И вечером уже, темно уже было, обратно лёд как шурану́л, так мне с «Прогресса» стёкла как бритвой сняло. А сам «Прогресс» цел остался: две вмятинки было, а стёкла только срезало. Да это не первый раз. Засыпало <льдом> и моторы, и лодки.

Во льду весной — есть до́нница, <лёд,> по которому можно идти. Верхняя часть льда такая как мягкая, у нас называют — ши́листая, берёшь — она мягкая. А вот нижняя часть, вот она крепкий лёд. И вот по этому льду ходить можно. А еслив ши́листый полностью лёд, там идёшь-идёшь — вшух! Готов. Плаваешь. В основном тёмный лёд, ясный. А вот где снегово́й лёд — там долго до́нница держится. Снегово́му льду. Белый такой лёд. А чёрный лёд — это опасная вещь. Так что вот и переходят так: ага! где ближе следующая полянка этого белого льда, вот туда переходишь. Там прямо не идёшь, а пробираешься. И весной уже по одному на озеро не ходят. Несколько человек соберутся, на «Буранах» не ходят, только пешком идут. Рыбацкие санки с собой. (*Желачек, 2009*)

АЖ ДУША ВСЯ ПРЫГАЕТ, ШЧО КАК БЫ МНЕ ТОЛЬКО В ОЗЕРО ПОПАСТЬ

Л: Рыбаки сетку <ставят> — по-нашему тенёты. А зако́лы ставятся на якоря, на ко́льи, — это на одном месте стоят. Весной поставят, осенью перед ледоставом только убяру́т. А эти <тенёты> так, что вечером вы́метал — утром выбрал. В зако́лы там любая рыбина попадает.

<*Как рыбу из них вынимают?*>

Вот зако́л, у них бочки, ри́сец, — сетка, нашитая на обручи. Это шесть обручей там или восемь, между обруча́м саже́нь[1], что она вот так стоит и на якорь натянутая. Якорь отпускается, привязывается походня́, и вот оттуда помаленечку собирается ри́сец в лодку и вытря́хывают рыбу, которая набра́лась туда. Здесь в сетку она <рыба> просто идёт и запутается, а там

---

[1] Сажень — старинная русская мера длины, равная 2,134 метра.

<в рисцах> она не запутывается, она гуляет вот в этой бочке, как кум королю, зам министру!

<*Если закол на кольях ставят?*>

Колья служат как? Ведь так просто взять зако́л — он сядет на дно. Или пробки надо ставить. А ко́льи — это распо́ра, она держит верх на своей высоты, низ, естественно, внизу, а верх — это на какую воду хотят поставить какие, на такую и поставят <глубину>. Раньше ставили так, что верх шёл по самому верху, а теперь… Ну, раньше заколы все были хлопчатобумажные, это надо было через две недели тягать, просушивать и тогда опять ставить. А теперь-то капрон, его весной поста́вют, а осенью вы́тягают.

Сетки поха́живать — походня́ называется (поха́живать сетки — это смотреть сетки). <Походня — это> шнур, верёвка. Это походня́. Вот такие верёвки, что не только человека, есив один провалился, другой бросает кольцо, чтоб верёвка дальше летела, — так тут и лошадь вытащишь. Конец сетки крепится вот сюда, это как петля, одевается, и пошёл. Кольцо для того, чтобы сетка не зацепилась бы за лёд. Её прижимает так. Это зацепил сетку, вытащил, это под льдом остаётся. Одну сетку вытащил, другую прицепляешь. Эта с рыбой домой пойдёт, эту сетку сюда прицепил, другой тянет за этот конец — сетка подо льдом. Самый простой инструмент. (*Желачек, 2009*)

***

З: Я и зимой и у́дить хожу, я и сетки ставить хожу и. И всю вясну́ я… Еду <как-то> домой: погода тихая, лодок столько в озере, аж душа вся прыгает, шчо как бы мне только в озеро! Как только домой пришла, запас в ванны — аж загорелося, поехали! Люди едут мята́вши, а мы едем метать… Это страсть моя — озеро. А как вясно́й едешь — всё вот таки́ рубцы́[1] — расходятся. Пришёл как-то: «Не знаю, убирать, не убирать <сети>, там горазд рубе́ц такой. Как, шчо ты скажешь?» — «Никаких дел, поедем тую сеть выберем, вытянем вон, там тольки, может, доски возьмём. Где-то перескочим…» — «Да, може, утром поедем?» — «Никаких, давайте разворачиваться. Поехали выберем эту сетку вон и только». Выбрали и привяли, а там вси новые сетки поставлено. «И я с вам еду, выберем вон». Выбрали. Утром встали — там вода. Лёд отошёл. (*Межа, 2009*)

---

[1] Полынья.

С ДЕТСТВА Я УЖЕ ПОШЁЛ РЫБАЧИТЬ

Л: На день рыбака <гости> взяли заметнули пару сеток: «А ты, старый, разберёшь!» Ну, так вот разбираю. И другим рыбакам помогаю так, ремонт сетей делаю или новые сети, ну вот зако́лы в основном новые строю. В меня ведь всё это в руках, а йим время нет, за то что[1] работа есть работа.

С детства я — как родился, и есив я уже силёнки столько было, что я в лодку мог войти, я уже пошёл рыбачить. <Это> теперь получают дель[2], с чего сетки строют и заколы, — а раньше-то всё вручную вязали. Так что мне и вязать <пришлось>, я умею всё связать и всё сделать. Это вот мне с детства, мне не надо было учить. Отец делает так, и я рядом, ага, то же самое делаю. Только отец большой закол вяжет или делает, а мне да́но вот такой маленький. И вот так и научился. Ну, когда уже подрос, в четырнадцать лет я уже наравне с мужикам работал на озере.

И зимой одну или две вот таких сетки и я поставлю, и он <напарник> поставит. Коты и зимой есть хотят! Да и сам тоже. Ну, конечно, сам, так пошёл бы с удочкой. Сын, когда в отпуск приедет, так он с удочкой пойдёт, будет там за такого сидеть полдня. А я сетку просмотрю: десять-пятнадцать плоту́шек поймаю, да два-три окуня. Мне хватает, котам хватает на три-четыре дня. Поставлю две-три сетки, я в неделю два раза только хожу. Каждый день их не надо смотреть. Вот летом — тогда вечером поставишь, утром надо выбрать, иначе рыба дохнет в сетке. Вода тёплая, погоды тёплые. А зимой она — хоть две недели не ходи, она вся живая. Вода-то плюс два. (*Желачек, 2009*)

***

З: Зимой зако́л? А так: и зимой надо вырубить коры́то, и туда толкнуть, и походнёй подтянуть, вот и натянется, зако́л будет подо льдом. Его полностью всего туда толкаешь — все обручи. Пять обручей. Корытом называешь, первая широкое, большое корыто, затолкнёшь, а за ки́чку привязано. Походня́, колом туда протолкнёшь, и тогда этой походнёй натянешь, кол забьёшь, и стоит. И вытаскивать так само. Там возьмёшь ки́чку спустишь, в это корыто вытянешь яны́ и потом опять подтянешь. Ки́чка — где завязывается самое узкое место, где рыбу выпускаем. Не через о́дужья, а через ки́чку рыбу вон берут. На це́лу зиму <его ставят>, <когда> весной лёд на-

---

[1] Потому что.

[2] Полотнище сети.

чинает <таять>, шчо <пока> можно к нему подойтить, и вытащишь вон зако́л.

Сетки меняешь — ага, выбрал, приехал и выберешь, и другу сетку ставишь, а закол как поставишь с осени, как замёрзло только, можно подойтить, её ставишь на место и до самой вясны стоит, закол не меняешь. Летом так меняешь, что вот тёплая погода, — то травой обрастает, то закиснет такое в я́чах, хоть и моешь. Тогда поменяешь заколы летом, а зимой стоит, как поставят, так и стоит до вясны́. <Замерзнет>, это всё корыто надо вырубить. Покамест эти все обручи достанешь, вытрясешь, достанешь закол. (*Межа, 2009*)

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ: ЖИЗНЕННЫЕ АНЕКДОТЫ

Е: Эти жизненные анекдоты надо записывать! Теперь поставили вдвоём пьяные сети. Дети приехали, а они не вытаскивают, а жена нервничает: дорогие сети, сами строили. Пока эти два обормота выедут, сети кто-нибудь поймает и увезут. Ну, сколько они там могут стоять!

— Дети, съездите вы на озеро!

— Мать, ну как мы можем поехать на озеро, есив: поедь туда, возьми то, чего не знаю. Пусть отцы немножко протрезвеют, тогда.

Ну, отцы встали, протрезвели, сидят за столом:

— Не, дети, сегодня не поедем.

— Уже неделю мы живем: сегодня не поедем, завтра не поедем. Куда вы ставили? На Гребню́к, или на Костри́ще, или на Бычки́, или в перешейке Ку́рмы, или где? Говори, мы поедем.

А он говорит:

— Вы, главное, не волнуйтесь!

Выпил рюмочку:

— Я вам сечас точные при́меты[1] дам.

— Если ты помнишь, то скажи, мы найдем. Напроти вышки или как?

— Так. Едешь по канавы. С канавы выехал, там будет кол, а на колу чайка сидела.

— Это такая при́мета? Да там миллион кольев, миллион чаек сидит. Так что я к каждому должен подъезжать? Тогда мне легче взять боро́нку[2], бо-

[1] Ориентир, по которому можно найти место в озере.

[2] Приспособление для собирания сетей, лежащих на дне.

ро́нкой проскрести — все сети, что есть на озере выскрести и привезти тебе домой, чем по таким при́метам.

— Не, ты дослушай. Это еще не всё, что кол и на колу чайка. Остров был слева!

Ну, тот поехал. Так, если остров слева, мы едем с канала, нам надо поворачивать не на Желачек, нам надо в сторону Лааксаре поехать. Там только у Эвальта заколы, мы их обрулим и, может, найдём кол какой-нибудь с чайкой. Ну, выехали. Три раза объездили: остров слева и чайка на колу — никак не найти. Приехали, мать им:

— Куда вы-то пропали, вся душа изболелась: теперь они не едут, утонули!

Ну, знаешь, как мать всегда думает: утонули, что-то случилось.

— Мать, ну три раза проехали остров слева. И колы все объехали, и чайки сидят, и всё, но и близко нет отцовских сетей-то.

Он же знает, какие ключи, как что. Ладно, на третий день жена сказала:

— Ну, я сейчас возьму ведро с утра холодной воды, тебя протрезвлю и отправлю на озеро. А приедешь — вот это ведро, что было с водой, я тебе ведро водки поставлю, если сетки привезешь.

Ну, поехали. Один другому говорит:

— Слушай, я чё-то не помню, куда мы сети ставили. Может, ты помнишь?

— Ты будь спокоен! Я знаю: остров слева и кол недалеко.

Приехали. Ищут-ищут полдня — не найти. Как они пьяные там выметали? И уже обратно ехать, один и говорит:

— Что мы ищем?

— Кол.

— Да не, не кол надо искать. Мы же с тобой весло привязывали. Вон оно и есть!

Вот тебе кол, а на колу чайки! А у них не было сделано намёт[1], они взяли весло привязали. Это хорошо, что никто не взял это весло. Вот это всё жизненные анекдоты. (*Желачек, 2011*)

***

<*Диалог, в котором выясняют, сколько сейчас времени.*> **Е**:

— Мужик-то дома?

---

[1] Жердь, к которой крепится сеть и верхний конец которой (с опознавательным знаком) виден над водой.

— На́зере[1].

— Так что уе́хадчи делать-то: метать или выбирать?

— Да метать уехадчи.

— А, ну тагды вечер[2]. (*Желачек, 2009*)

КАК ОТЕЛИТСЯ КОРОВА, ТОГДА ЭТУ ТРОСТУ́ ДАВАЛИ

В: Вот я вам не могу сказать, в войну куда у нас делася корова. А когда мы после войны взаехали сюда, тогда волость давала коров. И вот с какого-то хутора нам дали корову. И мы звали её Астрой. Ну, она и молока давала! Хозяин — папа ходил за ней, и он <хозяин> сказал, что будете кормить и будет и молока, и всё. И действительно. И потомства было много в ней, мама всё выращивала телят. И потом в нас вокруг камыш — троста́, как мы называем. И вот весной зелёный тогда вот он такой, ещё молодой. Тогда на лодках сжимали серьпа́м, в нас и <сейчас> се́рьпы естя. И сушили, и вот как отелится корова, тогда эту тросту́ давали. И коровушка хорошо даёт молоко, и здоровье в ей. Троста́ така́ жирная, так очень хорошо. И потом, я помню, мама такую — божья трава — <давала>, вот она там где-то на берягу́ растёт. Так божьей травой мы и называли. Такая синенькая или как фиолетовая, низенька така́ травка. <Цветочки> синенькие. И вот эту травку мама заваривала, коровы давала после всего этого <= после того, как отелится>, ну восстанавливалася.

Это мы вот на Иван-день гадали — бога́тки ещё были таки́, такая трава есть, бога́тки. Но не всё время и не везде. Таки беленьки распускаются. И вот эта бога́тка — наберёшь, и утром <смотри́шь>: распустилася или нет — <исполнится ли> твоё желание. Она така́ кругленькая макушечка, кругленькая. Ну, конечно, стебелёк. Так я не могу описать, так вот бога́тки. Всё на Иванов день. Девять девяти́н пляли́ и бога́тка собирали. (*Межа, 2009*)

---

[1] На озере.

[2] Значит сейчас вечер.

И КОФИЙ ЗАВАРИВАЛИ ТЕЛЁНКУ

<*Как принимали ягнят и телят?*>

З: Ягняты почти сами <рождались>. Это редко <помогать приходилось>. Когда придёшь — ага, уже ягнёночек. Там это редко, когда где-нибудь смотрели. Ну, а коров принимали сами.

<*Трудно?*>

Ну, как хорошо-то идёт, так тогда ничего. Другой раз прибегут и, сам позовёшь соседку и, и часто и к соседке. Придёт, стукнет: «Иди, помогай. Никак не растелиться коровушке, наверное. Иди тож помогай». И тож ходила и соседке помогать. Не может — берёшь тогда за ножки, покажутся ножки только шчо эти, и тогда силой вытащишь телёнка. Головка прижата, и уже и хватаешь только, чтоб за ноги хватить, не опустить ноги. Тогда уже голову прижимаешь маленько и вырываешь. Хуже, когда идёт задом. Если идёт передними ножками, тогда легче и лучше.

<*Часто приходилось помогать или корова сама справлялась?*>

Нет, все караулят. Корову — то да. Это уже ждёшь — ага, срок, — до срока ещё спокойно спишь. А еслив срок подошёл, уже видишь по вымю и всё, и тогда в ночь несколько раз ходишь уже и смотришь, уже караулишь.

<*Как видно по вымени?*>

А сразу и молоко уже в сисечках показывается и, и вымя всё распирает. Говоришь: ну, теперь не долго, должна уже тяли́ться.

<*Когда телёнок появился, первое молоко нельзя пить?*>

Нет. Мы всегда вон выливали первое молоко. Когда берём, то никуда, никуда не брали. Первое вон. Второе тогда уже телёнку поишь.

<*Молоко от коровы только телёнку, или людям хватает?*>

Ну, какая корова. Бывает, та хорошая корова, так хватает и телёнку, и себе уже берёшь — хватает. Недели две поишь чистым молоком, а потом уже телёнку прибавляешь что-то туда — берёшь больше себе молока.

И кофий заваривали телёнку. Кофия наваришь такого слабенького и молока туды вольёшь, и поишь этим. Цикорий, такой и был слабый кофий, что делали. Потом и кашу варишь, туда разминаешь и даёшь пить. Пойло.

<*Сколько коров обычно было?*>

Больше двух и не держали. Это редко кто две: одную и не́тель там. Только вот в меня было что две коровы, нетель. Конечно, я вырастила и два быка — по году держала. На сдачу увезли, сдали. Ну, с ты́им тяжело. Ты́их на улицу и не вывозили. Вывозить их опасно: пошёл хозяин навоз вырывать, так он как прижал его — хорошо, шчо успел выскочить, и то в крови.

На сдачу увозили, так тряпкой его привязали, вот так глаза завязали, и тогда только везли, в лодку ставили. По́ три, по чаты́ре коровы ставили вот в этакий какуа́м[1], ставили и возили. Не перевярну́лся. И нетеле́й несколько летних, и маленьких. Вясно́й телится, к осени уже и этих увозили. По́лну лодку, эдак и мотор[2] набьют полный и увязу́т.

Кур тоже держали. Два раза, наверно, аль раз заводила и уток. Утки были завядёны, но я с йим не поладила, не стали дяржа́ть. А куры были, и петушки были такие, шчо здали́ бабки кричали: «Варвара, убирай, пяту́н на головы сидит!» (*Межа, 2009*)

ОДИН ПАСТУХ ПОСТАРШЕ, ПОГЛАВНЕЕ, А Я ПОДПА́СТЫРЬ, БЕГАЮ

З: Два стада <на острове> было. Вот здесь ведь в каждом доме одна то, две то коровы и не́тель было, столько домов. И на Жела́чке, а Жела́чек и То́ни — это второе стадо. Там пасли вот на том пастбище. Вот эта площадка вся бы́ла, и там, где их покосы, — там пасли. А нам вот <пастбище> здесь за канавой было, за этой за речкой. Мы здесь пасли своё стадо. Мы с желачки́м бы, с тоньски́м не были вместе. У нас своё стадо, у них своё. Здесь пастухи, и там пастухи были свои. Два пастуха всегда нанимали. Один пастух постарше, поглавнее, а я подпа́стырь, бегаю. И ён сидит на клочу́ <= на кочке> и кричит: «Ага, загоняй!» С утра и до вечера каждый день. Утром встаёшь, и в семь часов уже ждёшь возле станции вот там, возле рыбпункта. Бабки уже гонят <коров> за кладбище. Принимаешь и пасёшь целый день, до шасти́, до сями́ часов.

<*Днём доили?*>

Доили, бабки ходили туда все доить хозяйки. С подойником и идут все доить.

<*Когда весной пасти начинали?*>

В кого сколько корма. Другой раз другие долго: ага, сено ещё есть, а в меня уже сено кончается, так я их вперёд <= пораньше>, и на при́вязь куда-то привяжу, шчо корову надо кормить и сено кончается.

Покосы-то были такие маленькие, шчо разде́ленные: дяли́ли — сперва косили лошадям, ведь столько лошадей, чаты́рнадцать-пятнадцать лошадей

---

1 Промысловая моторная лодка.

2 Моторную лодку.

было, колхозный бык был (так от колхоза и дяржа́лась хозяйка одная — за йим ходила, её платили, коров водили к яму́). Сначала этим лошадям накосят от рыбаки, а остальную — тогда покосы шага́м вы́меряно и де́лют. Уйдут размерют, ветки поставят, номера поставят, и тогда скопля́ется весь остров, номера в шапку ки́нута: ну, тащи номер, какой тебе. И тогда уже говорят: «Ага, мне в Ку́рмы, мне в Ти́галахты, мне там на Го́лом берягу́ пожня досталася». Идёшь свою и косишь. Ну, а шчо ж, по́женка-то маленька, где кака́ трава удастся. Эти, где покосы, вот этаки клочья-то и идёшь, и там сбиваешь <= косишь>, делаешь и стоги́. И то домой водишь.

Всю тросту́ обжима́ли: эту тросту́ жали <серпом>, в лодках сырую <везли> — и вот вся улица застелена. Сушишь, ложишь в таку́ как скирду, сухая — на вярёх[1]. Беряго́в не было — всё <выкошено>, даже ездили и в У́хтину ездили, и в острова́, туда в Россию, там острова называются. И туда обжима́ли э́таку тросту́, и вот лодкам — не то, что теперь моторчик: дёрг, и на моторчике, — это всё в вёслах. А вот по этаким речкам — это теперь канава <такая широкая>, говорим, что вот наша речка выкопана, — а то узкие были. Так берёшь, на вёслах едешь, то какой-то парусо́к поставлено, вот с тросто́й и <едешь>.

И ракиту́ так водили на санках. А как подъезжаешь только в канаву, тогда выходишь: один сидит на кормы́, вясло́м рулит, а здесь вярёвка, и до самого дома и тянешь эту лодку. Идёшь по кряжу сам и тянешь эту лодку. Ой, походивши! <…> Коровушки са́мы знали <куда идти>, берягёшь[2]. Ну, были и такие, шчо и называли: ну, это блудна́я хозяйка, блудна́я и корова, и пошла. И яды́ мало, так яны́ как домой со стада выпустили, только шчо домой, — яны́ ходом под гору́. И уже ложишься спать, а яна́ ещё бегает, кричыт: «Манька, Манька! Иди домой». Тут уже спать <легли> — подоено и телёнок напоено, а яну́ ещё с тросты́ не вызвать вон. Яна́ ходит и по тросты́ шло́пает тама под горой. (*Межа, 2009*)

САМА ОВЕЦ СТРИГЛА, САМА И КАРЗИЛА, И ПРЯЛА САМА

З: Стригли́ шерсть <у овец> для себя. В меня бабка так всягда́ сама ка́рзила[3]. Таки́ ка́рзилки[1] были — и себе, и людя́м пря́ла, и вязали. Потом[2]

---

[1] На сеновал.

[2] Ждешь домой.

[3] Расчесывала шерсть чесалками.

шерсть увозили в Тарту, меняли на пряжу или там свитера, или там вязано что. А мясо са́мы ели — убивали <овец>, никуда никто не продавал, не водил. Для себя.

Ка́рзилки — это для расчёсывания. Таких две, и вот тогда сидишь, расши́пываешь сперва бабке эти… Я и сама после бабки — бабушка у́мерла — я и сама часто: сама овец стригла, сама и ка́рзила, и пряла сама и. <Сначала шерсть надо> помыть. В ванну намочишь и тогда мылом, или порошка какого туда и намоешь. Тогда сетка — сетку расстелешь, такую сделаешь, подвесишь. На эту сетку разложишь, ходишь потря́хываешь, и снизу воздух идёт и, и солнышко. Высушишь и тогда начинаешь. <Сетку вешали:> такие палочки и привязывали, яна́ растянется. И положишь: и стекает и вода и.

<Потом расчёсывали:> расчёсышь, тогда такие как ва́лички будут, и она так расчёсанная. И это сидишь — одно только ногой <прялку крутишь>, и пускаешь. <Потом> тонкая одная ниточка, а потом два клубочка в кучу и вместе <скручиваешь>, тогда двойная ниточка — яна́ потолше будет. Носки вязать иль что.

<*Как научились?*>

Бабушке помогали, смотрели, так и учились. <Вязали> носки, варежки, свитер. <Узоры делали:> две-три нитки брали, красили и смотрели в кого, от кого: ага, мне понравился, красивый рясу́ночек — дай мне свою варежку, я сниму и свяжу тогда. Так же само и кружава́ вязали <крючком>. Кружави́нку к простыни вязали. Или бы́ла мода что к наволочке тоже такие делали, вшивали.

<*Подзорником не называли кружева к простыни?*>

Нет мы всегда «кружави́нку» <говорили> — кружави́нку к простыни надо связать.

И сети вязали, и разбирали, и вязали. Да ведь всё делалося с лампой, света-то не было. От така́ семья большая, и в одной комнаты возле иконки — керосин-то тоже надо было достать откуда-то после войны. Так к иконке зажжёна лампадочка — вот этым освещалися.

---

1 Ср. эст. *kraas*(*id*) — карда ‘инструмент для чесания шерсти. В Западной Европе используется с XII в., эстонские крестьяне освоили их в XVII в. Две четырехугольные дощечки с ручками, одна сторона покрыта кожей, которая часто проткнута проволочными крючочками. После неоднократной протяжки шерсти между карзилами получали продолговатый валик кудели, который затем пряли’ [ERL 2007: 99–100]. Ср. также: **Карзилка** [удар.?]. Машина для битья шерсти. Новос.<ильский уезд> Тул.<ьской губернии> [СРНГ 13: 90].

2 Кроме того.

Делали: такая бы́ла, как патроны всё называли, — гильза, <из нее> святи́льна сделана и эта зажжёна, и с этой сидели. И лампа тоже — ну щчо там, пузырёк такой маленький, лампа! И с этым и училися, и вязали, и сетки разбирали, и сетки вязали и, така́ сямья — всё <делали>! Всё с этакой лампой. Обряжа́ться[1] пойдёшь, тогда какой-то фонарик. Тоже залито туда керосина, и с этым — подвесишь и доишь, и кормишь в ахлеве́. (*Межа, 2009*)

ДОРОГУ РАСЧИЩАТЬ ГОНЯЛИ

З: Вручную ходили <чистить>, еродро́м был — вот, кричат, сегодня выйти всем еродро́м чистить. Лопата взя́та — ну шчо это рыть. Был один такой же чума́к — до Мехикорма восемнадцать кило́метров дорогу для машины (не трактора́ <чистили>), и идут чистить, нас тоже выгоняли. До Мехикорма лопатам разделать, чтоб машина ишла бы. Я два раз вышла, но а какая обувь была! Чии́-то ке́рзовы сапожонки обуешь! Пока с одной с эстонкой на выход только до озера дошли, Господи, пя́ты — мозоли кровяные. Обратно вярну́лися. Нас как, на рыбпу́нте стоит: «Еби вашу мать, вы шчо вярну́лися!» Вот Полинар Иваныч, царство ему небесное, ён тепе́рь умерши, бригадиром ён был, на рыбпу́нте такой был. «Вярну́лися! Мы идём, хоть сапоги зимой в зубах няси́, у нас ноги в крови. Куда мы пойдём восемнадцать кило́метров!» А другие ходили, прямо до Мехикорма с лопатам расчистить. Озеро! Где ты озеро расчистишь! Я чи́шу, счас ветерок, это всё и занесло. Дорогу расчишать гоняли. (*Межа, 2009*)

МАТЫ ИЗ ТРОСТЫ

З: Тросту́, тросту́ жали: зимой троста́ — так вот возьмёшь лопату, один держит, а другой лопатой сбивает. Ты несёшь домой, нарубишь вот таки́им и сидишь, только под плиту <подкладываешь>.

Брали и на пункт, маты пляли́ тоже. Рыбу — к чаму́ брали? — рыбу здесь не паковали, ну уводить уводили мно-ого этаких, делали маты. Сидишь вечер и вяжешь: две-три положишь тростинки, завяжешь здесь, завяжешь — три этаких нитки да́но. И наплятёшь метр, наверное, вышины

---

[1] Доить скотину, кормить, убирать и т. п. в хлеву.

и метр ширины, вот таки́ маты пляли́ тоже. Целую зиму сидишь эти маты плятёшь. Копейки получали, а делали, а работали! (*Межа, 2009*)

ТИХАНИХА

Е: Они с мужем работали — кладбище убирали всегда. Такие добросовестные были. Получали, я не знаю, десять-двенадцать рублей в месяц. А листвы осенью было мно-ого! Налетит там — ну, сами проходите, видите. Сирени, деревья, всё. Вот каждое утро: мы в школу к девяти идём, а они уже убирают. Кто не поздоровается: «Ай-ай-ай, чему вас в школе учат!» А мы: «Здравствуйте!» — жела́ченские девчонки-мальчишки идём. «Вот хорошие, воспитанные детки, молодцы. Вас-то родители научили здороваться!»

<*Почему Тиханиха?*>

Мужа звали Тиха́н, а у нас очень многих по мужу зовут. Тиха́ниха. Ти́хон, а мы называли Тиха́н. (*Желачек, 2009*)

ВАРЕНЫЙ САХАР

<*Как сахар вареный делаете?*>

В: Бяру́ сахар — в меня доза два с половиной килограмма. Така кастрюля. В кастрюлю нельзя наливать, чтоб по́лна бы́ла. Всё же так, что она кипит, поднимается. И тогда хорошо, как сливки, — лучше, но на молоке можно и на воде можно, всё! А я лично кладу вот на сливок и одно яйцо. Яйцо я ложу, когда ещё песок <= сахар> сухой, и с песком так яичко. Тогда оно не заметно, вот оно с яйцом. И немножко какао. Какао или шоколадка есть, или что-то. Ну, чтоб цвет немножко такой был ба. И тогда варишь, мешаешь всё время. А то быстро побяжи́т! Он поднимается гораз. И огонь поменьше, газ, делаешь, и тогда варится он, я не знаю по часам, ну уж кастрюля начинает вокруг, где сахар, как сахари́ться вокруг, сахаром уже. И вот чем мешаешь, — я шумовкой мешаю, — уже вокруг этой шумовки как обрастает, как вот возьмёшь, и яна́ полностью <обросла>, а когда яна́ ещё не готов, тогда яна́ возьмёшь <и стекает> сразу. А эта уже как облипает.

И разливаю, в меня такие естя ско́вородки. Можно и на блюдечко. <Потом> на самовар — и отпа́рим. Ножом <поддеть, но сначала> отпа́ривать надо. Ой, в меня соседка с Таллинна, и она видеокамеру <приносит>: она меня всё снимает. Как я хле́бы мяшу́ — я растворя́ла <= делала тесто>, как я с печки достаю. А я-то не знала, что в ей включено было, и так

же само. Я ей говорю, что, ой, этот раз гладенькие такие <хлебы>. То бывает, что раскололися, потрескавши такие. А я не знаю, <почему,> температура, наверно. То побольше… Ведь вот хорошо, когда каждый день печка топится. Тогда она уже определенной там <температуры>, и тепло ещё. А как я <в> две недели раз топлю! Там уже и так… И хорошо, как берёзовы дрова. Это тёпло даёт, и всё такое. (*Межа, 2009*)

ЗА КЛЮКВОЙ В МОХ

<За клюквой ходили?>

Б: Да, люди ходили. Я-то не ходила. А так ходили в мох. А прошлый год там, говоря<т>, и ягод не было. Которы парень из год в год ходит, он прошлый год за осень сходил, и — что мать ево́на мне сказала? — литру аль пол-литра только набрал, нигде не нашёл. Вода большая весной была, и всё вымокло аль, иль, может, цвет смёрз, когда цвела. Не знаю, но в прошлом году не было на острове клюквы. А раньше-то ходили. Вон туда, где вы приезжаете в канавы-то, то вот туда, от <рыб>пункта вправо надо в мох идти по кло́чьям. Кло́чьи выросши таки́, вязко — надо не по гладкому <идти>. <Клюкву> себе набяру́т, а другие ещё продадут. Вот що парень-то, ён проходил всегда, каждый год, то ён продавал. И ён набярёт, любитель был, за клюквой ён ходил. А другие мало, кто купит там сколько-нибудь для себя, шчо клюквы было бы. Как ляка́рство. А топе́рь на продажу кто пойдёт! Все старые, ноги больные, и друго́ здоровье плохое. Нет сил. Это пока моло́дый да крепкий, можно ходить да собирать и продавать. Это как и мы были молодые: мы и через озеро в мох ездили туда брать клюквы. И продавали, и в Таллинн возили на базар. Но это всё ушло! Брусники у нас нет, только клюква. Вот через озеро, там, в тех мхах, земляника естя. А где брусника, то я и не знаю. В ру́сско время с Расеи приводили бабки бруснику сюда продать, а в нас нет мха брусничного. Да там и мох-то небольшой в нас. (*Межа, 2011*)

«ЛЕГКО СМОЛИТЬ ДА К СТЕНАМ СТАНОВИТЬ»

<А что это значит: «Легко смолить да к стенам становить»?>

Е: Это когда <кто-нибудь> стоит, рассусоливает с утра до вечера: от, легко, <смолить> да к стенам становить, а попробовал бы делать! Вот когда, например, дом строят, приходит и говорит: «Ой, не, Тимоша, ты тут неправильно делаешь!» — «Легко сусолить тут, когда не сам делаешь». Сам не делаешь, а со стороны кажется, вот я бы по-другому да и лучше сделал.

Смолят у нас заколы, раньше смолили, сети. Разводили смолу, на огонь ставили и вот так и делали. А мы, глупые, — ещё пока не просохли, их растягивали, ри́сечки[1], они смолу ещё давали, — а нам оденут нарядное платье перед Петровым днём, а мы так приложимся: играем-играем, толкнём друг друга, или сам забылся, покачаться <захотел> — как качели он же. Ри́сечек видели? Как он круглый — туда-сюда идёт. Приложился — клеточками. У меня сколько платий было так перепорчено!

А если на́ руки <смола попадет>... Вот купался-купался, прибежал в трусиках, прислонился — спина такая. А когда на солнце, смола начинает гореть же — домой прибежишь: «Ай, щипет, больно!» Мама: «Ай-ай-ай, опять грехово́нники бегают там возле смолы! Давайте ма́сельцем». И вот ма́сельцем старшие дети или она сама нам начинала, коровьим, а оно тогда сходило. И потом ваткой или тряпочкой оттирали нам тело: «Ну, теперь беги, купайся, смывай всё это!» (*Желачек, 2010*)

НИКАКОГО ДЕТСТВА МЫ НЕ ВИДЕЛИ

З: В нас семья большая бы́ла. В нас после войны двяна́дцать человек сямья́. В мамы было девять детей, десятый мёртвый. Бабушка и всех — так двенадцать человек. Все работали, вот и кормились. Корову дяржа́ли, борова. Овцы, куры были. Земельку дяржа́ли. Папа на озеро ездил.

Конечно, жизнь тяжёлая была. Не видели мы никакого детства. Никакого детства мы не видели. Какое это детство! Работа. Такая большая семья, и надо было всё работать. Ходили мы ко всем: где только могли, там и помогали, там и делали. И навозы рыли с ахлево́в, люди просили, и полоть ходили, и копать. Мы школу бросили вперёд время[2] — пошли грядки делать людя́м копать. Сотня в день. И на рыбпункте мы работали. Я пять классов кончила только. Некогда было и учиться. И в поле ходили. Одно лето ходила в Мерапалу, лето я здесь ходила в поле — стадо было коров, так пасла. Караулить надо <коров>: то в деревню идут, то куда на покосы уйдут. Мы вдвоём, стадо вдвоём <пасли> — может, сорок коров, пятьдесят. Плохо только овец было дяржа́ть всех. <смеется> Они глупые. (*Межа, 2009*)

---

1 Ри́сичек — большой закол.

2 Раньше времени.

КАК ДЕТИ ЗАРАБАТЫВАЛИ

Е: Ну, мы как зарабатывали <когда были детьми>. Бабка там попросит: «Дети, придите», надо обсадить ей огород. Ну, свекло́й там. Мы придём. Проро́щены такие свеко́лки. Ну, довольно много — ведь это по двенадцать соток было. Но нас мама всегда приучила: там не вздумай сфальшивить! Мы это корпи́м, по одной, по две. Целый день обсаживаем эти грядки. А наши двоюродные сёстры, те посидели немножко, потом, чтоб не видеть, ямку сделали, чашку высыпали, а потом быстро пробежали, так это показали, что посадили. Ну, вот. А когда всходить-то начнёт, наш-то участок растёт, а у них…

А тогда бабки говорят: «Вот эти-то хорошие девочки, они обсаживали, как в мамы научено, а вы-то. Ну, поса́дские, больше не приходите». Хулиганки — поса́дскими называли. А полоть ходили.

Нас тоже <учили>: с межу́грядка[1] возьми (заме́жек[2] называли и межу́грядок, вот долево́й[3], это где идёшь полешь) — оттуда земельки сыренькой, приклепи́, если свеколка <виднеется>. Ну, чтобы солнцем не опалило её. Вот так делали. У нас получается долго, а они раз-раз, быстро, свеклу́ опять вытаскали, которая есть, всё. Бабка придёт: «Ай-ай-ай! Вот антихристы! (Это тоже слово такое ругательское.) Я их попросила пополоть, показала, как сделать, а они взяли, да всё это и повытаскивали. Зато так быстро напололи. Не-ет, таких рабочих не хотим!» Ну, опять за нами идут. А мы много не наполем, потому что всё это аккуратненько, морковочку полоть, всё… Нас звали.

И платили за длинный день нам три рубля. Это казалось такие огромные деньги! А если бабуля Тиха́ниха (мы называли — как в То́ни входишь, маленький домик), так она и конфет, и лимонада принесёт: «Девочки, вы отдохните, вы же устали, рученьки-то ваши маленькие». А мы тогда ещё больше — знаете, стимул, похвалили да всё. Быстренько попьём, конфетку в рот и дальше полоть. А жарища! Придёт: «Идите покупайтесь!» Мы пойдём. А <другие> девчонки: там — тяп, там — тяп, и убежали! Ну, они взрослые уже были, а вроде как и напо́лоно. А там лук завален, там… Ну, не нравится така́ работа. А старенькие, делать нечего, опять зовут: «Вы-то девочки хорошие, идите вот здесь сверху полите, они-то пускай, хулиганки, пошли туда вниз». А всё равно, зарабатывали вот так.

---

1. Проход между грядками.
2. Заме́жек — земля вдоль самой крайней гряды огорода (параллельно грядкам).
3. Долево́й межу́грядок — межа, проход вдоль всего участка (перпендикулярно грядкам), находится между участками соседей.

На чём ещё можно было заработать? Лук обрезали. В двенадцать часов <ночи> — у нас свой движок был на Пийриссааре — Ио́лий даёт сигнал: раз, через пять минут второй, а на третий уже гасился свет. Принесут лампы. А кучи надо дорезать, кучи огромные на дворе были! Прямо под потолок — и человек десять резало нас, эту кучу за ночь среза́ли. А спать-то хочется, уже приходит такой момент. А и заработать хочется. Тоже там пять, три рубля давали. Кто как: кто побогаче — побольше. Яблок принесут в перерыве, покушаешь. Вот эту кучку чирик-чирик, тоже зарабатывали.

Папа у нас очень болел. Он контуженный был — инвалид отечественной войны. Так вот его пригласят к нам сюда, где мы работаем: «Ну, расскажи прибаутки». Он любил, сказки там нам сочинял сам. Сидит — оно как повеселей. «Ну, а теперь дети уже устали», — уже пальцы начнёшь резать да всё. Ну, конечно, усыпаешь. «Идите!», всё равно, два рубля дадут. Ой, на одной ноге <скачешь от радости>! А папа заболеет, в больницу попадёт… Вот так заработаем дома: тро́псик[1] купишь или что. А в результате получается, приходишь домой, а мама: «Дети, я потом богатая буду, я отдам. Дайте, вот надо сходить в магазин, вам тетрадочки купить, ножи, ну, такое вот, что необходимо». Карандаши нам, резинки стиральные… Заберёт денежки. А когда мы там получим!

Вот я вам рассказывала, как тро́псик я купила. Строго было с нами, <мама> проверяла всё. Не соврёшь. Тро́псик — это был сем(ь) копеек стоил, и десять таких кругленьких, как с копеечку такие, леденцы. Тро́псик купила помимо тетрадей, и сахар. А на развес же сахар был. Ну, иду домой, а сейчас одну <конфету>, вторую, и скушала, не заметила. Ну, дитё же!

Прихожу домой, мама говорит: «Что-то сахара поменьше. Доча, что-то у тебя неправильно. Карандаши не столько купила». Карандаш стоил — два карандаша копейка. «Наверно, дядя Урмас мне так дал, наверно. Может сахара меньше взвесил». Она говорит: «Ну, давай собирайся, пойдём». По дороге всё меня спрашивает: «Честно говоришь?» — «Честно». А душонка трясётся. Дошли уже до церькви православной. Я смотрю: мама-то не отступает, значит приду, опозоримся. Скоро в школу, и учителя там, народу много всё время в магазине крутилось. «Мам, не пойдём». — «А чего?» — «Да я тропс купила, скушала». Думаю, щас мне баню задаст! А она говорит так спокойно: «Иди, не убегай, иди сюда». Думаю, сейчас сожмёт руку. Нет, пришли домой, она ничего мне не сказала. Ну, только по

---

[1] Эст. *trops* — круглый плоский леденец; ср. нем. *Drop* — леденец, *eine Rolle Drops* — трубочка с леденцами.

дороге: «Ну разве так поступают? Семья большая, а ты скушала в одну… Они же тоже хотят. Хоть бы по одной принесла, и то уже лучше б было».

Ну, ладно. Сели кушать вечером. А нам посылку из Таллинна прислали: апельсины, мандарины, лимоны. Весна была — работы-то много было. А мама всё бросила, пошла со мной. Сидим: всем апельсин, а мне нет. Я стала плакать, а папа: «Мать, да дай ты ей мою долю». А мама: «Нет, всем — всем. А она скушала тропс, не подумала ни про кого. Вот пусть сидит без апельсина». Ой, я плачу. Старшая сестра мне долечку: «На!» А мама: «Сейчас и от тебя отберу, если так». Ой, на всю жизнь осталось: нельзя скушать. Семья значит семья, в семью надо всё нести. (*Желачек, 2010*)

КАК ДЕТИ РОДИТЕЛЯМ ПОМОГАЛИ

Е: Очень строго было. И проверяли нас ходили педагоги: во сколько спать ложимся, какой быт. А то некоторые дети тоже приходили и спали на уроках. А они не понимали это, почему дети спят: весна, рыбачат отцы, рыбачат и дети. На Бычку́[1] ставили зако́льчики маленькие — по́псики[2] сделано. Это ри́сичек — зако́л называется большой, а по́псики маленькие — там ребёнку щуки попадут, или что, ну, под силу чтоб ребёнку было. Растягивали так же само: и запи́ночки, и всё.

Вот отцы уедут на озеро, а дети на Бычо́к скорей до школы поха́живать[3]: кака́ у них там прибыль будет. И сдавать помогали родителям, и всё это — план выполнять. Там независимо — маленькая, крупная <рыба>, это теперь стало… Ну и устанешь же за две-то недели пока ловля, ну и засыпают на уроке. А они тогда ходят: вот ваши дети не высыпаются, по какой причине? А заставь-ка ты его поспать весной, когда азарт же с детства у детей был, у мальчишек. Редко кто не ходил. Не на рыбалку уезжали, на озеро, а в длинных сапогах ри́сечки <ставили>: половина под водой, рыба туда уже в ки́чку зайдёт, всё нормально! И такие довольные бегут уже. А ещё на пункт надо съездить, сдать её.

А мы, девчонки, по-другому были: мамы хря́пы принести. Хря́па — знаете, что такое? От свеклы ботва, от капусты, от моркови тоже ботва называлась хря́па. Корова кушала морковину <ботву>, а поросёнок не очень хотел. Он тоже перебо́рчивый. Он лучше морковочку! Крапивку горячей

---

1 Около мыса на юго-восточной оконечности озера.

2 По́псик — маленький закол. Ри́сичек — большой закол.

3 То есть проверять улов до начала уроков.

водой обдашь — это тоже. От дуба жёлудь — ой, это деликатес! О́сты[1] водили, рубили и солили даже в ящики. О́сты — которые как медузы <выглядят>. Вот доставали строго́й, которой щук кололи, — такая как вилка, три зубчика. (*Желачек, 2011*)

ДЕТИ, ГРЕХОВО́ННЫЕ, РАЗБА́ЛОВАЛИСЬ

Е: А раньше было там и тут <везде луковые полати>, поэтому и гво́здышки набитые: надо крепко было их крепить. «Дети, грехово́нные, разба́ловались, сейчас пола́тины обсы́пете!» Это колышки-то поставят, а мы крутимся вокруг них, она <мама> боится.

Мамы уходили в кино, а мы, дураки, собиралось почти полдеревни, и на полати ещё забирались. Когда она узнала! «Дети, то, что лук упадёт, что уборка будет, это я всё сделаю, а вас ведь может затряхнуть!» Задавить же луком может. «Как вы это не понимаете! Милые мои, я вас прошу!» Ушла мама — опять…

У меня, наверное, пять радио <сломано> — такие круглые у нас были, местное радио. Как они уйдут, у меня была страсть посмотреть, как это хор Пятницкого там умещается. Я знала, что их там много уже: у нашего дяди Андрея, у дядюшки нашего, было «Комбайн» телевизор[2], и я там увидела. Говорит: «Смотри, племяшка, это хор Пятницкого такой большой. Там, може, и двести, и триста человек». Ну, и я думаю: как это двести-триста человек может там в радио в одно уместиться? Я раскручиваю, а человечков не вижу. У меня такая досада: в этот раз не нашла, убежали! В следующий раз разберу. А папе утром надо сводку слушать — звеньевой, чьё звено первое вышло. Он: «Мать, опять электрик-то наш походил!» Я даже не понимала, что такое электрик.

И старшие-то так не уследят, потому что они играют, мне «Орлёнка» споют, чтоб я наплакалась и уснула. И до сих пор, если б я, наверно, услышала, то ком к горлу б подкатил. (*Желачек, 2011*)

---

1 Ост — телорез обыкновенный. «Растение телорез идет на корм скоту, преимущественно свиньям, — в рубленом виде с присыпкою иногда мукою». Пск., Кузнецов, 1912–1914 [СРНГ 24: 51].

2 Телевизор 1950–1960-х гг., оснащенный встроенным приемником и проигрывателем.

САНКИ И ЛЫЖИ

З: Мы всягда́ ходили <кататься> — вот там домик, и всегда там гора наша была. Как со школы <идем> — Ули́тина гора. А каки́ сумки-то были? От патрон ящики — вот это наши сумки были. Деревя́нные. Во время войны патроны дяржа́ли, такие узкие ящики закрывалися. Вот книжки туда да тятра́дки, и на этым ящике — со школы и на эту гору́, сядешь на этот «портфель» и едешь под гору́!

А там бабка эта Ули́та жи́ла и с дочкой, ей надоело: мы ведь там и дням, и ночам на этой горы. Принесём и воду, и поливаем эту гору — ну, пусть подмёрзнет, мы придём кататься. Приходим — в ей пе́пела насыпано. Ах, нам не приехать! Мы яну́ ругаем и ра́зно, и опять снова и снега бросаем, и опять водой смываем, шчо нам надо. А там как раз ещё был с горы, это кирпич складено-то — забо́й назывался. Чтоб вода не подмывала ба — такие булыжники накладено. Не раз и носы разбито, так в этакий забо́й как пустишь на санках или на чём… Вот и называли это Ули́тина гора.

<А где свои «портфели» брали?>

Война-то ишла, так оставляно в солдатах, найдёно, где оставлено, в каком доме. Вот и теперь портфели разные, а тогда не было. Какие… Разве мы видели лыжи, шчо кататься? Ага, бочка разваливается, вот мы, как саранча, на эту бочку налятим́ — старая, разбитая, обручи на́зень сваливши: вот эта досэ́чка — это лыж наш. Набьёшь: суда и суда ремешок, с горы только давай! Это наши лыжи были. Мазали тоже. И свечку унесёшь, и свечкой почистишь, и так чем-то подраишь, шчоб, ага, поскользее было ба.

<Только с горки на лыжах катались?>

И так ходили, говоря, едет-то не а<хти>, а всё доска под следо́м, так едешь!

<Кельки делали?>

Делали. Ке́льки — так вот так только прямо <без бортов>, были сде́ланы полозьи, всё; а дровя́нки — тогда ещё таким <с бортиками>, шчо больше положить. Водили сено или ракиту́, що топиться. Тогда делали шире, широкие такие — туда побольше воз накрутишь.

<Ракита́ — это просто ветки?>

Да-да, ходили собирали и вот этым всё время и топились. (*Межа, 2009*)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Kokkuvõtted

T. MURNIKOVA ELULOOST (1913–1989)

GALINA PONOMARJOVA, IRINA KÜLMOJA

Arhiiviallikatel tuginevas artiklis käsitletakse seni tundmatuid fakte Tartu murdeuurija Tatjana Murnikova eluloost. T. Murnikova oli sunnitud vaikima mõningatest oma eluloo tõikadest või esitama neid ebatäpselt, et mitte kaotada tööd Tartu ülikoolis Stalini ja Hruštšovi võimuloleku ajal. Arhiivimaterjalide põhjal selgub, et T. Murnikova oli seotud mitte niivõrd Nina külaga, kus ta oli sündinud, vaid rohkem Mustveega, kust olid pärit tema vanemad. T. Murnikova-Prussakova vanaisa oli salajase vanausuliste kooli õpetaja, milles õppis ka isa — Filaret Prussakov. Isa kohta on T. Murnikova oma nõukogudeaegses elulookirjelduses märkinud, et ta oli kalamees. Tegelikult oli ta tuntud vanausuliste avaliku elu tegelane, kes tsaari ajal töötas politseinikuna, 1920.–1930. aastail aga Balti manufaktuuris Tallinnas. F. Prussakov on isegi Riigikogusse kandideerinud.

Tartu ülikooli õpingute ajal on T. Prussakova kuulanud P. Arumaa ja B. Pravdini loenguid, osalenud P. Ariste murdeuurimise seminaris ning õppinud poola keelt J. Kaplinski käe all.

T. Prussakova tegevus pedagoogina sai alguse 1935. aastal, kuid mitte vene keele ja kirjanduse õpetamise, vaid usuõpetusega vanausuliste lastele ühes Tartu algkoolis. Hiljem Tartu ülikoolis töötades juhendas T. Murnikova Peipsi rannikul elavate vanausuliste murret käsitlevaid diplomitöid. Seda tegevust jätkas ta ka pärast tööle asumist vene kirjanduse kateedris. Viimane tema juhendatud töö kaitsti 1971. aastal. T. Murnikova õpilaseks ja murdeuurimise jätkajaks sai Helle Heiter, kes kaitses oma diplomitöö 1956. aastal T. Murnikova juhendamisel. 1970. aastal kaitses H. Heiter kandidaadidissertatsiooni. Juba 1968. aastast töötas ta vene keele kateedris ning juhendas murdeteemalisi üliõpilastöid. T. Murnikoval jäigi kandidaadidissertatsioon kaitsmata, kuna lähtudes oma põhimõtetest, ei sooritanud ta marksistlik-leninliku filosoofia eksamit. Nii eriala- kui ka saksa keele eksam olid sooritatud, samuti oli avaldatud piisaval arvul artikleid Eesti põlisvenelaste murrete kohta, et kandidaadidissertatsioon kaitsta.

Üheks olulisimaks T. Murnikova uurimisteemaks oli Piirissaar — selle murre ja toponüümika. Kogumikus republitseeritakse kaks tema artiklit, mis pole minetanud oma tähendust ka tänapäeval.

PIIRISSAARE MURRAK T. MURNIKOVA UURIMUSTES

OLGA ROVNOVA, DMITRI SAVINOV

Venemaa Teaduste Akadeemia V. Vinogradovi nimelise Vene Keele Instituudi (Moskva) murdeuurijate O. G. Rovnova ja D. M. Savinovi artiklis kommenteeritakse Tatjana Murnikova 1962. aasta tööd „Piirissaare vene murde kirjeldus“. T. F. Murnikova on esimene murdeuurija, kes on kirjeldanud Piirissaare murde foneetilisi, morfoloogilisi ja süntaktilisi eripärasusi. Tema artiklis olevaid andmeid vaadeldakse dialektoloogia tänapäeva arenguetapi seisukohast. Kaasatud on ka uut murdematerjali, mis oli kogutud Tartu ülikooli ja Venemaa TA vene keele Instituudi uurijate ühistel ekspeditsioonidel Piirissaarele ja vanausuliste asustusaladele Peipsi läänerannikul aastatel 2003–2012. Artiklis täpsustatakse oo-tamise (ookanje) iseloomu Piirissaare murdes, analüüsitakse nimisõnade soolise jagunemise eripärasusi, tegusõnade pööramist, kasutatakse terminoloogiat, mis on käibel tänapäeva dialektoloogias.

Autorid rõhutavad, et T. F. Murnikova töö säilitab oma aktuaalsuse ka praegu. Tema kogutud murdematerjal, samuti tänapäeva vene murrete uuringud Piirissaarel ja Peipsi järve läänerannikul veenavad selles, et saare ja maismaa murded omavad märkimisväärseid ühiseid tunnusjooni. Mõnede Piirissaare elanike murde eripäraks on gdovi (või polnovi) tüüpi mittetäielik ookanje ning tegusõna isikuliste vormide eripära, mis on tingitud Peipsi idarannikul asuvate Gdovi (Oudova) murrete mõjudest.

PIIRISSAARE VANAUSULISED 50 AASTAT TAGASI (Leningradi Ülikooli filoloogiateaduskonna murdeekspeditsioonide materjalide põhjal)

JELIZAVETA PURITSKAJA

Artiklis analüüsitakse Piirissaarel elavate vene vanausuliste keelt. Tähelepanekud on tehtud materjalide põhjal, mis on saadud Leningradi ülikooli filoloogiateaduskonna murdekogumise ekspeditsioonidel. Need toimusid 1960. aastal Peipsi-äärsetes rajoonides ning olid seotud sõnaraamatu «Псковский областной словарь с историческими данными» koostamisega. Seetõttu keskendutakse eelkõige murde leksikaalsetele iseärasustele.

Tänu nendele uurimustöödele on õnnestunud leida nii mõndagi huvitavat. Saarel elavate vanausuliste murdes on säilinud palju arhailisi jooni. 1960. aastal on ära märgitud lekseemid, mida tollel ajal Pihkva rajooni murrakutes kirjakeele mõjul enam ei kasutatud. Osa neist on kasutusel ka tänapäeval, ning olemas Eesti vanausuliste sõnaraamatus (*Паликова О. Н., Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008).

Ekspeditsioonidel tehtud salvestistes kajastuvad saare-vanausuliste eluvaldkonnad: kalapüük (paatide ja nende juurde kuuluva varustuse, samuti kalapüügivahendite nimetused); olme- ja majapidamisvaldkond; sotsiaalsed suhted; vähesel määral ka traditsioonilised arusaamad, usk, moraal ning rituaalid. Kõige olulisemaks osutus vanausuliste seas seisukoht, et nad on alati sellel saarel elanud (tagakiusamiste ajal nad ei põgenenud, vaid lihtsalt ei läinud kaasa Nikoni reformide ajal tehtud muudatustega liturgias ja rituaalides). See arusaam, mis ühendab vanausulisi ideeliselt ning võimaldab neil ajavoolus püsida, peegeldub ka nende keeles. Seda võib täheldada nii saare elanike sõnavaras kui ka sõnakasutuses. Saare ja kultuuri isoleeritus on võimaldanud seal elavatel vanausulistel säilitada oma keeles palju arhailisi jooni.

Artiklile on lisatud ka materjal, mis sisaldab 1960. aasta Leningradi ülikooli ekspeditsioonil kogutud sõnavara.

ÜLEMINEKUST RÕHUEELSELT OO-TAMISE VOKALISMILT AA-TAMISELE ÜHE PIIRISSAARE KEELEJUHI IDIOLEKTIS

DMITRI SAVINOV

On teada, et vanausuliste murdeid Eestis iseloomustab tugev (mitte dissimilatiivne) aa-tamine ja jaa-tamine, Peipsi idarannikul laialt levinud Gdovi (Oudova) murdeid iseloomustavad vokalismi ülemineku tüübid oo-tamiselt aa-tamisele: Gdovi ja Polnovo oo-tamine. T. F. Murnikova andmetel eksisteerisid Piirissaarel veel 1960. aastate alguses aa-tamine ja oo-tamine paralleelselt.

Piirissaare põlisasukate murde uurimine 2004. ja 2008. aastal ei toonud nähtavale ei Gdovi ega Polnovo tüüpi vokalismi. Kuid 2009. aastal avastas Tartu ülikooli ekspeditsioon ühel murdejuhil Anna Pavlovna Fokinal, kes on sündinud 1922. aastal Gdovi rajooni Kamennaja Straža külas, mittetäieliku oo-tamise jäljed.

T. Stroganova on kirjutanud, et Polnovo tüüpi vokalismiga murrete arengu määrab kindlaks dissimilatiivne printsiip. Kuid Gdovi ja Polnovo tüüpi rõhueelse vokalismi tekkimise ja arenemise põhjuseks ei saa olla dissimilatsioon, st kõnelejate püüd dissimileerida täishäälikuid. Uute suhete areng rõhulise ja 1. rõhueelse silbi vokaali vahel on sõna rütmilise struktuuri muutumise otseseks tagajärjeks. Prosoodilise tuuma eraldumisega ning selle vastandamisega kõigile teistele sõnas olevatele vokaalidele kaasnes kogu vokaalsüsteemi muutumine, vokaalide tugevuse ja intensiivsuse ümberjaotus sõna prosoodilise tuuma raames.

A. P. Fokina idiolekt demonstreerib võimalikku mittetäielikku Polnovo oo-tamise tüübi mehhanismi muutust tugeva aa-tamise tüübiks. Piirissaarel kogutud materjalid omavad samuti suurt tähtsust aa-tamise hilisemate protsesside mõistmisel vene murretes. T. F. Murnikova äramärgitud oo-tamine Piirissaarel, samuti A. P. Fokina kõnes, seob antud areaali Gdovi murderühmaga ning on pikemat aega toetunud tihedatele kontaktidele Piirissaare ja Gdovi ranniku elanike vahel.

KAHE PÕLVKONNA PIIRISSAARE MURRE

LARISSA LEISIÖ

Artiklis võrreldakse Piirissaare kahe põlvkonna elanike murrakut: 1913. aastal sündinud meesterahva ja 1932. aastal sündinud kahe naisterahva oma. Sissejuhatuses märgitakse, et vene murre saarel on sajandeid arenenud keelekontaktide tingimustes, alates kontaktidest muinaseestlastega ja Pihkva krivitšitega. Viimased kujunesid välja rahvusena osaliselt soome-ugri substraadi baasil. Saarel esinevat keelekontaktide tüüpi, samuti nagu ka kogu Peipsi-Lämmi-Pihkva järve ranniku oma, tuleb ilmselt pidada adstraadiks. Need on kontaktid kahe riigi piiri peal, mis haaravad pikka ajalooperioodi ning on kasulikud mõlemale poolele. Rida soome-ugri substraadiga seotud murdejooni võib toetuda analoogiatele ümbritsevas eesti keeles. Väiksem vene kirjakeele mõju kui vene territooriumil võib põhjustada enamat murdejoonte säilimist.

Uuring põhineb päevikul, video- ja audiolindistustel, mis on tehtud kahe välitööde hooaja jooksul Piirissaarel 2000. ja 2008. aastal. Vaadeldakse murdekeele foneetilisi, morfonoloogilisi, samuti semantilisi ja grammatilisi omadusi. Kahe esimese rühma, samuti morfoloogiliste omaduste võrdluseks on koostatud tabel. Vanima saare elaniku kõnes on murdejooned säilinud suhteliselt hästi, samas noorema põlvkonna naisterahvaste kõne on oluliselt muutunud murdejoonte kadumise suunas. Semantilis-grammatilistest nähtustest analüüsitakse detailselt nn põhjavene perfekti. Selle põhitähendusteks on resultatiiv ja eksperientsiaalne perfekt. Vaadeldakse konstruktsioone -(*в*)*ши* ja konstruktsioone *-но/-то* partitsiip-predikaadiga. Meesterahva kõnes on koopulaverb neis ühendatud nimetavas käändes objektiga (patsiensiga), samas kui *-но/-то* partitsiip on muutumatult kesksoo vormis. Artikli autor nõustub Lavine'i hüpoteesiga, et nimetatud konstruktsiooni võib pidada ergatiivseks.

HINNANGU TEKSTIMOODUSTAMISE FUNKTSIOONIST (Piirissaare elanike kõnes)

JELIZAVETA-KAARINA KOSTANDI

Artikkel jätkab autori eelnevaid töid, mis on pühendatud hinnangule eri tekstitüüpides ja kõnesituatsioonides (suuline kõne, meedia, memuaarid jt.). Uurimismaterjalina on kasutatud Piirissaare elanike suulisi jutustusi, mida on salvestanud TÜ vene keele õppetooli õppejõud. Vaadeldakse kõnes (suulistes tekstides) väljenduvaid hinnanguid. Nagu juba varem uuritud Peipsi läänerannikul elavate vanausuliste kõnet, iseloomustab ka analüüsitavat materjali suhteline neutraalsus, hinnangulise sõnavara „vaesus“ (hinnangulist sõnavara esineb suhteliselt harva, hinnangu väljendamiseks kasutatakse mitteverbaalseid vahendeid). Väärtushinnangu liikidest domineerivad nõndanimetatud üldhinnang ning normatiivne hinnang. Võrreldes Peipsi lääneranniku elanike kõnega, on siin regulaarsemad utilitaarsed ja hedonistlikud hinnangud, mis võivad olla Piirissaare karmimast eluviisist tingitud iseärasuseks. Viimane oletus nõuab siiski veel lisauuringuid.

Artikli põhieesmärk on hinnangu analüüs tekstimoodustajana. Juba esialgne tutvus materjaliga näitab hinnangulise komponendi erilist rolli teksti moodustamises. Materjali analüüsi põhjal tehakse kindlaks regulaarsemad hinnangu tekstimoodustusfunktsiooni väljendusviisid. Sageli ei ole hinnang „nähtav“ sõna või lause raamides, vaid ilmneb alles tekstis ja diskursuses. Samuti on hinnangu väljendamise jaoks olulised kontekst, mitteverbaalsed vahendid ja kommunikatsiooni tingimused. Hinnangu olemasoluga on seotud teksti struktureerimine ja teksti deskriptiivne jätk, mis sisaldab hinnangu motiveeringut. Modaalsusega seotud hinnang võib samuti nõuda teksti deskriptiivset osa, mis võib kujuneda iseseisvaks minitekstiks. Küllalt tihti lõpetab hinnang teksti või selle osa, osaledes seega teksti liigendamises või struktureerimises.

PIIRISSAARE PÕLISELANIKE TÖÖTEGEVUS: LINGVISTILINE JA KULTUROLOOGILINE ASPEKT

VALENTINA ŠTŠADNEVA, OKSANA PALIKOVA

Artiklis jätkatakse autorite varem alustatud teema uurimist ning vaadeldakse töötegevuse peegeldumist Piirissaarel tehtud kõnesalvestustes. Analüüsitakse peamiselt viimase aastakümnendi jooksul kogutud murdematerjale. Keelematerjali kirjeldamisel arvestati järgmisi aspekte: 1. saare elanike tüüpiline majandustegevus ning selle järkjärguline hääbumine; 2. konkreetse töötegevuse tunnusjooned; 3. inimeste käitumisviisid olenevalt nende suhtumisest töösse.

Valdav osa saare elanikest on vanausulised, seega on töötegevusse suhtumise eripära analüüsimisel tähtis arvestada just vanausuliste tööeetikaga. *Tööks* vanausuliste sotsiaal-religioosses maailmapildis on nii usin Jumala teenimine kui ka igapäevane töötegevus. Keeletekstid tõendavad, et vanausulised suhtuvad oma kohustustesse vastutustundega. Usuväärtuste kadumist ning koos nendega ka tahtmatust töötada peetakse degeneratsiooni ja identiteedi hävimise tundemärgiks.

Töö mõiste avaldub Piirissaare elanike murraku sõnavaras, fraseoloogias, vanasõnades ning ebausus. Need keeleühikud realiseeruvad artiklis esitatud eri teemades: kalapüük, aiandus, loomakasvatus, käsitöö, elamu jne.

Huvitava näitena võib siin tuua kalapüügiga seotud omapärase meteoroloogilise murdeleksika. Nt Piirissaare murrakus on esitatud tuulte eri nimetused (*зимня́к, мокри́к, полу́денник, стаче́нь, се́вер, се́верик, тепли́к*) ja sõnaühendid. Nt väljendit *пого́да расстрада́лась* kasutatakse tuulise, halva ilma nimetamiseks. Samas on leitud vene kirjakeeles eksisteeriva fraseologismi *ждать у моря погоды* (= mere juures ilma ootama 'käed rüpes istuma ja ootama') murdevariant: *ждать у моря пове́терья* (= mere juures pärituult ootama; väljendis on kasutatud murdesõna *пове́терье,* millele vene kirjakeeles vastab sõnaühend *попутный ветер*). Kui kirjakeelses variandis realiseerub abstraktne tähendus 'tegevuseta olema', siis murdeväljendit kasutatakse logelevate kalurite iseloomustamiseks:

> *Жди у моря пове́терья. Это* <жди> *хорошей-хорошей погоды. А рыбаки, например, сидят и ждут: северный ветер пойдёт, будет нава́лье* <= большой улов>. *А если другой, то нет. Так вот говорят: «Сиди-сиди, не лови рыбу, жди у моря ветра». А ведь можно просидеть всё лето и весну — когда какой год.* ЖЛЧК, 2010.

(*Oota mere ääres pärituult. See tähendab*: *oota head ilma. Kalurid, näiteks, istuvad ja ootavad*: *põhjatuul toob suurt saaki. Kui aga mingi teine <tuul>, siis mitte. Siis öeldakse*: *„Istu-istu, ära püüa kala, oota pärituult mere ääres“. Kuid nii võib ju kogu suve ja kevade istuda — aastast sõltuvalt.* Želatšek / Saareküla, 2010.)

Murdematerjal näitab ka tihedat seost elanikkonna töötegevuse ja geograafilise sõnavara vahel. Nt peale külade nimetuste, mis on seotud saarlaste traditsiooniliste tööliikidega, on murrakus esitatud detailne järvepõhja, järvekalda ning jääkattega seotud leksika, nt: *гри́ва* 'sügav koht järvel, kus on tavaliselt palju kala', *сувóи* 'jääkattekurrud', *рубéц* 'jääkatte lahvandus' jne. Samuti on Piirissaare murrakus olemas ka üksikasjalik saarepinda kirjeldav sõnavara, mida saab seletada saare madala tasemega mereveepinnast (suurem osa maapinnast on soostunud) ning heinamaa vähesusega — kunagi oli saarel kaks viiekümnelist lehmakarja.

Artiklis on toodud hulgaliselt (üle kuuekümne) tekste, milles on esitatud saarlaste töötegevustega seotud sõnavara ning selles väljenduvaid hoiakuid. Kokkuvõttes annab see tegevuste ajaloolise lühiülevaate ning ettekujutuse Piirissaare elanike suhtumisest töösse.

ENNUSTAMINE JA TALSIPÜHADEAEGNE TEMBUTAMINE EESTI VANAUSULISTE JUTUSTUSTES

ANŽELIKA ŠTEINGOLDE, SVETLANA JEVSTRATOVA

Ennustamine, maskide kandmine ja tembutamine olid iseloomulikud vene küla noorte traditsioonilisele käitumisele kalendri pööriaegadel veel 19. sajandi lõpus kuni 20. sajandi alguseni. Kõigist neist rituaalsetest käitumisviisidest säilisid Eesti vanausulistel 1940.–1950. aastateks vaid ennustamine ja tembutamine.

Käesolevas artiklis on ära toodud katkendid vestlustest Peipsi läänekalda vanausulistega. Teema osas on piirdutud ennustamisega (esmalt kirjeldatakse talvist, seejärel suvist ennustamist). Lisatud on ka helimaterjalide litereeritud tekstid TÜ vene keele murdearhiivist (2003–2012), salvestatud nii Peipsi järve läänekaldal kui ka Piirissaarel.

Võib eeldada, et maskide kandmist mõistis tõsiusklik Eesti vanausuline hukka, seetõttu on maskeerumine eksisteerinud siin alati varjatud kujul. On raske öelda, kas kohalikul talsipühadeaegsel maskide kandmisel on üldslaavi päritolu või on see tekkinud soome-ugri mõjutustel. Andmeid maskeerumise kohta peaaegu ei leidu. Küllaltki levinud oli komme käia maskeerituna jõulusandiks, sel viisil on maskide kandmine ja jõulusandiks käimine omavahel tihedalt seotud. Kristluse mõju jõulusandiks käimisele on ilmne.

Peipsiäärsete külade vanade elanike jutustustes on suur osa ennustamise teemal. Tõenäoliselt toimus 20. sajandi 1940. aastate alguseks kunagi olulist sotsiokultuurset rolli mänginud maagilise tähendusega ennustamispraktika hääbumine. Vanausulistest ideoloogide suhtumine ennustamisse oli ilmselt positiivsem kui maskide kandmisesse. Ennustamise puhul ei tundunud eksimine usu vastu neile väga tõsisena. Peipsi läänekaldal on ülekaalus abiellumisega seotud ennustused. Ühtegi saagikusega seotud ennustust ei ole fikseeritud. Salvestatud on üks ennustus karikakraga, mis on seotud jaanipäevaga. Piirissaarel on fikseeritud ennustus taimega *Euphrasia officinalis* (*harilik silmarohi, silmalill*), kus õidepuhkenud taim seostus elu, abielu, rikkusega ja mitteõitsev surma, üksinduse ja puudusega. See ennustus kordab täielikult Pihkvamaa traditsiooni ning sellele lähedast eesti-setu oma.

Vanema põlvkonna inimestele on seniajani teada nn tembutamised, sellised talvised vallatused nagu saani vedamine kuuri katusele, eeskoja ülevalamine veega, puuriida laialiloopimine jms.

Käesolevaks ajaks on eespool loetletud kombed muutunud igandiks, ning seetõttu on eriti oluline need Eesti vanausuliste jutustustes fikseerida.

PIIRISSAARE ELANIKE ARUSAAMAD SAARE GEOGRAAFIAST NENDE SÕNAVARAS JA RAHVALUULES

OKSANA PALIKOVA

Geograafiaalane murdesõnavara on väga huvitav uurimisala, kuna selles peegeldub rahva ettekujutus ümbritsevast ruumist ning kaudselt sisaldab see infot ka paiga ajaloo ning elanike eluolu ja tööharjumuste kohta. Piirissaare murraku geograafiasõnavara (nii koha- kui ka üldnimed) võib tingimisi jaotada kolmeks teemaks: saar *vs* mannermaa; saar *vs* järv; saar „seestpoolt vaadatuna".

1. S a a r *vs* m a i s m a a. Siia kuuluvad mandriosa ja selle elanikke nimetavad murdesõnad, nt: *сушá, суходóл* 'maismaa'; *зарубéж* 'Peipsi lääneranniku maismaakülad'; *пóбережь / пóбережь зарубéжская*' Peipsi lääneranniku maismaakülade elanikud'. Leidub ka tšastuškasid, milles tuuakse ära mandri ja saare vastandus (vt lk 190).

2. S a a r *vs* j ä r v. Kuna saar on veega ümbritsetud, peegeldub see loomulikult elanike sõnavaras: on olemas suur hulk lekseeme, mis nimetavad järve põhjareljeefi, kaldajoont, tuule suunda ning järve jääkatte reljeefi. Kõik need nähtused on tähtsad saare elanikele kalapüügi ja talvetee seisukohalt. Saare skeemil on esitatud muu hulgas ka murdekeelne tuuleroos (lk 169).

3. S a a r „seestpoolt vaadatuna". Saare murrakus on üksikasjalik saare pinda kirjeldav sõnavara, mis on tingitud madala ja soostunud pinna olemasolust. Kuna saarel peeti kunagi palju lehmi, eksisteerivad siin heinamaade nimetused, samuti on murrakus sagedased sõnad, mis nimetavad kõrgendikke: *горýшка, сугóрок, сугóрочек* 'küngas'. Samu sõnu kasutatakse ka fraseologismis *сидеть на горýшке / сугóрочке*, mis väljendab 'tegevuseta olemist, puhkamist'.

Artiklis esitatud ning analüüsitud keeleandmed Piirissaare geograafia kohta olid kogutud peamiselt murderetkedel (aastail 2004–2012); keelematerjali täiendamiseks kasutati ka kirjalikke allikaid (nende loetelu vt lk 167). Kogutud materjali põhjal on koostatud saare tinglik maakaart (lk 169) ja „Piirissaare geograafiline sõnastik" (lk 170–193). Sõnastiku esimene osa sisaldab 97 sõnapesa, teises osas on rahvaluules esinenud geograafilised ettekujutused.

PIIRISSAARE VANAUSULISTE ONOMASTIKAST

TATJANA ŠOR

Traditsioonilise antroponüümilise süsteemi tekkimise ja muutumise protsessi uurimisel on aktuaalne venekeelsete perekonnanimede tekkimise ja funktsioneerimise ajalooline diskursus võõrkeelses keskkonnas. Perekonnanimed on väga oluline kultuurinähtus Peipsiäärsete vanausuliste elu-olu uurimise kontekstis. Artiklis esitatakse arhiivimaterjalide põhjal Piirissaare vanausuliste perekonnanimede spekter aastatel 1811–1926.

Kastre mõisa, sealhulgas Piirissaare vanausuliste hingerevisjoni- ja perekonnanimekirjad Eesti Ajalooarhiivis annavad materjali vene vanausuliste eesnimede foneetilise ja ortograafilise vormistuse erisuste analüüsiks. 1811. aastal Kastre mõisas toimunud hingerevisjoni järgi on võimalik tuvastada Piirissaare vene elanikkonna koosseis, samuti ka eelmise, 1795. aasta hingerevisjoni koosseis. Nimed, isanimed ja mõnikord ka hüüdnimed fikseeritakse saksa keele foneetilises vormis. See hingerevisjon näitab, et 19. sajandi alguses puudusid Piirisaarel eesti ja vene talupoegadel juriidilised perekonnanimed.

1820. ning 1828. aastal koostati Tartu sillakohtus Piirissaare vanausuliste perekonnanimekiri, kus on näidatud peremehe nimi, isanimi, perekonna koosseis, vanus, seisus ja perekonnaseis.

Esimesed perekonnanimed ja vene nimega talud dokumenteeriti Piirissaarel 8. hingerevisjoni käigus, mis toimus 15. märtsil 1834.

19. sajandi lõpus on Kastre mõisa Piirissaare plaan-kaardile märgitud 47 objekti, mille omanikud olid venelased. 1907. aastal registreeriti Kastre vallavalitsuses vanausuliste perekondi vene keeles. Kirjas oli 650 inimest, sealhulgas 128 eesti ja vene perekonda.

Ajalooarhiivi fondis „Piirissaare vanausuliste kogudus" on Piirissaare Želatška (Saare) küla vanausuliste meetrikaraamatud, nende alusel saab tuvastada saare vanausuliste perekonnanimesid ajavahemikus 1916–1926.

ÕIGEUSULISED JA VANAUSULISED PIIRISSAAREL

JAANUS PLAAT

Artiklis käsitletakse vene õigeusu kiriku ja vene vanausuliste koguduste ning nende sakraalehitiste ajalugu Piirissaarel Peipsi järvel alates 14. sajandist kuni tänapäevani. Artikli esimeses osas antakse ülevaade õigeusu ajaloost kogu Eestis alates 11. sajandist ja vanausuliste ajaloost alates nende jõudmisest praeguse Eesti territooriumile 16. sajandi lõpul, seejärel keskendutakse peamiselt vene asustusega Piirissaare usuelule.

Enne praeguseni püsiva õigeusu kiriku ehitust on Piirissaarel olnud peale vanausuliste palvemajade mitu õigeusu kirikut. Piirissaare kolmest külast (Piiri, Tooni ja Saare) mainitakse Saare küla 1370. aastal ning hiljem ka kirikut, mille hävitas Liivi Ordu vägi. Seejärel kirik taastati ja püsis kuni Põhjasõjani. Uus kirik ehitati kolm km Piirissaarest eemal olevale Ozalitsi saarele, kus see hävis, kui saar jäi vee alla. Pärast seda Piirissaarel oma õigeusukogudust polnud, kuid oli puust kabel Tooni külas. Selle kabeli võtsid oma kasutusse ilmselt 18. sajandil saarele asunud vene vanausulised, kelle kogudusega liitusid ka kõik saare õigeusklikud ja vähesed eestlastest luterlased. Esimesed arhiivimaterjalid Piirissaare vanausuliste palvemajast Piiri külas on aastast 1802. Aastaks 1833 elas Piirissaarel kokku 337 vanausulist.

Nikolai I aegsed rängad repressioonid vanausuliste vastu jõudsid 1830.–1850. aastatel ka Piirissaarele. Paljud sunniti siirduma õigeusku. 1854. aastal moodustati Piirissaarel õigeusu kogudus, kuhu hakkasid peale Piiri, Saare ja Tooni külade kuuluma ka mandril asuvate Meerapalu ja Pedäspää küla inimesed. 1860. aastatel, mil hakkas taas tegutsema vanausuliste palvemaja Piiri külas, naasid paljud vanausuliste kogudusse.

Õigeusu kirik seati 1854. aastal sisse Tooni küla vanausuliste puupalvelas, mis pühitseti 1858. aastal Kristuse Sündimise kirikuks. Kirik põles 1921. aastal ning selle asukohta Tooni külas annetustest ehitatud uus kirik pühitseti apostlite Peetruse ja Pauluse auks 1929. aastal. Omapärase arhitektuuriga ruudukujulisel Pihkva stiilist inspireeritud kivikirikul on sibulkupliga haritorn ja kahele kellale mõeldud kellamüür läänes asuva eeskoja küljes. Piirissaare õigeusu koguduse kool tegutses 1854–1917 ja abikool Pedäspääl 1889–1917. Piirissaare õigeusu koguduse liikmeid oli 1890. aastal 149, 1927. aastal 75 ja 1939. aastal 12. Koguduse esimene eestlasest ja ühtlasi viimane oma preester oli Aleksander Leets (1921–1923), edasi teenisid asendajavaimulikud kuni 1964. aastani, mil kogudus suleti. Piirissaare 12-liikmeline õigeusu kogudus nõustus ise sulgemisega, seda ilmselt 1963. aastal neljakordselt suurenenud maksukoormuse tõttu.

Vanausulised olid Piirissaarel pärast rängimate repressioonide vaibumist alates 1860. aastatest saare usuelus taas valitsevas seisundis. Eesti Vabariigi ajal elas saarel umbes 1200 inimest, neist ligi veerandi moodustasid eestlased, ülejäänud olid venelased, kes olid valdavalt vanausulised. Saarel oli kaks vanausuliste palvemaja. Piiri küla koguduses oli 1930. aastal 354 ja Saare küla koguduses 460 liiget. Teise maailmasõja ajal põles Piiri küla palvemaja maha. 1945. aastal registreeriti vaid Saare küla vanausuliste kogudus, mis tegutseb oma palvemajas tänini.